

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

TRANSACTIONS OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM
XCIV

**MATERIALS AND RESEARCHES
OF THE NUMISMATICS DEPARTMENT**

*Proceedings of the Conference
'Sphragistics, Numismatics, Heraldry
in the Medieval Crimea'*

St Petersburg
The State Hermitage Publishers
2018

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
XCIV

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ОТДЕЛА НУМИЗМАТИКИ**

*По материалам конференции
«Сфрагистика, нумизматика, геральдика
средневекового Крыма»*

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2018

УДК 930.1/2(006.9)
ББК (Т)63.2
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Редакционная коллегия:
В. В. Гурулева (отв. редактор), Вяч. С. Кулешов,
Е. А. Яровая

Т78 **Труды** Государственного Эрмитажа : [Т.] 94 : Материалы и исследования Отдела нумизматики : По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма» / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. – 260 с. : ил.

ISBN 978-5-93572-782-6

Основу сборника составляют доклады, прочитанные на научной конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма», которая проходила в Государственном Эрмитаже в сентябре 2011 г. Конференция подвела итоги работы по одноименному совместному проекту сотрудников Государственного Эрмитажа и представителей научных учреждений Крыма (Национальный заповедник «Херсонес Таврический» и Институт востоковедения РАНУ). Тематика статей отражает современное состояние научных знаний в области сфрагистики, нумизматики, геральдики Крыма периода Средневековья. Сборник предназначен для историков, коллекционеров, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма.

УДК 930.1/2(006.9)
ББК (Т)63.2

На обложке:

Гроссо. Генуэзская республика времени правления дожа Симоне Бокканегро (1356–1363). Серебро, чеканка. Лицевая сторона с изображением генуэзских врат – говорящего символа Генуи.
Государственный Эрмитаж

ISBN 978-5-93572-782-6

- © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018
- © ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник „Херсонес Таврический“», Севастополь, 2018
- © Центральный музей Тавриды, Симферополь, 2018
- © Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, 2018
- © Государственный исторический музей, Москва, 2018
- © Таманский музейный комплекс, 2018
- © Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, 2018

ВВЕДЕНИЕ

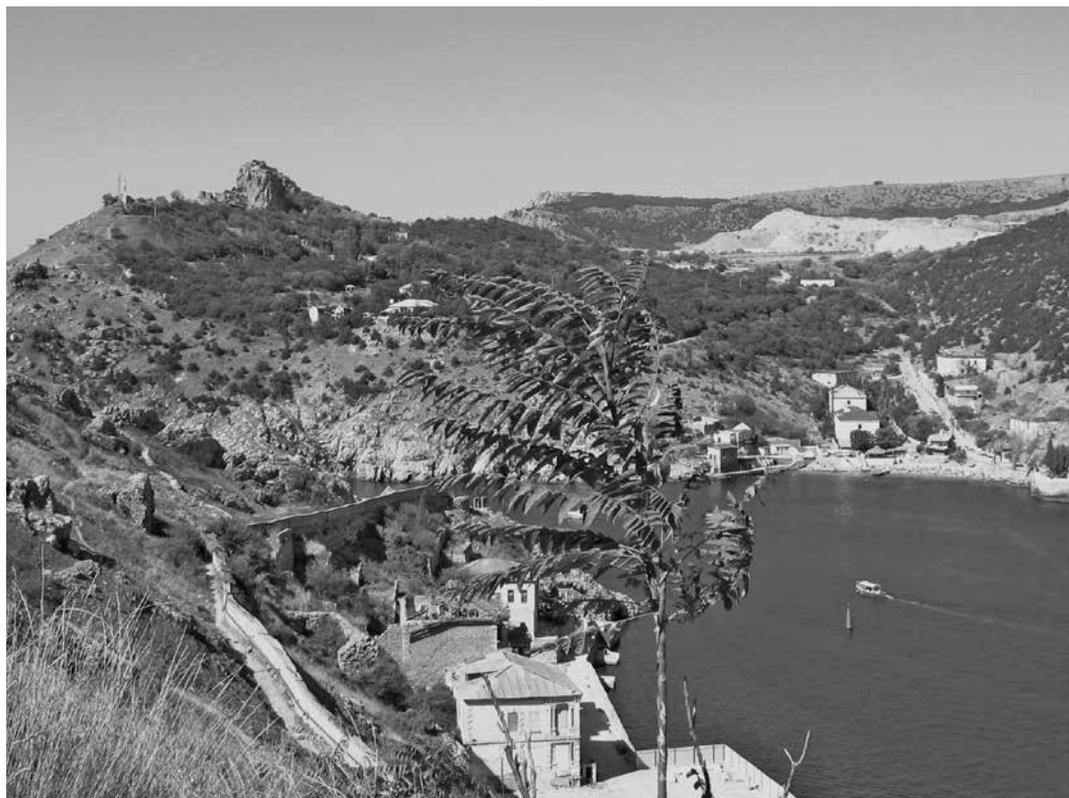
Предлагаемый вашему вниманию сборник статей базируется в основном на материалах научной конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма», проводившейся в Государственном Эрмитаже осенью 2011 г. В свою очередь, конференция подвела итоги работы одноименного совместного проекта исследователей из Эрмитажа и Крыма, который финансировался с 2005 по 2007 г. из средств гранта РФФИ-НАНУ (проект № 05-01-91112а/Ук).

В исследовательскую группу входили научные сотрудники из Отдела нумизматики и Отдела Востока Эрмитажа, а с крымской стороны – из Института востоковедения НАНУ и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (в настоящее время – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»). Немаловажным обстоятельством, повлиявшим на создание проекта, стало пристальное внимание зарубежных ученых из США, Италии, Польши, которые в конце 1990-х гг. получили разрешение на проведение археологических раскопок в Крыму (особенно в Херсонесе) и на работу в музеях и архивах.

В рамках проекта впервые было предпринято комплексное изучение памятников сфрагистики, нумизматики и геральдики средневекового Крыма, помогающее пролить свет, с одной стороны, на вопросы общенсторического характера, с другой – на частные вопросы специфики развития сферы монетного обращения и административно-политического устройства региона. В число конкретных задач, которые были решены в ходе работы, входило создание электронных баз данных – как уже введенных в научный оборот, так и неизданных памятников сфрагистики, нумизматики и геральдики средневекового Крыма из российских, крымских и украинских музеев, а также из частных коллекций.

Преимущество электронных баз данных перед традиционными публикациями материала, состоящее в том, что они являются гибкими системами и дают возможность постоянно дополнять их новыми находками и уточнять прежние данные, позволило продолжать пополнение данных и после окончания срока работы по совместному проекту. Базы данных стали основой для создания предварительных топографий находок монет, печатей, памятников геральдики, анализ которых продолжается и поныне. За время, прошедшее после проведения конференции, появились новые находки, уточнились, а в чем-то и изменились прежние воззрения на те или иные историко-культурные процессы, происходившие в средневековом Крыму, что нашло отражение в публикуемых в сборнике статьях и материалах.

С глубокой скорбью мы должны поместить в траурные рамки имена и фамилии наших коллег, которые ушли из жизни за то время, пока сборник дожидался своей очереди для его издания. Наш московский друг и коллега Андрей Леонидович Пономарев

Балаклава. Фотография В. В. Гурулевой

(23 ноября 1957 – 2 октября 2014) передал свою статью о денежном чекане Каффы в 1420–1475 гг. буквально за месяц до своего внезапного трагического ухода. А в самом начале 2017 г. мы простились с Валентиной Самуиловной Шандровской (19 августа 1922 – 29 января 2017) – подлинной эрмитажницей, признанным специалистом по византийским печатям.

Публикуемые в сборнике статьи российских участников совместного проекта «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма» являются итоговыми обзорами основных проблем, с которыми сталкиваются исследователи крымских памятников. Е. В. Степанова, начав с краткого историографического обзора исследований византийских печатей в Крыму, сосредоточилась на анализе сфрагистического материала, который имеет исключительное значение для понимания средневековой истории полуострова и без которого редко обходятся современные работы. Обзору ключевых проблем изучения нумизматики Крыма византийского периода, какими они видятся в начале XXI в., посвятила свою статью В. В. Гурулева. Итоги изучения геральдики генуэзского Крыма, в ходе которого была успешно решена часть задач, стоявших перед исследователями начиная с XVIII в., подведены в статье Е. А. Яровой. Автор наметила также перспективы и методики для дальнейших разработок в этом направлении.

Изысканиям в области сфрагистики посвящено еще четыре статьи. В. С. Шандровская проанализировала иконографические особенности моливдовулов из коллекции

Севастополь. Владимирский собор. Фотография В. В. Гурулевой

Эрмитажа. Севастопольский исследователь Н. А. Алексеенко на примере печати представителя администрации византийского Херсона показал, что моливдовулы не только дают прекрасную возможность проследить карьерные перипетии одного из херсонских чиновников, но и помогают уточнить некоторые детали в организации административного управления Херсона на начальном этапе становления византийской фемы в Таврике. Московский археолог В. Н. Чхаидзе, изучающий соседнюю с Крымом Тамань (средневековая Матарха), вводит в научный оборот новые памятники сфрагистики, обнаруженные в ходе археологических раскопок, свидетельствующие о контактах Матархи и Таврики. Екатеринбургский историк В. П. Степаненко анализирует в своей статье моливдовулы, найденные в Судаке, которые свидетельствуют о более длительном периоде существования фемы в этом городе, чем было принято считать ранее.

Статьи, посвященные нумизматическим памятникам Крыма, отражают этнокультурные особенности средневекового периода истории полуострова. Монеты византийского Херсона рассматриваются с применением метода штемпельного анализа в статьях московских исследователей: А. Н. Коршенко и совместной работе М. Н. Бутырского с Я. В. Студитским. В статье В. Н. Залесской предложена атрибуция монетовидного медальона византийского круга, найденного в Крыму. Памятник мог быть одним из тех амулетов-оберегов, которые в XI–XII вв. имели распространение в христианских неортодоксальных общинах Малой Азии. К периоду хазарского господства

(вторая половина VIII – третья четверть X в.) в истории раннесредневекового Крыма, природа и политико-административное оформление которого до сих пор являются предметом дискуссий, обращается в своей статье Вяч. С. Кулешов, привлекая в качестве источника клад, найденный в Херсонесе. Аспекты экономических и политических связей Италии и Северного Причерноморья в XIII–XV вв. в контексте археологических находок монет на территории Крыма и Северного Причерноморья, а также динамика развития и механизмы торговой жизни региона рассматриваются в статье Т. И. Слеповой. Татаро-генуэзским выпускам посвящена работа А. Л. Пономарева, где впервые в качестве источников, помимо собственно монет, был привлечен обширнейший комплекс документов (массарии Каффы), который помог раскрыть проблемы, связанные с генуэзским чеканом в этом крымском городе, и выстроить хронологию монетных выпусков.

Геральдический раздел сборника, помимо уже упомянутой статьи Е. А. Яровой, включает еще три работы. А. Г. Юрченко предлагает свою интерпретацию «герба Каффы»: изображений тамги и полумесяца на геральдических плитах. Статья В. Л. Мыца выходит далеко за рамки заявленной темы, исследуя памятники с изображением двуглавого орла, происходящие с Мангупа, в широком культурно-историческом контексте. Московский исследователь А. Ю. Виноградов сфокусировал свое внимание на «геральдических» эмблемах в византийских надписях, базируясь на лапидарных памятниках Крыма.

История науки представлена статьей И. П. Медведева, которая погружает нас в начало XIX в., когда граф Н. П. Румянцев совершил путешествие по Крыму и Кавказу с конкретной целью: приобрести нумизматические редкости. Завершает сборник публикация неизданного доклада И. Г. Добровольского, осуществленная Вяч. С. Кулешовым. Доклад важен для восстановления композиции и введения в научный оборот клада куфических монет хазарского времени, только десять монет из которого попали в Эрмитаж.

В. В. Гурулева, Е. А. Яровая

СФРАГИСТИКА

Е. В. Степанова
(Санкт-Петербург)

ВИЗАНТИЙСКАЯ СФРАГИСТИКА В КРЫМУ

Тема византийской сфрагистики в Крыму очень обширна, а та информация, которую несут печати, чрезвычайно важна для понимания средневековой истории полуострова. Это связано с тем, что, с одной стороны, письменные источники дают сравнительно мало сведений для данного периода и они не всегда ясны. С другой стороны, несмотря на небольшой, как правило, объем информации, которую печать несет, эти данные достоверны, а сравнительно узкие датировки – не больше столетия – часто позволяют вписать их в исторический контекст. Сведения, представленные на печатях, нередко закрывают существующие лакуны, корректируют прежние теории или ставят новые вопросы. Наверное, поэтому редкое современное исследование по средневековому Крыму обходится без сфрагистического материала.

Первые статьи о печатях Херсонской фемы, появившиеся еще в конце XIX в., принадлежат перу Г. Шлюмберже, В. Н. Юргевича и И. И. Толстого¹, крымские моливдовулы были учтены в каталоге печатей Русского археологического института в Константинополе Б. А. Панченко и в его статье, посвященной печатям из Партенита², а также в работе Н. П. Лихачева «Моливдовулы греческого Востока»³. Специальный интерес Лихачева к печатям византийского Херсона нашел отражение в неопубликованном реферате, прочитанном ученым на заседании Государственной академии истории материальной культуры⁴. С тех пор библиография работ, посвященных печатям Крыма, резко расширилась и в настоящий момент насчитывает десятки статей и монографий, включая работы А. Ф. Вишняковой⁵, И. В. Соколовой⁶, Н. А. Алексеенко⁷, В. С. Шандровской⁸, Е. В. Степановой⁹, Н. и В. Зайбтов¹⁰, К. Д. Смычкова¹¹, Ж.-Кл. Шене¹², В. И. Булгаковой¹³ и других.

Корпус византийских печатей, связанных с Крымом, формируется из двух источников.

Первая составляющая корпуса печатей Крыма – это сфрагистические памятники, место находки которых не всегда известно, но в их легендах имеются топонимические указания, связанные с Крымом, в основном это Херсон. Их заказчики – местные чиновники: архонты, стратипи, эк просопу, коммеркиарии, протонотарии, отцы города, протевоны, кыры, епископы и архиепископы. Большинство из этих печатей были найдены в самом Крыму, главным образом в Херсонесе, но многие хранятся за пределами полуострова в различных сфрагистических коллекциях. Они опубликованы в отдельных статьях или входят в каталоги коллекций византийских печатей: Г. Закоса и А. Веглери¹⁴, Дамбартон Оукса и Музея Фогга¹⁵, И. Йорданова¹⁶ и других. Почти тридцать лет

назад весь имевшийся в то время материал по печатям Херсона – 75 экземпляров – был обобщен и изучен в монографии И. В. Соколовой «Монеты и печати византийского Херсона»¹⁷ – исследовании, пользующемся повышенным вниманием всех специалистов по истории Крыма. С тех пор благодаря новым находкам объем материала вырос многократно. Значительно пополнился список имен херсонских архонтов, стратигов и коммеркиариев, основанный исключительно на сведениях сфрагистического характера. В ряде случаев было обнаружено до 20 и более экземпляров печатей, называющих одного и того же чиновника, что иногда позволяет проследить его служебную карьеру – *cursus honorum*. Такая массовость материала потребовала нового обращения к печатям Херсона. В 2012 г. в Париже вышел каталог Н. А. Алексеенко, включающий все известные на тот момент (410 экз.) печати чиновников этого византийского города¹⁸.

Кроме Херсона легенды печатей включают такие географические названия, как Климаты Херсона¹⁹, Судея²⁰, Готия²¹, Боспор²².

Вторая составляющая корпуса печатей Крыма – это печати, не имеющие в легендах географических названий Крыма, но найденные на его территории. Печати, места находок которых известны, приобретают особую ценность. Информация, содержащаяся в легендах печатей такого рода, начинает «звучать» гораздо интенсивнее, «накладываясь» на местный исторический контекст; упоминание в легенде моливдовула географического названия позволяет проследить связь «адресатов» и «адресантов». Таким образом, расширяются возможности исторического анализа материала, появляется основа для дополнительных выводов.

Первые византийские печати были найдены в Крыму в конце XIX – начале XX в. Находки были немногочисленны. Многие происходят из раскопок в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича (1847–1907) (впервые были опубликованы А. Ф. Вишняковой)²³. Особо стоит выделить печать Иоанна, епископа Готии, найденную во время раскопок этого ученого в юго-восточной части Херсонесского городища в 1894 г. и через год переданную в Государственный исторический музей, где она сейчас и находится²⁴. Предполагают, что эта печать принадлежала Иоанну, известному по письменным источникам епископу Готии конца VIII в. С 1876 по 1886 г. раскопки в Херсонесе осуществляло Одесское общество истории и древностей²⁵, во время которых, например, в 1884 г., была найдена печать Георгия Цулы, стратига Херсона²⁶. В музее общества также находились семь свинцовых печатей, купленных выдающимся исследователем Крыма А. Л. Бертье-Делагардом у крымского торговца древностями и подаренных им в музей, о чем в своем докладе за 1898 г. сообщает В. Н. Юргевич²⁷. Всего в коллекцию Общества входило 14 моливдовулов, однако их нынешнее местонахождение, за редким исключением, неизвестно²⁸. Один моливдовул – Иоанна, коммеркиария Херсона, был обнаружен при раскопках Н. И. Репникова на Гераклейском полуострове в 1928 г.²⁹

Особый интерес представляет группа моливдовулов из коллекции Н. П. Лихачева, ныне хранящихся в Государственном Эрмитаже. Большинство крымских находок было приобретено ученым до Первой мировой войны через посредников. Данные о происхождении печатей из Крыма, Херсонеса, Судака и Керчи содержатся в картотеке Н. П. Лихачева и в его работах. В коллекцию попало по крайней мере 5 печатей из Керчи (это печати Николая, протоспафария и стратига Македонии, второй половины X – начала XI в.; частная печать Михаила Псилиана, XI в.; Иоанна Ангела, конца XII в.; Никифора, XI в.), 3 – из Судака (одна из них, XI в., принадлежала Николаю, монаху

и была найдена в 1910 г. на горе Сокол), более 20 – из Херсонеса, 10 печатей имеют обобщенную характеристику происхождения – «Крым»³⁰. Всего в коллекции Н. П. Лихачева выявлено более 40 печатей из Крыма, значительное число которых, к сожалению, имеют плохую сохранность.

Объем находок печатей в Крыму в последние десятилетия стремительно растет и их география постепенно расширяется. Если первоначально были известны в основном печати, найденные в Херсонесе, – в настоящее время их количество достигает приблизительно полутора тысяч экземпляров, то со временем к ним присоединились печати, обнаруженные в других местах Крыма, таких как Судак (около 500 экземпляров); Керчь – там и на Таманском полуострове³¹ в настоящее время начинает формироваться интересная сфрагистическая база; Партенит³²; Мангуп и его ближайшая округа (в последние десять лет там было найдено уже более десяти печатей, в хронологическом диапазоне от второй половины VI до XI–XII вв.)³³; сельскохозяйственная хора Херсонеса, а также близлежащие поселения и укрепления юго-западного, южного и восточного Крыма³⁴. Это случайные находки или результат раскопной деятельности. Благодаря печатям проявляются не только контакты центральной имперской администрации с местными властными структурами, но и отношения между различными районами самой Таврики, ее епархиями и отдельными городами-крепостями³⁵.

Уникальными являются судакский и херсонесский **архивы византийских печатей**. Схожи условия и место их обнаружения. В Судаке моливдовулы были найдены вблизи крепости, в районе бухты Лимена-Кале при подводных работах. В Средние века на этом месте располагался порт византийской Сугдеи. Печати были найдены на глубине полутора – двух метров и по первоначальной информации рассеяны на одном участке площадью 30 × 50 кв. метров³⁶. Опираясь на данные о компактном расположении материала, И. А. Баранов предположил, что на берегу моря в древности находилось здание, где хранились документы с подвешенными к ним печатями. В 1984 г. остатки этого здания вместе с печатями (документы к тому времени истлели) в результате строительных работ оказались в море³⁷. Вследствие нахождения в воде большинство памятников было сильно повреждено и подверглось коррозии. Многие из них, вероятно, в течение долгого времени перемещались по дну и были обкатаны водой, как галька, важная информация стерлась с поверхности печатей в буквальном смысле слова. В результате физического воздействия научной атрибуции поддается только около 20% материала.

Условия обнаружения архива в Херсонесе, найденного немного позже судакского, были несколько иными. Печати происходят из северо-восточной прибрежной полосы херсонесского городища и найдены у подножья крутого обрывистого берега высотой 10–12 метров на акватории площадью, не превышающей 100–150 кв. метров. Предполагают, что, как и в случае с судакским архивом, печати оказались в воде при обрушении части берега в воду. Культурный слой, содержащий моливдовулы, при обвале был придавлен крупными обломками материковой породы к донной скале, изобилующей многочисленными трещинами. Это помешало «растаскиванию» материала по дну, его «окатыванию» в прибойной полосе, что способствовало лучшей сохранности. В отличие от Судака, в Херсонесе научной атрибуции поддаются 70–80% материала³⁸.

Хронологический охват обоих архивов очень велик: для Херсонеса – VI–XIII вв., для Судака – VII–XI вв. Архивы сопоставимы и в количественном отношении: в судакский входит 500–600 экземпляров, включая заготовки печатей, в херсонесский – более 1000³⁹.

В архиве Херсонеса печати более равномерно распределяются по времени, в то время как в судакском преобладают печати X–XI вв., что объясняется возвышением города именно в этот период. В судакском архиве обнаружены печати чиновников Константинополя, Онориады, Пафлагонии, Понта, Опсикия, Востока, фракисийцев; в Херсонесском – Иерона, Абидоса, Эллады, Фессалоники и ряда других городов и провинций. Нельзя не заметить, что все они имели выход к морю, что подтверждает выводы исследователей о значении морского сообщения в Средние века.

В обоих архивах встречаются печати частных лиц, т. е. на них не указана должность владельцев. Это обстоятельство, а также наличие печатей местных чиновников может означать, что мы имеем дело не просто с архивами при таможнях, а с городскими архивами, в которых наряду с финансовыми документами, приходившими извне, хранилась местная документация: распоряжения местных властей, церковные грамоты, возможно, документы о земельных сделках и т. д.

Главное различие этих двух архивов заключается в том, что в херсонесском встречаются печати императоров: Юстиниана I, Фоки, Ираклия, Михаила III. Кроме того, в архиве была выявлена печать константинопольского патриарха Николая I Мистика начала X в., ее появление, вероятно, связано с христианизацией хазар⁴⁰. В Судак же патриаршие и императорские моливдовулы пока не найдены. С другой стороны, там известны печати древнерусских князей конца XI в. (см. ниже), отсутствующие в Херсонесе.

Существенное отличие общего корпуса херсонесских печатей от судакских заключается также в том, что если в Херсонесе наличие архива дополняется и подкрепляется значительным количеством моливдовулов, обнаруженных (при раскопках и как подъемный материал) в разных районах городища, то в Судак на сегодняшний день все печати, кроме нескольких экземпляров из коллекции Н. П. Лихачева, найдены в море.

Сведения, полученные благодаря печатям Крыма, охватывают очень широкий круг вопросов, позволяют не только высказать предположения по уже известным проблемам, но и ставят множество новых. Это связано прежде всего с многообразным составом самого сфрагистического материала. Он включает значительное число императорских печатей – в общей сложности более 20 экземпляров, преимущественно ранневизантийского времени, но известны и печати X–XI вв., а также печати трапезундских императоров XIV в. – все найдены в Херсонесе⁴¹. Как предполагает Н. А. Алексеев, отправка в Херсонес императорских моливдовулов в основном выпадает на узловыe моменты его истории, когда городу уделялось особо пристальное внимание со стороны центральной византийской администрации⁴². В корпус крымских печатей входят также печати военных и гражданских чиновников разного уровня; церковные: константинопольских патриархов (наряду с вышеупомянутой печатью Николая I, печати Иоанна VII Грамматика (837–843), Михаила II Куркуаса (1143–1146) и Мануила II (1244–1254) – все печати найдены в Херсонесе⁴³), архиепископов, митрополитов и епископов⁴⁴, частные печати, включая моливдовулы с указанием родовых имен. Хронологически они охватывают практически весь период существования византийских моливдовулов: с IV по XIV в.

В Судак:

Самые ранние печати VII – начала VIII в., куда входят частные печати, а также печати византийских чиновников: Иоанна, табулярия (VII в.), Петра, хартулярия (первая половина VII в.), и церковных иерархов: Иоанна, епископа Херсона (первая половина VIII в.), и неизвестного епископа Амастриды (?) (конец VII – начало VIII в.)⁴⁵, – определяют

время начала сложения архива и, весьма вероятно, хронологически близки моменту основания средневековой Сугдеи. В этом контексте они представляют собой исключительный интерес в связи с отсутствием надежных свидетельств исторического и археологического характера о времени образования Сугдеи. Исследователи истории средневекового города Сугдеи предполагают, что в ранневизантийское время он служил форпостом на северных рубежах империи и охранял морские каботажные маршруты между Херсонесом и Боспором⁴⁶. Об участии Сугдеи в морских торговых операциях свидетельствуют печати коммерциариев – чиновников, в обязанности которых входил сбор пошлины с торговли на всей территории империи, конца VII – VIII в. Торговые связи осуществлялись между Сугдеей и Константинополем (уже в конце VII в.), с южным побережьем Черного моря, а именно Онориадой, Пафлагонией и побережьем Понта (печати 720–741 гг.) и «вплоть до Полемония» (735–736 гг.), с Опсиком (745–746 гг.)⁴⁷.

Значительный интерес вызывают печати второй половины VIII – IX в., поскольку принято считать, что около 670 г. Сугдея, как и вся Таврика, была захвачена хазарами, а в крепости был размещен хазарский отряд и располагалась ставка наместника – тархана. Наличие же печатей показывает, что и в этот период византийцы не ушли из Сугдеи, город по крайней мере был включен в экономическую, финансовую и политическую систему Византийской империи. Об этом говорят печати Косьмы, главного коммерциария Понта (речь идет о Понте Полемониякском, расположенном на Южном побережье Черного моря)⁴⁸, середины или второй половины IX в., Феофана, халкопрата – торговца медью, второй половины VIII – начала IX в. (т. е. в Сугдею продолжали везти товары, в том числе медь)⁴⁹. Особый интерес представляют печати главных логофетов IX – начала XI в., гражданских чиновников центральной администрации высокого ранга, возглавлявших главную фискальную службу империи – геникон⁵⁰. Основная задача геникона – сбор разнообразных налогов, в том числе и земельных, что вряд ли было возможно на враждебной Византии территории. Об активных политических контактах как с ближайшими соседями, так и с весьма отдаленными свидетельствуют печати архонтов и стратигов Херсона, а также печать Фоки, императорского спафария и стратига Востока IX в.⁵¹

Среди находок XI в. наиболее важными стали уникальные печати, проливающие свет на административное устройство Сугдеи этого времени. Четыре из них принадлежат Георгию Муселе, протоспафарию и стратигу Сугдеи, заказчиком двух других молливодовулов был патрикий Иоанн, также стратиг Сугдеи⁵². Только благодаря им стало известно, что, вероятно, в самом конце X или начале XI в. Сугдея была возведена в ранг стратегии или фемы. Это свидетельство повышения значения города в административной системе империи. Другим важным свидетельством стало обнаружение печатей архиепископов Сугдеи: Петра (две печати было найдено в составе Судакского архива) и Льва⁵³.

Особую тему при исследовании судакских печатей составляют печати древнерусских князей Давида Игоревича, князя Тмутаракани (1081–1083)⁵⁴ и Олега-Михаила Святославича, князя Тмутаракани (1083–1094)⁵⁵. Печатей последнего, найденных в Судаке, известно четыре экземпляра. С обнаружением данных сфрагистических памятников появляется возможность еще раз вернуться к теме взаимоотношений этого древнерусского княжества и Византии в конце XI в.

В Херсонесе.

Во многом благодаря сфрагистическому материалу появилась возможность очень полно представить структуру административного управления Херсона VIII–XI вв., его развития и своеобразия, составить хронологические списки чиновников города, в отдельных случаях проследить их *cursus honorum*. Именно печати позволили выявить и наглядно показать все своеобразие управления этого провинциального византийского города. В частности, на основании письменных источников и значительного корпуса печатей удалось уточнить некоторые характеристики и время деятельности архонтов Херсона, вызывавшей на протяжении длительного времени жаркие научные споры. Н. А. Алексеенко весьма убедительно показал, что архонт являлся не главой муниципальной организации, а государственным чиновником, единолично возглавлявшим в VIII – второй трети IX в. архонтию – малый административный округ византийских владений до основания в Таврике фемы Климатов⁵⁶. Только сфрагистические памятники помогли выявить существование, вероятно недолговременное (все экземпляры датируются концом VIII – началом IX в.), еще одной должности – кира Херсона, в обязанности которого, помимо обычных гражданских функций по сбору налогов и податей, очевидно, входило обеспечение обороны района. Исчезновение этого поста в начале IX в., вероятно, было обусловлено резким обострением хазаро-византийских отношений⁵⁷. Уникальным историческим свидетельством являются печати протонотария Манган и Херсона (вторая половина X в.)⁵⁸. То же относится и к печати Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии. Ее находка в ближайшей округе Херсонеса стала бесспорным доказательством существования в Таврике вслед за фемой нового военно-административного округа – катепаната – во второй половине XI – на рубеже XI и XII вв., что заставляет не только по-иному посмотреть на историю региона в период распада фемного строя, но и в известном смысле переоценить роль и значение Херсона в византийской политике и дипломатии того времени⁵⁹.

Введение в научный оборот печатей экдика (конец IX в.), отцов города (X в.) и протевонов (X – начало XI в.)⁶⁰ ставит вопрос о своеобразии института муниципального самоуправления этого города, подтверждает «сохранение в Херсоне традиционных институтов позднеимперской системы внутригородского управления даже в то время, когда в Таврике уже был образован византийский военно-административный округ – фема»⁶¹.

Находки значительного количества моливдовулов представителей финансового ведомства, как столичного (печати главных логофетов IX–X вв.⁶²), так и местных чиновников (коммеркиариев)⁶³, подтверждают постоянные контакты финансового департамента Константинополя со своими инспекторами в Таврике, а также взимание налогов и торговых пошлин. «Учитывая, что Херсон является одним из крупнейших и значительных экономических и коммерческих центров Северного Причерноморья, это могли быть, в первую очередь, таможенные пошлины за экспорт и импорт различных товаров и, вероятно, традиционные государственные подати»⁶⁴.

Только печать Льва, императорского спафария и турмарха Готии второй половины X в. (известно два экземпляра, один из которых хранится в фондах Керченского музея-заповедника, а другой был найден в составе Херсонесского архива), свидетельствует о том, что в это время данная часть Таврики являлась византийской территорией и, по всей видимости, входила в состав фемы Херсон на правах малого административного округа – турмархии⁶⁵.

Значительное число среди печатей, найденных в Крыму, составляют *печати с родовыми именами*. Прежде всего, это представители местной служилой знати, например Херсонеса: Цулы, Протевоны, Херсониты⁶⁶. Большая группа печатей отражает связи полуострова с остальной территорией Византийской империи. Среди них севасты Михаил Синадин⁶⁷, Константин Ксир⁶⁸, патрикий, императорский протоспафарий Павел Мономах (Мономахат), Николай Махитарий, Никифор Вотаниат, куропалат, и многие другие – все печати найдены в Херсонесе⁶⁹.

В Судаке особый интерес представляет печать, датируемая концом XI – началом XII в., она принадлежала вестарху Георгию Кедрину⁷⁰. К настоящему моменту печатей этого чиновника насчитывается достаточно много, и, что очень важно, все они происходят с Балкан или из Крыма. И. Барня и Н. Зайбт высказали предположение, что заказчиком печати мог быть автор известной всемирно-исторической хроники *Σύνοψις ἱστορίῶν* («Обозрение историй») рубежа XI–XII вв., которая включает историю от сотворения мира до 1057 г.⁷¹ Обнаружение печатей Георгия Кедрина на обширной территории, включающей Балканы и Крым, возможно, было связано с исполнением некоего поручения императора, которое, скорее всего, носило дипломатический характер. Возможно также, что рассылка писем была предпринята Георгием Кедриним во время написания его исторического труда для сбора информации.

Даже личные печати с родовыми именами, найденные в пределах Крыма, дают информацию к размышлению. Так, в этом регионе обнаружено несколько печатей представителей рода Комниных. Первый моливдовул, из коллекции Н. П. Лихачева, принадлежал Марии Комниной, как предполагал ученый, дочери императора Исаака Комнина, и был найден в 1916 г. в Крыму (более точное место находки установлено не было)⁷². Еще одна печать – Иоанна Контостефана, по матери Комнина – была найдена в 1990 г. в Партените (Алушта)⁷³. Третья, владельцем которой был Иоанн Комнин (вторая половина XI в.), происходит из Херсонеса (бывшая коллекция Н. П. Лихачева)⁷⁴. Еще одна, Иоанна Комнина, сына севастократора, была найдена на Южном берегу Крыма в районе мыса Сарыч совсем недавно, в 2012 г.⁷⁵ Профессор Ж.-Кл. Шене осторожно предполагает, что обнаружение значительного числа частных печатей Вотаниатов, Комнинов или Контостефанов на территории Болгарии могло быть не случайным, но связанным с приобретением ими в данном регионе владений. Это стало особенно актуальным после потери Византией значительной части Малой Азии в XI в.⁷⁶ Если такое предположение верно, возможно, тот же процесс, хотя и не столь масштабный, шел в Крыму. Именно это и вызвало появление здесь частных печатей представителей знатных семейств Византии.

Предлагаемый далеко не полный очерк развития и состояния византийской сфрагистики в Крыму призван подвести основные итоги и показать широкие перспективы изучения византийских печатей на полуострове. Несомненно, будут новые интересные находки этих памятников, совсем небольших по размерам, однако таких важных в историческом плане. Но уже сейчас стоит задуматься о публикации обобщающих каталогов, охватывающих возможно больший объем византийских моливдовулов Крыма.

¹ *Schlumberger G. Sceaux byzantins de theme de Cherson et la Bulgarie // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. 1881.*

Vol. 42; Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. // ЗООИД. Т. 14. Одесса, 1886; Он же. Свинцовые печати,

- принадлежащие музею Общества // ЗООИД. Т. 15. Одесса, 1889; *Он же*. О свинцовых печатях византийских, хранящихся в Одесском музее Общества // ЗООИД. Т. 21. Одесса, 1898; *Толстой П. П.* О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. Т. 2. СПб., 1887. С. 28–43.
- ² *Панченко Б. А.* Каталог молибдовулов: Коллекция Русского археологического Института в Константинополе. София, 1908; *Он же*. Шесть молибдовулов из Партенита // Известия археологической комиссии. 1906. Вып. 18. С. 160–164.
- ³ *Лихачев Н. П.* Молибдовулы греческого Востока / сост. и автор коммент. В. С. Шандровская. М., 1991.
- ⁴ *Степанова Е. В.* Деятельность Н. П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 137–146.
- ⁵ *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 121–133.
- ⁶ *Соколова И. В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 207–214; *Она же*. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983; *Она же*. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213; *Она же*. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 191–203; *Sokolova I. V.* Les sceaux byzantins de Cherson // SBS. Vol. 3. Washington, 1993. P. 99–111; *Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. Vol. 4. Washington, 1995. P. 139–151.
- ⁷ Всю библиографию автора по сфрагистике самого Херсонеса см.: *Aleksyenko N.* L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. Paris, 2012; *Aleksejenko N. A.* Sfragistyka bizantyńska. Molibdoboule Chersonu. Poznań, 2015. Основная литература по истории связей Херсонеса с остальными регионами Византийской империи и по истории Крыма: *Алексеевко Н. А.* Патриарший молибдовул из Херсонеса // АДСВ. Вып. 25. Екатеринбург, 1990. С. 25–29; *Он же*. Печать папы Римского Александра IV из окрестностей Балаклавы // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993. С. 267–269; *Он же*. Молибдовул Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 158–160; *Он же*. Молибдовулы адресантов Херсона // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 122, 133; *Он же*. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСБ. Вып. 9. Севастополь, 1998. С. 230–235; *Он же*. Молибдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999. С. 65–82; *Он же*. Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса // Российская археология. 1999. Вып. 1. С. 186–190; *Он же*. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // АДСВ. Т. 31. Екатеринбург, 2000. С. 98–104; *Он же*. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // АДСВ. Т. 31. Екатеринбург, 2000. С. 98–104; *Герцен А. Г., Алексеевко Н. А.* Византийские молибдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Вып. 33. Екатеринбург, 2002. С. 59–65; *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 174–205; *Он же*. Печать Митрофана Смирнского из Херсона – ссыльный митрополит в Таврике // Sacrum et Profanum. Т. 3: Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 11–16; *Он же*. Печати с родовыми именами из херсонского архива // ТГЭ. 2008. [Т.] 2. С. 265–275; *Он же*. Новые императорские молибдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров) // Древности 2009. Харьков, 2009. С. 249–253; *Он же*. Новые находки византийских молибдовулов на территории Украины и в Крыму // Сугдейский сборник. Т. 4. Киев, 2010. С. 365–375; *Он же*. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 121–135; *Алексеевко Н. А., Ценков Ю. А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСБ. Вып. 17. Севастополь, 2012. С. 7–17; *Алексеевко Н. А.* Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки молибдовулов коммерцианцев как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века») // Боспор-

- ские исследования. Т. 28. Керчь, 2013. С. 275–285.
- ⁸ *Sandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3. P. 85–98; *Шандровская В. С.* Таможенная служба в Судее // АДСВ. 1997. Вып. 27. С. 119–123; *Sandrovskaja V.* Die neuen Funde en byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. 1995. Vol. 4. P. 153–161; *Шандровская В. С.* Представители византийских родов в Херсонесе (Херсоне) по данным печатей // АДСВ. Екатеринбург, 1998. С. 300–304; *Шандровская В. С.* Das Siegel eines χαλκοκράτης aus Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 43–46; *Шандровская В. С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Вып. 7. Симферополь, 2000. С. 247–255.
- ⁹ *Баранов И. А., Степанова Е. В.* Церковная и военная администрация византийской Судеи // Археология Крыма. 1997. Т. 1. С. 83–87; *Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 47–58; *Stepanova E.* New Finds from Sudak // SBS. 2003. Vol. 8. P. 123–130; *Степанова Е. В.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев ; Судак, 2005. С. 537–545; *Она же.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // МАИЭТ. Т. 8. Симферополь, 2007. С. 364–374; *Она же.* Связи Болгарии и Крыма по данным судакского архива печатей // AMV. 2008. Т. 7. Part. 2. P. 196–198; *Она же.* Печати Крыма из коллекции Н. П. Лихачева // Сто години от рождението на д-р Васил Хараланов (1907–2007). Шумен, 2008. С. 187–194.
- ¹⁰ *Зайбт Н. и В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Вып. 27 : Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 91–97.
- ¹¹ *Смычков К. Д.* Неизданная печать с именем Цула // ВВ. 1987. Т. 47. С. 158–159; *Она же.* Несколько неизданных печатей из Херсона // ВВ. 1989. Т. 50. С. 189–190; *Она же.* Несколько неизданных печатей Херсона // НЭ. 1989. Т. 15. С. 126–128; *Она же.* Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999. С. 124–129; *Алексеевко Н. А., Смычков К. Д.* Несколько новых печатей византийского Херсона // Херсонесский сборник. Вып. 10. Севастополь, 1999. С. 361–370; *Смычков К. Д.* Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе // Нумизматика и фалеристика. № 2. Киев, 2000. С. 28–30; *Сорочан С. Б., Смычков К. Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 16/1. Москва ; Магнитогорск, 2006. С. 207–216; *Смычков К. Д.* Несколько моливдовулов с родовыми именами из случайных находках в Херсонесе // ХСБ. Вып. 18. Севастополь, 2013–2014. С. 195–201; *Она же.* Несколько моливдовулов с территории Древней Руси и Херсонеса // Империя и полис. Севастополь, 2013. С. 331–348.
- ¹² *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. Т. 7. Симферополь, 2000. С. 310–317.
- ¹³ *Булгакова В. И.* Сигиллографический комплекс порта Судеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. Вып. 3. Киев ; Судак, 2008. С. 296–331; *Она же.* Печати стратигов Херсона из находок в Судее // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 2 (15), март-апрель.
- ¹⁴ *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead seals. Vol. 1, 1–3. Basel, 1972.
- ¹⁵ *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, 1991.*
- ¹⁶ *Jordanov I.* Corpus of byzantine seals from Bulgaria. Vol. 3. Sofia, 2009.
- ¹⁷ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- ¹⁸ *Alekseyenko N.* L'administration byzantine de Cherson. Расширенный вариант на русском языке: *Алексеевко Н. А.* Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. Ч. 1 : Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017.
- ¹⁹ *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. N 81.1; Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 149–150. № 14; *Stepanova E.* New Seals from Sudak. P. 54. No. 16; *Степанова Е. В., Фарбей А. М.* Византийские свинцовые печати, найденные в Судаке в 2005 г. //

- Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре : материалы III Судакской международной конференции (18–21 сентября 2006 г.). Т. 2. Киев ; Судак, 2006. С. 304; *Алексеевко Н. А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 126–127.
- ²⁰ *Stepanova E.* New Seals from Sudak. P. 47–50. N 1–2; *Булгакова В. П.* Сигиллографический комплекс порта Сугдеи. № 29–30; *Алексеевко Н. А., Самойленко Ю. Н.* Моллидвулулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // AMV. T. 7-2. Varna, 2008. С. 94.
- ²¹ *Alekséenko N.* Un turmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. Vol. 54. Paris, 1996. P. 271–275; *Алексеевко Н. А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСБ. Вып. 9. Севастополь, 1998. С. 230–235; *Он же.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. Вып. 7 (2). Симферополь, 2006. С. 564–570.
- ²² *Schlumberger G.* Mélanges d'Archéologie Byzantine. Paris, 1895. P. 206–207; *Соколова П. В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // ПС. 1971. Вып. 23 (86). С. 70; *Алексеевко Н. А.* Византийская администрация Таврики в XI в. и новая печать Льва Алиата из Херсона // VIII Международный византийский семинар. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис (Севастополь, 30 мая – 4 июня 2016 г.) : материалы науч. конф. / Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь, 2016. С. 10; *Смычков К. Д.* Печати церковных иерархов из Херсона. С. 128, 129; *Алексеевко Н. А.* Печати боспорских иерархов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Севастополь ; Краков, 2001. С. 131–138.
- ²³ *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1.
- ²⁴ *Пятшшева Н. В.* Печать готского епископа в коллекциях Государственного исторического музея // Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 32–36.
- ²⁵ *Шаманаев А. В.* Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // АДСВ. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 415–425.
- ²⁶ *Соколова П. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 164–165. № 54а.
- ²⁷ *Юргович В. Н.* О свинцовых печатях византийских, хранящихся в Одесском музее Общества. С. 39–41.
- ²⁸ *Алексеевко Н. А.* Византийская сфрагистика в музее ООИД // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Т. 2. Одесса, 2014. С. 209–225.
- ²⁹ *Соколова П. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 150–151. № 17.
- ³⁰ *Соколова П. В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса; *Степанова Е. В.* Печати Крыма из коллекции Н. П. Лихачева. С. 187–194.
- ³¹ *Степанова Е. В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове; *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. М., 2015.
- ³² *Панченко Б. А.* Шесть моллидвулулов из Партепита.
- ³³ *Герцен А. Г., Алексеевко Н. А.* Византийские моллидвулулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Вып. 33. Екатеринбург, 2002. С. 59–65; *Алексеевко Н. А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 121–135; *Он же.* Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ. Вып. 38. Екатеринбург, 2008. С. 80–87.
- ³⁴ *Алексеевко Н. А.* Новые сфрагистические находки в округе византийского Херсона // VII Международный византийский семинар. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис (Севастополь, 1–5 июня 2015 г.) : материалы науч. конф. / Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь, 2015. С. 19–21.
- ³⁵ *Алексеевко Н. А.* Византийская администрация на Боспоре. С. 564.
- ³⁶ Такие данные приводятся в работах И. А. Баранова. Их, вероятно, сообщил ему В. В. Кузьминов (Симферополь), благодаря подвояным работам которого и была поднята большая часть сфрагистических памятников. К обработке этого уникального материала И. А. Баранов привлек сотрудников

- Государственного Эрмитажа В. С. Шандровскую, позже Е. В. Степанову.
- ³⁷ Баранов И. А. Торгово-ремесленные кварталы византийской Судеи // *Byzantionogusica*. М., 1994. С. 51–52. № 1.
- ³⁸ Алексеевко Н. А. Херсонский архив печатей: миф или реальность? // ХСБ. Вып. 15. Севастополь, 2006. С. 11.
- ³⁹ Алексеевко Н. А. Херсонский архив печатей. С. 7.
- ⁴⁰ Алексеевко Н. А. Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // *Древности 1999–2000*. Харьков, 2004. С. 260–264.
- ⁴¹ Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса; Алексеевко Н. А. Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров) // *Древности 2009*. Харьков, 2009. С. 249–253.
- ⁴² Алексеевко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // *Древности 1997–1998*. Харьков, 1999. С. 145–160.
- ⁴³ Алексеевко Н. А. Печати церковных иерархов из Херсона // *Nomos 28/29*. Krakow, 1999–2000. С. 96–98.
- ⁴⁴ Алексеевко Н. А. Печати боспорских иерархов из Херсона // *Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона*. Севастополь ; Краков, 2001. С. 131–138; *Он же*. Печать херсонского епископа эпохи иконоборчества // *Культовые памятники в мировой культуре*. Севастополь, 2004. С. 4–7; *Он же*. Печать Митрофана Смирнского из Херсона – ссыльный митрополит в Таврике // *Sacrum et Profanum*. Т. 3 : Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 11–16; Алексеевко Н. А., Самойленко Ю. Н. Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // *AMV*. Т. 7-2. Varna, 2008. С. 91–99; Алексеевко Н. А. Новые данные о Херсонской епархии IX в. // *Sacrum et Profanum*. Т. 5 : Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Севастополь, 2012. С. 11–14.
- ⁴⁵ Stepanova E. New Seals from Sudak. P. 50–52. N 3–10; Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Судеи. № 1, 5.
- ⁴⁶ Баранов И. А. Судея VII–XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // *Труды V Международного конгресса славянской археологии* (Киев, 18–25 сентября 1985 г.). Москва, 1987. С. 19; Алсанов А. В. Судея в III–VII вв. // *Судейский сборник*. Киев ; Судак, 2004. С. 70.
- ⁴⁷ Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. P. 8690; Stepanova E. New Finds from Sudak. P. 126. N 6.
- ⁴⁸ Stepanova E. New Seals from Sudak. N 20.
- ⁴⁹ Šandrovskaja V. Das Siegel eines χαλκοπράτης aus Sudak // *SBS*. 1999. Vol. 6. P. 43–46.
- ⁵⁰ Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. P. 9093; Stepanova E. New Seals from Sudak. P. 55–56. N 17–19; *Idem*. New Finds from Sudak. P. 123–124. N 2; Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Судеи. № 10–14.
- ⁵¹ Stepanova E. New Seals from Sudak. P. 57. № 21.
- ⁵² Stepanova E. New Seals from Sudak. P. 49–50. N 2; Степанова Е. В., Фарбей А. М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. № 2; Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Судеи. № 29–30.
- ⁵³ Stepanova E. New Seals from Sudak. P. 47–48. N 1; Алексеевко Н. А., Самойленко Ю. Н. Моливдовулы деятелей церкви из Херсонского архива: новые находки // *AMV*. 7-2. Varna, 2008. С. 94.
- ⁵⁴ Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Судеи. № 39.
- ⁵⁵ Stepanova E. New Finds from Sudak. N 12; Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации). С. 542–543; Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Судеи. № 40.
- ⁵⁶ Алексеевко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // *МАИЭТ*. Вып. 9. Симферополь, 2002. С. 475; Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 17–28, 73–114. N 1–22.
- ⁵⁷ Алексеевко Н. А. Херсон на хазарско-византийском пограничьи в начале IX в.: печати киров // *Боспорские исследования*. Т. 9. Симферополь ; Керчь, 2005. С. 212–220.
- ⁵⁸ Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson. P. 212. N 126–127.
- ⁵⁹ Алексеевко Н. А., Ценков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСБ. Т. 17. Севастополь, 2012. С. 7–17.

- ⁶⁰ *Алексеевко Н. А.* Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 154–162. *Alekséenko N.* Les prôteuntés de Kherson au Xe siècle // SBS. 7. Washington, 2002. P. 79–86; *Алексеевко Н. А.* Патер полуса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности 2005. Харьков, 2005. С. 58–63; *Алексеевко Н. А.* Defensor civitatis (ἐκδικος) и его роль в управленческом аппарате Херсона IX в. // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005; *Alekseyenko N.* L'administration byzantine de Cherson. P. 61–68, 213–214. N 128–130; P. 214–215. N 131; P. 216–221. N 132–137.
- ⁶¹ *Алексеевко Н. А.* Defensor civitatis. С. 68.
- ⁶² *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива. С. 174–205.
- ⁶³ *Alekseyenko N.* L'administration byzantine de Cherson. P. 51–59, 181–211. N 95–125.
- ⁶⁴ *Алексеевко Н. А.* Херсонский архив печатей: миф или реальность? С. 8.
- ⁶⁵ *Алексеевко Н. А.* Византийская администрация на Боспоре. С. 564–570.
- ⁶⁶ *Алексеевко Н. А.* Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности 1995. Харьков, 1995. С. 81–87.
- ⁶⁷ *Шандровская В. С.* Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже // ВВ. 1990. Т. 51. С. 181–182.
- ⁶⁸ *Банк А. В.* Вислая свинцовая печать XI–XII вв. // МИА. 1953. Т. 34. С. 296–298.
- ⁶⁹ *Шандровская В. С.* Представители византийских родов в Херсонесе (Херсоне) по данным печатей. С. 300–304; *Алексеевко Н. А.* Печати с родовыми именами из херсонского архива // ТГЭ. 2008. [Т.] 42. С. 265–275; *Она же.* Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи // МАИЭТ. Вып. 14. Симферополь, 2008. С. 417–424.
- ⁷⁰ *Stepanova E.* New Finds from Sudak. N 7; *Степанова Е. В.* Печати из Судака (к вопросу об интерпретации). С. 540–542.
- ⁷¹ *Barnea I., Seibt N.* Byzantinische Bleisiegel aus Romänien. Eine Nachlese zu Stücken mit Familiennamen // JÖB. 1999. Bd. 49. S. 90.
- ⁷² *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока. Табл. LXV, 12.
- ⁷³ *Šandrovskaja V.* Die Neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. Vol. 4. Washington, 1995. P. 155–158.
- ⁷⁴ *Степанова Е. В.* Печати Крыма из коллекции Н. П. Лихачева. С. 191–192. № 1.
- ⁷⁵ *Алексеевко Н. А.* Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. Вып. 18. Симферополь, 2013. С. 405–414.
- ⁷⁶ *Cheynet J.-Cl.* L'aristocratie byzantine en Bulgarie, principalement d'après les sceaux (XIe–XIIe s.) // Международный симпозиум в память на д-р Васил Хараланов (1907–2007). 100 години от рождението му. Шумен, 2007. С. 22, 23.

В. С. Шандровская
(Санкт-Петербург)

РЕДКАЯ КОМПОЗИЦИЯ «БОГОМАТЕРЬ И ИЗБРАННЫЕ СВЯТЫЕ» НА ПЕЧАТЯХ ЭРМИТАЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Осуществляемые в течение многих лет археологические раскопки в Крыму, знакомство с материалами архивов в Херсонесе и Судакe, где собрано большое число византийских печатей, привело к мысли представить на этой конференции редкую композицию с изображением Богородицы в сочетании с избранными святыми из эрмитажной коллекции.

«Ни один тип не встречается чаще на византийских свинцовых печатях, как образ Богородицы, могущественной покровительницы греческого народа, бывшего наиболее благочестивым народом в Средние века», – отмечал в свое время Г. Шлюмберже, автор весьма важного и ценного труда «Сигиллография Византийской империи», вышедшего в 1884 г.¹

Толчком для изображения Богородицы было постановление Третьего Вселенского собора в Эфесе в 431 г. признавать святой Марию Богородицей. Богородица получила в христианском мире особое почитание как посредница между Богом и людьми, как воплощение надежды на помощь при просьбах со стороны верующих.

Подвесные свинцовые печати – моливдовулы – являются по своему существу оттисками матриц, изготовленных с помощью специальных щипцов – буллотирьев. Нам неведомы ни имена византийских резчиков матриц, ни мастерские, где они трудились. Мы можем судить о результатах работы гравировщиков лишь по их творениям, дошедшим до нас, числом около 80 тысяч, причем их количество непрерывно возрастает благодаря новым находкам и публикациям.

Византийские печати, известные более всего как исторические источники, представляют собой несомненную ценность и как художественные памятники, открывая возможность ознакомления с иконографией встречающихся образов, а также с мастерством их создателей. Индивидуальность гравировщиков проявлялась не в подборе сюжетов – образцами служили иконы и мозаики знаменитых храмов и монастырей, а в их воспроизведении. Каждая печать в руках мастера должна была стать художественным произведением, что всецело зависело от искусства исполнителя.

На печатях наблюдается целый ряд иконографических типов Богородицы, кроме ее одиночных изображений имеются также многофигурные сцены.

Интерес вызывает сочетание Богородицы с избранными святыми – Богородица и святые представлены здесь в рост. Судя по изданной сфрагистической литературе,

Ил. 1. Печать Иоанна Агиофлоритиса. Византия, 1166–1177.
Государственный Эрмитаж

Ил. 2. Печать Иоанна Агиофлоритиса. Византия, 1166–1177.
Публ. по: *Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 5, 1. Paris, 1965. N 102*

количество печатей с такой композицией невелико. В эрмитажной коллекции Богоматерь изображена рядом со святыми Николаем, Андреем, Димитрием и Маркианом.

Святой Николай занимает на моливдовулах второе место после Богоматери. В Византии и за ее пределами он был весьма почитаем. Его образ получил широкое распространение, на что указывают многочисленные памятники. Изображения Богоматери и святого Николая передаются обычно на разных сторонах печатей, появление их совместно, на одной стороне, весьма редко. В коллекции Эрмитажа имеются четыре печати с такой композицией. Одна из них – печать Иоанна Агиофлоритиса (инв. № М-9121) (ил. 1), происходящая из коллекции Н. П. Лихачева². На лицевой стороне печати две фигуры, слева – Богоматерь, держащая младенца на левой руке (тип Богоматери Одигитрии). Она изображена в полуоборот к стоящему в фас от нее, справа, святому Николаю в святительской одежде. Его правая рука в жесте благословения, в левой он держит Евангелие. По сторонам его фигуры – надпись имени. Детали изображения лучше видны на параллельном экземпляре из собрания Г. Закоса, изданном В. Лораном³ (ил. 2). Стихотворная надпись на обороте гласит: «Хартофилакс святейшей Великой церкви Иоанн Агиофлоритис». Хартофилакс – хранитель бумаг, архивариус, глава патриаршего архива. О получении должности хартофилакса Иоанном при патриархе Луке Хрисоверге 11 апреля 1166 г. свидетельствует «Извлечение из синодальных дел, подтвержденное печатью и сигнатурой архидиакона и хартофилакса Иоанна Агиофлоритиса,

Ил. 3. Печать с изображением Богородицы и святого Николая.
Византия, XII в. *Государственный Эрмитаж*

Ил. 4. Печать с изображением Богородицы и святого Николая.
Византия, XI в. *Государственный Эрмитаж*

выданное в месяц и вышеуказанный индикт 6674»⁴. Биографические сведения об этом человеке позволяют отнести печать ко времени между 1166 и 1177 гг.

На другой печати (инв. № М-9120) из собрания Н. П. Лихачева (ил. 3) (не издана) – те же фигуры, но святой Николай размещен слева, а Богородица – справа. Они стоят в полюборок с протянутыми друг к другу руками. Между их головами начертан медальон с неотчетливо видимым изображением Христа. Легенду на обороте трудно разобрать. На сохранившейся рукописной карточке Лихачева представлен текст, не совпадающий, однако, с текстом на самой печати. Наиболее вероятно, что моливдовул относится к XII в.

Третья печать (инв. № М-4276) (ил. 4) происходит из собрания бывшего Русского археологического института в Константинополе и была издана Б. А. Панченко в «Каталоге моливдовулов»⁵. На лицевой стороне изображены в рост, в фас: слева – святой Николай с надписью имени по сторонам, справа – Богородица, держащая перед грудью медальон с изображением Христа (тип Богородицы Никопей). В начертании букв на поле справа Б. А. Панченко усмотрел слово Παναγία 'Всесвятая' и, так как на других печатях оно не попадалось, счел возможным отнести его к изображению Богородицы. Он пишет: «...Во всяком случае, мы здесь имеем дело с весьма интересной иконографией Богородицы»⁶. При привлечении экземпляров из коллекции Ватикана и собрания Национального музея Варшавы (ил. 5) чтение Б. А. Панченко оказалось

Ил. 5. Печать с изображением Богоматери и святого Николая. Византия, XI в.
Публ. по: *Szemióth A., Wasilewski T. Sceaux byzantins du Musée National de Varsovie // Studia Źródloznawcze Commentationes. Warszawa, 1969. T. 14. N 60*

несостоятельным⁷. Издатели этих печатей полагали, что на лицевой стороне прежде существовала круговая надпись, которая была изуродована ошибкой разлиновки и не оттиснулась полностью, от нее сохранились лишь элементы в виде SKPITH (καὶ) κριτῆι 'и судьбе'. Выход легенды за пределы круга представить технически трудно, и это еще требует объяснения. При сопоставлении лицевых сторон эрмитажного моливдовула и параллельных экземпляров можно говорить об использовании единой матрицы. При рассмотрении оборотных сторон, где в центре изображен архангел в рост со скипетром и державой, окруженный надписью, речь идет уже о разных матрицах. На эрмитажном моливдовуле архангел передан в свободном пространстве, у него удлиненные пропорции тела, широко распростертые и высоко поднятые крылья, в то время как на экземплярах из Ватикана и Варшавы видна приземистая фигура архангела, вписанная в круг; у него большая голова, почти касающаяся кругового ободка, и близко прилегающие к телу крылья. Чтение круговой надписи на эрмитажной печати осложнено ее сохранностью: буквы оплывшие, трудно различимые. Предложенное Б. А. Панченко чтение: «Стефана, пресвитера» не находит подтверждения. Надпись содержала, по-видимому, 30–32 буквы, сохранилась не полностью, местами заметны лишь следы. Трудно разбираема круговая надпись и на печати Ватикана, тем не менее В. Лорану удалось вычленить слова ἐν π(ά)ση εὐσεβείᾳ 'во всяком благочестии', позволившие увидеть свободную аккомодацию послания святого апостола Павла к Тимофею⁸, где апостол просит совершать молитвы во имя жизни тихой, безмятежной «во всяком благочестии»⁹. Возможно, что и легенда эрмитажной печати содержала близкий текст из Священного Писания. Печать датируется XI в. Нам не известны заказчики названных печатей, но нельзя исключить предположение, что эти люди относились к адептам церкви и занимали определенные посты на церковной службе, свидетельством чему могут служить как избранные ими изображения, так и содержание круговых легенд.

Еще одна печать (инв. № М-4699) (ил. 6) из собрания бывшего Русского археологического института в Константинополе¹⁰ представляет стоящую слева Богоматерь, которая держит перед грудью медальон с изображением Младенца, и находящегося справа святого Николая. Он передан в полуоборот к Богоматери, его правая рука протянута к ней в жесте благословения, в левой руке – Евангелие. Надпись на обороте в семь-восемь строк мелкая и трудночитаемая, печать относится к XI в.

Две печати эрмитажной коллекции – одна (инв. № М-4359)¹¹ (ил. 7) из собрания бывшего Русского археологического института в Константинополе и вторая

Ил. 6. Печать с изображением Богоматери и святого Николая. Византия, XI в. *Государственный Эрмитаж*

Ил. 7. Печать Феодора, преедра Патр. Византия, XII в. *Государственный Эрмитаж*

Ил. 8. Печать Михаила Кутзиннадита, преедра. Византия, XI в. *Государственный Эрмитаж*

(инв. № М-6713) из коллекции Фотиадиса-паши, исполненные единой матрицей, – представляют Богоматерь и святого Андрея. Богоматерь, в рост, в фас, держит перед грудью медальон с изображением младенца (тип Богоматери Никопей), справа от нее – святой Андрей (его имя читается вдоль фигуры), который держит крест на древке. Печать передана в высоком рельефе и исполнена с большим мастерством. В стихотворной надписи (двенадцатисложник) читается: «Печать Феодора, преедра (=митрополита) Патр». В надписи использовано несколько лигатур. Известны параллельные экземпляры, опубликованные В. Лораном и Г. Закосом¹². В. Лоран считает заказчиком печати Феодора митрополита Патр, известного по документам 1166–1167 гг. и 1172 г.

Ил. 9. Печать Иоанна, архиепископа Фессалоники.
Византия, X в. Государственный Эрмитаж

Ил. 10. Печать Иоанна, архиепископа Фессалоники.
Византия, X в. Прорисовка. Публ. по: *Laurent V. Le Corpus
des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 5, 1. Paris, 1965. N 452*

Этот Феодор участвовал в дебатах патриаршего Синода по поводу официальной доктрины церкви относительно слов Христа: «Мой отец более велик, чем я»¹³.

Совместное изображение Богородицы и святого Димитрия можно видеть на двух эрмитажных печатях (инв. № М-9150, ил. 8; инв. № М-5604, ил. 9; обе из коллекции Г. Шлюмберже). На печати инв. № М-9150¹⁴ (не издана) – Богородица и святой Димитрий-мученик, о чем говорит крест в большом кругу на его груди. Они изображены обособленно друг от друга. По сторонам Богородицы видны титулы **ΜΡ ΘΥ** ‘Богородица’, имя святого дано вдоль его фигуры. Рельеф печати низкий, фигуры вытянутые, переданы схематично, отдельные детали трудноразличимы (положение рук Богородицы, наличие медальона на груди). Надпись на обороте исполнена крупными квадратными буквами: «Богородица, помоги Михаилу Кутзиниадиту, проездру». Для надписи характерно использование лигатур и сочетание дательного падежа (при обращении к божией помощи) с винительным падежом (при передаче имени и титула). Печать предположительно относится к XI в.

Моливдовул (инв. № М-5604, ил. 9) был издан Г. Шлюмберже и переиздан Е. В. Степановой¹⁵. В настоящее время его сохранность не позволяет различить ни изображение, ни надпись, поэтому для восстановления были привлечены параллельные экземпляры из «Корпуса» В. Лорана (ил. 10) и коллекции А. Сейрига¹⁶. На лицевой стороне изображена Богородица с младенцем на левой руке (Богородица Одигитрия) в полуоборот к святому Димитрию, держащему перед собой крест мученика. Надпись на обороте гласит: «Иоанну, архиепископу Фессалоники». На привлекаемых печатях сохранилось

Ил. 11. Печать Ксира. Византия, вторая половина XII в.
Государственный Эрмитаж

на лицевой стороне обращение к божией помощи: «Богородица, помоги». Печать датируется X в. Так как существовали два епископа с одним и тем же именем, то, по мнению В. Лорана, трудно определить, кто же из них был заказчиком печати¹⁷.

Несмотря на фрагментарность, привлекает к себе внимание печать (инв. № М-4999¹⁸, ил. 11; из собрания бывшего Русского археологического института в Константинополе), где представлены Богородица и святой Маркиан – редкий персонаж на печатях. При наличии нескольких лиц с этим именем В. Лоран видит здесь Маркиана (ум. 388 г.), эконома, первосвященника церкви Святой Софии¹⁹. Архимандрит Сергей отмечает: «Святой Маркиан – пресвитер и эконом Великой церкви – празднуется 10 января»²⁰.

Богородица с Младенцем на правой руке (Богородица Дексиократуса) изображена в полуоборот к Маркиану. Круглое лицо святого обрамлено короткой бородой, голова в нимбе, на нем святительская одежда. Святой Маркиан передан в фас, он держит перед собой Евангелие. Фигуры исполнены в высоком рельефе и тщательно проработаны. Круговая надпись трудночитаема. Надпись на обороте печати начинается с указания фамильного имени: *Ξήρου σφράγισμα* 'Ксира печать', далее следует часть глагола – либо это *συκαλῶ* 'созывать, собирать', либо *συκαλύπτω* 'скрывать, запираю'. Печать, скорее всего, относится ко второй половине XII в.

Сочетание изображенных в рост Богородицы и избранных святых – редкая композиция в византийской сфрагистике. Она дает представление как о различных иконографических типах Богородицы, так и о святых, нечасто встречающихся на печатях (святой Андрей и особенно святой Маркиан). Характер исполнения печатей вновь позволяет говорить о мастерстве исполнения этих небольших художественных памятников.

¹ *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884. P. 15.

² Печать М-9121. Изд.: *Šandrovskaja V. S., Seibt W.* Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. Teil 1 : Sammlung Lichačev-Namen von A bis I. Wien, 2005. N 953; *Шандровская В. С.* Из истории церкви: печати хартофилаксов XII в. // ТГЭ. [Г.] 51. СПб., 2010. С. 304–307.

³ *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 5, 1. Paris, 1965. N 102.

⁴ Печать М-9120. Изд.: *Шандровская В. С.* Из истории церкви. С. 307.

⁵ Печать М-4276. Изд.: *Панченко Б. А.* Каталог моливдовулов. Коллекция Русского археологического института в Константинополе // ИРАИК. Т. 8. София, 1903. № 81; *Шандровская В. С.* Из истории церкви. С. 307–309.

- ⁶ Паченко Б. А. Указ. соч.
- ⁷ Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Città del Vaticano, 1962; *Szymioth A., Wasilenski T.* Sceaux byzantins du Musée National de Varsovie // *Studia Źródloznawcze Commentationes.* Warszawa, 1969. Т. 14. N 60.
- ⁸ Laurent V. Les sceaux byzantins de Médaillier Vatican. P. 134.
- ⁹ Paul I. Timothy 2.2 // *Novum Testamentum Graece.* 1874. P. 451; Первое послание к Тимофею святого апостола Павла // *Новый Завет.* СПб., 1889. Гл. 2.1. С. 440, 441.
- ¹⁰ Печать М-4689 из собрания бывшего РАИК. Д diam. 18,0 мм. Сохранность: потеря, обломы по краю, выбоина на лице Богоматери. Публикуется впервые.
- ¹¹ Печать М-4359 из собрания бывшего РАИК. Д diam. 27,0 мм (общ.), 22,0 мм (поля). Сохранность: вертикальная трещина в нижней части о. с. Изд.: Шандровская В. С. Сфрагистика // *Искусство Византии в собраниях СССР : каталог выставки.* Т. 2. М., 1977. № 804; *Studies in Byzantine Sigillography.* Washington, 1998. Vol. 5. P. 153. N 192.
- ¹² Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 5, 2. N 1603; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Vol. 2. Berne, 1984. N 73b.
- ¹³ Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 5, 2. N 434.
- ¹⁴ Печать М-9150 из коллекции Г. Шлюмберже. Д diam. 25,0 мм (общ.), 19,0 мм (поля). Сохранность: сильно потерта на л. с., выщерблена в двух местах, вмятина на о. с. Публикуется впервые.
- ¹⁵ Печать М-5604 из коллекции Г. Шлюмберже. Изд.: *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. P. 106; *Сменанова Е. В.* Церковные иерархи Фессалоники (по данным печатей Государственного Эрмитажа) // *Нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.* Т. 5 : В честь профессора Ивана Йорданова. София, 2009. С. 218, 219. № 4. Табл. XXII, 1.
- ¹⁶ Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 5, 1. N 452; *Cheyne J.-Cl., Morrison C., Seibt W.* Sceaux byzantins de la Collection Henri Seyrig. Paris, 1991. N 272. См. также: *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, 1991. N 18.84.
- ¹⁷ Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Vol. 5, 1. N 329.
- ¹⁸ Печать М-4999 из собрания бывшего РАИК. Д diam. 40,0 мм. Сохранность: фрагмент, края выщерблены. Публикуется впервые.
- ¹⁹ Laurent V. Les sceaux byzantins de Médaillier Vatican. P. 78. N 88.
- ²⁰ Архимандрит Сергий. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Ч. 1 : Месяцеслов. М., 1876. С. 10.

Н. А. Алексеенко
(*Севастополь*)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ БЮРО ἘΠΙ ΤΩΝ Οἰκιακῶν
В ХЕРСОНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ:
НОВАЯ ПЕЧАТЬ КИРА ХЕРСОНА КОНЦА IX в.

Сфрагистические памятники византийского Херсона постоянно преподносят нам неожиданные сюрпризы, открывающие новые интересные детали в его административно-политической истории, что, в свою очередь, позволяет дополнять, а порой даже пересматривать отдельные позиции в структуре административного управления этого северного форпоста империи, известного своими специфическими особенностями и определенной экстраординарностью. В последнее время корпус местного бюрократического аппарата пополнился ранее неизвестными должностями, такими как экдик¹ и патер полиса², появление которых в новом свете позволило увидеть специфику местного бюрократического аппарата, не характерного в период IX–X вв. для абсолютного большинства регионов византийского государства. Совсем неожиданным в последнее время стало и появление страторов Херсона, представленных уже не в формате рангового статуса местных архонтов³, а как вполне определенного городского (фемного) поста, очевидно, имевшего непосредственное отношение к византийской армии, исполнитель которого, надо полагать, должен был обеспечивать конями и фуражом войска или различные дипломатические миссии, отправлявшиеся сухопутным путем к северным соседям империи⁴.

Небезынтересным, на наш взгляд, является и присутствие среди херсонских чиновников представителей, связанных со столичным управлением ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν.

Напомним, что, по мнению Дюканжа, οἰκιακά – это частные императорские владения, во главе которых стоял соответствующий имперский магистрат, т. е. бюро ὁ ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν⁵. Н. П. Лихачев отмечает, что «сановники – ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν – наследники старых “comites privatorum” управляли “privata imperatorum patrimonía”, имея в своем учреждении ряд чиновников в меньших чинах и должностях»⁶. Фр. Дёльгер также относит οἰκιακά к частным императорским владениям⁷.

Г. Шлюмберже и В. Лоран определенно рассматривали этот термин как должность⁸. В. Лоран при издании печати эпопта фемы Пелопоннеса видит в чиновниках этого бюро управляющих частного владения императора или, возможно, исполнителя специальных поручений на какой-либо дворцовой службе⁹. И, по мнению Фр. Дёльгера, здесь могла идти речь о служащем дворца¹⁰. В случае с херсонскими печатями С. Б. Сорочан и К. Д. Смычков также полагают, что термин ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν представляет должность¹¹.

Заметим, что, как правило, исследователи, отмечая присутствие на печати указания на принадлежность владельца к магистрату $\acute{\omicron} \acute{\epsilon}\pi\iota \tau\acute{\omega}\nu \omicron\iota\kappa\iota\alpha\kappa\tilde{\omega}\nu$, не только относят последний к ведомству, отвечавшему за императорские владения, но и считают сам термин обозначением одного из высших придворных чинов X в.¹² Кроме того, следует отметить, что, по наблюдению Фр. Дёльгера, для более позднего времени (XI–XII вв.) значение управления $\acute{\epsilon}\pi\iota \tau\acute{\omega}\nu \omicron\iota\kappa\iota\alpha\kappa\tilde{\omega}\nu$ еще более возрастает; в него включаются чиновники ведомства логофета геникона ($\lambda\omicron\upsilon\omicron\theta\epsilon\sigma\iota\omicron\upsilon \tau\omicron\upsilon \gamma\epsilon\nu\iota\kappa\omicron\upsilon$), и сфера его юрисдикции распространяется вплоть до функций прежнего эпарха столицы ($\acute{\epsilon}\pi\alpha\rho\chi\omicron\varsigma \tau\eta\varsigma \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\omega\varsigma$)¹³.

Н. Икономидис и Ж.-Кл. Шене также отмечают большое значение этого секрета, управлявшего в конце X в. землями фиска, и добавляют, что его быстрое развитие сопровождалось ростом налога на имущество, начиная с правления Василия II¹⁴, определяя место для главы бюро между экономом благочестивых домов и эфорами имперских кураторий¹⁵. Сохранилось достаточно много печатей представителей этого ведомства, и все они относятся к категории имперских чиновников. Но о его внутренней структуре данных практически нет; известно только, что в него входили хартулярии и нотарии¹⁶.

К сожалению, часть печатей византийских чиновников X–XI вв. указывает лишь придворный ранг своих владельцев¹⁷ и принадлежность к рассматриваемому нами ведомству, что не позволяет прийти к определенному заключению, идет ли речь о ранге или должности владельца. В этом случае, очевидно, правомочно замечание В. Лорана о возможности некоего двойного смысла для термина $\acute{\epsilon}\pi\iota \tau\acute{\omega}\nu \omicron\iota\kappa\iota\alpha\kappa\tilde{\omega}\nu$ ¹⁸. В то же время определенное количество моливдовулов называет конкретные места службы своих владельцев, что, на наш взгляд, дает возможность рассматривать термин $\acute{\epsilon}\pi\iota \tau\acute{\omega}\nu \omicron\iota\kappa\iota\alpha\kappa\tilde{\omega}\nu$ как некий государственный пост, так или иначе сопряженный с основным родом деятельности владельца печати. Среди таковых можно назвать, например, печати Ставракия¹⁹, императорского протоспафария, *epi ton oikeakon* и *epi ton barbaron* (X в.), который, судя по печатям, имел отношение сразу к двум столичным управлениям – бюро императорского домена и бюро варваров, следившему за иностранцами²⁰; Симеона, императорского протоспафария, *epi ton oikeakon* и судьи ипподрома (IX–X вв.)²¹; Иоанна, императорского протоспафария, *epi ton oikeakon* и императорского нотариуса идики (XI в.)²², неизвестного по имени протоспафария, патрикия, *epi ton oikeakon* и мистографа (XI в.)²³; Иоанна, императорского спафарокандидата, *epi ton oikeakon* и комита шахт ($\kappa\omicron\mu\eta\varsigma \tau\eta\varsigma \lambda\alpha\mu\iota\alpha\varsigma$ = *comes metallorum*), отвечавшего за добычу полезных ископаемых и металлообработку (X в.)²⁴, или Михаила, императорского спафарокандидата, *epi ton oikeakon* и протонотария *tau b'oukou ton Magganon* (X в.)²⁵.

Примечательно, что нередко печати называют и принадлежность владельцев к определенным региональным округам империи, тем самым подчеркивая их роль и значение в провинциальной администрации. Судя по всему, «инспектора» $\acute{\epsilon}\pi\iota \tau\acute{\omega}\nu \omicron\iota\kappa\iota\alpha\kappa\tilde{\omega}\nu$ были призваны следить за состоянием как государственного, так и личного имущества императора в самых различных уголках империи. Как показывают печати, на эти посты выдвигались преимущественно представители местных гражданских властей, в юрисдикцию которых так или иначе входил надзор за соблюдением различных правовых норм. В этой связи не удивительно, что здесь мы имеем дело с представителями юридических служб и фиска – судьями, эпоптами²⁶ и анаграфевсами²⁷. Вот лишь некоторые из них:

- Дионисий, императорский протоспафарий, *epi ton oikeakon* и судья Опсихия (IX–X вв.)²⁸;
- Симеон, императорский протоспафарий, *epi ton oikeakon* и судья Стримона и Болерона (X–XI вв.)²⁹;
- Иоанн, императорский протоспафарий, *epi ton oikeakon* и анаграфевс Анатоликов (X в.)³⁰;
- Лев, императорский протоспафарий, *epi ton oikeakon*, анаграфевс и эпопт Опсихия (X в.)³¹;
- Михаил, протоспафарий, *epi ton oikeakon* и эпопт Фракесийцев (X в.)³²;
- Василий, императорский протоспафарий, *epi ton oikeakon* и эпопт Пелопоннеса (X в.)³³.

Но не только представителей фемной власти мы видим среди функционеров этого бюро. Известны печати отдельных городских центров. Среди таковых можно назвать моливдовулы X в.: остиария Льва³⁴, бывшего архонтом Бихет (Βηχητῶν), небольшого городка в феме Эллада; императорского спафарокандидата и эпейкита Абидоса Стефана, чиновника службы императорских конюшен, обеспечивавшего руководство и контроль за погрузкой и разгрузкой судов, а также осуществлявшего надзор над рыбной ловлей в районе Гелеспонта³⁵, или же еще одного Льва, императорского спафарокандидата и василека Аркадиополиса (X в.)³⁶. Впрочем, для XI столетия известен и более высокопоставленный функционер, Михаил, протоспафарий *epi tou Crysotriklinou*, койтонит, судья ипподрома и вилы, *epi ton oikeakon* и катепан Италии³⁷.

Судя по всему, не был обделен в этом смысле и византийский Херсон.

Долгое время единственным свидетельством существования связи местных функционеров с данным ведомством была изданная более 100 лет назад известным русским нумизматом И. И. Толстым печать протевонта Михаила³⁸, хранящаяся ныне в собрании Государственного Эрмитажа³⁹. Лишь в начале 90-х гг. XX в. с появлением первого тома каталога печатей собрания Dumbarton Oaks в научный оборот был введен дублетный экземпляр этой печати⁴⁰, который издатели датируют достаточно широко, просто отнеся его к X в. В то же время И. В. Соколова первоначально связывала моливдовул из коллекции Эрмитажа с периодом выхода Херсона из подчинения Византии во время восстания Георгия Цулы в начале XI в.⁴¹ Затем исследовательница пришла к выводу о его принадлежности к периоду деятельности городских властей после взятия города киевским князем Владимиром⁴². Однако позже она вновь пересмотрела датировку этой буллы и предложила отнести ее к самому началу X столетия⁴³.

Заметим, что в пользу последней датировки печатей протевонта Михаила в первую очередь свидетельствует использованный на печати сфрагистический тип: простой четырехконечный, зачастую с расширяющимися концами, или шестиконечный патриарший крест на ступенях, вокруг которого располагается легенда с invocативным обращением к божественной помощи. Действительно, такой тип изображения креста (в различных его вариантах), как правило, датируется исследователями в пределах конца IX – начала X в.⁴⁴

Недавно нам удалось выделить еще два аналогичных моливдовула протевонта Михаила, происходящих из херсонского архива. Один вошел в наш каталог печатей Херсона⁴⁵. На нем лучше всего сохранился тип представленного на печатях христианского символа веры, позволяющий уверенно датировать печати Михаила началом X в.

Ил. 1. Печать кира Херсона Михаила из коллекции К. Д. Смычкова. Последняя треть IX в. Прорисовка. Публ. по: *Сорочан С. Б., Смычков К. Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. № 16. Магнитогорск, 2006. С. 361, рис. 2

Ил. 2. Печать Михаила, императорского спафария, чиновника (начальника) бюро *epi ton oikeakon* и кира Херсона. Последняя треть IX в. Прорисовка

Другой (к сожалению, сохранился только фрагмент печати) пока еще не опубликован. Таким образом, к настоящему моменту мы располагаем уже четырьмя экземплярами печати императорского спафария, ἐπί τῶν οἰκιακῶν и протевонта Херсона Михаила, причем принадлежащими к одной и той же паре матриц.

В 2006 г. С. Б. Сорочан и К. Д. Смычков ввели в научный оборот печать еще одного представителя херсонских властей, также указавшего на своем моливдовуле принадлежность к столичному ведомству ἐπί τῶν οἰκιακῶν (ил. 1)⁴⁶.

К сожалению, неудовлетворительная сохранность печати не позволила авторам с полной уверенностью назвать имя ее владельца, хотя и было высказано предположение о возможной принадлежности нового моливдовула уже известному Михаилу, протевонту⁴⁷.

В этой связи, как нам представляется, особый интерес вызывает еще одна печать⁴⁸, имеющая отношение не только к администрации Херсона и рассматриваемому имперскому управлению, но и, на наш взгляд, безусловно принадлежавшая тому же самому историческому персонажу.

Среди моливдовулов, входящих в комплекс херсонского архива печатей, недавно удалось выделить моливдовул⁴⁹ (ил. 2), обладающий более полной сохранностью по сравнению с ранее изданным С. Б. Сорочаном и К. Д. Смычковым.

Новая печать (инв. № АKh-1710, Музей Шереметьевых, Киев) имеет диаметр 22 мм, толщину заготовки – 2 мм, вес – 7,9 г, малый модуль; внешний ободок вышел за поле заготовки.

Аверс: четырехконечный крест со слегка расширяющимися концами, на двух (или трех) ступенях, заключенный в жемчужный ободок; по кругу традиционная надпись с invocativным обращением к божественной помощи: ΚΕΡΟΝΘΗΤΟ..... – Κ(ύρι)ε βοήθη το [σο δούλο] «Господи, помоги твоему рабу».

Реверс: шестистрочная надпись, от которой сохранились лишь пять верхних строк:

.ΜΗ.
 ΗΛΡ'ΣΠ
 ..ΣΕΠΗΤΩ
 ..ΚΗΑΚ'ΖΚ.
 .ΩΧΕΡ
 ...

[+]Μη[χ]
 [α]ήλ β(ασιλικῶ) σπ
 [αθ(αρίῳ)] (καί) ἐπη τῶ
 [ν ὑ]κηак(ῶν) (καί) [κύ-]
 ρ]ῶ Χερ
 <σόν(ος)>

Κύριε βοήθη τῷ σῶ δουλω Μιχαήλ βασιλικῶ σπαθαρίῳ καὶ ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν καὶ κύρῳ Χερσόνοϋ – «Господи, помоги твоему рабу Михаилу, императорскому спафарину и *epi ton oikeakon* и *куру* Херсона».

При сопоставлении нашей находки с моливдовулом из коллекции К. Д. Смычкова⁵⁰, несмотря на неудовлетворительную сохранность последнего, нетрудно убедиться, что мы имеем дело с двумя одинаковыми печатями. Обе печати достаточно крупные. Моливдовул из коллекции К. Д. Смычкова, хотя и не позволяет представить размер матрицы печати, имеет 24 мм в диаметре⁵¹, а херсонская находка – 22 мм. Однако для нее использована малая заготовка, из-за чего часть изображения и литер легенды вышли за край печати.

Анализ содержания и метрические характеристики легенд и изображения показывают, что оба моливдовула происходят от одной пары матриц: совпадают и характер, и размер шрифта, а также расположение литер в строках.

Все это, в свою очередь, дает возможность безошибочно реконструировать как полный текст легенды, так и использованный сфрагистический тип, тем более что печати взаимно дополняют друг друга.

На херсонской находке четко видно, что на аверсе печати присутствует простой (четырёхконечный!) крест, а не шестиконечный патриарший, как полагали С. Б. Сорочан и К. Д. Смычков⁵². Зато на моливдовуле К. Д. Смычкова хорошо заметен двойной жемчужный ободок, обрамляющий изображение креста (элемент весьма важный для датировки печати). Кроме того, обращает на себя внимание и характер написания легенды с заменой *омеги* на *о микрон*⁵³.

Сравнение реверсов обеих печатей позволяет безошибочно восстановить весь текст располагавшейся на них легенды:

Моливдовул из коллекции К. Д. Смычкова	Моливдовул из музея Шереметьевых	Реконструкция легенды
....	.ΜΗ	+ΜΗΧ
ΑΗΛ...	.ΗΛΡϚСП	ΑΗΛΡϚСПΑ
ΑΘϚΕ.ΗΤ.	..ϚΕΠΗΤΩ	ΑΘϚΕΠΗΤΩ
ΝΥΚΗ.Κ'ΖΚ	..ΚΗΑΚ'ΖΚ	ΝΥΚΗΑΚ'ΖΚ
ΥΡΩΧΕΡ	..ΩΧΕΡ	ΥΡΩΧΕΡ
СΟΥ	...	СΟΝ

Таким образом, сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении данные, мы можем констатировать, что, учитывая недостаточный размер заготовки, херсонская находка в качестве сфрагистического типа имеет изображение простого четырёхконечного креста, покоящегося на трех ступенях, вокруг которого между двумя нитями жемчужного ободка располагается надпись с инвокативным обращением – «Господи, помоги твоему рабу», – в конечной своей формуле нетрадиционно записанная через *о микрон* (το σο δουλο). А легенда оборота гласит о том, что печать принадлежала Михаилу, императорскому спафарину, чиновнику бюро *epi ton oikeakon* и *куру* Херсона.

С учетом своеобразия сфрагистического типа и характерных эпиграфических особенностей легенды, становится понятным, что есть прекрасная возможность сделать достаточно узкую датировку рассматриваемого памятника, чем, собственно, не преминули

воспользоваться в свое время и издатели моливдовула из коллекции К. Д. Смычкова. Опираясь на наблюдения Н. П. Лихачева, И. В. Соколовой, В. Зайбта, И. Йордано-ва и других исследователей и приводя порой достаточно разноречивые стилистические или эпиграфические аргументы для определения хронологических границ печати в пределах той или иной части IX или X столетия⁵⁴, авторы публикации приходят к выводу, что «сочетание перечисленных признаков позволяет датировать печать третьей четвертью IX в.»⁵⁵. С этим действительно нельзя не согласиться. Хотя, на наш взгляд, не исключена и более поздняя датировка, но в пределах IX столетия.

И в ее пользу в первую очередь свидетельствуют не только эпиграфические особенности шрифта печати, о которых не раз писала И. В. Соколова⁵⁶, но и сам сфрагистический тип, распознать который не позволяла неудовлетворительная сохранность первого памятника, имеющего значительные повреждения поля по линии канала.

Благодаря новой херсонской находке вопрос о типе изображенного креста с повестки дня снимается. В то же время характерное начертание христианского символа в сочетании с другими элементами декора на моливдовуле и их сопоставление с иными памятниками сфрагистики, несущими аналогичный или близкий тип креста, на наш взгляд, дают возможность проследить некую хронологическую последовательность в развитии этого типа изображения и тем самым уточнить датировку рассматриваемой печати.

Напомним, что так называемый нимбированный крест, когда внутренний жемчужный ободок начинается от верхней ступени, на которой покоится крест (в абсолютном большинстве это патриарший шестиконечный крест), В. Зайбт склонен датировать 860–880 гг.⁵⁷ И для такого вывода есть немало оснований. Во-первых, это датированные печати, позволяющие соотнести их владельцев с реальными историческими личностями, фигурирующими в византийских источниках. Взять, к примеру, Стилиана Зауцу, известного по печатям как магистр, анфипат, патрикий, императорский протоспафарий, логофет дрома и *василеопатор*⁵⁸. Источники сообщают, что Стилиан Зауца получил первый из указанных на печати титулов от взойшедшего на византийский престол Льва VI в 886 г., а затем был возведен императором в ранг василеопатора⁵⁹. В. Грумель считает, что Зауца получил последний ранг в 888 или 889 г.⁶⁰, а Р. Дженкинс определяет эту дату между августом 891 и маем 893 г.⁶¹ Известно, что Стилиан умер в июне или июле 899 г.⁶² Таким образом, его печати не выходят за пределы IX столетия. И они несут изображение простого четырехконечного креста с расширяющимися концами, правда, вокруг креста отсутствует жемчужный «нимб».

Другой пример: десятый акт Константинопольского (Ойкуменического) синода 870 г. подписал протоасикрит и *praeposito caniculi* Христофор⁶³, известный по печати, датированной концом IX в., как императорский протоспафарий, *epi tou kanikleion* и протоасикрит⁶⁴. Он в качестве сфрагистического типа использовал уже патриарший шестиконечный «нимбированный» крест.

Еще один персонаж конца IX в. – Иоанн, императорский протоспафарий и дунгарий Виглы⁶⁵, который был отправлен в отставку Львом VI в 896 г., во время заговора сына Зауцы Льва⁶⁶ также избрал для своей печати патриарший шестиконечный «нимбированный» крест.

Известно несколько моливдовулов Варсакия конца IX и рубежа IX–X вв., на которых он назван анфипатом, патрикием, императорским спафарием⁶⁷, дунгарием императорского флота (т. е. командующим столичного флота)⁶⁸, императорским протоспафарием

и стратигом Сицилии⁶⁹. Как видим, печати представляют часть его карьеры не только с учетом повышения служебного ранга, но и с переменой места службы. Примечательно, что с течением времени Варсакий не только заказывает новые буллотирини, внося соответствующие изменения, но и меняет тип изображения. Если на более ранних буллах он использовал тип простого четырехконечного креста, то на буллах стратига Сицилии присутствует иной вариант – «нимбированный» шестиконечный крест. Издатели его сицилийских моливдовулов из собрания Dumbarton Oaks датируют их рубежом IX–X вв. и предполагают видеть во владельце печатей Варсакия, который воевал в Таормине в 880–881 гг. и, возможно, стал стратигом Лангобардии в 894 г.⁷⁰

Смену типа изображения креста с четырехконечного на патриарший шестиконечный в пределах второй половины или, скорее, последней четверти IX в. демонстрируют также печати препозита Евстафия⁷¹ и императорского спафария Феодора, который в одном случае назван представителем бюро *epi ton oikeakon*⁷², а в другом – протонотарием фемы Анатоликов⁷³.

Впрочем, «нимбированный» шестиконечный крест известен даже в середине третьей четверти IX в. на печати императорского протоспафария и главного логофета Филофея⁷⁴, друга и соратника кесаря Варды, 21 апреля 866 г. убитого по наущению будущего императора Василия I⁷⁵.

Как видим, печати рассматриваемого периода показывают, что в пределах последней трети IX в. на сфрагистических памятниках бытуют оба вида изображения христианского символа, которые можно разделить на четыре варианта. С учетом булл, отражающих карьерный рост своих владельцев, можно говорить, что вначале в практику вошел простой крест (третья четверть IX в.), в абсолютном большинстве случаев имевший расширения на концах. Позже (конец IX в.) композицию усложняет появившийся вокруг креста жемчужный «нимб» (тип нашего моливдовула). Затем он уступает место «нимбированному» патриаршему кресту с двумя пересечениями (рубеж IX–X вв.) и уже в начале X в. бытует только вариант шестиконечного креста на ступенях без «нимба», который затем сменяет новый тип – шестиконечный крест с ветвями процветия⁷⁶.

Следует отметить, что практически тождественный тип креста, изображенного на новой херсонесской находке, мы видим и на печати одного из ранних стратигов Херсона – Феофания⁷⁷, датируемой последней третью IX в. Близкий тип (но уже с шестиконечным крестом) представлен на печатях экдика Херсона Никифора⁷⁸, которые датируются тем же периодом.

Итак, новая херсонская находка, несомненно, принадлежит к памятникам конца IX в., и присутствие в легенде моливдовула должности *κιρα* Херсона – явное свидетельство того, что этот пост не исчезает к началу второй половины IX в., как мы предполагали ранее⁷⁹, а продолжает существовать уже в рамках образованной в Таврике фемы.

Напомним, что все известные ранее исполнители такой должности имели на аверсе своих печатей крестообразную инвокативную монограмму обращения к Богородице, благодаря которой датировка печатей не выходила за пределы середины IX столетия⁸⁰.

При сопоставлении данных ранее известных печатей Михаила-протевонта и Михаила-кира в первую очередь обращает на себя внимание полное совпадение титулярной принадлежности владельцев. Учитывая приведенные выше сведения об относительной хронологии и развитии сфрагистического типа с различными вариантами изображения креста и в связи с тем близкие датировки печатей с именем Михаила, все это, на наш

взгляд, скорее всего свидетельствует об их принадлежности одному и тому же персонажу и, безусловно, отражает различные этапы служебной карьеры херсонского чиновника.

Сначала Михаил предстает перед нами в ранге императорского спафария и представителя бюро ἐπι τῶν οἰκιακῶν и занимает пост местного кира (господина), должность которого благодаря последним находкам, очевидно, теперь уже не следует рассматривать только как чин представителя официальных имперских властей до фемного периода.

Проявление должности кира в период начального этапа существования фемы в Таврике вновь обращает внимание на присутствие неординарных форм управления в структуре городских (или региональных) властей.

Ранее мы уже отмечали, что эта должность, видимо, не была столь эпизодической в структуре местного управления, как полагала в свое время И. В. Соколова⁸¹, и определенно существовала в Херсоне в первой трети IX в.⁸², а сейчас уже можно говорить и о второй половине столетия⁸³. Ее исполнитель действительно мог быть одним из представителей местных властей, что, на наш взгляд, логически вытекает из самого значения термина κύριος, обязанности которого вполне могли соответствовать задачам эпарха⁸⁴, как считала когда-то А. Ф. Вишнякова⁸⁵. В современной историографии Н. И. Храпунов констатирует, что кир – официальное название должности чиновников, которые могли существовать в пограничных регионах и должны были бы отвечать за взаимоотношения с варварами, но отмечает, что они не могли быть правителями Херсона, т. к. городом управляла пресловутая коллегия архонтов⁸⁶, приводя при этом мнение В. Зайбта, что кир является «не византийским чиновником, а лидером вассального города – Херсона, возможно, находившегося не в лучших отношениях с империей, в результате их титулы были ниже, чем у других»⁸⁷.

С последним никак нельзя согласиться, так как известно, что все ранние архонты Херсона (VIII – начало IX в.) имели тот же титул ипата⁸⁸, что и кiry. Лишь единственный – Феодот – обладал сразу двумя: являлся ипатом и императорским спафарокандидатом⁸⁹. Более того, императорский ипат Зоил, очевидно, последовательно занимал посты и кира⁹⁰, и архонта⁹¹. К сожалению, практическая однотипность его печатей в известной мере затрудняет определение их хронологической последовательности. Хотя наличие знака сокращения в приставке «императорский» в виде изогнутой линии высотой во всю строку свидетельствует о применении на печати кира шрифта, характерного для первой половины IX в.⁹²

Вслед за В. Зайбтом Ж.-Кл. Шене предполагает, что «довольно загадочный кир, зафиксированный только в Херсоне» может являться представителем власти, «которого направлял в город хазарский каган»⁹³. Это заявление подверглось справедливой критике со стороны С. Б. Сорочана⁹⁴, равно как и вывод А. И. Айбабина о признании кира руководителем «городского самоуправления», должность которого была упразднена после учреждения фемы⁹⁵.

Заметим также, что С. Б. Сорочан, цитируя нашу точку зрения о том, что киров Херсона следует отнести к официальным имперским властям до фемного периода⁹⁶, также видит в них имперскую «штатную» должность, существовавшую, с учетом новой находки в Херсоне, уже на протяжении VIII–IX вв.⁹⁷

В то же время отметим, что в стремлении С. Б. Сорочана показать Херсон законопослушным и полностью византийским городом постоянно присутствует тенденция

занизить роль городских фигурантов, участвовавших в местном управлении. Сегодня уже никто не может оспаривать наличие специфических особенностей в городском управлении. Появление нетрадиционных для IX–X вв. должностей городских чиновников, на наш взгляд, говорит само за себя. И наличие печатей, скорее всего, предполагает для них некий государственный бюрократический статус, т. е. представители местной знати, относящиеся к управленческим структурам, и *de jure*, и *de facto* становятся государственными чиновниками, вовлеченными во все сферы юридической ответственности с подчинением высшему руководству. Что мы, собственно, всегда и имели в виду в наших предыдущих публикациях на данную тему. И здесь, безусловно, уже не могло быть никакой речи о городском самоуправлении. В этой связи непонятно, почему С. Б. Сорочан предлагает считать всех городских нотаблей сначала «государственными служащими сети провинциальной гражданской администрации, подчиненной имперскому стратигу», которые уже потом «одновременно представляли власти города»⁹⁸. О какой сети провинциальной администрации идет речь, если все появившиеся благодаря печатям чиновничьи должности, так сказать, негосударственного характера (т. е. отсутствующие в «Табелях о рангах») в IX–X вв. неизвестны в других регионах империи и присущи исключительно Херсону.

Но вернемся к должности *кира*. Итак, распространение этой должности в Херсоне в третьей четверти или, скорее, во второй половине IX столетия вновь возвращает нас к проблеме сосуществования официальных имперских и неофициальных постов на одной территории.

Напомним, что ранее известные печати херсонских *киров* были синхронны не только печатям архонтов, но и печатям самых первых стратигов. Сегодня печати *кира* Михаила синхронны нескольким не самым ранним стратигам и коммеркиариям Херсона.

Сосуществование этих должностей, как нам представляется, определенно должно предполагать их различную ведомственную принадлежность или субординацию. И если учесть специфику административного управления Херсона на всем протяжении его истории, то наличие определенных элементов неких местных структур в городском хозяйстве (*речь совсем не идет о муниципальном самоуправлении!*) с появлением новых сфрагистических памятников обретает все более и более реальные черты.

Определяя *кира* как некоего местного функционера на государственной службе (собственно имперского чиновника, наделенного печатью), должность которого в силу каких-то причин не была включена в списки имперских служащих⁹⁹, в то же время следует признать справедливость мнения С. Б. Сорочана, что «городские кiry не формально, а по существу вполне находят место на имперской сановной лестнице, в провинциальном имперском чиновном аппарате как дофемного, так и, что особенно важно отметить, фемного периода»¹⁰⁰. Что же касается его статуса, то думается, что наши предшественники, рассматривая самую первую из известных тогда печатей *кира* Исаака с оттиском ткани¹⁰¹, были весьма прозорливы и, на наш взгляд, близки к правильному решению вопроса.

Напомним, что А. Ф. Вишнякова относила *кира* к разряду епархов, суть должности которого определяла как пост градоначальника и считала его главным лицом в городе вплоть до организации здесь фемы¹⁰². И. В. Соколова поддержала такую точку зрения, заметив при этом, обозначая одну из главных муниципальных должностей, что «его функции были близки обязанностям епарха»¹⁰³.

Как известно, эпарх города в иерархии византийских чиновников лицо сугубо официальное, облеченное значительными полномочиями и подчиняющееся высшим имперским властям, а не муниципальный функционер¹⁰⁴. Как мы можем судить, его полномочия достаточно широки и разнообразны. «Книга Церемоний», называя эпарха наместником императора, указывает, что он ведал вопросами обороны города во время набега врагов¹⁰⁵. Из хроники «Продолжатель Феофана» мы узнаем, что он обладал также и судебными функциями¹⁰⁶. По наблюдениям А. П. Каждана, особому контролю со стороны эпарха подвергались производство и торговля предметами роскоши и продуктами питания¹⁰⁷. В этой связи можно провести параллель между кирами Таврики и эпархами городов, которые, впрочем, известны не только для столицы империи¹⁰⁸, но и для византийских провинций, например Фессалоник¹⁰⁹, Италии¹¹⁰, Кипра¹¹¹, или даже отдельных центров (Феодосиополис¹¹², Рим¹¹³, Никея¹¹⁴). Кроме того, следует отметить, что при анализе провинциальных кадров, содержащихся в византийских табелях о рангах, Н. Икономидис, ссылаясь на «Книгу церемоний»¹¹⁵ и замечания Е. Штейна¹¹⁶, приводит анфипатов и эпархов фем, называя их гражданскими правителями¹¹⁷. Одним словом, так или иначе мы получаем некоего гражданского управляющего, статус которого для Херсона пока не вполне понятен. Поручить ему обязанности, соотносимые с задачами местных таможенных инспекторов, в период архонтии вполне допустимо, но это как-то не соотносится на следующем этапе, когда при организации фемы появляется должность местного коммерциария¹¹⁸.

Для нас имел бы определенный интерес приводимый С. Б. Сорочаном¹¹⁹ пассаж с *кирам* Александрии, который, в своей деятельности опираясь на императорскую власть, занимался вопросами торговли, налогами и имперскими доходами в византийском Египте. Однако пример в данном случае не лучший. Во-первых, деятельность египетского сановника относится к более раннему периоду – времени правления императора Ираклия; во-вторых, в «Breviarium Historicum» патриарха Никифора¹²⁰, на русский перевод которой ссылается С. Б. Сорочан¹²¹, назван александрийский патриарх по имени Кир, а не некий египетский наместник – *кир* (господин). Непонятно, почему вдруг С. Б. Сорочан решил патриарха сделать светским лицом, придумав фантастическую историю о позднейших переписчиках, которые «превратили этот термин в имя собственное»¹²². Тем не менее, если все-таки обратиться к первоисточнику, то становится понятной полная несостоятельность этой идеи. Переизданная в конце XX в. К. Манго «Short History» патриарха Никифора, содержащая оригинальный текст и английский перевод с современными комментариями, дает прекрасную возможность убедиться в этом. Во всех местах, где есть упоминание о *кире*, речь идет лишь об имени собственном александрийского патриарха, которого в тексте так и называют Κύριος (Κύρος) τῷ Ἀλεξανδρείας ἱεράρχῃ¹²³. Источник вне всякого сомнения говорит о священнике, который по определению не может быть представителем светского бюрократического аппарата. Ну а что до того, что патриарх занимался делами, вроде бы ему не предназначенными, нет ничего удивительного. Служители церкви нередко участвовали в различных переговорах и вели финансовые операции, связанные с дипломатическими миссиями. Так что александрийский патриарх Кир при определенных условиях по велению императора мог заняться и податями, и торговлей, если того требовали интересы империи.

В то же время, весьма вероятно, что мысль С. Б. Сорочана о том, что в *кирах* Херсона следует видеть преемников «первенствующих», первых горожан, которые, будучи

представителями местной знати, являлись одновременно и функционерами имперской администрации, а в аппарате архонтии могли ведать вопросами контроля за трафиком товаров и сбором соответствующих налогов и пошлин¹²⁴, может иметь под собой реальную почву, в особенности на период существования архонтии. Что, в свою очередь, является подтверждением и нашего предположения о близости их полномочий провинциальным городским епархам¹²⁵.

Здесь, видимо, следует подчеркнуть и еще одну особенность, которая заключается в том, что ранг городского епарха представляет неразрывную связь и с патером полиса¹²⁶. Однако здесь мы не будем вдаваться в дискуссию о возможной взаимозаменяемости этих постов, как, впрочем, и других городских фигурантов. На этот предмет мы уже не раз высказывали свою точку зрения¹²⁷. Тем не менее данные сфрагистики, которые невозможно игнорировать, показывают, что моливдовулы, относящиеся к представителям местного чиновничьего аппарата, представлены лишь единичными находками, и их датировки практически не перекрещиваются (при архонтии фигурирует только *кир*, а при феме сначала *кир* и *экдик*, затем *патер* и *протевонт* и потом только *протевонт*), а должности никогда не фигурируют в имперских табелях о рангах, что в известной мере затрудняет считать их официальными представителями имперского чиновничьего аппарата. Все это дает нам основания в очередной раз высказать мнение не только об их экстраординарности в византийской административной практике, но и определенной хронологической последовательности и возможной взаимозаменяемости городских постов в тот или иной период истории города. И здесь, безусловно, не может идти речь о сохранении муниципального самоуправления в античном понимании этого термина, против чего выступает в своих публикациях С. Б. Сорочан¹²⁸. Перед нами, скорее всего, некая форма внутригородского управления, организованная имперскими властями с привлечением на государственную службу представителей местной знати, которые получают и право обретения печати наравне с имперскими служащими. Возрожденный ли это институт кураторов города или нет, но факт остается фактом, подчеркивающим, на наш взгляд, именно неординарность местного управления¹²⁹, а отнюдь не стандартность и обычность для византийской административной системы в провинциях. Действительно, *патеры полиса*, *экдики* и *протевонты* известны для ранневизантийских городов, но время их бытования, как правило, не выходит за рамки VI–VII в.¹³⁰ Аналогичных же примеров для IX и X вв. мы пока не знаем. Упоминаемые иногда в агиографической литературе VIII–IX вв. городские «первенствующие», как, например, отец Филарета Милостивого, епарх (ὀπάρχος) Георгий, названный также протевонтом в значении богатого, состоятельного землевладельца¹³¹, имеют отношение к «первенствующим» лишь по знатному статусу и состоянию, а не по исполняемой ими должности.

В заключение, возвращаясь к моливдовулам императорского спафария Михаила, ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν, следует подчеркнуть, что его моливдовулы не только дают прекрасную возможность проследить карьерные перипетии одного из херсонских представителей власти, но и уточнить некоторые детали в организации административного управления Херсона на начальном этапе становления византийской фемы в Таврике.

Как показывают его печати, Михаил, очевидно, не сильно преуспел в получении каких бы то ни было дополнительных титулов и чинов. Со временем он оставляет пост *кира* и занимает должность «первенствующего» – *протевонта* Херсона. В то же время

присутствие на печатях и в том, и другом случае термина ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν заставляет видеть в нашем владельце представителя соответствующего столичного магистрата, управлявшего имуществом фиска и императорским доменом в провинциях. Напомним, что о вероятном вхождении Таврики в ареал императорских владений свидетельствует и находка в Херсоне моливдавула протонотария управления Манган и Херсона¹³². Косвенное подтверждение этому тезису можно продемонстрировать еще на одном примере. Известно, что Константин Багрянородный называл дворец Манган – ὁ τὰ Μάγγαλα οἶκος βασιλικός¹³³. В этой связи, возможно, отдельные представители местной херсонской власти в силу каких-то своих заслуг были особо приближены к императорскому двору и, судя по их рангам, не только исполняли определенные дворцовые поручения во время присутствия на столичных церемониях, но и осуществляли надзор за императорским имуществом, которое могло располагаться как в столичных регионах, так и в таких отдаленных провинциях, как Херсон.

¹ Алексеевко Н. А. Defensor civitatis и его роль в управленческом аппарате Херсона // АДСВ. Т. 36. Екатеринбург, 2005. С. 67–75; *Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. Paris, 2012. P. 7, 61–63, 213–214. N 128–130.*

² Алексеевко Н. А. Патер полуса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // Древности 2005. Харьков, 2005. С. 58–63; *Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson. P. 7, 63–65, 214–215. N 131.1–4.*

³ Алексеевко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. Т. 5. Симферополь, 1996. С. 157–158. № 4–6; *Он же.* Архонтия и архонты Херсона в VIII–IX вв. // МАИЭТ. Т. 9. Симферополь, 2002. С. 465. № 32, 33; *Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson. P. 76–79. N 6–7.*

⁴ *Alekseyenko N. The Features of the Byzantine Administration in Taurica Again: molybdobouloi of the stratores of Cherson // International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography «SPHRAGISTIC MERIDIAN: КИЇВ – КОРСУНЬ/ХЕРСОН – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ», Киев, 13–16.09.2013 : Program and Abstracts. Kiev ; Sevastopol, 2013. P. 23–27.*

⁵ *Du Cange.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Vol. 1–2. Graz, 1958. Col. 1030.

⁶ *Лихачев Н. П.* Моливдавулы греческого Востока // Научное наследие. Т. 19. М., 1991. С. 39.

⁷ *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders im 10. Jahrhundert. München, 1927. S. 43, 45.

⁸ *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884. P. 555–556; *Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952. P. 21. N 15.

⁹ *Laurent V.* Sceaux byzantins inédits // BZ. 1933. Vol. 33. P. 340–342. N 4.

¹⁰ *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 43, Anm. 3.

¹¹ *Сорожан С. Б., Смычков К. Д.* Кипы византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. Т. 16. Магнитогорск, 2006. С. 213.

¹² *Oikonomidès N.* Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. Paris, 1972. P. 299; *Idem.* L'évaluation de l'organisation administrative de l'empire Byzantin au XI-ème siècle (1025–1118) // TM. 1976. T. 6. P. 136, note 65; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang und Ämterstruktur im 8 und 9 Jahrhundert. Berlin, 1985. S. 43, Anm. 1.

¹³ *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 15.

¹⁴ *Oikonomidès N.* L'évaluation de l'organisation administrative de l'empire Byzantin. P. 136–137.

¹⁵ *Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–Xe s.). Athènes, 1996. P. 303.

¹⁶ Βυζαντινά Ἐγγράφα τῆς Μονῆς Πάτμου. [Vol.] Α'. Αὐτοκρατορικά / by E. Vranoussi. Athens, 1980. N 48, 49.

¹⁷ Как правило, это императорский протоспафарий или спафарокандидат (см., например:

- Cheyne J.-Cl., Gokyildirim T., Bulgurlu V.* Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul. Istanbul, 2012. P. 475–482, 5. 151, 153, 158, 160, 165), хотя встречаются и иные ранги: императорский кандидат, вестарх или остиарий (см.: *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. Sofia, 2009. P. 124, 173, 296–297. N 252, 426, 427, 833).
- ¹⁸ *Laurent V.* Sceaux byzantins inédits. P. 342.
- ¹⁹ *Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. Vol. 2 : L'administration. Paris, 1981. P. 259–261. N 524–527; *Лухачев Н. П.* Моливадулы греческого Востока. С. 280–286, табл. LXXX, 9–10; *Шандровская В. С.* Печати ΕΠΙ ΤΩΝ ΒΑΡΒΑΡΩΝ в Эрмитаже // АДСВ. Т. 31. Екатеринбург, 2000. С. 110–111, М-3773; *Cheyne J.-Cl., Gokyildirim T., Bulgurlu V.* Les sceaux byzantins. P. 130–131, 2.74–75.
- ²⁰ *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Night Century. London, 1911. P. 93.
- ²¹ *Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. Vol. 2. P. 450. N 852.
- ²² *Ibid.* P. 321–322. N 631.
- ²³ *Ibid.* P. 65. N 141.
- ²⁴ *Ibid.* P. 192. N 404.
- ²⁵ *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. P. 336–337. N 923.
- ²⁶ Эпопт — чиновник податного ведомства, состоял под юрисдикцией епарха Константинополя, при котором состояло четверо таких инспекторов, эпопт фемы был ревизором кадастра и входил в финансовое управление логофета геникона (*Oikonomides N.* Les listes préséance Byzantines. P. 313, 320; *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 79–80).
- ²⁷ Анаграфевсами называли ревизоров-землемеров фискального ведомства, которые обычно проводили временные инспекции и действовали, как правило, в пределах одной фемы (*Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, 1991. P. 2. N 1.1).
- ²⁸ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 3 : West, Northwest and Central Asia Minor and Orient. Washington, 1996. P. 59. N 39.11.
- ²⁹ *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. P. 476–477. N 1432.
- ³⁰ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 3. P. 145. N 86.2.
- ³¹ *Ibid.* P. 57. N 39.6.
- ³² *Ibid.* P. 6–7. N 2.9.
- ³³ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 2 : South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. Washington, 1994. P. 65–66. N 22.7.
- ³⁴ *Mordtmann A.* Μολυβδόβουλλα βυζαντινά τῶν ἐπαρχιῶν τῆς Εὐρώπης // ΕΡhS 17. 1882–1883. P. 149; *Bees N. A.* Zur Sigillographie der byzantinischen Themen Peloponnes und Hellas // BB. 1914. T. 21. С. 202.
- ³⁵ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 3. P. 75. N 40.2.
- ³⁶ *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. P. 404. N 1119–1121.
- ³⁷ *Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986. P. 82. N 81.
- ³⁸ *Толстой П. П.* О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. Т. 2. СПб., 1887. С. 39, 40. № 13.
- ³⁹ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 159, 160. № 43 (М-11906).
- ⁴⁰ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 1. P. 186. N 82. 10.
- ⁴¹ *Соколова И. В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 года в Херсоне // ПС. 1971. Т. 23 (86). С. 72, 73.
- ⁴² *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 116–117.
- ⁴³ *Соколова И. В.* О так называемой печати протевона Михаила // ВИД. Т. 23. Л., 1991. С. 102.
- ⁴⁴ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 96–102; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Vol. 2. Berne, 1984. P. 82–206. N 78–351; *Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. P. 62, 63. N 55; *Cheyne J.-Cl., Morrison C.* Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique // SBS. Vol. 4. Washington, 1995. P. 14; *Kolstida-Makre I.* The representation of the cross on byzantine lead seals // SBS. Vol. 4. Washington, 1995. P. 44, 45; *Лухачев Н. П.* Моливадулы греческого Востока. С. 31–44. Табл. LVIII, 1–14.

- ⁴⁵ *Aleksyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 216, 217. N 132.3.
- ⁴⁶ *Сорочан С. Б., Смычков К. А.* Указ. соч. С. 210, 361. Рис. 1, 2.
- ⁴⁷ Там же. С. 213.
- ⁴⁸ Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность Ю. Н. Самойленко, трудами которого был собран херсонский архив печатей, и А. Е. Шереметьеву, директору музея семьи Шереметьевых, за предоставленную возможность изучения и публикации печати.
- ⁴⁹ *Алексеевко Н. А.* Ведомство ері του οικεακον и его представители в администрации Херсона // VI Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 7–9.
- ⁵⁰ К сожалению, из-за издательской небрежности пропись легенды печати, ее изображение и прорисовка были помещены отнюдь не при публикации памятника; они попали в другую публикацию С. Б. Сорочана в том же томе ПИФК (реп.: *А. И. Романчук.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000) на с. 359 и 361.
- ⁵¹ *Сорочан С. Б., Смычков К. А.* Указ. соч. С. 210.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 361. Рис. 1 (слева).
- ⁵⁴ Там же. С. 210. Примеч. 25–31.
- ⁵⁵ Там же. С. 213.
- ⁵⁶ *Соколова И. В.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. Кн. 18. Београд, 1978. С. 82–97; *Она же.* Об эпиграфике византийских печатей VIII–IX вв. // ВВ. 1981. Т. 42. С. 106–114. Табл. I–VII; *Она же.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 89–96; *Она же.* Знак сокращения на византийских печатях VIII – первой половины X в. // ВВ. 1986. Т. 47. С. 157–162.
- ⁵⁷ *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Т. 27. Симферополь, 1995. С. 92, 96. Примеч. 13.
- ⁵⁸ *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Vol. 1. Basel, 1972. P. 1442–1444. N 2674ab, 2674bis; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. P. 181. N 298; *Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. P. 62, 63. N 55.
- ⁵⁹ *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских цезарей. М., 1992. С. 147, 149; *Grammaticus Leo.* Chronographia / rec. I. Bekkerus. Bonnæ, 1847. P. 263; *Cedrenus Georgius.* Ioannis Scylitzæ opera. Vol. 2. Bonnæ, 1839. P. 250; *Guilland R.* Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine // REB. 1971. Vol. 29. P. 52, 53. N 16.
- ⁶⁰ *Grumel V.* Chronologie des événements du règne de Léon VI // EO. 1936. Vol. 35. P. 41.
- ⁶¹ *Jenkins R.* The chronological accuracy of the «Logothete» for the years A. D. 867–913 // DOP. 1965. Vol. 19. P. 106.
- ⁶² *Grumel V.* Chronologie. P. 19–21.
- ⁶³ *Mansi J. D.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collection. Florence, 1769. XVI, col. 189.
- ⁶⁴ *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. P. 96. N 112.
- ⁶⁵ Ibid. P. 125. N 177.
- ⁶⁶ *Grammatikos L.* Chronographia. P. 270; *Cedrenus Georgius.* Ioannis Scylitzæ opera. P. 257; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin ; Amsterdam, 1967. T. 1–2. P. 565, 570.
- ⁶⁷ *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. P. 201. N 340.
- ⁶⁸ Ibid. P. 201. N 341.
- ⁶⁹ *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 1. P. 25, 26. N 5.9a–d.
- ⁷⁰ *Falkenhausen von V.* La Dominazione bizantina nell'Italia meridionale dal IX al XI secolo. Bari, 1978. P. 100. N 62.
- ⁷¹ *Laurent V.* Le Corpus des Sceaux. Vol. 2. P. 116. N 243, 244.
- ⁷² *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. P. 187. N 311.
- ⁷³ Ibid. P. 187. N 312ab.
- ⁷⁴ *Laurent V.* Le Corpus des Sceaux. Vol. 2. P. 148. N 309.
- ⁷⁵ *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских цезарей. С. 88, 102; *Grammaticus L.* Chronographia. P. 244; *Guilland R.* Les logothètes. P. 22–53. N 19.
- ⁷⁶ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 98, 99.
- ⁷⁷ *Алексеевко Н. А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. Т. 6. Симферополь, 1998. С. 702, 705. № 1. Рис. 1, 1; *Aleksyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 127. N 37.
- ⁷⁸ *Алексеевко Н. А.* Defensor civitatis. С. 67–75; *Aleksyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 214–216. N 131.1–4.
- ⁷⁹ *Алексеевко Н. А.* Херсон на хазарско-византийском пограничьи в начале IX в.: печати

- киров // Боспорские исследования. Вып. 9. Симферополь ; Керчь, 2005. С. 212–220.
- ⁸⁰ *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 115–117. N 23–25.
- ⁸¹ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 114.
- ⁸² *Алексеевко Н. А.* Херсон на хазарско-византийском пограничьи. С. 214; ср.: *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 29–32.
- ⁸³ Сегодня мы имеем уже как минимум четыре персонажа, связанных с этой должностью: шпатов Исаака, Льва, Зоила и императорского спафария Михаила.
- ⁸⁴ *Алексеевко Н. А.* Херсон на хазарско-византийском пограничьи. С. 216–218.
- ⁸⁵ *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 123.
- ⁸⁶ Дискуссия о коллегии архонтов в Херсоне насчитывает уже не один десяток лет. И всякий раз кто-нибудь из исследователей в очередной раз затевает диспут на эту тему. В специальной работе, посвященной местным архонтам (Архонтия и архонты Херсона. С. 455–500), мы постарались пролить свет на эту проблему и собственно состав самой коллегии, который, исходя из данных печатей, достаточно трудно было бы представить из-за отсутствия минимального количества кандидатов, и доказать реалии единоличного правления архонта, который, вне всякого сомнения, являлся имперским служащим, т. к. его должность указана в византийском Тактиконе. Достаточно исчерпывающую информацию о византийских архонтах, в частности и о херсонских, приводит Ж.-Кл. Шене (*Шене Ж.-Кл.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Т. 7. С. 310–317), который также не видит коллегиального правления в архонтате и называет архонта «наивысшим представителем византийской гражданской администрации в определенном месте, городе провинции, а также формирующей фемь».
- ⁸⁷ *Храпунов Н. И.* Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX в. // ПИФК. № 12. Магнитогорск, 2002. С. 574.
- ⁸⁸ *Zacos G., Vegliery A.* Byzantine Lead Seals. Vol. 1. P. 1284. N 2345; *Соколова И. В.* Печати архонтов. С. 82; *Она же.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 145. № 1; *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 1. P. 184. N 1.82.3; *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 74. N 2.
- ⁸⁹ *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 73. N 1.1–2. Впрочем, в последнее время появилась серия моливдовулов с именем Феодота с характерной для первой половины VIII в. особенностью размещения имени владельца в углах инвокативной монограммы на лицевой стороне и продолжением легенды на обороте, на котором присутствует только титул шпат: ΘΕ Ο|ΔΟ ΤΩ – ВΠΑ|ΤΩΑΡΧ|ΩΝΤΧΕ|ΡΧΟΝΟΣ (см. комментарии: *Алексеевко Н. А.* Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017. С. 450–452. № VIII.1.1.1-3).
- ⁹⁰ К сожалению, до сих пор в библиографии продолжает бытовать досадная ошибка в атрибуции печати шпата Зоила из коллекции Института византийских исследований в Париже (IFEV, inv. N 25), на которой он назван киром Херсона, а никак не стратигом, как это представили Н. и В. Зайбты (*Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов. С. 91). Его упоминает в качестве одного из первых стратигов и даже строит его *cursus honorum* и С. Б. Сорочан (*Сорочан С. Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. С. 33, 35, 36. Примеч. 97; *Она же.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Ч. 1. Харьков, 2005. С. 637. Примеч. 247). Однако два известных его моливдовула не оставляют сомнений, что на них начертана должность *кифа*. Кроме того, весьма примечателен и титул владельца. Печать называет Зоила *императорским шпатом*. Случай беспрецедентный в византийской практике. По непонятным причинам С. Б. Сорочан называет «царским шпатом» и кира Льва (*Сорочан С. Б., Смычков К. Д.* Указ. соч. С. 208), хотя в легенде печати таковая приставка отсутствует.
- ⁹¹ *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 75, 76. N 4–5.1–2; *Idem.* The Features of the Byzantine Administration. P. 25. Fig. 1.
- ⁹² *Соколова И. В.* Знак сокращения на византийских печатях. С. 159–161.

- ⁹³ Шене Ж.-Кл. Поздний архонт. С. 310–311.
- ⁹⁴ Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Указ. соч. С. 209.
- ⁹⁵ Айбабин А. II. Этническая история ранне-византийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 215, 216.
- ⁹⁶ Алексеенко Н. А. Херсон на хазарско-византийском пограничьи. С. 217 (на тот период нам не была известна печать из коллекции К. Д. Смычкова); ср.: Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Указ. соч. С. 208. Примеч. 7.
- ⁹⁷ Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона. С. 28.
- ⁹⁸ Там же; Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Указ. соч. С. 207.
- ⁹⁹ Впрочем, как и других городских функционеров. Ни в одном из Табелей о рангах нет ни патера полиса, ни экдика, ни протевонтов (см.: *Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines*. 1972).
- ¹⁰⁰ Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Указ. соч. С. 212.
- ¹⁰¹ К сожалению, после реставрации, проведенной в мастерских Государственного Эрмитажа в 1970–1980-х гг., печать не сохранила эту характерную особенность.
- ¹⁰² Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса. С. 123.
- ¹⁰³ Соколова И. В. Печати архонтов Херсона. С. 95.
- ¹⁰⁴ Успенский Ф. Константинопольский эпарх // ИРАИК. 1899. Т. 4 (2). С. 79–104; Bury J. B. The Imperial Administrative System. P. 69–73; Brehier L. Les Institutions de l'empire Byzantin. Paris, 1949. P. 186–192.
- ¹⁰⁵ *Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graecet latine* / rec. I. I. Reiskii. Vol. 1. Bonn, 1829. P. 449 (4).
- ¹⁰⁶ *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских цезарей. С. 194.
- ¹⁰⁷ Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960. С. 327.
- ¹⁰⁸ Laurent V. Le Corpus des Sceaux. Vol. 2. P. 546–579; McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 5 : The East (continued). Washington, 2005. P. 45–48. N 22.1–8.
- ¹⁰⁹ Laurent V. La collection C. Orghidan. P. 128, 129. N 238; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 1. P. 58–60. N 18.18–23; Cheynet J.-Cl., Morrisson C., Seibt W. Les sceaux byzantins de la collection Henri Serig. Paris, 1991. P. 139. N 196; Wassiliu A.-K., Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Vol. 2. Wien, 2004. S. 148. N 136; Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. P. 428. N 1218; Cheynet J.-Cl., Gokyildirim T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins. P. 350, 351. N 3.113, 114.
- ¹¹⁰ Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 1. P. 16, 17. N 2.1–2.
- ¹¹¹ Ibid. Vol. 2. P. 102.
- ¹¹² Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου. Ἐν Ἀθήναις, 1917. P. 98. N 346; Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. Vol. 2. P. 577. N 1046.
- ¹¹³ Künker Auctions. Sale 25 (1993) // SBS. 1999. Vol. 6. P. 136. N 544.
- ¹¹⁴ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. P. 1764. N 3156; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals. Vol. 3. P. 104.
- ¹¹⁵ *Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis*. P. 61, 67.
- ¹¹⁶ Stein E. Historie du Bas-Empire. T. 2. Paris, 1949. P. 71 et suiv.
- ¹¹⁷ *Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines*. P. 343.
- ¹¹⁸ *Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson*. P. 51–59.
- ¹¹⁹ Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Указ. соч. С. 208. Примеч. 10.
- ¹²⁰ Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
- ¹²¹ Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времен после правления Маврикия / пер. Е. Э. Лившиц // ВВ. 1950. Т. 3. С. 349–387.
- ¹²² Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Указ. соч. С. 208.
- ¹²³ *Nikephoros patriarch of Constsntinople. Short History* / text, transl. and comment. by C. Mango // CFHB. Vol. 13. Washington, 1990. P. 71. N 23.
- ¹²⁴ Сорочан С. Б., Смычков К. Д. Указ. соч. С. 209.
- ¹²⁵ Алексеенко Н. А. Херсон на хазарско-византийском пограничьи. С. 216, 217.
- ¹²⁶ Guillard R. Recherches sur les l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. I. L'eparque de la ville. Ὁ Ἐπαρχος τῆς πόλεως // BSl. 1980. T. 41 (1). P. 17–32.
- ¹²⁷ Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона X в. по данным памятников сфрагистики // АДСВ. Т. 32. Екатеринбург, 2001. С. 160–162;

Alekséenko N. Les prôteuontés de Kherson au Xe siècle // SBS. Vol. 7. Washington, 2002. P. 85–86; *Алексеевко Н. А.* Патер полиса Херсона. С. 61; *Он же.* Defensor civitatis. С. 67–75; *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 61–68.

¹²⁸ *Сорочан С. Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона. С. 21–47; *Он же.* Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления». С. 301–327; *Он же.* Византийский Херсон. С. 582–677; *Сорочан С. Б., Смьчков К. Д.* Указ. соч. С. 207–216.

¹²⁹ Хотим обратить внимание именно на данный термин. Говоря о сохранении или возрождении в Херсоне институтов познеримской системы внутригородского управления, мы имеем в виду и применяем именно данный термин со всеми вытекающими из этого выводами, а не используем его в значении самоуправления, как это представляет в своих публикациях С. Б. Сорочан, показывая очевидность наших заблуждений и трактуя данные изданных нами мольбодулов как бесспорное свидетельство государственности местных функционеров. Очевидно, здесь нет предмета для спора. Именно это мы и пытались доказать в наших публикациях с тем лишь отпадением, что мы рассматриваем городских (внетабельных) чиновников как муниципальных (не вкладывая в этот термин смысл самоуправления) на государственной службе. Вероятно, в этом и заключается наша ошибка. Лучше было бы назвать их просто городскими и только, чтобы всё всем было понятно, поскольку муниципалитет – городской совет невольно вызывает ассоциации с самостоятельностью и самоуправлением. В то же время наличие в Херсоне городских

постов, не включенных в списки имперских чиновников ни одного из Табелей о рангах (и это, видимо, не случайно), заставляет нас рассматривать городских функционеров именно как представителей местного бюрократического аппарата, вовлеченных в государственную систему управления провинцией. И был ли это некий коллегиальный орган или просто отдельные чиновники, отвечающие за отдельные направления деятельности, неизвестно. Говорить сегодня о той или иной степени их самостоятельности или, тем более, автономии также нет никаких оснований. Для этого просто нет данных. С полной уверенностью можно лишь говорить, что при существовании архонтии ее возглавлял имперский чиновник архонт (единоличный правитель), в городском аппарате которого существовал кир, а с возникновением фемы городской аппарат расширился и в него вошли *эдик, патер полиса и протевонт.*

¹³⁰ Исключение составляет лишь Равенна. Подробности с библиографией мы приводили при публикации печатей городских чиновников Херсона (*Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 63–46; см. также: *Алексеевко Н. А.* Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017. С. 141–164).

¹³¹ *Васильев А. А.* Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Т. 5. С. 64.

¹³² *Алексеевко Н. А.* К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. Т. 29. Екатеринбург, 1998. С. 221–227.

¹³³ *Janin R.* Constantinople byzantine. Développement urban et répertoire topographique. Paris, 1950. P. 131. N 11, note 6.

В. Н. Чхаидзе
(Москва)

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПЕЧАТИ ИЗ ТАМАНИ (НОВЫЕ НАХОДКИ)

Византийская сфрагистическая база Тамани (Таманское городище, средневековая Матарха) представлена относительно недавно изданными 95 моливдовулами, суммарно датированными VI–XIII вв.¹ Однако с каждым новым полевым сезоном их количество неуклонно увеличивается. Излишне говорить об исключительной ценности любой новой печати не только для истории средневековой Матархи, но и для уточнения ее связей с Таврикой и непосредственно с империей, а также и вообще значимости для византийской сфрагистики.

К настоящему времени выявлено 11 новых моливдовулов, которые принадлежат представителям имперской канцелярии, фемной администрации и частным лицам. Это лишний раз демонстрирует значение Матархи как торгового и военно-административного центра. Все печати были обнаружены в 2014–2015 гг. в море, под Таманским городищем.

Ранее на памятнике были найдены печати представителей аристократических родов Византийской империи: Дук, Палеологов, Касианов, Кастамонитов, Митилинеев, Лампросов и др.² Вновь выявленная печать принадлежит **Роману Триаконтафилу** (ил. 1)³.

На л. с. печати в ободке поясное изображение Богоматери Одигитрии, полуразворотом влево. Титлы, помещенные справа, не сохранились: Μητήρ Θεοῦ.

На о. с. фрагментированная надпись в пять строк:

..... | ..Μ... | .ΩΤΡΙ. | .ΟΝΤ. | ΦΥΛΩ

[† Θεοτόκε β(οή)θ(ει) Ρω]μ[ανῶτ]ῶ Τρι[α]κ[ον]τ[α]φύλ(λ)ω

Семь параллельных экземпляров хранятся в Британском музее⁴, Государственном Эрмитаже⁵, Стамбуле⁶ и собрании Dumbarton Oaks⁷. Все они относятся ко второй половине XI в.

Аристократическая фамилия Триаконтафилов известна в конце X – XII в. Патроним восходит к нейтральным свойствам: «роза». Представители занимали как гражданские, так и военные должности⁸.

Следующая печать представляет нам **Кириака**, *дисипата* (ил. 2)⁹.

На л. с. печати надпись в три строки:

СФР. | ΓΙΣΜΑ | ΕΙΜΙ

На о. с. надпись в три строки:

ΥΡ.. | ΚΥΔ.ΣΥ | ΠΑ.ΟΥ

Σφρ[α]γισμά ειμι [Κ]υρ[ια]κ(οῦ) δ[ι]συπά[τ]ου

Ил. 1. Печать Романа Триаконтафила.
Византия, вторая половина XI в.
Таманский музейный комплекс

Ил. 2. Печать Кириака, диспатата.
Византия, вторая половина XI в.
Таманский музейный комплекс

Ил. 3. Печать Феодосия, императорского
протоспафария ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν. Византия,
последняя треть IX в. Таманский музейный комплекс

Известно семь параллельных экземпляров, причем все они происходят с территории Древнерусского государства: из Новгорода и Белоозера¹⁰; Черниговской и Ровненской областей¹¹; Львовской и Ровненской областей¹²; Житомирской области¹³. Печати датируются второй половиной XI в.

Диспат – титул, известный в IX–X вв., занимает промежуточное место между *спафаро-кандидатом* и *спафарием*. Во второй половине XI в. был возобновлен и располагался за титулами *анфибата* и *патрикия*, предшествуя *ипату* и *протоспафарию*¹⁴.

В. И. Булгакова первоначально предполагала прочтение имени владельца печати как Кирилл¹⁵. К. Д. Смычков предположил, что Кириак выполнял на территории Руси поручения императора, скорее всего дипломатического характера¹⁶. Теперь можно полагать, что его деятельность связана и с Матархой.

Впервые на Таманском городище встречен моливдовул **Феодосия, императорского протоспафария ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν** (ил. 3)¹⁷.

На л. с. моливдовула в ободке шестиконечный патриарший крест на трех ступенях. По кругу традиционная (фрагментированная) надпись обращения к Богу: [†K]EPOHΘITWCΩΔΔ[ΛΩ]

На о. с. надпись в пять строк:

•†• | †ΘEOΔ | OCHOP'A'C | ..Θ,CEΠI | ..NOIK

[† K(ύρι)]ε βοήθ(ε)ι τῷ σῶ δου[λω] Феодоσήο β(ασιλικῶ) (πρωτο)σ[πα]θ(αρίω) (καὶ) ἐπὶ [τῶ]ν οἰκ(ει)ακῶν

Аналогии моливдовулу неизвестны. Его дата: последняя треть IX в.

Ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν первоначально являлось дополнением должности *протоспафария*, которое позволяло его владельцу быть хранителем зала Большого дворца – Лаусиакона. С 1030-х гг. Ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν превращается в должность столичного магистрата и означает отвечающих за сохранность имущества (οἰκειακά) налогового управления, которые стали одними из главных ответственных за финансы империи.

Ил. 4. Печать Петроны, патрикия, логофета геникона. Византия, середина IX в.
Таманский музейный комплекс

Ил. 5. Печать Петроны, патрикия, логофета геникона. Византия, середина IX в.
Таманский музейный комплекс

Ил. 6. Печать Василия, императорского протоспафария, логофета геникона. Византия, вторая половина IX в.
Таманский музейный комплекс

Еще одна печать Феодосия, *императорского протоспафария ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν*, но другой пары матриц, была обнаружена в Плиске¹⁸.

Нами уже опубликованы происходящие из Тамани 22 печати¹⁹ представителей финансового ведомства Византийской империи – *логофетов геникона*, осуществлявших фискальный надзор за взиманием государственных налогов и торговых пошлин за экспорт и импорт. Теперь мы можем представить 7 новых печатей этих должностных лиц.

Два моливдовула одной пары матриц принадлежат **Петроне**, *патрикию, логофету геникона* (ил. 4, 5)²⁰.

На л. с. моливдовула крестообразная инвокативная монограмма (V тип по В. Лорану), тетраграмма: ΤΩ-ΣΩ | ΔΘ-ΛΩ

На о. с. надпись в пять строк:

†ΠΕΤΡ | ΩΝΑΠΑΤΡ | ΙΚΩΣΓΕΝ | ΙΚΩΛΟΓΟ | ΘΕΤΗ

† Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Πετρῶνα πατρικίῳ καὶ γενικῷ λογοθέτῃ

Аналогичный моливдовул происходит из ближайшей округи Херсонеса²¹. Датировка печатей может быть установлена в пределах середины IX в.

Также достаточно давно известна происходящая из Херсонеса печать Петроны, в легенде которой он назван *анфипатом патрикием, императорским протоспафарием и логофетом геникона*²². Судя по всему, наши моливдовулы предшествуют этой печати.

По мнению Н. А. Алексеенко²³, одним из возможных владельцев печати может являться младший брат *кесаря* Варды и императрицы Феодоры, жены императора Феофила (829–842), получившего в правление последнего титул *патрикия* и бывшего впоследствии *фрунгарием виллы*, а в начале правления Михаила III (842–867) – *стратигом фракисийцев*

Ил. 7. Печать Иоанна, патрикия, императорского протоспафария, логофета геникона. Византия, вторая половина IX – начало X в. Таманский музейный комплекс

Ил. 8. Печать Николая (или Никифора), анфишата, патрикия, императорского протоспафария, логофета геникона. Византия, вторая половина IX – начало X в. Таманский музейный комплекс

и исполнявшего обязанности *доместика* вместо *кесаря* Варды. Послужной список Петроны, известный по письменным источникам, завершается титулом *магистра*²⁴.

Следующий моливдовул принадлежит **Василию**, *императорскому протоспафарию, логофету геникона* (ил. 6)²⁵.

На л. с. моливдовула в ободке шестиконечный патриарший крест на трех ступенях. По кругу надпись обращения к Богу: †KΡΟΗΘΕΙΤΩCΩΔΟΛΩ

На о. с. надпись в четыре строки:

••• | †RACIA | IΩP'A'CPA | Θ'SΓENHK, | ΛΟΓΟΘ'

† K(ύριε) βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Βασιλ(ε)ῳ β(ασιλικῷ) (πρωτῶ)σπαθ(αρίῳ) (καὶ) γενικ(ῶ) λογοθ(έτη)

Аналогии печати неизвестны. Четыре моливдовула Василия, с той же титулатурой но иной пары матриц, происходят из Преслава²⁶. По одному экземпляру известно: еще из архива Херсона²⁷; Музея Августа Кестнера²⁸; Венского Института нумизматики²⁹. Печати датируются второй половиной IX в.

Также известны печати начала X в.: печать Василия, *магистра, логофета геникона*³⁰, и печать Василия, *магистра, анфишата, патрикия, ректора, логофета геникона*³¹. Однако связь между этими функционерами пока не устанавливается³².

Ко второй половине IX – началу X в. относится печать **Иоанна**, *патрикия, императорского протоспафария, логофета геникона* (ил. 7)³³.

На л. с. печати в ободке из слившихся в одну линию точек шестиконечный патриарший крест на четырех ступенях. По кругу, между двух точечных ободков, круговая легенда обращения к божественной помощи: †KΕΡΟΗΘΕ(I TΩ CΩ ΔΥΛΩ]

На о. с. в точечном ободке надпись в пять строк:

.IΩANN | ΗΠΑΤΙΚ | ..CΠΑΘΑΡ | .ΓΕΝΗΚΩΛ | .ΓΟΘΕΤ

† K(ύριε) βοήθει [τῷ σῶ δούλῳ] Ιωάννη πατρικ(ίῳ) [β(ασιλικῷ) (πρωτο)] σπαθαρ(ίῳ) [(καὶ)] γενικῶ λ[ο]γοθέτη)

Параллельные экземпляры неизвестны. Две печати Иоанна с титулами *анфишата патрикия* ранее были обнаружены на Таманском городище³⁴. Три аналогичных моливдовула происходят из Девелта в Болгарии³⁵. Печати иной пары матриц – из Тамани³⁶, Херсона³⁷ и Судака³⁸.

Еще одна печать из херсонского архива имеет ту же титулатуру, но при этом изображение Богоматери Никопеи на аверсе³⁹.

Из раскопок Судака⁴⁰ и из херсонского архива⁴¹ также происходят два моливдовула Иоанна с указанием только чина *императорского протоспафария*.

Таким образом, мы можем проследить *cursus honorum* Иоанна, который на протяжении второй половины IX – начала X в. последовательно сменил пять буллотириев⁴².

Фрагментированная печать принадлежит **Николаю** (или **Никифору**), *анфипату, патрикию, императорскому протоспафарию, логофету геникона* (ил. 8)⁴³.

На л. с. печати в ободке из слившихся в одну линию точек патриарший крест. По кругу, между двух точечных ободков, остатки круговой легенды обращения к божественной помощи: [†ΚΕΡΟΗΘΕΙ ΤΩ Σ]Ω ΔΥΛΩ

На о. с. фрагментированная надпись в пять строк:

†N... | Ω,AN... | ΑΤΡΙΚ... | ΠΑΘΣ... | ΛΟ...

[† Κ(ύρι)ε βοήθει τῷ σ]ῶ δούλω Ν[ικωλά- или иκηφόρ-]ω ἀν[θυπάτω π]ατρικ[ίω βασιλικῶ πρώτοσ]παθ(αρίω) (καὶ) [γενικῶ] λο[γοθέτη]

Аналогии печати не известны. Имя восстановлено предположительно. Дата может быть установлена в пределах второй половины IX – начала X в.

Из херсонского архива происходит печать Николая, с аналогично расположенной легендой, однако на аверсе изображен процветший патриарший крест⁴⁴. Также известна печать Никифора, но только с титулом *патрикия*⁴⁵.

Третьей четвертью X в. датируется печать **Николая**, *магистра, анфипата, патрикия, императорского протоспафария, логофета геникона* (ил. 9)⁴⁶.

На л. с. печати с трудом просматривается процветший патриарший крест. По кругу – легенда обращения к божественной помощи.

На о. с. надпись в пять строк:

.ΝΙΚΩ. | ΜΑΓ,ΑΝΘ.. | ΠΑΤΡΙΚ,Ρ,.. | ΠΑΘ,ΣΓΕ. | ΛΟΓ.

† Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλω Νικω[λ(άω)] μαγ(ίστρω) ἀν[υπ(άτω)] πατρικ(ίω) β(ασιλικῶ) [(πρώτοσ]παθ(αρίω) (καὶ) γε[ν(ικῶ)] λογ[ο(θέτη)]

Ранее при раскопках Таманского городища был обнаружен аналогичный моливдовул⁴⁷.

Пятнадцать печатей *магистра* Николая относятся к двум разным буллотириям⁴⁸. Восемь моливдовулов, включая нашу печать, относятся к первой, более ранней паре матриц⁴⁹. Вторая пара матриц представлена 7 экземплярами⁵⁰. Все моливдовулы датируются временем около 950–980 гг.

Вероятно, владелец рассмотренных печатей – Николай, *анфипат, патрикий и логофет геникона*, является тем же лицом, три моливдовула которого, относящиеся к иному сфрагистическому типу, приводятся Н. П. Лихачевым и В. Лораном. На печатях изображена редкая форма крестовидной орнаментальной фигуры из кринов⁵¹. Аналогичная легенда представлена на печати из херсонского архива, однако на аверсе здесь – процветший патриарший крест⁵².

Можно полагать, что ранними печатями Николая, *логофета геникона*, являются моливдовулы, только с титулом *патрикия*⁵³.

Еще одна печать – неизвестного по имени *патрикия, императорского протоспафария, логофета геникона* (ил. 10)⁵⁴.

На л. с. печати восьмиконечный процветший патриарший крест на трех ступенях. В центре перекрестие. Ветви цветения закручиваются в спираль, оканчивающуюся листом плюща или аканфа. По кругу несохранившаяся надпись обращения к Богу.

Ил. 9. Печать Николая, магистра, анфипата, патрикия, императорского протоспафария, логофета геникона. Византия, третья четверть X в. *Таманский музейный комплекс*

Ил. 10. Печать N, патрикия, императорского протоспафария, логофета геникона. Византия, вторая половина X в. *Таманский музейный комплекс*

Ил. 11. Печать Сергия, императорского спафарокандидата, коммеркиария Херсона. Византия, конец IX в. *Таманский музейный комплекс*

На о. с. надпись в пять строк:

... | ..Τ.ΙΚ,Ρ,Α. | ΠΑΘ,ΚΑΙΓ | ..ΙΚΩΛΟΓ | .ΘΕ..

† Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ [...] [πα]τ[ρ]ικ(ίῳ) β(ασ)λικῶ (πρωτο)[σ]παθ(αρίῳ) καὶ γ[εν]ικῶ λογ[ο]θ[έ]τ[η]

Аналогичные моливдовулы неизвестны. Из Херсонеса происходят три близкие по иконографии печати, владельцем которых Н. А. Алексеенко предположительно считает Льва (?), *императорского протоспафария, логофета геникона*⁵⁵. В таком случае можно полагать, что наша печать представляет собой продолжение карьеры этого функционера во второй половине X в.

Наконец, очень интересным и достаточно неожиданным для Таманского городища является моливдовул **Сергия**, *императорского спафарокандидата, коммеркиария Херсона* (ил. 11)⁵⁶.

На л. с. моливдовула процветший патриарший крест. Ветви цветения поднимаются выше перекладины. По кругу – легенда обращения к божественной помощи: [†ΚΕ] ΒΟΗΘΕΙΤΩΣΔΟΥΛΩ

На о. с. надпись в пять строк:

†ΣΕΡΓΙ | ΩΡ'ΣΠΑΘΑ | Ρ'ΚΑΝΔ'ΣΚ | .ΜΕΡΚ... | (ΧΕ)Ρ[CON']

[† Κ(ύρι)ε] βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Σεργίῳ β(ασ)λικῶ σπαθαρο(ο)κανδ(ιδάτω) (καὶ) κ[ο]μερκ[ιαρ]ικ(ίῳ)Χε[ρ]ισόν(ος)]

Коммеркиарии Херсона – представители местной налогово-таможенной администрации. Известны в середине IX – второй половине X в., когда в Херсоне существовала *фема*.

Концом IX в. датируется большая группа печатей *коммеркиария* Херсона Сергия, оттиснутых различными буллотириями⁵⁷, однако для нашей печати среди них не находится аналогий.

По мнению Н. А. Алексеенко, Сергей – один из представителей местной херсонской администрации, известны его же печати в должности ἐκ προοπίου, πατρὸς πόλεως и стратига⁵⁸.

Таким образом, помимо уже известных сфрагистических находок в Матархе печать *коммеркиария* Херсона Сергия является еще одним свидетельством достаточно тесных контактов двух северопричерноморских городов⁵⁹. В заключение нельзя не отметить, что при известной скудности информации нарративных источников, именно данные сфрагистики в последние годы позволяют заполнить отдельные лакуны средневековой истории Крымско-Таманского региона. И теперь здесь, наряду с данными о Херсоне и Судаке, отчетливо проявляется и история Матархи.

¹ Чхаидзе В. Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. С. 29–116. № 1–84.

² Там же. С. 11–12.

³ Место хранения – Таманский музейный комплекс (ПМ-8379/12). Диаметр. 18–17 мм. Печать очень плохой сохранности: коррозирована, большие утраты металла. Публикуется впервые.

⁴ 1–4) Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884. P. 711. N 5; Gray Birch W. Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. Vol. 5. London, 1898. P. 87, 88. N 17935–17938. Pl. III, 17935.

⁵ 5) М-8235: Ахчаев Н. П. Моллидавулы греческого Востока. М., 1991. С. 88. № 12. Табл. LXI, 12.

⁶ 6) Cheynet J.-C., Gökyıldırım T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul. Istanbul, 2012. P. 715. N 7.118.

⁷ 7) DO 58.106.1666: Jordanov I. Corpus Of Byzantine Seals From Bulgaria. Vol. 2 : Byzantine Seals with Family Names. Sofia, 2006. P. 414, 415.

⁸ Каледан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 157, 189. См.: Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. P. 241. N 4, 5; 710, 711, N 1; Gray Birch W. Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. Vol. 5. P. 31, 32, 55, 61, 87. N 17605–17610, 17742, 17743, 17780–17783, 17933, 17934. Pl. II, 17780; Κωνσταντόπουλος К. М. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἑθν. Νομισμ. Μουσείῳ Ἀθηνῶν // Journal international d'archéologie numismatique. T. 6. Athènes, 1903. P. 344. N 391; Idem. Βυζαντιακά μολυβδόβουλλα ἐν τῷ Ἑθν.

Νομισμ. Μουσείῳ Ἀθηνῶν (συμπληρωματικὸς κατάλογος) // Journal international d'archéologie numismatique. T. 9. Athènes, 1906. P. 103. N 391α; Ebersolt J. Sceaux Byzantins du Musée de Constantinople // RN. 1914. T. 18. P. 233. N 357; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991. P. 94, 95. N 29.4; 159, N 71.12; Stavrakos Ch. Die byzantinische Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen. Wiesbaden, 2000. P. 390, 391. N 265; Jordanov I. Corpus Of Byzantine Seals From Bulgaria. Vol. 2. P. 414. N 728; P. 415. N 1–5; Bulgurlu V. Bizans Kurşun Mühürleri. İstanbul, 2007. P. 76, 77. N 56a–b; Cheynet J.-C., Theodoridis D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. Paris, 2010. P. 204, 205. N 214, 215; Cheynet J.-C., Gökyıldırım T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul. P. 410. N 5.42a–c; P. 714. N 7.117a–c.

⁹ Место хранения – Таманский музейный комплекс. Диаметр. 14–13 мм. Сохранность: средняя, обратная сторона повреждена трещиной сквозного канала от шпунра. Публикуется впервые.

¹⁰ 1–2) Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die funde auf dem Territorium Altrußlands. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. Bd. 6.) Wiesbaden, 2004. P. 97–99. N 1.4.3a–b.

¹¹ 3–4) Алфьоров О. Русько-Византийські стосунки у відображеннях сфрагістики (за матеріалами сфрагістичної колекції Олексія

- Шереметьева) // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. II. Київ, 2012. С. 161, 162. № 2, 3.
- ¹² 5–6) *Смычков К. Д.* Несколько моливдовулов с территории Древней Руси и Херсонеса (по материалам частного собрания) // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013. С. 334–336. № 2а–б.
- ¹³ 7) *Смычков К. Д.* Несколько византийских печатей из частного собрания // Международный коллоквиум по русско-византийской сфрагистике «Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ/ΧΕΡΣΩΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ»: тезисы докладов. Киев; Севастополь, 2013. С. 68. № 1. Рис. 1.
- ¹⁴ *Oikonomidès N.* Les listes de préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Introductions, texte, traduction et commentaire. Paris, 1972. P. 295.
- ¹⁵ *Bulgakova V.* Byzantinische Bliesigel in Osteuropa. P. 97–99.
- ¹⁶ *Смычков К. Д.* Несколько моливдовулов с территории Древней Руси и Херсонеса. С. 336.
- ¹⁷ Место хранения – Таманский музейный комплекс (КМ-13598/48). Диаметр. 22–21 мм. Сохранность: обратная сторона незначительно повреждена трещиной сквозного канала от шнура. Публикуется впервые.
- ¹⁸ *Jordanov I.* Corpus Of Byzantine Seals From Bulgaria. Vol. 3. Sofia, 2009. P. 226, 227. N 605.
- ¹⁹ *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. С. 13, 14.
- ²⁰ Первая печать: место хранения – Таманский музейный комплекс (КМ-13598/49). Диаметр. 21–20 мм. Сохранность: удовлетворительная, патинирована. Публикуется впервые. Вторая печать: место хранения – Таманский музейный комплекс. Диаметр. 25 мм. Сохранность: сохранилась лишь верхняя часть, разломанная вдоль сквозного канала от шнура. Лицевая сторона затерта. На обратной стороне сохранились лишь четыре строки. Надпись идентична первой печати. Публикуется впервые.
- ²¹ *Алексеевко Н. А.* Новые сфрагистические находки в округе византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // VII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2015. С. 19; *Ои же.* Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Религиоведение. Международные отношения. Т. 21. № 5: Византийское общество: история, право, культура. Волгоград, 2016. С. 9, 10. № 3.
- ²² *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 123. № 2; *Соколова И. В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 211. № 44. Табл. 6.44; *Ои же.* Византийские печати из Херсонеса, Византия и средневековый Крым // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 200. Рис. 5.1; *Sokolova I. V.* Les sceaux Byzantins in Cherson // SBS. 1993. Vol. 3. P. 105. Pl. V. 1.
- ²³ *Алексеевко Н. А.* Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона. С. 10.
- ²⁴ *Guilland R.* Recherches sur les institutions Byzantines. Т. 1. Berlin; Amsterdam, 1967. P. 437, 568.
- ²⁵ Место хранения – Таманский музейный комплекс (КМ-13598/51). Диаметр. 21 мм. Сохранность: обратная сторона незначительно повреждена трещиной сквозного канала от шнура. Публикуется впервые.
- ²⁶ Печати относятся к двум различным матрицам: *Jordanov I.* The Seals Of Byzantine fiscal Institutions (815/816–971) discovered in Bulgaria // SBS. 2006. Vol. 9. P. 105, 106. N 8, 9; *Idem.* Corpus Of Byzantine Seals From Bulgaria. Vol. 3. P. 282, 283. N 765–768; *Jordanov I., Zhekova Z.* Catalogue of Medieval Seals at the Regional Historical Museum of Shumen. Shumen, 2007. P. 84, 85. N 198–201.
- ²⁷ *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 181. № 17.
- ²⁸ *Wassilion-Seibt A.-K., Seibt W.* Der byzantinische Mensch in seinem Umfeld. Weitere Bleisiegel der sammlung Zarintz im Museum August Kestler. Leidorf, 2015. S. 66, 67. N 43.
- ²⁹ *Ibid.* S. 66, footnote 167.
- ³⁰ *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Vol. 2. Berne, 1984. P. 90. N 98.
- ³¹ *Ibid.* P. 410, N 912; ср.: *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Т. 2: L'administration centrale. Paris, 1981. P. 403. N 772.

- ³² *Wassiliou-Seibt A.-K., Seibt W.* Der byzantinische Mensch in seinem Umfeld. S. 67, fußnote 168.
- ³³ Место хранения – Таманский музейный комплекс (КМ-13598/50). Диаметр. 22 мм. Сохранность: оттиски смещены вбок, обратная сторона справа затерта. Публикуется впервые.
- ³⁴ *Чхаидзе В. Н., Ильина Т. А.* Новые находки византийских печатей на территории Таманского городища // ВВ. 2012. Т. 71. С. 161, 162. № 1, 2; *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. С. 62, 63. № 26а 1–2.
- ³⁵ *Йорданов П.* Печатите на комеркиарията Девелг. София, 1992. С. 53, 54. № 28–30; *Jordanov I.* The Seals Of Byzantine fiscal Institutions (815/816–971) discovered in Bulgaria. P. 109, 110. N 25–27; *Idem.* Corpus Of Byzantine Seals From Bulgaria. Vol. 3. P. 285. N 783–785.
- ³⁶ *Чхаидзе В. Н., Устаева Э. Р.* Византийские печати из раскопок Таманского городища // ВВ. 2009. Т. 68. С. 195, 196. № 2; *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. С. 63, 64. № 26.б.
- ³⁷ *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива. С. 182. № 18; *Alexeenko N.* Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS. 2003. Vol. 8. P. 79. N 4.
- ³⁸ *Степанова Е. В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 104. Табл. 3.2.
- ³⁹ *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива. С. 182, 183. № 19.
- ⁴⁰ *Булгакова В. И.* Сигиллографический комплекс порта Сутдей (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сутдейский сборник. Т. 3. Киев; Судак, 2008. С. 306, 307. № 11.
- ⁴¹ *Alferov O.* Some new lead seals are from Archive of Kherson (collection of Oleksii Sheremetiev) // Сфрагістичний щорічник. Вип. IV. Київ, 2013. С. 364, 365. № 6.
- ⁴² См.: *Тодоров Т., Андонюв К.* Печати главных логофетов с территории Болгарии и Крыма (к вопросу об истории центрального финансового ведомства Византии в IX–X вв.) // АДСВ. 2001. Вып. 40. С. 159, 160.
- ⁴³ Место хранения – Таманский музейный комплекс (КМ-13598/52). Диаметр. 24 мм. Сохранность: половина печати, разломанной вдоль сквозного канала от шнура, затерта, заготовка гораздо больше матрицы. Публикуется впервые.
- ⁴⁴ *Alferov O.* Some new lead seals are from Archive of Kherson. С. 362, 363. № 4.
- ⁴⁵ *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. T. 2. P. 152, 153. N 319.
- ⁴⁶ Место хранения – Таманский музейный комплекс. Диаметр. 22–19 мм. Сохранность: сильно патинирована. Публикуется впервые.
- ⁴⁷ *Чхаидзе В. Н., Устаева Э. Р.* Византийские печати из раскопок Таманского городища С. 246, 247. № 5; *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. С. 74. № 34а.
- ⁴⁸ *Тодоров Т., Андонюв К.* Печати главных логофетов с территории Болгарии и Крыма. С. 154, 161.
- ⁴⁹ *Соколова И. В.* Византийские печати из Херсонеса, Византия и средневековый Крым. С. 200. Рис. 5.3; *Sokolova I. V.* Les sceaux Byzantins in Cherson. P. 104, 105. Pl. V.3; *Смычков К. Д.* Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе // НФ. 2000. № 2 (14). С. 28, 29. Рис. 1, 2; *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива. С. 190–192. № 35–37; *Alexeenko N.* Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson. P. 78. N 3; *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. С. 74. № 34а.
- ⁵⁰ *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. T. 2. P. 151, 152. N 317, pl. 12.317; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Vol. 2. Bern, 1984. P. 154, 155. N 242 bis; *Соколова И. В.* Византийские печати из Херсонеса, Византия и средневековый Крым. С. 200. Рис. 5.2; *Sokolova I. V.* Les sceaux Byzantins in Cherson. P. 104, 105. Pl. V. 2; *Смычков К. Д.* Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе. С. 29. Рис. 3; *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива. С. 192. № 38; *Он же.* Новые находки византийских печатей в Херсоне (из состава архивного комплекса моливдовулов) // Юбилейный сборник сто години от рождението на д-в Васил Харалаанов (1907–2007). Шумен, 2008. С. 202, 203. № 8, табл. XX.10; *Wassiliou A.-K., Seibt W.* Die byzantinische Bleisiegel in Österreich. 2. Teil. Zentral- und Provinzialverwaltung. Wien, 2004. P. 79, 80. N 53; *Булгакова В. И.* Сигиллографический комплекс

- порта Сугаен. С. 307. № 12; *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. С. 75. № 34b.
- ⁵¹ *Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока. С. 133, 134. № 6. Табл. LXVI.6; *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. T. V, 2 : L'Église. Paris, 1965. P. 70. N 80; Ibid. T. 2. P. 151. N 316a–b; *Шандровская В. С.* Образ св. Прокопия на печатях // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. Памяти Татьяны Чуковой. СПб., 2006. С. 85. Рис. 12.
- ⁵² *Alferov O.* Some new lead seals are from Archive of Kherson. P. 362, 363. N 4.
- ⁵³ *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. P. 531, 532. N 10; *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. Vol. 1. Basel, 1972. P. 1223. N 2218A; *Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. T. 2. P. 146. N 304; *Cheyret J.-C., Gökyıldırım T., Bulğurlu V.* Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul. P. 154. N 2.108.
- ⁵⁴ Место хранения – Таманский музейный комплекс. Диамет. 22–20 мм. Сохранность: патинирована, размер заготовки меньше матриц. Публикуется впервые.
- ⁵⁵ *Алексеевко Н. А.* Печати главных логофетов из херсонского архива. С. 195, 196. № 43, 44; *Он же.* Моливдовулы византийского Херсона из частной коллекции // АДСВ. Вып. 42. 2014. С. 140. № 14.
- ⁵⁶ Место хранения – Таманский музейный комплекс. Диамет. 23–21 мм. Сохранность: нижняя часть повреждена – с утратами металла. Публикуется впервые.
- ⁵⁷ *Алексеевко Н. А.* Таможня и коммерциарии Херсона // С. Б. Сорочан. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Т. 2. Харьков, 2005. С. 1601–1603, 1606–1608, 1624–1626. № 4–10, 16–18; *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. Paris, 2012. P. 53, 185–196. N 102–110.
- ⁵⁸ *Алексеевко Н. А.* Таможня и коммерциарии Херсона. С. 1617; *Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson. P. 133, 134, 179, 180, 213. N 45, 46, 95, 128.
- ⁵⁹ *Чхаидзе В. Н.* Контакты Херсона и Таматархи по данным сфрагистики и нумизматики // VII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2015. С. 73, 74.

В. П. Степаненко
(Екатеринбург)

ФЕМА СУГДЕЯ В XI в.¹

За последнее время появился ряд работ по истории и структуре византийской фемной администрации в Крыму IX–XII вв.², в связи с тем, что источниковая база проблемы несколько увеличилась за счет публикаций сфрагистических памятников Крыма и Тамани. Есть также ряд статей по проблематике византийских фем в регионе³. В целом новые сфрагистические источники дают возможность несколько конкретизировать многие ранее высказанные гипотезы и отбросить оказавшиеся ошибочными, в том числе и относительно истории Сугдеи (Судак).

История города догенуэзского периода все еще остается достаточно смутной. Это относится и к византийскому периоду существования Сугдеи. Археологический материал издан весьма фрагментарно, и обобщающего труда по истории и археологии византийской Сугдеи все еще нет. Особенно дискуссионным является так называемый хазарский период истории города. Начиная с работ И. А. Баранова, Сугдея рассматривалась как город на византийско-хазарском пограничье, после 670 г. захваченный хазарами и управляемый наместниками хакана тарханами до середины X в.⁴ По мнению А. И. Айбабина, город возник не ранее последней четверти VII в. как портовый центр с хазарской таможней в нем⁵. Но его политический статус не был – и на основании лишь археологических данных не мог быть – четко обозначен⁶. Неопределенность государственной принадлежности Сугдеи в данный период породила многочисленные теории, наиболее известной из которых является предложенная С. Б. Сорочаном теория кондоминиума, совместного правления Сугдеей хазарами и греками с конца VII в. по 40-е гг. IX в.⁷ Наконец, А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев, основываясь на мнении К. Цукермана об изгнании хазар из Крыма венграми⁸, полагают, что в VIII – первой половине IX в. Сугдея принадлежала Византии⁹.

Известные коррективы в сложившиеся представления об истории города и района внесли сигиллографические памятники, обнаруженные в море в порту Сугдеи и хранящиеся преимущественно в Эрмитаже и музее-заповеднике «София Киевская»¹⁰. О феме Сугдея до недавнего времени было известно то, что она существовала в 1059 г., будучи объединена с фемой Херсон под властью патрикия и стратига Льва Алиата, что следует из надписи на печати из Херсонеса¹¹. Печати, найденные в Судаке и датированные серединой XI в., дали имена новых стратигов Сугдеи: Георгия Муселе, протоспафария и стратига, Иоанна, патрикия и стратига¹². Вопреки мнению В. В. Майко, В. И. Булгаковой и А. В. Сазанова¹³, фема не прекратила свое существование в 1059 г., став частью объединенной фемы Херсон и Сугдея, так как подобные случаи имели экстраординарный

характер и означали лишь сосредоточение военных функций – руководство вооруженными силами фем в руках одного командующего, и не более того¹⁴. Отметим, что саны стратига Сугдеи Иоанна и стратига объединенной фемы Льва Алиата равны – патрикии.

Время создания фемы неизвестно. Но, судя по находкам здесь печатей стратигов Херсона, некоторое время до и явно после объединения фема была автономной¹⁵. Причиной ее создания могла быть внешняя опасность, и исходить она могла от существовавшего рядом на территории Таманского полуострова до 1094 г. так называемого Тмутараканского княжества, где находили убежище русские князья-изгои, лишившиеся своих уделов на территории Киевской Руси¹⁶. По-видимому, временами они были достаточно беспокойными соседями византийского Крыма. В противном случае катепану Херсона не пришлось бы травить князя Ростислава на пиру в Тмутаракани в 1065 г.¹⁷ Более того, создается впечатление, что на какое-то время центр объединенной фемы был перенесен ближе к потенциально угрожавшему позициям империи в Крыму княжеству – в Сугдею. В пользу этого свидетельствует находка здесь печати князя Тмутаракани Давида Игоревича (1081–1083) и четырех из семи известных печатей его преемника Олега-Михаила как архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии (1083–1094)¹⁸. Показательно, что при всем богатстве херсонского архива ни одной древнерусской печати данного периода, в том числе и печатей князей Тмутаракани, в нем пока не найдено. То есть князья вели переписку с византийской администрацией Сугдеи, но не Херсона¹⁹.

Вследствие этого можно предположить, что фема Сугдея благополучно просуществовала как минимум до 90-х гг. XI в. Печать вестарха Никифора Алана как катепана Херсона и Хазарии, но не Сугдеи, на наш взгляд, косвенно это подтверждает²⁰. Саны стратигов Херсона, весьма многочисленных, колебались между спафарокандидатами и протоспафариями. «Интересно отметить, – пишет Е. В. Степанова, – что, судя по печатям, стратигам Херсона этого времени (IX в.) присваивались достаточно низкие титулы, не характерные для чиновников такого ранга, императорский спафарий или даже ипат. Низкий статус владельцев печатей может быть связан с политической ситуацией в Крыму, когда новая фема Херсон утратила свое значение вскоре после своего основания»²¹. Но и позже, судя по наблюдениям А. Н. Алексеенко, стратиги Херсона получали не столь уж высокие титулы²². Объяснить это географической изоляцией Крыма от остальной территории империи вряд ли возможно (вспомним, например, Италию). Скорее всего причиной этого была известная второстепенность внешней политики Византии в Северном Причерноморье в целом с точки зрения Константинополя. Среди многочисленных стратигов фемы Херсон лишь два имели титулы патрикиев – Михаил Херсонит (Ш.1.59)²³ и Калокир, патрикий, стратиг и протевон Херсона (Ш.8.4). По мнению Н. А. Алексеенко, печати датируются второй половиной X в.²⁴, хотя, возможно, они несколько более поздние. Ранее было отмечено отсутствие печатей фемных чиновников и стратигов в Византии второй половины XI–XII вв. И. Иорданов отметил это для фемы Паристрион²⁵. Судя по публикациям Н. А. Алексеенко, это имело место и в Крыму. Печати стратигов Херсона 2-й половины XI в. практически не известны. Нет их и в Судаке. Но там найдена печать дуки Куркуаса, отождествленного Е. В. Степановой с известным военным деятелем конца XI в., Григорием Куркуасом, дукой Филиппополя (Пловдив) в 90-х гг. XI в.²⁶ Найденная там же печать вестарха Георгия Керина, тождественен он известному хронисту или нет, датируется 3-й четвертью XI в.

Параллельные экземпляры известны в Паристрионе и Херсонесе²⁷. Там же известны печати Иоанна Анахала и Евфимия Арсавира, датируемые XI в. (первая)²⁸.

Изданные В. Булгаковой многочисленные печати частных лиц, датируемые XI–XII вв., свидетельствуют о присутствии Византии в Судее по крайней мере до конца XII в.²⁹, а находка монет императора Трапезунда Великого Комнина Мануила I (1238–1263) в обломках потерпевшего крушение корабля около города (Новый Свет) может быть интерпретирована в пользу подчинения Судеи Трапезунду после 1204 г.³⁰

Так как найденные в Судее печати владельцев Тмутаракани и дуки Куркуаса датируются 80–90-ми гг. XI в., можно предположить, что фема Судея просуществовала как минимум до конца века. Стратегическое значение феми возросло, возможно, в связи с именно тмутараканскими делами, что объяснило бы и появление печатей Давида и Олега-Михаила в судакском архиве. В Судею писали и византийские функционеры, чьи печати известны в других районах Византии. Печать вестарха Никифора Алана как катепана Херсона и Хазарии, но не Судеи, датируемая тем же временем, на наш взгляд, косвенно это подтверждает³¹.

Подведем итоги. Немногочисленный к настоящему времени и крайне фрагментарный сигиллографический материал дает основание считать, что фема Судея существовала по крайней мере до 80–90-х гг. XI в. Судя по находкам печатей деятелей конца XI – начала XII в., византийская администрация была представлена здесь и позднее, хотя форма ее существования и неизвестна.

¹ В основу данной работы положен текст доклада, прочитанного 2 июня 2015 г. на семинаре ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя и полис» в Херсонесе. Тезисы опубликованы: Степаненко В. П. Фема Судея в XI в. // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя и полис»: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015. С. 63, 64.

² Хотя для XI в. объем информации больше не стал. Для стратигос Боспора известна одна печать Аркадия, изданная еще Г. Шлюмберже. По сообщению И. Иорданова, вторая печать стратига Боспора, найденная в Преславе, готовится им к публикации. Пока же имеют место гипотезы, ни обосновать, ни опровергнуть которые не представляется возможным по причине отсутствия фактов. См., например: Науменко В. Е. К дискуссии об административно-политическом статусе Боспора в X–XII вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. [Византийское общество: история, право, культура]. Серия 4. 2016. Т. 21. № 5. С. 71, 72; Могаричев Ю. М. Крымская Хазария в X–XII вв.: анклав в Крыму или историкографический миф? // Могаричев Ю. М.,

Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): проблемы истории и археологии. М., 2017. С. 640–742; Науменко В. Е. О византийской феме в Таврике в правление императора Никифора I Геника (802–811). Критические замечания к гипотезе Тибора Живковича // Вестник Волгоградского государственного университета. [Византийское общество: история, право, культура]. Серия 4. 2017. Т. 22. № 5. С. 75–85.

³ Алексеевко Н. А. Византийская Таврика во второй половине XI века и новая печать Льва Алната из Херсона // Вестник Волгоградского государственного университета. [Византийское общество: история, право, культура]. Серия 4. 2017. Т. 22. № 5. С. 100–111; Науменко В. Е. О византийской феме в Таврике в правление императора Никифора I Геника (802–811).

⁴ Баранов П. А. Судея в VII–XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2а. М., 1987. С. 19–27; Он же. Таврика в эпоху раннего

- средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 151.
- ⁵ *Айбабин А. П.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999. С. 205. Но ср.: *Сазанов А. В.* Археологические комплексы раннесредневековой Сутдеи // *Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого периода.* Симферополь, 2009. С. 104–174.
- ⁶ Библиография: *Никифоров М. А.* К вопросу о политическом статусе Сутдеи первой половины IX – первой половины XI в. // МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 436–453; *Науменко В. Е.* Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI в. (историко-археологический комментарий) // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. «Империя и полис»: тезисы докладов.* Севастополь, 2013. С. 169–204; *Майко В. В.* Византийско-русские отношения в восточном Крыму в XI в. // ПИФК. Вып. 16/1. Магнитогорск, 2006. С. 217–224; *Он же.* Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этнокультурных связей // *Ruthenica.* Вып. 9. Киев, 2010. С. 37–48; *Цукерман К. Б.* Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 425–427. Последняя работа: *Майко В. В.* Восточный Крым во второй половине X – XII в. Киев, 2014.
- ⁷ См.: *Сорочан С. Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. Вып. 12. Магнитогорск, 2002. С. 532; *Он же.* Сутдея в «темные века» // Сутдейский сборник. Вып. 1. Киев ; Судак, 2004. С. 33, 34; *Он же.* О положении и статусе Сутдеи в VI–IX вв. // *Древности 2006–2008.* Харьков, 2008. С. 111; *Науменко В. Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // ПИФК. Вып. 12. Магнитогорск, 2002. С. 544–567. Ср.: *Виноградов А. Ю., Камар А. В.* Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сутдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 27–31; *Майко В. В.* Сутдея в X – начале XI в. // Сутдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 38–56. Последняя работа: *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б.* Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М., 2017.
- ⁸ *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 663–688.
- ⁹ *Сазанов А. В.* Археологические комплексы раннесредневековой Сутдеи. С. 104–174. Примеч. 216 – библиография; *Могаричев Ю. М.* О некоторых вопросах истории восточного Крыма VIII–IX вв. // Сутдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 237–247; *Он же.* Иоанн Готский в истории средневекового Крыма // *Житие Иоанна Готского.* Симферополь, 2007. С. 204.
- ¹⁰ *Sandrowskaja V. S.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegelin Sudak // SBS. 1993. Vol. 3. P. 85–97; *Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 47–58; *Баранов И. А., Степанова Е. В.* Церковная и военная администрация средневековой Сутдеи // Археология Крыма. Т. 1. № 1. Симферополь, 1997. С. 83–88; *Степанова Е. В.* Связи Херсонеса и Сутдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический у истоков мировых религий: материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С. 19–33; *Степанова Е. В., Фарбей А. М.* Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // Причерноморье, Крым и Русь в истории и культуре: материалы III Судацкой междунар. конф. 18–21 сентября 2006 г. Т. 2. Киев, 2006. С. 303–306; *Степанова Е. В.* Находки печатей в Судак // *Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени.* Симферополь, 2009. С. 175–192; *Булгакова В. П.* Сигиллографический комплекс порта Сутдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сутдейский сборник. Вып. 3. Киев ; Судак, 2008. С. 296–330. В последнюю публикацию вкралась ошибка. ПРІ под титлом – не прикирий, но патрикий. Е. В. Степанова полагает, что из более чем 500 известных к настоящему времени печатей, найденных преимущественно в море, прочтены могли быть не более 50 экземпляров, тогда как остальные так обкатаны морем, что чтению не поддаются. Наши благодарности коллеге за консультацию.
- ¹¹ Надпись на карнизе из Херсонеса, изданная Латышевым: *Латышев В. В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1895. Т. 2.

- С. 184–188; Чхайдзе В. Н. Тмутаракань и Восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье: XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Папуто: материалы конф. М., 2011. С. 314–319.
- ¹² Первая известна в четырех экземплярах, вторая – в двух. См.: Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев; Судак, 2005. С. 543; Она же. Находки печатей в Судаке. С. 187.
- ¹³ Майко В. В. Сугдея во второй половине X – начале XI в. // Сугдейский сборник. Вып. 1. Киев; Судак, 2004. С. 244; Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи. С. 314, 315; Сазанов А. В. Археологические комплексы раннесредневековой Сугдеи. С. 151.
- ¹⁴ Это отметила Е. В. Степанова, приведя в качестве примера объединение таких географически отдаленных фем, как Лангобардия (Италия) и Кефалления (Греция), под командованием одного стратига: Баранов И. А., Степанова Е. В. Церковная и военная администрация средневековой Сугдеи. С. 86.
- ¹⁵ Степанова Е. В. Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов. С. 19–33.
- ¹⁶ Чхайдзе В. Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-х гг. X – 90-х гг. XI в. // Сугдейский сборник. Вып. 5. Киев; Судак, 2012. С. 251–270; Она же. Тмутаракань и Восточный Крым. Обычно возникновение княжества датируют по Повести временных лет между 988–989 гг. (Радзивилловская летопись // ПСРА. Т. 38. Л., 1989. С. 55). Первое упоминание Тмутаракани связано с пассажем о раздаче Владимиром уделов сыновьям, помещенным после рассказа о взятии Херсонеса, датированного 988 г. (с. 50). Но среди получивших уделы названы его сыновья от Анны – Борис и Глеб. А Анна, согласно той же ПВЛ, появилась в Херсонесе накануне возвращения Владимира в Киев, т. е. в том же 988 г. (с. 53). Так что раздача уделов могла иметь место между 989–1015 гг., ближе ко второй дате.
- ¹⁷ Повесть временных лет. Радзивилловская летопись // ПСРА. Т. 38. Л., 1989. С. 71.
- ¹⁸ Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации). С. 543; Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи. С. 237.
- ¹⁹ В свою очередь, в Тмутаракани известны и печати византийских функционеров фемы Херсон. См.: Чхайдзе В. Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. № 43–49.
- ²⁰ Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // ХСБ. 2013. Вып. 12. С. 5–18.
- ²¹ Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации). С. 538.
- ²² Н. А. Алексеенко отмечает, что саны патрикия получили лишь три стратига Херсона – Калокир, Лев Аллиат и Иоанн Вога. См.: Алексеенко Н. А. Византийский Херсон VI–XIII вв. в памятниках сфрагистики. Севастополь, 2017. С. 99.
- ²³ Известна его печать из Тмутаракани. См.: Чхайдзе В. Н. Византийские печати из Тмутаракани. С. 90, 91. № 49.
- ²⁴ Алексеенко Н. А. Византийский Херсон VI–XIII вв. в памятниках сфрагистики. С. 419.
- ²⁵ Jordanov I. The Katepanate of Paraduoupanov according to the Sphragistic Data // SBS. 2003. Vol. 8. P. 73.
- ²⁶ Степанова Е. В. Находки печатей в Судаке. С. 186.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Алферов А. М. Моливдовулы с родовыми именами из архива печатей византийского Херсона // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя и полис»: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 10–12. Отметим лишь, что, судя по изображению семаргла на л. с. печати Арсавира, она вряд ли выходит за пределы X в.
- ²⁹ Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи. № 34, 37, 38, 43–51, 54.
- ³⁰ Дергачева А., Зеленко С. М. Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет // Сугдейский сборник. Вып. 3. Киев; Судак, 2008. С. 425–439.
- ³¹ Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // ХСБ. 2013.

НУМИЗМАТИКА

В. В. Гурулева
(*Санкт-Петербург*)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НУМИЗМАТИКИ КРЫМА ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХИ

Введение

Заявленная статья подводит предварительные итоги работы по фиксации находок византийских монет в Крыму, которая велась начиная с 2000 г.¹ Необходимость в их комплексном изучении была вызвана большим количеством новых, еще не введенных в научный оборот нумизматических памятников, которые появились за полвека со времени создания топографии В. В. Кропоткина² и написания обобщающей статьи И. В. Соколовой³.

В ходе работы выявлялись новые и уточнялись определения ранее известных византийских монет, происходящих из Крыма, в музеях Украины и России, а также в частных коллекциях; велись архивные изыскания. В результате были созданы электронные базы данных, где учтены монеты из музейных и частных коллекций Крыма, Киева, Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга, а также известные по публикациям. В общей сложности в базы данных включено около 15 000 византийских монет, составлена предварительная топография их находок. В целом ряде докладов и публикаций по частным вопросам обращения византийских монет в отдельных регионах Крыма были отражены новые данные, полученные в ходе работы⁴.

Из всех разделов крымской нумизматики на сегодняшний день лучше всего изучены херсоно-византийские выпуски. Монографии В. А. Анохина⁵ и И. В. Соколовой⁶ подвели итоги многолетних изысканий. Новые находки херсоно-византийских монет активно публикуют и анализируют Н. А. Алексеенко⁷, А. Н. Коршенко⁸, дополняя и развивая высказанные ранее идеи⁹.

Иначе обстоит дело с другими регионами Крыма. В топографии В. В. Кропоткина 1962 г. и в дополнении 1965 г. автор сознательно не касался находок византийских монет во время раскопок в Херсонесе. Поэтому там было зафиксировано около 700 византийских монет, найденных в Крыму¹⁰. Из них более 400 – выпуски монетного двора средневекового Херсона (в том числе из кладов, найденных в Севастополе и его округе). Подавляющее большинство монет относилось к V–VII вв.

В упомянутой статье И. В. Соколовой было сделано очень важное наблюдение о различии состава монетных находок Юго-Западного и Восточного Крыма в VI–VII вв. На Юго-Западе преобладают медные монеты херсонского чекана, а в восточной части полуострова находят преимущественно золотые и медные монеты константинопольского

монетного двора (автор зафиксировала 80 экз., из которых 18 – херсоно-византийские). Как полагала исследовательница, это свидетельствует о том, что Юго-Западный Крым в то время был внутримперской областью, зависимой от Херсона, а Восточный, тоже входя в сферу влияния Византии, осуществлял связи с метрополией самостоятельно. Отмечая отсутствие там находок византийских монет VIII–IX вв., И. В. Соколова считала, что это «подчеркивает безденежный характер сельского хозяйства полуострова в VIII–IX вв.». Однако, прежде чем сделать такой вывод, автор статьи особо оговорила, что «при немассовости материала любое новое открытие может привести к изменению наших представлений»¹¹. Оговорка оказалась пророческой, новые находки опровергли тезис И. В. Соколовой о безденежном характере экономики Восточного Крыма, равно как и ряд выводов В. В. Кропоткина.

При изучении находок византийских монет в Крыму следует иметь в виду, что в разные времена наряду с регионами, подвластными Византии (в основном города и области на побережье), на полуострове всегда существовали места обитания независимых от империи народов, находившихся на разных уровнях развития. И если в отношении подвластных Византии регионов мы можем с уверенностью говорить об обращении в их среде византийских монет, то в отношении инокультурного населения – с осторожностью, поскольку имеются примеры, говорящие скорее о бытовании у них византийских монет и подражаний, использовавшихся не по прямому назначению.

С XIII в. ситуация в Крыму еще больше осложнилась. Там появились венецианцы, генуэзцы, татаро-монголы, т. е. народы, пользовавшиеся собственной монетой. Византийские монеты, найденные в их культурном контексте, выступают уже в другом качестве – как индикаторы экономических и политических контактов.

По-видимому, на современном этапе исследований основное внимание следует обратить на следующие ключевые проблемы денежного обращения Крыма византийского периода:

1. Интерпретация находок в Крыму монет Византийской, а с XIII в. еще и Трапезундской, Никейской, Латинской империй, а также близких им по типам и метрологии монет Второго Болгарского царства в контексте историко-культурной среды полуострова.
2. Выявление и анализ связей византийского Херсона с другими регионами Крыма.
3. Использование византийских монет и подражаний им в инокультурной среде Крыма.

Херсон и его округа

Херсон и его округа являются единственной областью Крыма, которая стабильно входила в состав Византийской империи на протяжении почти всей истории ее существования, что позволяет проследить основные закономерности и особенности денежного обращения данной части полуострова. Выявление всех закономерностей и особенностей может стать образцом для сравнительного анализа с менее изученными в этом отношении регионами Крыма, находящимися под контролем Византии.

Херсонеситы с VI в. использовали монеты, выпущенные местным монетным двором, что не исключало из обращения и выпуски других городов империи. Среднее соотношение находок в Херсонесе монет местной чеканки и других монетных дворов Византии составляет 5 : 1.

Характерной чертой денежного обращения Херсона V – начала VI в. является обилие (сотни экземпляров) мелких медных номиналов императоров Аркадия (383–408), Льва I (457–474), Зенона (474–491), Анастасия I (491–518). По-видимому, это были самые востребованные на местном рынке монеты¹². Особенностью, которая еще с античных времен была присуща ряду монетных выпусков Херсонеса – Херсона, является состав металла монет, включающий большой процент свинца. Наиболее показательными в этом отношении являются монеты Зенона одного типа, сходного с типом монет Льва I и Юстиниана I (527–565), где на лицевой стороне изображен император, погрудно и обращенный вправо, а на оборотной – император, стоящий во весь рост со сферой и крестом на длинном древке или лабаром в руках и попирающий ногой пленника. На монетах Зенона этого типа отсутствует обозначение монетного двора, но поскольку их находят только в Херсонесе, А. Н. Белова предположила, что они чеканились на местном монетном дворе¹³. Прежде считалось, что монетный двор Херсонеса прекратил свою деятельность в III в., и перерыв в его работе продолжался до времени правления Юстиниана I. Первоначально А. Н. Белова отнесла этот тип монет Зенона к херсонскому монетному двору только предположительно, но впоследствии, когда накопилось больше новых находок таких монет, в своей последней статье, вышедшей уже после ее смерти, она уверенно говорила о чеканке монет Зенона данного типа в Херсоне¹⁴. Выводы А. Н. Беловой приняты в настоящее время всеми отечественными нумизматами. Развитие ее идеи, основанное на штемпельном и эпиграфическом анализе 74 монет, найденных как в Херсонесе, так и в его округе, позволило А. Н. Коршенко сделать вывод о кратковременности выпуска и стилистическом единстве монет. Кроме того, он обратил внимание на перестановки букв и ошибки в надписях. Совокупность этих признаков, по мнению исследователя, служит весомым аргументом для подтверждения их херсонского чекана¹⁵. Западные исследователи В. Хан¹⁶ и Ф. Грирсон¹⁷ (оба изучали научную литературу и на русском языке) более осторожны в своих суждениях и не считают возможным относить чеканку к монетному двору Херсона. Вероятно, именно состав металла, что не учитывают ни В. Хан, ни Ф. Грирсон, является тем решающим доводом, который склоняет чашу весов в пользу херсонского чекана.

Кроме того, гипотеза А. Н. Беловой дала толчок современным исследователям к изучению многочисленных монет Льва I подобного типа, находки которых тоже зафиксированы только в Херсонесе. Считается, что они выпускались специально для Херсона в Константинополе, поскольку имели обозначение монетного двора «CON», поэтому они не встречаются в других регионах бывшей Византийской империи¹⁸. Однако, по мнению А. Н. Коршенко, целый ряд важных признаков, характерных только для выпусков херсонского монетного двора: высокий процент содержания олова или свинца в составе металла, слоистый гурт, – отличают указанные монеты Льва I от выпущенных в столице и позволяют отнести их к местной чеканке¹⁹.

При Юстине I (518–527) и Юстиниане I уменьшается приток монет из Константинополя и других городов империи, поскольку активно функционирует монетный двор Херсона, удовлетворяющий запросы внутреннего рынка. Количество находок монет Юстина I местной чеканки вавое превосходит число монет других монетных дворов, при Юстиниане I разница существенно увеличивается в пользу херсонских выпусков (15 : 1). Но в дальнейшем она сокращается до соотношения 8 : 1 при Юстине II (565–578) и 5 : 1 при Маврикии (582–602). При этом прекращение работы монетного двора

Херсона при Ираклии (610–641) не вызвало массового притока монет из Константинополя. Только монеты Константа II (641–668) исчисляются десятками экземпляров, для монет других императоров VII–VIII вв. характерно единичное количество находок.

Преимущественно в Крыму находят монеты Константа II такого типа, который был присущ только херсонским выпускам предшествующих императоров. Зафиксированы эти монеты во время раскопок в Херсонесе, в Керчи, а также – и их большинство – среди случайных находок, в основном в Восточном Крыму. На мой взгляд, по неизвестным ныне причинам херсонский монетный двор на время возобновил работу в правление Константа II, тем более что прецедент был создан еще при Ираклии, когда после закрытия этим императором провинциальных монетных дворов на монеты Маврикия и самого Ираклия, чеканенные в Херсоне, ставились контрамарки с начальной буквой имени императора²⁰. В. А. Сидоренко, напротив, полагает, что эти монеты выпускались на Боспоре, хотя свидетельств существования там монетного двора в Средние века, кроме находок монет в этом регионе, нет²¹. Обоснованная критика попыток симферопольского исследователя отнести монеты Константа к чеканке Боспора, как и существования монетного двора в этом городе в Средние века, содержится в рецензии И. В. Соколовой²².

Особенностью монетного обращения Херсона в начале IX в. является обилие находок фоллисов Льва V (813–820), чеканенных в г. Сиракузы. Монеты относятся к классам 1–3, которые стилистически, типологически и технически едины: они чеканены на кружках неправильной формы, часто обрезанных или обрубленных по краям, по видимому в процессе обращения, поскольку надписи почти всегда фрагментированы. Монеты имеют общий тип: на л. с. погрудное изображение Льва, на о. с. погрудное изображение Константина – сына и соправителя императора. Отличаются эти три класса монет между собой расположением надписей и начертанием букв, а также весом: средний вес монет 1-го класса – 2,2 г, 2-го класса – 3,3 г, 3-го класса – 3,8 г. Необходимо отметить, что только монеты трех данных классов находят в Херсонесе. На сегодняшний день зафиксированы находки в Херсонесе более 200 экземпляров фоллисов Льва V, выпущенных в Сиракузах, тогда как фоллисов этого императора, чеканенных в Константинополе, найдено лишь два экземпляра. Этот феномен привлекал внимание исследователей, но до сих пор не получил убедительного объяснения.

И. В. Соколова, которой в начале 1960-х гг. было известно только 25 таких монет, предположила тогда, что их наличие в Херсоне было следствием контактов Крыма и Сицилии – регионов, куда переселялись почитатели икон в ходе иконоборческого движения²³. Но это предположение достаточно уязвимо: иконоборческая политика длилась в Византии с перерывами с 730 по 843 г., однако только при Льве V в Херсон поступали фоллисы из Сиракуз. Кроме того, в Восточном Крыму, где также селились почитатели икон, находок монет, чеканенных в Сицилии, пока не зафиксировано. Важным положением в этой работе И. В. Соколовой, донныне не потерявшим своей актуальности, является анализ находок сиракузских фоллисов Льва V на территории бывшей Византийской империи. По наблюдению исследователя, они не встречаются нигде, кроме Сицилии и Крыма²⁴. Позже, в связи с находкой в Херсонесе печати Елифания, стратига Сицилии во второй трети IX в., И. В. Соколова отказалась от своего первоначального мнения о причинах появления в Крыму монет сицилийского происхождения, выдвинув новое объяснение присутствию сиракузских фоллисов Льва V в Херсонесе и связав их с базированием в Крыму сицилийских воинских контингентов²⁵.

Иное истолкование находок сиракузских фоллисов в Херсонесе предлагает А. Гийю, который считает их индикаторами торговой активности сицилийских купцов²⁶. Однако данное мнение не подкрепляется какими-либо иными следами торговых связей этих двух провинций Византии.

Более обоснованной представляется гипотеза Е. В. Степановой, которая отрицает военную или торговую активность сицилийцев как причину появления в Херсонесе сиракузских монет и сицилийских печатей (исследователь проанализировала еще две печати стратигов Сицилии, найденные в Херсонесе: Прокопия, середины VIII в. и Льва, конца X в.). Она предполагает, что монеты были отчеканены на сиракузском монетном дворе специально для Херсонеса, но вопрос, почему для этого были выбраны Сиракузы, а не Константинополь, оставляет открытым. Оценивая в целом характер взаимоотношений двух отдаленных провинций, Е. В. Степанова видит в них политическую подоплеку, природу которой объяснить затрудняется²⁷.

Следует искать дополнительные аргументы для объяснения причин появления в Херсоне сиракузских фоллисов Льва V. Не исключено, что это как-то связано с находками в Херсонесе медных фельсов, чеканенных правителями арабской династии Аглабидов (Тунис и Алжир) в первой трети IX в. Однако предположение Е. Ю. Гончарова о том, что «попадание в Херсонес африканских медных монет возможно только при прямом посещении города арабскими купцами и экипажами кораблей, вышедших из Карфагена»²⁸, не учитывает политических реалий. Византийская империя строго контролировала проливы из Средиземного в Черное море, и появление арабского флота у стен Константинополя было возможно только в контексте военных экспедиций.

Обращает на себя внимание характерная особенность сиракузских фоллисов, найденных во время раскопок в Херсонесе, которая, как мне кажется, важна для понимания роли этих монет в денежном обращении Херсона. В отличие от монет, хранящихся в музейных коллекциях Западной Европы и Америки, они очень существенно обрезаются (или обрублены) по краям, так, что 50% таких монет весит всего лишь от 0,48 до 1,5 г. Это соотносится с весом первых литых монет Херсона, выпускавшихся после возобновления работы монетного двора, а также с весом монет Аглабидов, найденных в Херсонесе и подвергшихся той же операции по срезанию металла с их краев. Возможно, монеты обрезались в Херсоне для приведения их в соответствие с локальными весовыми нормами²⁹.

В византийском Херсоне на всем протяжении существования города наиболее востребованными были мелкие медные номиналы. В качестве предварительной гипотезы можно предположить, что в условиях мирного сосуществования с арабами в первой трети IX в. было экономически целесообразнее снабжать Херсон сиракузскими фоллисами, которые отличались от константинопольских меньшим весом и размером и поэтому легче вписывались в весовые нормы города. Монетный двор Сиракуз действительно мог отчеканить монеты специально для Херсона, поэтому они встречаются в Херсонесе в больших количествах, чем на Сицилии. Остается открытым вопрос, почему это произошло только в правление Льва V, а не какого-либо другого императора.

В связи с находками сиракузских фоллисов в Херсонесе возможно, на мой взгляд, решить вопрос с уточнением атрибуции еще одной группы монет. Принято считать, что в правление Льва V в Сиракузах выпускалось четыре класса фоллисов. Фоллисы

4-го класса иные: они технически и стилистически совершеннее первых трех выпусков, имеют более высокий вес, отличаются типологически – на л. с. погрудные изображения двух императоров без надписей, на о. с. буквы «ЛК», в которых исследователи видят сокращение имен Лев и Константин. Примечательно, что среди находок в Херсонесе монет последнего класса нет. Ф. Грирсон высказывал сомнение в принадлежности фоллисов 4-го класса Льву V, полагая, что их следует отнести к правлению Льва IV с Константином VI (776–780). Но из-за недостатка более весомых данных, таких как кладовые комплексы, для подтверждения новой атрибуции Ф. Грирсон оставил эти монеты в каталоге Дамбартон Оукс среди выпусков Льва V³⁰.

Клады монет императоров иконоборческого периода очень редки, т. к. такие монеты были в основном изъяты из обращения после победы почитателей икон, как и другие памятники культуры и письменности иконоборческого движения. Но отсутствие среди археологических находок в Херсонесе фоллисов 4-го класса, при обилии первых трех, является, на мой взгляд, убедительным свидетельством в пользу более ранней датировки этих монет.

С возобновлением работы монетного двора в Херсонесе, и особенно в X в., число находок монет местной чеканки вновь в десятки раз превышает находки выпусков других центров империи.

Золотые монеты Византии встречаются при раскопках в Херсонесе редко. Большинство золотых монет, хранящихся ныне в музее-заповеднике «Херсонес Таврический», происходят из случайных находок.

При изучении денежного обращения в Херсонесе (как, впрочем, и в целом в Крыму) в первой половине XIII в. одной из важных задач является интерпретация находок монет византийского круга в контексте историко-культурной динамики полуострова. Среди монет данного периода в Крыму зарегистрированы выпуски Латинской (1204–1261), Трапезундской (1204–1461), Никейской (1208–1261) и Фессалоникской империй (1224–1244). Все эти государства входили в число держав, которые участвовали в борьбе за византийское наследство, однако на обладание Крымом претендовали в то время только Трапезундская и Никейская империи, поскольку в договоре 1204 г. о разделе Византии участниками IV Крестового похода Крым не фигурирует. Тем не менее, монеты Латинской империи достаточно часто встречаются в Крыму (более 50 экз.), отражая связи этого государства с Херсоном и другими регионами полуострова.

Никейская империя достаточно активно декларировала свои претензии на господство в Черном море. Феодор I (1208–1222) контролировал города Амастрию и Гераклею на южном побережье с 1214 г., а его внук Феодор II (1254–1258) в одном из писем упоминал, что Никейская империя держит все пути в Черное море. Монеты правителей империи встречаются в Крыму в десятках экземпляров, преимущественно в Херсонесе. Половину из них составляют золотые монеты, что свидетельствует не столько о торговых-экономических связях Никейской империи с Крымом, как было в случае с монетами Латинской империи, а именно о вовлеченности крымских территорий в сферы влияния никейских правителей. В первую очередь об этом говорят золотые монеты, которые никогда не были индикаторами торговых отношений. Они могли попасть в Крым либо как выплаты никейских императоров союзникам или врагам, о чем нет сведений в источниках; либо, что представляется более предпочтительным, как средство обращения в подвластном империи регионе³¹.

С образованием Трапезундской империи Крым (фактически только Херсон и Готия, т. е. юго-западная часть полуострова от Алушты до Херсона, где в горах проживали преимущественно аланы и готы) начинает рассматриваться ее правителями как заморская часть державы, выплачивающая в казну ежегодные налоги. Находки трапезундских монет в Крыму составляют самую многочисленную группу – более 200 экз., однако относящихся на первую половину XIII в. – единицы, что вполне согласуется с динамикой работы монетного двора Трапезунда.

В Херсонесе монеты трапезундских правителей встречаются реже, чем в Восточном Крыму, их находки пока не достигли и полусотни экземпляров. В принципе это укладывается в общую схему соотношений монет херсонского чекана к иногородним выпускам. Местный рынок вполне обеспечивался медными анонимными монетами с монограммой «ро», находки которых носят массовый характер.

Продолжались контакты Херсона и с правителями восстановленной в 1261 г. Византии. Монет палеологовского времени найдено во время раскопок около полутора десятков.

Генуэзская крепость **Чембало**, построенная в начале XIV в., еще только начинает планомерно изучаться археологами. Количество находок византийских и трапезундских монет в археологическом контексте там невелико, и пока рано делать какие-то заключения и выводы.

Прибрежные города Южного и Восточного Крыма

Рассматривая денежное обращение в других областях Крыма, следует учитывать, что прибрежные города Южного и Восточного Крыма долгое время находились под контролем Византийской, а затем отчасти Трапезундской империи. Даже когда они были заняты хазарами (VIII–IX вв.), половцами (конец XI – XIII в.), татаро-монголами (с середины XIII в.), венецианцами (начало XIII – середина XIV в.), генуэзцами (с XIV в.). эти регионы не были исключены из сферы интересов Византии. При такой сложной политической ситуации очень важно четко понимать, в каком контексте следует изучать найденные в Южном и Восточном Крыму монеты Византии и государств, временно или постоянно (как Трапезундская империя) возникших на ее территории после 1204 г.

Монеты, обнаруженные во время раскопок различных локальных памятников Восточного и Южного Крыма, несомненно, являются одним из самых важных исторических источников. Однако для наблюдений общего характера не менее значимы даже лишенные археологического контекста нумизматические коллекции крымских краеведческих музеев. Как правило, такого рода собрания складывались преимущественно из монет, найденных в близлежащих регионах. Непосредственное знакомство с коллекциями музеев Керчи, Феодосии, Судака, Старого Крыма, Бахчисарая, Симферополя, Алушты, Ялты (в последнем музее только картотека) позволили мне лишний раз убедиться в этом.

Так, просмотренная в 2000 г. коллекция византийских монет **Керченского музея** насчитывала 57 монет, подавляющее большинство которых относилось к V–VII вв. Среди них были выпуски различных монетных дворов Византии: Константинополя (в том числе золотой солид Юстиниана I (527–565) и церемониальная серебряная монета,

которые мне не удалось увидеть, поскольку они хранились в банке, как и все экспонаты из драгоценных металлов, поэтому более точное их определение мне недоступно), Никомедии, Кизика, Теуполиса, Александрии, а также Херсона (здесь лидируют монеты Маврикия), что сопоставимо и с данными археологических раскопок, и с находками случайного и целенаправленного характера³². Монеты VIII в. представлены только двумя солидами Константина V (741–775), что вполне соотносится с историческими реалиями того времени, о чем подробнее скажу позже. К IX в. относятся солид Василия I с Константином (868–879) и медные выпуски Херсона (3 экз.), а к X в. – солид Константина VII с Романом II (945–959), номисма Никифора II (959–963), фоллис Константина VII (945–950) константинопольского монетного двора и медные выпуски Херсона (3 экз.). Все золотые монеты в музее происходят из случайных находок в Керчи и ее окрестностях, а также на Таманском полуострове. Выпуски XI в. представлены анонимными фоллисами класса «С» (1042–1050) – 1 экз. и класса «К» (1085–1092) – 2 экз., а XII в. – тетартероном Исаака II (1185–1195) константинопольского монетного двора.

Несмотря на то, что всю нумизматическую коллекцию в Керчи изучить не удалось (монеты из последних поступлений планировал опубликовать сотрудник музея, поэтому мне их не показали), даже такая неполная выборка дает представление о характере денежного обращения средневекового Боспора. В ранневизантийский период там обращались монеты, характерные и для других центров империи, где медные монеты обеспечивали мелкую рыночную торговлю, серебро представлено редкими церемониальными монетами, а золото было средством крупных платежей и накопления. Локальной особенностью было включение в оборот выпусков Херсона, поскольку собственного монетного двора в средневековом Боспоре, по-видимому, все-таки не существовало. Выпуски последующих периодов отражают картину бытования византийских монет в регионе во время хазарского и половецкого господства, а также кратковременного возврата города под власть Византии.

Проблемы изучения византийских монет VIII–XII вв. связаны с взаимоотношениями Византии и Хазарии, а позже – с половецкими ханами. Памятники материальной культуры, особенно печати, найденные в Судаке, свидетельствуют о том, что византийская таможенная служба продолжала работать в судейском порту и во времена хазарского владычества в регионе³³. Высказывались предположения о существовании своеобразного кондоминиума – системы совместного владения Крымом хазарами и византийцами³⁴. В этой связи важно выяснить, продолжалось ли в Крыму обращение византийских монет в период господства там хазар и половцев. На сегодняшний день монеты, выявленные в ходе археологических раскопок, составляют подавляющее меньшинство по сравнению с подъемным материалом, что затрудняет их изучение в культурном контексте. Однако даже имеющийся в распоряжении археологов нумизматический материал позволяет делать важные наблюдения и выводы, касающиеся периодизации салтовомаяцкой культуры в Крыму³⁵. В статье А. В. Джанова, обобщающей историю изучения Судакской крепости за 200 лет и представляющей современный взгляд историка и археолога на роль города в Средние века³⁶, указаны только нумизматические памятники, свидетельствующие об интересе к этому региону Боспорского царства и Римской империи³⁷, поэтому представляется важным привести данные о находках последних лет, касающиеся византийских и поствизантийских монет.

В Восточном Крыму гораздо чаще, чем в Херсонесе, встречаются золотые монеты Византии, лидируют здесь солиды Константина V (741–775). Среди них есть монеты, сильно обрезанные по краям. Особенно часты находки таких монет в Судаке, но попадаются они и в Херсонесе, и в южных областях Крыма (например, монета, найденная на пляже в Алуште и приобретенная Эрмитажем у владельца в 1967 г.), и на Таманском полуострове. Они встречаются как в ходе раскопок, так и – чаще – случайно. Обрезаны эти монеты столь значительно, что порой теряют в весе до 2/3–3/4 от первоначальной массы. Но при этом, по-видимому, при срезании металла старались сохранять лики императоров, т. к. многие экземпляры имеют овальную форму, позволяющую минимально затронуть лица двух правителей на аверсах. В работе 2004 г. я предположила, что это была сознательная и, возможно, даже санкционированная местными властями акция, и такие обрезанные по краям солиды имели хождение в Восточном Крыму как разменные деньги, недостаток которых всегда ощущался на местных рынках. На некоторых из этих монет имеются граффити, процарапанные уже на обрезанных солидах, что тоже могло свидетельствовать, что именно в таком уменьшенном виде монета находилась в обращении³⁸. Сейчас я склоняюсь к мысли о бытовании таких монет в Хазарской среде. Византийское законодательство, которое действовало и на периферии империи, строго карало за порчу золотой монеты, в том числе и за срезание металла с краев, особенно такое значительное. Хазарские же кладовые комплексы очень часто включают монеты, обрезанные по краям. Примерами могут служить как клады с византийскими монетами (Славянский клад), так и с аккуратно обрезанными арабскими дирхамами (на последние обратил мое внимание Вяч. С. Кулешов). Кроме того, изучение граффити монет из Славянского клада, особенно из его основной части, хранящейся в Краснодаре, показало, что они идентичны по своему характеру граффити на монетах, найденных в Крыму. Большинство из них представляет собой тюркские руны (причем ряд рун графически совпадает с греческими буквами, что ввело меня в заблуждение ранее при изучении крымских монет), а значит, были нанесены на монеты в хазарской среде, а не грекоязычным населением³⁹. Примечательно, что среди медных позолоченных имитаций солидов первых иконоборцев, которые достаточно часто находят в Восточном Крыму (подробнее о них см. ниже), есть экземпляры с граффити и такие, которые производят впечатление имитации обрезанного солида⁴⁰.

Поскольку и в этом случае монеты, выявленные в ходе археологических раскопок, составляют меньшинство по сравнению со случайными находками, вопрос об обращении византийских монет в Восточном Крыму в период хазарского владычества пока остается открытым.

Монеты IX–XI вв. находят в Восточном Крыму преимущественно в Судаке, где регулярно проводятся археологические раскопки, но их количество невелико. Это, следуя по хронологии, фоллис Льва VI (886–912) константинопольского монетного двора, золотой солид Константина VII и Романа II (945–959) (случайная находка) и медный фоллис Константина VII константинопольского чекана из раскопок Судакской крепости⁴¹; выпуски монетного двора Херсона: времени Константина VII (913–959) и анонимная XI–XIII вв.; константинопольские анонимные фоллисы XI в. классов «А», «В», «І»; а также фоллисы столичного монетного двора Романа IV (1068–1071) и Никифора III (1078–1081). Не представлены пока среди археологических находок

в Судаке монеты Комнинов (кроме анонимных фоллисов класса «J» – 1 экз. и «K» – 3 экз., чеканенных в правление Алексея I до реформы 1091/92 г., выявленных в ходе раскопок 2014 г. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством В. Д. Гукина), а также выпуски первой половины XIII в., хотя среди случайных находок, в том числе на берегу или на дне моря, зафиксированы одна золотая монета Алексея I Комнина (1081–1118) после реформы и одна – никейского императора Иоанна III Ватаца (1222–1254).

Клад иперперов раннепалеологовского времени – 21 экз. монет императоров Михаила VIII (1261–1282) и Андроника II (1282–1328), как одного (1282–1295), так и с соправителями: Михаилом IX (1295–1320) и Андроником III (1325–1328) – был обнаружен во время строительных работ в Судаке в 1964 г. Наличие в комплексе двух монет совместного правления Андроника II и Андроника III, которое выявилось в ходе моей работы с монетами в Киеве, изменяет бытовавшее прежде мнение о времени сокрытия клада – 20-е гг. XIV в., когда Сугдея трижды подвергалась разрушению в связи с нашествиями татар в 1322, 1327 и 1328 гг.⁴² Следует признать, что тезаврация клада произошла не ранее 30-х гг. XIV в., т. е. уже во время татарского господства в этом регионе⁴³. Таким образом, если прежде считалось, что монеты находились в обращении в Сугдее среди подданных Византийской империи, то новая датировка клада свидетельствует о том, что монеты были выплачены византийскими императорами татарам, возможно, в качестве выкупа за знатных пленников или по какой-либо иной причине.

При археологических раскопках Судацкой крепости найдено семь медных трапезундских монет, но следует учитывать, что исследовано только 3% территории крепости. Дальнейшие раскопки, возможно, еще порадуют нас новыми материалами и информацией к размышлению.

Обращает на себя внимание малочисленность находок в Крыму серебряных трапезундских монет, в то время как письменные источники дают немало сведений о значительных суммах, поступающих именно в серебряных аспрах, в том числе и в Крым. Если не считать находки клада из 36 аспров Мануила I (1238–1263) на затонувшем у берегов Сугдеи корабле⁴⁴ (клада, который является скорее исключением для этого региона, поскольку нам неизвестно, куда держал путь владелец монет и где бы они в итоге осели), во время раскопок – и то лишь в Херсонесе и в Чембало – были найдены четыре серебряные монеты. Объясняется это тем, что при отсутствии на полуострове серебряных рудников трапезундские аспры в Крыму служили сырьем для чеканки золотоордынских выпусков и татаро-генуэзских монет. Подобная практика торговли серебром в виде отчеканенных монет была характерна для разных государств, ее активно применяли и трапезундские императоры⁴⁵.

Византийские монеты в Южном Крыму находят во время раскопок средневековых крепостей (Алустон), базилик (Партенит), некрополей и святилищ (Голубой залив, Гурзуфское седло), встречаются они и среди подъемного материала.

За время раскопок средневековой Алушты с 1984 по 1991 г. было найдено семь византийских монет (из них три плохой сохранности, условно обозначенные при публикации как выпущенные до XIII в.): литая херсоно-византийская с монограммой «Ро», медный тетартерон Андроника I (1183–1185) и две золотые монеты – номисма стамена Никифора II (963–969) (аналогичная монета была найдена также в отвале местным жителем) и иперпер никейского правителя Иоанна III Ватаца (1222–1254)⁴⁶.

В Алуштинском краеведческом музее хранятся десять монет из раскопок в с. Фрунзенском (Партенит) в 1980-е гг.: константинопольские фоллисы Михаила I (811–813), Василия I и Константина (868–879), Константина VII и Зои (914–919); анонимные фоллисы классов «А2» (976–1030/35) – 1 экз. и «С» (1042–1050) – 2 экз.; херсоно-византийские монеты Василия I, Константина VII, Романа II и анонимный выпуск XI–XIII вв. с монограммой «Ро».

В 2001 г. при раскопках базилики в Партените был найден анонимный фоллис класса «G» (1065–1070).

В Одесском археологическом музее есть золотая номисма тетартерон Василия II и Константина VIII, подаренная А. Л. Бертъе-Далагардом. В инвентарной карточке указано место ее находки – Южный Крым, деревня Ворон (в современном административном делении полуострова это село относится к Судакскому району).

В Ялтинском музее в июле 2001 г. мне удалось просмотреть только инвентарные карточки (монеты мне показать отказались, не объяснив причины) с очень приблизительными описаниями византийских монет, найденных в 1980-е гг. в некрополе V–X вв. у поселка Голубой залив и в средневековом христианском храме и святилище VII–XV вв. у перевала Гурзуфское седло. Приведу несколько примеров таких описаний: «монета бронзовая византийская V в.», «монета бронзовая византийская IX–X вв.», «монета византийская неправильной формы, вогнутая». По инвентарным записям можно опознать монету Юстиниана I (527–565), а также Василия II и Константина VIII (976–1025) (обе без указания номинала и монетного двора) и две херсоно-византийские с монограммой «Ро».

Центральный Крым

Большинство византийских монет, найденных во внутренних областях полуострова (Мангуп, Чуфут-кале, Скалистое и др.), хранится в Центральном музее Тавриды в Симферополе. Среди них преобладают мелкие медные номиналы императоров VI в., а также херсоно-византийские выпуски IX–XIII вв.⁴⁷ Монеты, обнаруженные в ходе археологических раскопок на Мангупе последних лет, изучаются и готовятся к публикации А. Г. Герценом и В. Е. Науменко.

Находки монет Византийской и Трапезундской империй на землях, подвластных Золотой Орде, более характерны для региона крымской столицы татар – **Солхата/Старого Крыма**.

Выпуски византийских императоров династии Комнинов-Ангелов, правивших в XII–XIII вв., встречаются в единичных экземплярах. Так, во время раскопок экспедицией Государственного Эрмитажа в Старом Крыму в 2004 г. был найден тетартерон Мануила I Комнина (1143–1180), чеканенный в Фессалониках. В одной из частных коллекций хранятся тетартерон Иоанна II Комнина (1118–1143), трахея Мануила I, две трахеи Исаака II Ангела (1185–1195) константинопольского монетного двора. В том же году была найдена трахея латинских императоров в Фессалониках (1204–1224). В частных коллекциях число выпусков Латинской империи (1204–1261), обнаруженных в районе Старого Крыма, достигает более 40 экз., кроме того, имеется медный тетартерон никейского императора Иоанна III (1222–1254).

Серебряные монеты Палеологов почти не встречаются в Крыму, лишь в 2004 г. во время раскопок экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского в ремесленном поселении Бокаташ в 1,5 км от Старого Крыма была найдена редкая монета – биллоновый торнезе Андроника III (1328–1431), чеканенный в Константинополе⁴⁸. В заявленном на XIV Международном нумизматическом конгрессе докладе монета была ошибочно названа серебряным базиликоном, но уже в ходе подготовки текста был сделан анализ металла аналогичной монеты из собрания Эрмитажа (происхождение неизвестно), выявивший низкий процент серебра (15%), не соответствующий пробе серебряных выпусков (анализ металла монеты из Старого Крыма не производился, но на вид она еще менее серебряная, чем эрмитажная). Кроме того, вес эрмитажной монеты – 0,62 г – почти идентичен весу впервые опубликованного С. Бендаллом как $\frac{1}{2}$ базилика Андроника II времени его второго единоличного правления (1320–1325) аналогичного экземпляра из Парижа⁴⁹. Ф. Грирсон, уточнив пробу монеты из Парижа, которая содержит только 19% серебра, отнес ее к биллоновым торнезе Андроника III⁵⁰. Все это было учтено при прочтении доклада на конгрессе в 2009 г.

Монета из Старого Крыма – единственная из трех известных в настоящее время аналогичных экземпляров – имеет археологический контекст. Ремесленный пригород Бокаташ, появившийся на месте средневекового христианского поселения, был центром гончарного производства со второй половины XIII и до конца XIV в. Позже территория этого региона использовалась для захоронений. Нумизматический материал (около 300 монет, в основном татарских) подтверждает стратиграфические наблюдения. Самая ранняя византийская монета – херсоно-византийский выпуск Константина VII с Романом I (920–944) – была найдена среди татарских монет конца XIII в. Две монеты Латинской империи не поддаются более точному определению из-за плохой сохранности. Медная монета трапезундского правителя Иоанна II (1280–1297) и медный тетартерон византийского императора Андроника II периода 1282–1294 гг. с изображением Богоматери Оранты в $\frac{1}{2}$ роста на л. с. и императора в рост на о. с. относятся к чеканке XIII в., затем следуют византийские монеты конца XIII – начала XIV в.: биллоновая трахея совместного правления Андроника II и Михаила IX (1294–1320) с изображением Богоматери Оранты в $\frac{1}{2}$ роста на л. с. и императоров в рост на о. с., держащих лабарум, и медный ассарий этих правителей. Биллоновый торнезе Андроника был найден в слое конца XIII в. среди татарских монет 1290-х гг.⁵¹, что позволяет отнести эту монету скорее к правлению Андроника II. Однако, возможно, преждевременно делать окончательные выводы, имея только одну археологически датированную монету.

Медные монеты Палеологов чаще фигурируют среди случайных находок. Это трахеи Андроника II единоличного правления и в соправительстве с Михаилом IX; торнезе Иоанна V (1341–1391), чеканенные после 1379 г.; фолларо Мануила II Палеолога (1391–1423).

В районе Старого Крыма и отчасти Феодосии выявлено больше всего находок медных **трапезундских монет**, в основном находящихся в частных коллекциях. Их ряд начинают монеты Георгия (1266–1280). Только в Старом Крыму отмечена находка монеты совместного правления Иоанна II и Алексея II (1297).

Интересно, что на период кризиса торговли 1343–1350-х гг., вызванного военными действиями татар против генуэзских городов Крыма, приходится самое большое

количество монет Трапезунда, найденных в Старом Крыму. И для самой Трапезундской империи это было время смут и гражданских войн. Лидируют среди находок монеты Василия (1332–1340), их более сотни экземпляров. И лишь одна монета Василия найдена во время раскопок, а остальные происходят из частных коллекций, т. е. являются подъемным материалом. Более десятка монет относится к каждому из последующих императоров Трапезундской империи.

На сегодняшний день мне известно в общей сложности более 300 экз. трапезундских монет, найденных в Крыму⁵².

Только в районе Старого Крыма встречаются находки монет **Второго Болгарского царства**, отражающие контакты Крыма и Балкан в XIII–XV вв. При общей скудости памятников, проливающих свет на характер взаимоотношений Болгарии и Крыма, эти монеты могли бы иметь большое значение, как исторический источник, если бы были найдены в археологическом контексте⁵³.

Пока ничего нельзя сказать определенно об интересных монетах, которые с конца 1990-х гг. находят десятками (к сожалению, вне археологического контекста) на Таманском полуострове, реже – в Восточном Крыму: это вогнутые трахеи XII–XIII вв. со своеобразными круглыми надчеканками (их может быть по две, но чаще – по три на одной монете), имеющими изображение святого на л. с. и надпись в три строки: ВАС / ІАІК / ОН – на о. с.⁵⁴ В собрании Эрмитажа хранятся две таких монеты: из коллекции И. И. Толстого (место ее находки неизвестно), а также найденная в 1976 г. в ходе археологических раскопок в Херсонесе экспедицией Государственного Эрмитажа, но она, к сожалению, относится к перемешанному слою засыпки рыбозасолочной цистерны, где представлены монеты от античного Херсонеса до XII в. А. Л. Пономарев полагал, что эти надчеканки наносились во времена Алексея I по повелению императора для того, чтобы обозначить монету, получившую завышенный курс⁵⁵. Однако мне попадались монеты из частной коллекции, которые, скорее всего (сохранность монет изначально была неважной, нанесение трех надчеканок ее усугубило, затруднив определение исходных типов), являлись выпусками латинских императоров в Константинополе типа «О», т. е. относились к первой половине XIII в.⁵⁶

Подражания византийским монетам

Важным направлением в изучении особенностей обращения и бытования византийских монет в Крыму является исследование подражаний этим выпускам. Интерпретация таких памятников напрямую зависит от контекста их находок. В регионах, где византийские монеты использовались в денежном обращении, подражания – особенно золотым монетам, выполненные как из золота, так и из меди с позолотой, – могли служить и средством платежа (тогда их следует интерпретировать как подделки того времени), и заместителями монет при использовании их в ритуальных целях (обол Харона, вотивные приношения). В инокультурной среде имитации, как и подлинные монеты, зачастую употреблялись как элементы украшений или знаки отличия высшего сословия, о чем свидетельствуют пробитые на них отверстия. Единичные находки золотых и медных подражаний в археологическом контексте, помимо Херсонеса, встречаются в основном в погребениях алан, готов и хазар.

В целом крымские имитации не образуют длительной линии развития, свойственной той варварской чеканке, где подражания, пройдя путь постепенной деградации от точного следования прототипу до неузнаваемого первоначального образа, предшествуют собственным монетным выпускам. Крымские имитации подразделяются на несколько стилистических и технологических групп, но предложенное деление, при малочисленности находок в археологическом контексте, может претерпеть изменения, поэтому предлагается здесь только условно.

Это, во-первых, подражания, чеканенные из золота, правильно передающие основные элементы прототипа, но с искаженными надписями. Их вес обычно соответствует стандарту. К этой группе можно было бы отнести подражания из Славянского клада, если принять точку зрения А. И. Семенова, что монеты были захвачены хазарами в Крыму в ходе подавления восстания Иоанна Готского, а затем вывезены на Таманский полуостров, где были сокрыты⁵⁷. Кроме того, существуют подражания смешанного типа, чеканенные из золота. Примером такого рода служит монета, найденная на плато Тепсень в погребении в христианской базилике. На одной ее стороне – изображение и искаженная надпись, характерные для л. с. солидов Льва III, выпущенных после 720 г., а на другой – для л. с. солидов Константина V 741–751 гг. Вес монеты существенно ниже нормы: 2,85 г. Хранится в Симферополе.

Вторую группу составляют подражания золотым монетам, изготовленные из недорогих металлов, как правило, из меди или бронзы. Чаще всего они золотились при помощи ртутной амальгамы (только ранние имитации IV–V вв. были плакированы золотой пластинкой) и обычно типологически точно следовали оригиналу. Но и среди них встречаются монеты смешанного типа, как, например, найденная в 2001 г. во время раскопок в Херсонесе в пятиапсидном храме медная без позолоты (или позолота не сохранилась) имитация смешанного типа, стилистически и типологически подобная находке на Тепсене.

Впервые на позолоченные монеты из крымских находок обратил внимание А. Н. Коршенко, собрав данные о десяти монетах, относящихся к широкому временному диапазону – от V до XI в. – и отличающихся по технике и уровню исполнения. Исследователь предположил, что подобного рода выпуски были санкционированы ромейской администрацией специально для населения горного и степного Крыма и Таманского полуострова, не исключив, что ряд монет (наиболее высокого качества) был изготовлен в Константинополе⁵⁸.

Следует сразу отметить, что это предположение, высказанное даже в качестве рабочей гипотезы, не выдерживает критики. В отличие от плакированных денариев Древнего Рима, выпуск которых был санкционирован монетариями (по-видимому, все-таки незаконно), в Византии подобный способ порчи монет на государственном уровне не практиковался. А если бы такие монеты делались нелегально, то они попадали бы под статью о фальшивых деньгах, за что предусматривалось достаточно суровое наказание. Находки позолоченных медных монет, стилистически и технически схожих, характерны для Крыма и Восточной Европы. Анализ подобного рода монет в музеях Западной Европы, где они хранятся среди подделок, показывает, что там монеты совершенно иного вида и стиля. Это косвенно свидетельствует о локализации производства такой продукции именно в Восточной Европе и/или в Крыму.

Находки позолоченных имитаций византийских монет в Крыму можно условно разделить на несколько хронологических групп (для более обоснованного деления пока недостаточно фактических данных):

IV–VII вв.

Для этого периода мне известно всего несколько экземпляров.

Один из них – имитация солида Аркадия (383–408) из погребения в Херсонесе. Монета имеет отверстия, она входила в состав ожерелья, которое было найдено не на погребенном человеке, а в склепе, т. е. служило votivным приношением.

Опубликованные А. Н. Коршенок случайные находки имитаций солидов Феодосия II (402–450) и Зенона (474–491), как и более поздняя имитация солида одного из императоров конца VII – начала VIII в., не имеют археологического контекста, поэтому судить об их назначении можно только предположительно. На них также пробиты отверстия, поэтому они могли использоваться как амулеты и знаки отличия или как votivные предметы.

Имитация солида Юстиниана I (517–565) из погребения VI в. (склеп 24) на Чуфут-кале, опубликованная В. В. Кропоткиным, отнесена автором к алано-готскому кругу памятников⁵⁹. Это литая монета со следами двух отверстий на краях, грубой работы, в отличие от уже упомянутых выше. Имитации такого рода могли изготавливаться в варварской среде и служить амулетами или знаками отличия.

Гораздо реже, чем медные, встречаются серебряные позолоченные подражания, такие как имитация солида Юстиниана I, найденная в окрестностях села Долинное Бахчисарайского района. Монета имеет вес и размер, соответствующие подлинным солидам: вес 4,33 г, диам. 21 мм⁶⁰. Это тоже находка вне археологического контекста, но отсутствие отверстий на ней позволяет предположить, что имитация такого рода, возможно, использовалась как обол Харона. Херсонеситы могли намеренно изготавливать и класть усопшему позолоченную, а не полноценную золотую монету – своего рода лукавство, позволяющее, с одной стороны, соблюсти приличия, отправляя человека в мир иной с подобающим его рангу сопровождением, а с другой – сэкономить деньги в условиях постоянного дефицита золотых монет в Крыму. Но это пока не более чем предположение.

VIII в. – период тесных контактов Византии и Хазарии

К этому периоду, как уже упоминалось выше, относится самое большое количество находок подлинных золотых византийских монет императоров Льва III (717–741) и особенно Константина V (741–775), которые преобладают в Восточном Крыму. Имитации византийских монет этого времени также достаточно часто находят в Крыму. Необходимость в их изготовлении могла быть вызвана резким прекращением поступления византийских солидов к хазарам после того, как изменилась политическая ситуация в Хазарском каганате: союзные отношения с Арабским халифатом привели к поступлению на территорию каганата восточного серебра, полностью заменившего византийские монеты. Золото, как более престижный металл, ценилось выше, чем серебро, когда речь шла о знаках отличия. Позолоченные имитации византийских солидов отчасти восполняли нехватку подлинных монет, применявшихся для этих целей.

Нельзя исключить и необходимость использования имитаций как платежного средства в Восточном Крыму, если удастся доказать, что византийские монеты продолжали служить в этом качестве при рыночных и иных сделках и платежах во время хазарского

господства в данном регионе. В таком случае имитации следует классифицировать как подделки того времени.

Именно в таком ключе трактуют исследователи клад медных без позолоты имитаций солидов Льва III, найденный на Мангупе. Опубликовавшие этот клад А. Г. Герцен и В. А. Сидоренко, выводы которых поддержал А. И. Айбабин, полагают, что монеты были выпущены правителем Готии, чеканка их имела официальный характер, а по аналогии с монетой-подражанием солиду Константина V, найденной вместе с подлинной монетой этого императора в могильнике на Чуфут-кале, для мангупских имитаций предполагалась еще стадия золочения, но они были выбракованы и сохранились в кладе в незаконченном виде⁶¹.

Упомянутая выше медная без следов золочения имитация смешанного типа, найденная во время раскопок в Херсонесе в 2001 г., как будто свидетельствует о том, что подобные монеты могли быть в обращении или обиходе и без золочения. Однако, когда в ходе изучения позолоченных имитаций в коллекции Эрмитажа я обращалась в отдел научно-технической экспертизы, то оказывалось, что даже медные имитации, которые на первый взгляд не были позолочены, имели на поверхности следы золочения ртутной амальгамой. Возможно, монета из раскопок в Херсонесе тоже была изначально позолочена.

В последнее время в районе Судака участились находки медных позолоченных имитаций византийских солидов Льва III и Константина V (741–775), чаще всего монеты имеют отверстия. Подобного рода изделия отличает высокое мастерство изготовления, близкое к чеканке (только по фотографиям, размещенным на интернет-сайтах, о технике судить сложно), сопоставимое с уровнем изготовления золотых хазарских подражаний из Славянского клада. Возможно, позолоченные имитации тоже выполнены хазарскими мастерами.

IX–X вв.

Имитации этого периода литые, более грубой работы, чем предыдущие, почти на всех пробиты отверстия. Вероятно, они использовались как амулеты или в составе ювелирных изделий. Возможно также, что монеты, несущие образы Христа, Богоматери или святых, использовали в качестве предметов личного благочестия.

Из раскопок в Херсонесе происходит только одна имитация номисмы стамены Никифора II (963–969).

Среди случайных находок, изданных А. Н. Коршенко, присутствуют имитации солида Василия I (867–886), солида Константина VII (913–959) – единственная в Крыму, изготовленная из серебра с позолотой. Возможно, эта имитация подобна найденной в Киеве, в погребении № 122 по Каргеру, на Старокиевской горе, серебряной позолоченной имитации солида Василия I, входившей в состав ожерелья⁶².

Кроме того, у А. Н. Коршенко приведены имитации солида Константина VII (не имеет отверстий) и номисмы стамены Романа III (1028–1034).

XI в.

Имитации этого столетия выделены в отдельную группу, хотя они формально относятся к тому же кругу памятников, что и предыдущие группы, характерной особенностью которых является копирование в недорогих металлах золотых монет. Но для XI в.,

в отличие от подражаний IX–X вв., характерны позолоченные имитации более высокого уровня исполнения, возможно, являющиеся скорее подделками того времени, чем имитациями, предназначенными для украшений или знаков отличия, поскольку не все из них имеют отверстия. В Крыму известны пока только единичные случайные находки. В качестве примера можно привести имитацию номисмы стамены Никифора III (1078–1081), не имеющую отверстий, найденную на Эски-Кермен (частная коллекция). Стилистически и технически такие имитации аналогичны находкам на территории Северного Кавказа (имитация номисмы Михаила VII (1071–1078) с пробитым отверстием) и Восточной Европы, где известны находки в археологическом контексте. Это имитация номисмы стамены Константина IX (1042–1055) из Великоселецкого клада 1903 г., сокрытого в середине XI в., номисмы стамены Константина X (?) (1059–1067) из раскопок в Саркеле 1950-х гг. В собрании Эрмитажа есть также сходная имитация номисмы стамены Константина X, но происхождение этой монеты пока выяснить не удалось. Кроме того, в Отделе нумизматики Эрмитажа хранится медная, без видимых следов золочения, имитация номисмы стамены Константина IX, идентичная великоселецкой, но, к сожалению, неизвестного происхождения. Все эти монеты не имеют отверстий.

Имитация, найденная в Саркеле, возможно, указывает на хазарских мастеров как авторов подобных монет и на Саркел как вероятный центр производства. Субэратная монета Константина IX, найденная в кладовом комплексе из села Великая Селецкая Полтавской губернии, была сокрыта как золотая, т. е. владелец, спрятавший свои ценности, не подозревал об ее медной основе. Об этом не подозревали и в начале XX в., когда клад был обнаружен, ни его находчики, ни полтавские власти, ни члены Императорской археологической комиссии. Только в Императорском Эрмитаже монету распознали как субэратную. Ее стилистические и технические особенности позволяют предположить, что она являлась подделкой того времени⁶³.

XII–XIII вв.

Монеты этой хронологической группы имеют свои характерные особенности. Здесь мы сталкиваемся с практикой золочения не только имитаций, но и подлинных трахей. В археологическом контексте мне известна только одна позолоченная трахея императора Фессалоникской империи Мануила Комнина-Дуки (1230–1237) с пробитым отверстием, найденная во время раскопок в Херсонесе в 2011 г. Остальные монеты, которые целенаправленно собирает А. Н. Коршенко (Москва), – их четыре экземпляра – все из подъемного материала, с пробитыми отверстиями.

Подобные монеты в большинстве случаев связаны с традицией, появившейся в Византии в конце XII в. и существовавшей в поствизантийское время и даже до начала XX в. Они относятся к христианским оберегам, получившим название «константиئات», поскольку изображенных на этих памятниках персонажей принимали за святых Константина и Елену (даже когда они таковыми не являлись)⁶⁴. Изучение константиатов из собрания Эрмитажа, а также анализ находок монет со следами вторичного использования на территории Восточной Европы позволили сделать вывод, что, по-видимому, на Руси и в России в целом не сложилась традиция использования оберегов-константиатов⁶⁵.

Херсон и другие центры Крыма, которые не теряли связи с империей, могли воспринять оттуда моду на ношение константиатов, но пока мы не располагаем достаточными данными для такого суждения. Не исключено также использование монет со святыми

образами в качестве предметов личного благочестия. Этому способствовало полиэтническое население Крыма, где во все времена среди появлявшихся на полуострове народов находились новые адепты христианской веры.

К сожалению, находок в археологическом контексте пока недостаточно для принципиальных выводов. Сейчас же можно сказать, что рассмотренные имитации являются продукцией мастеров, хорошо знакомых с византийскими монетами, но не имеющих отношения к официальным монетным дворам. Причины изготовления имитаций были различными: от использования их как оберегов или знаков отличий до попытки фальсификации подлинных монет с разными целями.

Таковы наблюдения предварительного характера, которые можно сделать, проанализировав монеты византийского круга, найденные в Крыму. Они таят еще много загадок и позволяют пока только ставить вопросы, ответы на которые смогут дать дальнейшие археологические раскопки и исследования.

¹ Директор Крымского отделения Института археологии Украины В. Л. Мыц предложил мне тогда написать статью о находках византийских монет для второго тома труда «Археология Крыма», который, к сожалению, не был издан. С 2005 по 2007 г. работа проводилась в рамках совместного проекта РГНФ и НАНУ «Сфрагистика, нумизматика, геральдика Средневекового Крыма» (номер проекта 05-01-91112а/Ук).

² *Кротошкин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е4-4. М., 1962; *Она же.* Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. 26. С. 166–189.

³ *Соколова И. В.* Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // ВВ. 1968. Т. 29 (54). С. 254–264.

⁴ *Гурулева В. В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. Киев ; Судак, 2004. С. 430–441; *Она же.* Клад золотых монет раннепалеологовского времени, найденный в Судак в 1964 году // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре : материалы II Судакой международной конференции (12–16 сентября 2004 г.). Ч. 2. Киев ; Судак, 2004. С. 64–67; *Она же.* Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. в Крыму и в Хазарии // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 44, 45;

Она же. Болгарские монеты XIV в., найденные в Восточном Крыму (из частной коллекции) // Нумизматични, сфрагистични и епиграфични приноси към историята на черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на ст. н. с. Милко Мирчев. Варна, 15–17.09.2005 : резюмете. Варна, 2005. С. 33; *Georganteli E., Gurnleva V.* East meets West: coins and communications on the Black Sea, thirteenth-fifteenth centuries // Proceeding of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August, 2006. Vol. 2 : Abstracts of Panel papers. Ashgate, 2006. P. 106, 107; *Гурулева В. В.* Монеты Византии, Трапезунда и Западной Европы XIII–XV вв. в восточном Крыму // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре : материалы III Судакой международной конференции (18–21 сентября 2006 г.). Т. 2. Киев ; Судак, 2006. С. 96, 97; *Она же.* Византийские монеты из раскопок в Херсонесе в собрании Эрмитажа: история формирования коллекции // Могилянські читання 2006. Доля музейних зібрань : зб. наук. пр. Ч. 2. Киев, 2007. С. 224–232; *Она же.* Находки трапезундских монет в Крыму // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 50, 51; *Она же.* Закономерности и особенности монетного обращения в византийском Херсоне // Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Севастополь, Национальный

- заповедник «Херсонес Таврический», 25–31 мая 2009 г. : тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2009. С. 22, 23; *Guruleva V.* The Circulation and Use of Byzantine Coins in the Crimea // XIV International Numismatic Congress : Abstracts of Papers. Glasgow, 2009. P. 91, 92; *Guruleva V., Kramarovskiy M.* Silver Basilikon of Andronicus III found at Solkhat/Krym // XIV International Numismatic Congress : Abstracts of Papers. Glasgow, 2009. P. 92; *Гурюлева В. В.* Сиракузские фоллисы Льва V, найденные в Херсонесе // Шестнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 г. : тезисы докладов и сообщений. СПб., 2011. С. 36–38; *Guruleva V.* Trebizond coins in Crimea // *Mélanges Cécile Morrisson / Travaux et Mémoires*. 16. Paris, 2010. P. 401–412; *Гурюлева В. В.* Болгарские медные монеты XIII–XIV вв., найденные в Крыму, из частных коллекций // ТГЭ. [Т.] 57 : Балканский сборник. К XXII Международному конгрессу византинистов. София, 22–27 августа 2011 г. СПб., 2011. С. 7–21; *Она же.* Находки монет Никейской империи в Крыму // II Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийской меняла: деньги местного рынка». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 14–19 сентября 2012 г. : тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 15, 16; *Она же.* Позолоченные имитации византийских монет в Крыму // III Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийской меняла: деньги местного рынка». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 29 августа – 2 сентября 2014 г. : тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 15–17; *Она же.* Еще раз о монетах с надчеканкой «ΒΑΣΙΛΙΚΟΝ» // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : империя и полис». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 1–5 июня 2015 г. : материалы научной конференции. Севастополь, 2015. С. 40, 41; *Guruleva V.* Syracusan folles of Leo V in Chersonesos // XV International numismatic congress. Taormina. 2015 : Proceedings (2 voll.) / ed. by M. C. Caltabiano. Rome ; Messina, 2017. Vol. 2. P. 990–993.
- ⁵ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, 1977.
- ⁶ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- ⁷ *Алексеевко Н. А.* К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // Херсонесский сборник. Вып. 7. Севастополь, 1996. С. 187–192; *Она же.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // МАИЭТ. Вып. 11. Симферополь, 2005. С. 437–451; *Она же.* Монеты // Херсонесский сборник. Suppl. 1 : Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.). Севастополь, 2006. С. 85–94; *Она же.* Херсоно-византийские монеты с монограммой KBW (к вопросу о проблеме датировки и атрибуции) // АДСВ. Вып. 37. Екатеринбург, 2006. С. 237–254; *Она же.* Большой корсуньский клад херсоно-византийских монет X в. // Херсонесский сборник. Вып. 16. Севастополь, 2011. С. 9–34; *Она же.* Комплекс средневековых монет из раскопок Херсонеса (к вопросу о датировке монет с монограммами PW и KBW) // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, Пущино, 22–26 апреля 2013 г. : тезисы докладов и сообщений. Москва, 2013. С. 36.
- ⁸ *Алексеевко Н. А., Коршенико А. Н.* Позднеримские медные монеты Феодосия II и Валентиниана III // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция, г. Дмитров, 22–26 апреля 1996 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 1996. С. 20–22; *Она же.* К вопросу о возобновлении работы Херсонесского монетного двора в V в. н. э. // Международный нумизматический альманах «Монета». № 6. Вологда, 1999. С. 5–12; *Коршенико А. Н.* Находки скифатных монет на Мангупе // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. : тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 48, 49; *Она же.* Медное «золото» Крыма и Тамани // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 1999. С. 36–38; *Она же.* Херсонский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // МАИЭТ. Вып. 7. Симферополь, 2000. С. 222–246; *Она же.* Монеты Зенона, выпущенные в Херсонесе //

- Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. : тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 32, 33; *Он же*. Фоллисы Херсона // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 41, 42; *Он же*. Клад познеримских и ранневизантийских медных монет из Байдарской долины // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис : сб. научных трудов / под ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 247–266.
- ⁹ Отдельно следует сказать о многочисленных публикациях М. М. Чорефа, который выдвигает много собственных идей, но, к сожалению, они лишены убедительных доказательств. Оценку работ М. М. Чорефа см.: *Алексеенко Н. А.* Нумизматика и ее литературное наследие: к вопросу о «черном пиаре» в современной нумизматической библиографии // Шестнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 г. : тезисы докладов и сообщений. СПб., 2011. С. 249–251.
- ¹⁰ *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. С. 33–35; *Он же*. Новые находки византийских монет на территории СССР. С. 174–177.
- ¹¹ *Соколова И. В.* Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму. С. 253.
- ¹² *Алексеенко Н. А.* Новый клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. : тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 48, 49; *Серов В. В.* Монетная реформа Анастасия I и Херсонес Таврический // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. : тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 46–48.
- ¹³ *Белова А. Н.* Незаданные монеты Херсонеса // СА. Т. 7. Л., 1941. С. 326–329.
- ¹⁴ *Белова А. Н.* Монеты из раскопок XIX, XXII, XXV кварталов Херсонеса // ТГЭ. [Г.] 21 : Нумизматика. Л., 1981. С. 6.
- ¹⁵ Монеты Зенона, выпущенные в Херсонесе // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. : тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 32, 33.
- ¹⁶ *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times – A Survey // The Numismatic Circular. 1978. Vol. 86. P. 414.
- ¹⁷ *Grierson Ph., Mays M.* Catalogue of Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. From Arcadius and Honorius to the Accession of Anastasius. Washington D. C., 1992. P. 74.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 164, 165.
- ¹⁹ *Коршенико А. Н.* Римские монеты чеканки Херсонеса // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17–21 апреля 2000 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 34–36.
- ²⁰ *Гурулева В. В.* Редкие и неизданные византийские монеты из коллекции Д. П. Вапшкова // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 180–186; *Guruleva V.* Coins of Constans II Struck in Cherson // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies : Selected Papers. Moscow, 1991. Vol. 4 : Literature, Sources, Numismatics and History of Science. Shepherdstown, WV, 1996. P. 252–257.
- ²¹ *Сидоренко В. А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668) // МАИЭТ. Вып. 10. Симферополь, 2003. С. 355–392.
- ²² *Соколова И. В.* Несколько замечаний к статье В. А. Сидоренко «Медная чеканка византийского Боспора (590–668)» // Византия в контексте мировой культуры. Научная конференция, посвященная столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк : тезисы докладов. СПб., 2006. С. 36, 37.
- ²³ *Sokolova I. V.* Les Monnaies Siciliennes du IXe siècle des fouilles de Chersonèse // Commission Internationale de Numismatique. Instituto Italiano di Numismatica. Congresso Internazionale di Numismatica. Roma, 11–16 settembre 1961. Vol. 2. Atti. Roma, 1965. P. 565–570.
- ²⁴ *Ibid.* P. 567, 568.
- ²⁵ *Соколова И. В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1996. Т. 52. С. 203.
- ²⁶ *Guillon A.* La Sicile byzantine. État de recherches // Byzantinische Forschungen. 1977. Bd. 5. P. 127.
- ²⁷ *Степанова Е. В.* Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумиз-

- матических памятников // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005. С. 76–84.
- ²⁸ Гончаров Е. Ю. Магриб и Херсонес: о пути африканских дирхемов в Восточную Европу // Нумизматические чтения 2009. К 80-летию А. С. Мельниковой и 90-летию В. В. Узденикова. Москва, 19–20 ноября 2009 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 10–12.
- ²⁹ Гурулева В. В. Сиракузские фоллисы Льва V, найденные в Херсонесе. С. 36–38; *Guruleva V.* Syracusan folles of Leo V in Chersonesos // XV International numismatic congress. Taormina 2015. PROCEEDINGS (2 voll.) / ed. by Maria Caccamo Caltabiano. Rome ; Messina, 2017. Vol. 2. P. 990–993.
- ³⁰ *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 3. Part 1. Washington D. C., 1973. P. 373, 374.
- ³¹ Гурулева В. В. Находки монет Никейской империи в Крыму. С. 15, 16.
- ³² Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. № 2. С. 87–99; *Сидоренко В. А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 10. Симферополь, 2003. С. 355–392.
- ³³ Шандровская В. С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // АДСВ. Вып. 27 : Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 119–123; *Степанова Е. В.* Судацкий архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 97–107.
- ³⁴ *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков. Этюды рынка. Харьков, 2001. С. 76–81; *Науменко В. Е.* К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005. С. 51–66.
- ³⁵ *Майко В. В.* Нумизматические данные о хронологических рамках салтово-маяцкой культуры Крыма // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 42, 43.
- ³⁶ *Джанов А. В.* Судацкая крепость. Двести лет исследований // Елена Чеславовна Скржинская. Судацкая крепость. История – археология – эпиграфика: сб. работ и материалов / отв. ред. Н. М. Куковальская, В. Н. Плешков; сост. А. Г. Климанов, А. В. Джанов. Киев ; Судак ; СПб., 2006. С. 322–357.
- ³⁷ Там же. С. 335, 336.
- ³⁸ *Гурулева В. В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. Киев ; Судак, 2004. С. 430–441.
- ³⁹ *Гурулева В. В., Кулешов В. С., Юрченко Т. М.* Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // Нумизматика и эпиграфика. Т. 18. М., 2011. С. 143.
- ⁴⁰ *Гурулева В. В.* Позолоченные имитации византийских монет в Крыму. С. 15–17.
- ⁴¹ *Баранов П. А., Майко В. В.* Византийские монеты середины X в. из Сугдее // STRATUM plus. Время денег. № 6. СПб. ; Кишинев ; Одесса, 1999. С. 128, 129.
- ⁴² *Фронджуро М. А.* Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 147.
- ⁴³ *Гурулева В. В.* Клад золотых монет раннепалеологовского времени, найденный в Судаке в 1964 году. С. 64–67.
- ⁴⁴ *Дергачева Л. В., Зеленко С. М.* Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет // Сугдейский сборник. Вып. 3. Киев, 2008. С. 425–439; *Dergachiova L., Zelenko S.* Eine «Geldbörse» des 13. Jahrhunderts aus dem wrack von Novy Svet, Ukraine. Skylis, 9. Jahrgang, Heft 2. Berlin, 2009. S. 58–67.
- ⁴⁵ *Пономарев А. А.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011. С. 398, 399.
- ⁴⁶ *Мыц В. А., Адаксина С. Б.* Находки золотых византийских монет из раскопок Алустана // STRATUM plus. Время денег. № 6. СПб. ; Кишинев ; Одесса, 1999. С. 123–127.
- ⁴⁷ Данные на 2001 г., когда я работала в фондах музея и изучила около 100 монет.
- ⁴⁸ *Guruleva V., Kramarovskiy M.* Silver Basilikon of Andronicus III found at Solkhat/Krym. P. 92.
- ⁴⁹ *Bendall S., Donald P. J.* The Later Palaeologan Coinage. 1282–1453. London, 1979. P. 106.
- ⁵⁰ *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 5. Part 1. Washington D. C., 1999. P. 167.
- ⁵¹ *Guruleva V., Kramarovskiy M.* Silver Basilikon of Andronicus III found at Solkhat/Krym. P. 92.

- ⁵² *Guruleva V.* Trebizond coins in Crimea. S. 401–412.
- ⁵³ *Гурулева В. В.* Болгарские медные монеты XIII–XIV вв., найденные в Крыму, из частных коллекций. С. 7–21.
- ⁵⁴ *Гурулева В. В.* Монеты с надчеканками «ΒΑΣΙΛΙΚΟΝ» // Культура и искусство христиан-негреков. Научная конференция памяти А. В. Банк : тезисы докладов. СПб., 2001. С. 15, 16.
- ⁵⁵ *Понамарев А. А.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. С. 473, 474.
- ⁵⁶ *Гурулева В. В.* Еще раз о монетах с надчеканкой «ΒΑΣΙΛΙΚΟΝ». С. 40, 41.
- ⁵⁷ *Semenov A. I.* New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of the 8th Century AD Byzantine and Arab Coins // *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. SPb., 1994. P. 83–85.
- ⁵⁸ *Корищенко А. Н.* Медное «золото» Крыма и Тамани. С. 36–38.
- ⁵⁹ *Кропоткин В. В.* Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. 26. С. 175. № 52 (575).
- ⁶⁰ Благодарю научного сотрудника музея-заповедника «Херсонес Таврический» Е. Я. Туровского за информацию об этой монете и фотографию.
- ⁶¹ *Герцен А. Г., Сидоренко В. А.* Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных стен Мангуна // АДСВ : Вопросы социального и политического развития : сб. научных трудов. Свердловск, 1988. С. 126–131; *Айбабин А. П.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 211.
- ⁶² *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М. ; Л., 1958. С. 206.
- ⁶³ *Гурулева В. В.* Имитация византийской монеты из Великоселецкого клада 1902–1903 гг. // СГЭ. [Г.] 73. СПб., 2015. С. 117–128.
- ⁶⁴ *Bendall S., Morrisson C.* Byzantine «medals»: coins, amulets and piety // *Byzantine religious culture : studies in honor of Alice-Mary Talbot* / ed. by D. Sullivan, E. Fisher, S. Papaioannou. Leiden, 2011. P. 217–238; *Morrisson C.* Monnaies et amulettes Byzantines à motifs chrétiens // ed. by V. Dasen, J.-M. Spieser. Florence, 2014. P. 409–429.
- ⁶⁵ *Гурулева В. В.* Имитации «константины» в коллекции византийских монет Государственного Эрмитажа // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2016 года. Москва, 22 и 23 ноября 2016 г. : материалы докладов и сообщений. М., 2016. С. 22–29; *Она же.* К вопросу о монете-обереге Михаила Италика: солид Юстиниана II 705–711 гг. из коллекции Эрмитажа // В камне и в бронзе... Сборник статей в честь Анны Песковой / ред.-сост. А. Е. Мусин, О. А. Щеголова. СПб., 2017. С. 125–136.

М. Н. Бутырский, Я. В. Студитский
(Москва)

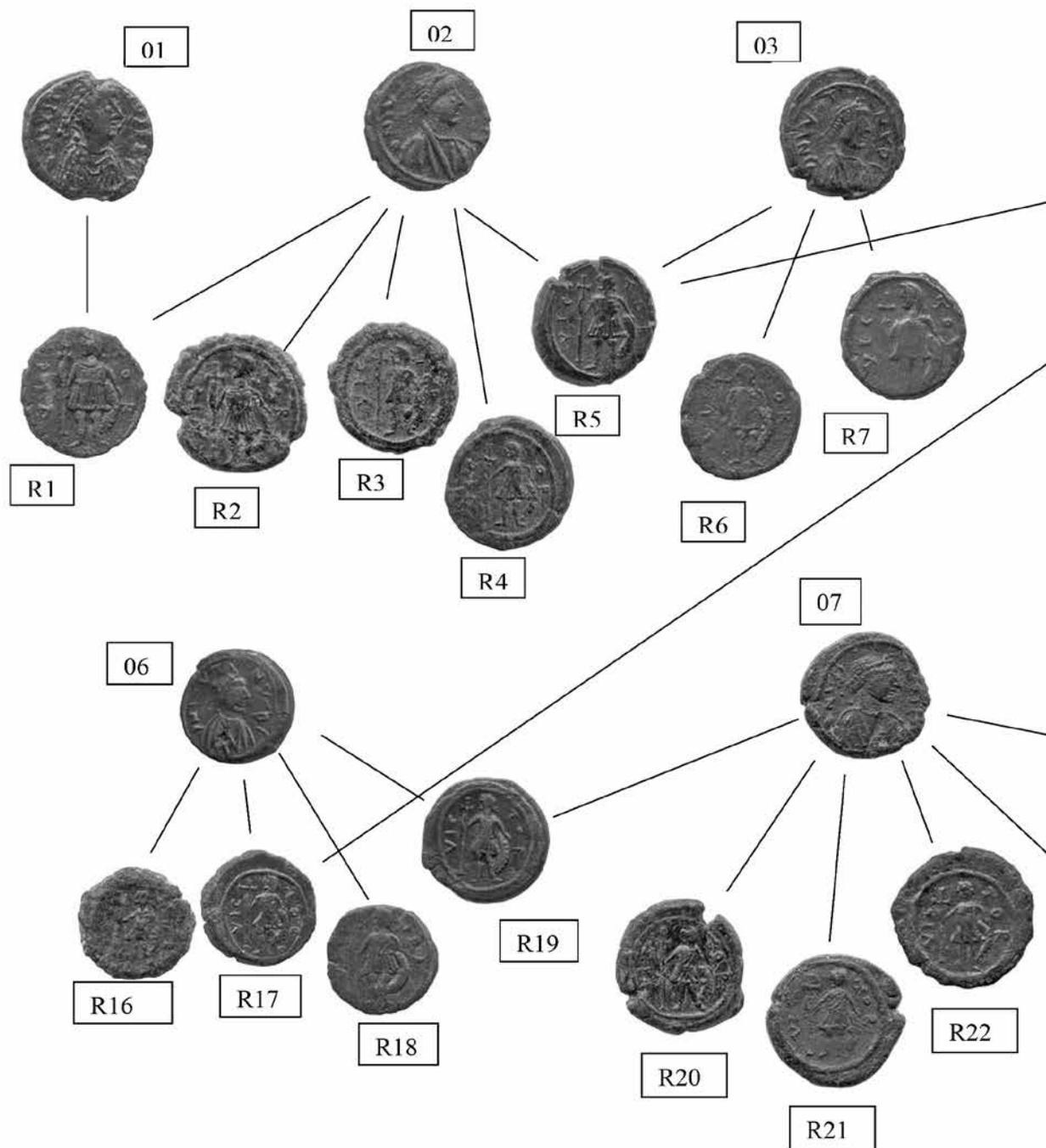
МОНЕТЫ ХЕРСОНА ПРИ ЮСТИНЕ I
(ТИП «VICTOR / VICTORIA AVGGGE»):
ПОШТЕМПЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

Обращение монет мелких номиналов в византийском Херсоне на протяжении первой половины VI в. до сих пор представляет собой явление неразгаданное и потому дискутируемое¹. Массовый длительный чекан бронзовых монет с именами императоров Юстина I (518–527) и Юстиниана I (527–565), традиционно, хотя и без должных оснований, именуемых «пентануммиями»², возникает неожиданно и как бы спонтанно, а затем несколько десятилетий существует обособленно от общеимперской денежной системы.

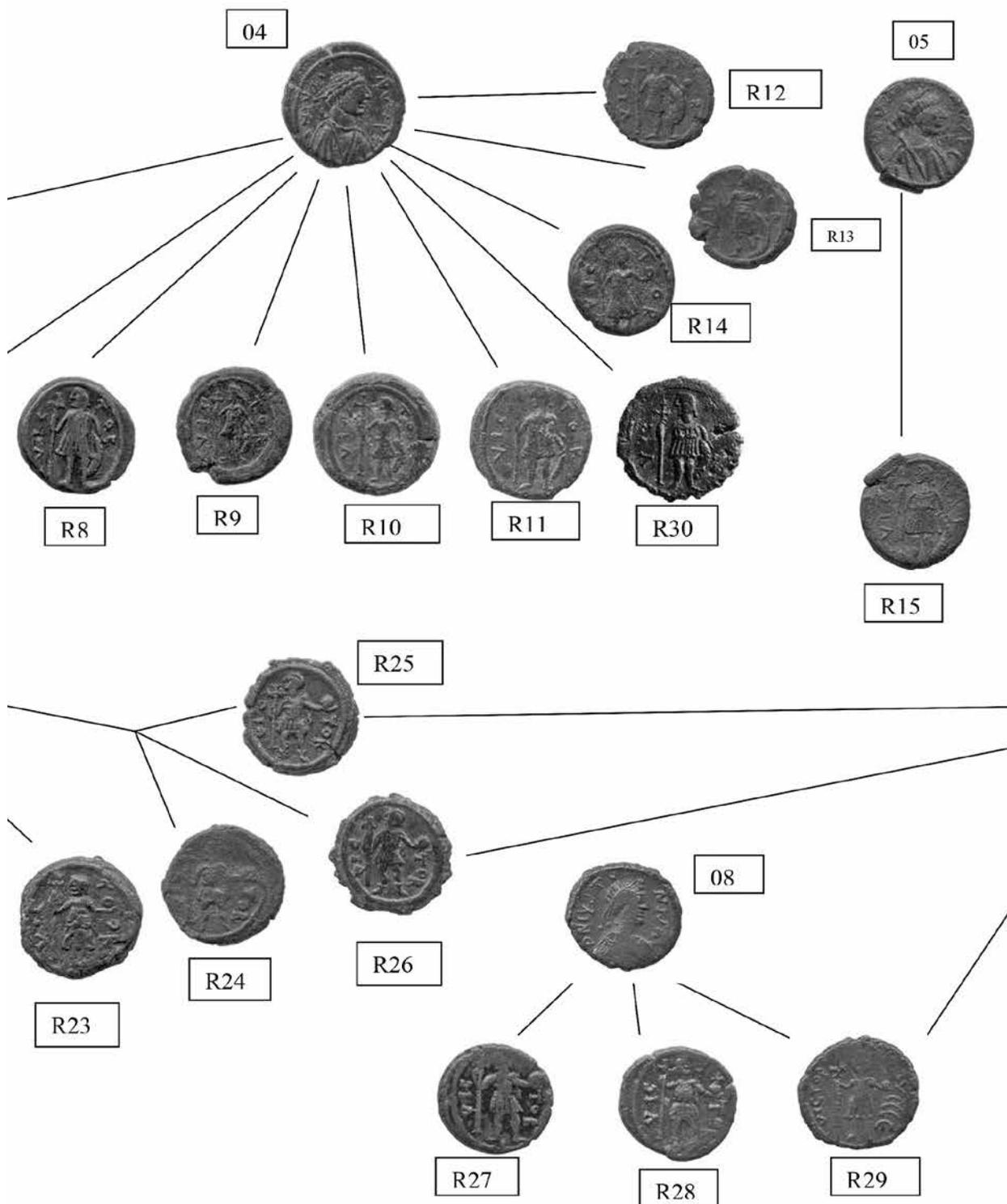
В данном сообщении будут представлены некоторые итоги многолетнего исследования ранневизантийского чекана Херсона. Впервые о нем было публично заявлено в совместной статье 2000 г.³, где предлагалась типология выпусков Юстина I и Юстиниана I, выполненная на основе поштемпельного анализа выборки из более чем 600 экз. монет музейных и частных собраний. Дальнейшие исследования с привлечением нового материала позволили иначе сгруппировать и классифицировать монеты, выявив общее количество штемпелей и установив цепочки штемпельных связей.

Настоящая работа суммирует конечные результаты поштемпельного изучения пентануммиев крупного модуля начальной эмиссии, которая захватывает правление Юстина I (около 520–527) (монеты I и III типов по классификации, данной в работе 2000 г.). Их отличительной чертой является сравнительное единообразие типа оборотной стороны, где изображен император в полный рост, опирающийся правой рукой на древко с навершием в виде креста, левой придерживающий щит (позже замененный на сферу-державу). Изображение сопровождается легендой: VICTOR, и ее вариантом: VICTORIA AVGGGE, появляющимся на заключительном этапе чекана Юстина I.

Для этой эмиссии Я. В. Студитским были выделены восемь штемпелей аверса и тридцать реверса, последовательно сменявшие друг друга на протяжении менее десяти лет (штемпельная цепочка показана на ил. 1). Изучение особенностей изображений на них в процессе стилистического анализа императорских портретов и фигур позволило прийти к некоторым умозаключениям относительно рук и происхождения мастеров, работавших над созданием штемпелей.

Ил. 1. Схема штамповых связей

Аверсы

Штемпель *A01* просуществовал короткое время, поскольку связан только с одним штемпелем реверса (**R1**). В работе 2000 г. он назван «эталонным для всей эмиссии», однако манера его исполнения, достаточно типичная для той эпохи, выделяется на единообразном фоне стилевого потока последующей традиции, не находя в ней продолжения. Обращает на себя внимание укрупненная, вытянутой формы голова, посаженная на узкоплечую и словно бы ссутулившуюся фигуру, сплошь задрапированную складками плаща-палудамента. Благодаря их рисунку торс воспринимается практически анфас, отчего и возникает заметный контраст с изображенной в профиль головой. Трактовка фигуры отделяет стилистику *A01* от портретов на всех последующих штемпелях (за одним лишь исключением). Дополнительное своеобразие этому штемпелю придает характер начертания легенды с именем и титулом Юстина I, более никогда не выполнявшейся с такой четкостью и правильностью графического начертания букв.

Уже следующий штемпель *A02* (**R1–R5**) демонстрирует резкую перемену изобразительной манеры. Стилистика *A02* избегает детализации, она более классична по сравнению с *A01*, поскольку грамотно соблюдает телесные пропорции и даже использует элементы пространственного ракурса. Вероятно, автор *A02* выполнил еще один штемпель – *A05*, изолированный от всей цепочки и сопряженный с одним лишь штемпелем реверса **R15**. Трактовка торса здесь совершенно аналогична, однако голова приобретает характерный наклон вперед, наметившийся уже на *A04*.

У автора (или авторов) следующих штемпелей *A03* и *A06* была возможность выбрать образец для подражания, и они выбрали *A02*. Полагаем, что это были новые резчики, не столь виртуозные, как их предшественник. Они стремились добросовестно воспроизвести основные черты портрета *A02*, но рисунок их не столь уверенный, вялый и упрощенный.

Более интересен штемпель *A04*, изготовленный также по модели *A02*, но незаурядным и способным к самостоятельной работе мастером. Портретный бюст скульптурен и осязаем. Мощная шея, несущая чуть наклоненную и вытянутую вперед голову с четко прописанным подбородком и низким сводом черепной коробки, создает образ императора-атлета. Художник не пытается работать с пространством, рисунок складок на плаще соответствует фронтальному развороту торса. В результате возникает тот же контрастирующий эффект, что и на *A01*, усиленный более лаконичной графикой облачения и более мощной пластикой телесных форм.

К этому штемпелю близок *A07*, возможно, принадлежавший руке того же резчика.

Черту под крупномодульной эмиссией Юстина I подводит штемпель *A08*. Вероятно, резавший его мастер продолжил работать при Юстиниане I⁴. Детализацией рисунка палудамента и посадкой головы этот штемпель вызывает в памяти *A01*, однако резчик *A08* более грамотен и лучше владеет искусством воспроизводить пространственный ракурс бюста.

Таким образом, из восьми зафиксированных штемпелей лицевой стороны мы выделили четыре, принадлежавшие, на наш взгляд, ведущим мастерам с собственной манерой исполнения. Опираясь на них, рассмотрим особенности построения изображений на каждом из них более детально.

1. Торс. Можно выделить два основных варианта его трактовки: *A01* и *A02*. Остальные штемпеля демонстрируют вторичные или компромиссные решения, впрочем, не лишённые собственной выразительности.

Художественный замысел *A01* допускает изображение фигуры в двух совмещённых ракурсах, при этом ее трактовке свойственны плоскостность и декоративизм анатомических форм, дробность и множественность линий рисунка. Напротив, *A02* показывает обобщённый, лишённый детализации, но точно прорисованный бюст в пространственном развороте.

На штемпеле *A01* торс очерчен силуэтом несколько невнятного рисунка, не дающего исчерпывающего представления ни о его фронтальной постановке (из-за разной высоты узких, словно бы ссутулившихся плеч), ни о перспективном (профильном) ракурсе, чему препятствует абсолютно идентичный ритм складок, идущих вниз по плащу от каждого плеча и «провисающих» дугами на груди. Рисунок той же степени подробности исправлен на штемпеле *A08*, где он отличается гораздо большей выверенностью пропорций, четкой дифференциацией складок и компоновкой силуэта.

Самая приметная и оригинальная деталь *A02* – это мощная прямая диагональ, очерчивающая левый запах плаща и продолженная над плечом условным штрихом фибулы-заколки. Значительный угол наклона этой диагонали обеспечивает восприятие торса в отчетливом пространственном ракурсе, поддержанном как общим силуэтом торса (за счет серповидной линии, очерчивающей основание шеи), так и скуными штрихами крупных ниспадающих складок на плаще, проведенными в соответствии с пластикой тела. Лаконичность образа не лишает его художественной полноценности, а немногочисленные укрупненные детали придают императорскому бюсту монументальность.

Упрощение рисунка можно заметить уже на *A05*, который мы готовы признать работой того же мастера (тот же бюст и та же диадема, однако форма и наклон головы более напоминают *A04*). Но торсы *A03* и *A06* выполнены в тождественной, стандартизованной и примитивизированной манере. Силуэт бюста сохранен, но линии утратили былую энергичность, размашистость, упругость, а главное – соответствие анатомической форме. Остается лаконизм трактовки, максимум деталей, которые позволяют себе авторы этих штемпелей, – сферическое завершение фибулы.

Несколько особняком стоят *A04* и *A07*, возможно, изготовленные одним резчиком – настолько близок их способ исполнения бюста. Его силуэт описывается одной гибкой линией, обрисовавшей покатые выступы плеч, развернутые на зрителя. Фронтальному восприятию торса способствует и характер ниспадающих складок плаща, лишь пониженный уровень левого плеча оставляет рудиментарное впечатление о пространственном развороте фигуры. В отличие от *A02* фибула на правом плече обозначена точкой.

2. Крупные формы (шея, свод черепа, скульная часть).

Свои закономерности выявляются при анализе трактовки крупных форм портретного бюста на штемпелях ведущих мастеров (*A01*, *A02*, *A04*, *A08*).

Мощной, почти скульптурной моделировкой этих элементов портретного бюста характеризуются, прежде всего, *A02* и *A04*. Но развитая пластика этих портретов на обоих штемпелях структурирована по-разному. Уже отмечавшаяся классическая система пропорций *A02* обусловила гармоничное соединение всех анатомических элементов – несущих и несомых. Важно отметить, что выпуклые поверхности скульной части, с одной

стороны, и шеи, прически, деталей лица расположены в разных плоскостях над уровнем фона (поля монеты), обогащая тем самым рельеф бюста искусным разнообразием планов.

По сравнению с *A02* бюст *A04* имеет другие пропорции, придающие формам несколько гротесковый, неклассический облик. Отсутствует многоплановость рельефа и гармоничное равновесие частей, нарушаемое, в частности, массивной колоннообразной шеей, вырезанной в одной плоскости с тяжелой шарообразной головой, низким и покатым черепным сводом и выпуклой скульной частью, равномерно возвышающейся по всему личному профилю. Подобные пропорции и шарообразное очертание головы можно увидеть еще лишь на *A07*.

Антиподами *A04* оказывается пара *A01* и *A08*, в свою очередь, обнаруживающая здесь некоторую близость к *A02*. К сожалению, потертость единственного доступного экземпляра *A01* не позволяет судить о рельефной пластике портрета, однако ее большая условность в сравнении с остальными несомненна. Зато на штемпеле *A08* можно найти знакомые по *A02* вертикализм форм и соответствие пропорций анатомии человеческого тела. Характерная черта этого штампея – четкая лепка скульной части и отделение ее от затылочной части головы глубокой ложбиной, придающие лицу яркую индивидуальность.

3. Отдельную группу элементов портрета составляют детализированные черты лица, включая трактовку волос и диадемы. В целом они выполнены по единому шаблону: прямой лицевой угол, остроугольный нос, лишенный пластического наполнения, со вписанной в него выпуклой точкой глаза; под носом два параллельных штриха формируют губы, на ту же длину выступает округлый подбородок; плотная шапка волос, прочерченных прямыми короткими штрихами, полностью скрывает ухо (за исключением *A01*). Тем не менее сочетания и меняющиеся пропорциональные соотношения стандартных элементов придают индивидуальную окрашенность условным портретам на этих штампеях.

A01. Крупный остроугольный нос, вычерченный широким штрихом, занимает большую часть лица. Диадема в виде двух дугообразных линий-нитей с жемчужинами по внешним краям, раздваивающаяся завязками на затылке, кажется чересчур тяжелой для лица.

A02. Тот же прямой лицевой угол, но нос более пропорционален, занимает не более половины лица и не так сильно выделяется на профиле. Единая линия с пронизьями, изображающая жемчужную диадему, раздваивается на затылке и высоко надо лбом, перед ней небольшая точка; под диадемой частые вертикальные штрихи, образующие плотную кольцеобразную шапку волос, отделяющуюся от скулы выемкой рельефа. Пряди макушечных волос над диадемой стелются по форме крупными горизонтальными линиями.

A04. Низкий лоб и укрупненная нижняя часть (на губы и подбородок приходится более половины лица); штрихи, обозначающие губы, положены ступенчато, верхняя губа вынесена вперед, нижняя заглублена, из-за чего подбородок выглядит удлиненным. Короткие редкие штрихи, опущенные вертикально из-под диадемы, обозначают волосы, прикрывающие затылок до шеи. Диадема изображена с редкими пронизьями, раздвоенная на обоих концах, надо лбом поставлена дополнительная точка.

A08. Чуть опущенный и загнутый книзу нос за счет завершающей переносицу горизонтальной черты получает условную горбинку. Глаз воспроизведен крупной точкой, находящейся внутри контура носа. Завершают построение лица параллельные равновеликие штрихи губ вместе с чуть выдвинутым вперед подбородком. Наиболее реалистическая трактовка диадемы – повязка, украшенная камнями и стянутая на затылке двумя свободно свисающими завязками, отмеченными шариками-точками на концах. Только на этом штампе волосы над диадемой показаны вертикальными штрихами.

Реверсы

Перейдем к разбору изображений на реверсах.

A01 соответствует единственный штампель **R1**, который затем переходит к **A02**. Этот последний используется с пятью штампелями реверса (**R1–R5**), причем **R2–R4** работают только с ним, а **R5** уже связан с аверсами **A03** и **A04**.

Штампель **R1** положил начало длительной традиции и с полным основанием может считаться эталонным. Он отличается грамотностью и сложностью исполнения фигуры: император стоит анфас, голова обращена вправо, правая рука придерживает крест на длинном древке, левая опущена на щит. Заслуживает внимание тщательность проработки личной пластики, придающая образу индивидуальную выразительность: крупная голова на толстой мускулистой шее, удлиненная и представленная в сильном рельефе скульная часть с крюкообразным выступом подбородка, кажущийся горбатым нос, очерченная одним штрихом диадема и локоны над ней и из-под нее. Несколько неловко, со сдвигом вправо «посаженная» на широкие плечи голова, «квадратные» пропорции фигуры, усиленные туникой с высокой талией и многочисленными складками «веером» от пояса, создают броский, запоминающийся силуэт. Осязаемо, пластично воспроизведены конечности, и щиту, полускрытому фигурой, также приданы объем и некоторый пространственный ракурс.

Этот штампель станет образцом для многих последующих, возможно, выполненных тем же резчиком или под его влиянием (**R2, R5, R6, R7, R8, R11, R15, R18**), т. е. в течение всего периода существования типа «крест/щит». На первых из них, **R2** и **R5**, сохранены тщательная проработка черт лица и скульптурность форм прототипа, исправлены его анатомические огрехи, в частности, правильной посадкой головы, а у **R2** – и выбором более естественных пропорций, придавших фигуре облегченность и некое изящество. Этот штампель можно признать самостоятельной работой нового резчика, в то время как **R5**, судя по всему, был изготовлен той же рукой, что и **R1**.

Относительные элегантность и соразмерность форм **R2** и **R5** сменяются упрощением и примитивизацией рисунка на **R3** и **R4**, однако эти штампеля не перешли к следующему аверсу **A03**.

A03, по-видимому, использовался краткий срок, имея три штампеля о. с. – **R5–R7**. Два из них, **R5** и **R7**, очевидно, выполнены одним мастером – автором эталонного штампеля **R1**, поскольку в них воспроизведены все его отличительные характеристики – утяжеленные пропорции торса, деформация плечевого разворота, даже трактовка профиля. **R6** повторяет их с некоторым утрированием, схематизацией, но не допуская примитивизации форм в духе **R3** и **R4**.

Изолированным звеном херсонского чекана Юстина I был **A05** с единственным штемпелем о. с. **R15**. Он практически тождествен **R1** (пластическая проработка лица и нижних конечностей, плечевая деформация, широкие пропорции торса), подтверждающая авторство **A02** и **A05** одного мастера.

Наибольшую активность херсонский монетный двор проявляет в работе с **A04**, который использовался с девятью штемпелями о. с. Два из них, **R5** и **R17**, связаны также с другими штемпелями л. с. – первый с предыдущими **A02** и **A03**, второй с более поздним **A06**. Разница между ними очевидна. При сохранении иконографии и общего силуэта фигуры качество рисунка **R17** ухудшено, точность детализировок и пространственно-пластические нюансы (постановка фигуры, изображение щита), восходящие к **R1** и сохранявшиеся на **R5**, исчезли.

Оборотные штемпеля **A04** могут быть разложены на три стилистические группы. С **R5** переключаются **R8** и **R11** (нельзя исключить в них работу мастера эталонного **R1**), а также близкий к ним **R12**, но исполненный другой рукой. Штемпеля **R9** и **R17** стилистически могут быть объединены с **R10** и возведены к **R4**, где впервые была отмечена тенденция к упрощению и деградации пластических форм.

Совершенно обособлен **R13**, с чрезвычайно индивидуализированной и высокохудожественной манерой изображения императорской фигуры. Император запечатлен идущим влево, при этом нижние конечности развернуты в профиль и показаны в положении шага. Тот же ракурс сообщен торсу, однако при этом выдержан фронтальный разворот плеч. Такой рисунок шагающей фигуры глубоко укоренен в древнейшей художественной традиции, будучи известен еще в Египте. Замечательно передан щит, поставленный под углом к плоскости изображения; рельеф кирасы, воспроизводящий анатомическую пластику мускулатуры. Фигура кажется задрапированной в воинский плащ, от которого видны острые складки на левом плече. Эта утонченная классицизирующая стилистика используется единственный раз на штемпелях пентануммиев Херсона.

A06 – последний штемпель л. с., которому соответствуют только штемпеля реверса с фигурой императора, держащего крест и щит. Их четыре – **R16–R19**. Один из них (**R16**) связывает **A06** с **A04**, другой – **R19** – с **A07**. Лишь **R18** продолжает стилистическую линию **R1**, но в его исполнении уже не чувствуется рука автора эталонного штемпеля. Однако один из трех других штемпелей – **R19** – вырезан не менее испытанной рукой профессионального мастера, не склонного к примитивизации рисунка и тем самым напоминающего **R13**. Его влияние отчасти угадывается на **R20**. Для этой манеры, впервые проявившей себя в **R3**, характерны статуарная постановка гибкой фигуры, выпрямленная, чуть откинута назад поза, утолщенные моделировки конечностей.

Начиная с **R14** (использованного со штемпелем **A04**) меняется иконография образа императора на реверсе: в левой руке вместо щита появляется сфера – вполне традиционный атрибут власти на позднеримских/ранневизантийских монетах V–VI вв. В этой редакции император будет изображаться на **R23–R29**, связанных с **A07** и **A08** – последними штемпелями эмиссии Юстина I. **A07** связан с восемью штемпелями о. с., из которых **R19–R22** воспроизводят старую иконографию («крест/щит»), а **R23–R26** соответствуют новому изобразительному типу («крест/сфера»), как и все три штемпеля **A08 R27–R29**, которые завершают крупномодульный чекан Юстина I.

К тому времени стилистика фигуры на реверсе претерпевает закономерную эволюцию. Традиция **R1** более не является определяющей для резчиков на этом этапе чекана. Последний раз ее влияние можно видеть в манере изображения императорской фигуры на штемпеле **R20**. Два следующих штемпеля **R21** и **R22**, завершающих бытование раннего типа «крест/цит», имеют новый рисунок, сбитый и упрощенный, становящийся приблизительным и условным на штемпелях типа «крест/сфера». Эта деградация более заметна на **R23** и **R28**, чем на **R25–R27**, что позволяет говорить о двух мастерах, занимавшихся их изготовлением.

Тремя последними штемпельными парами чекана Юстина I мы предлагаем считать **A07/R25**, **A07/R26** и **A08/R29**, реверсы которых переходят в чекан пентануммиев с именем Юстиниана I⁵.

Особый интерес вызывает последняя пара. На всех штемпелях о. с. этой группы иконография императорского образа следует установившейся традиции, но на **R29** голова, подобно фигуре, впервые изображена анфас, а легенда кардинально переработана: вместо VICTOR – VICTORIA AVGGGE⁶. В работе 2000 г. мы предложили рассматривать конечный эпсилон не как обозначение номинала монеты или порядковый номер официны, но как обозначение даты выпуска: 5-й год индикта, соответствующий 1 сентября 526 – 31 августа 527 г., т. е. периоду соправления Юстина I и Юстиниана I (4 апреля – 1 августа 527 г.)⁷. В доказательство этого тезиса представим более развернутую аргументацию.

Датировка выпуска монеты по годам индикта не типична для византийского чекана, однако прецеденты такого рода в VI в. имеются как для фоллисов и их фракций, так и для солидов. К числу первых относятся:

– фоллисы Юстина I с легендой в экзерге INDSA (первый индикт, 522–523) чеканки Никомидии⁸;

– фоллисы Юстина I с легендой в экзерге INSD (четвертый индикт, 525–526) и INSE (пятый индикт, 526–527) чеканки Кизика⁹;

– фоллис Юстиниана I второго года индикта (выпуск 538–539 гг.) чеканки Карфагена¹⁰;

– полуфоллис Юстиниана I с легендой IND II, атрибутируемый В. Ханом Константинополю¹¹, а Д. Сиром – Перудже, со знаком вопроса¹²;

К числу вторых – солиды карфагенского чекана Юстиниана и его преемников¹³.

Обозначение года индикта на реверсе всех этих монет различается по форме передачи (греческими либо латинскими буквами) и по месторасположению: в экзерге монетного поля (фоллисы Юстина I), рядом со знаком стоимости (фоллис и полуфоллис Юстиниана), в составе круговой легенды (карфагенские солиды). Именно тип оборотной стороны карфагенского солида Юстиниана и его ближайших преемников дает ближайшую аналогию штемпелю **R29**. Опыт изучения солидов показывает, что последняя буква, добавлявшаяся к их формульной легенде VICTORIA AVGGG, являлась обозначением либо монетной официны (в подавляющем большинстве случаев), либо годом выпуска монеты по индикту (подтверждается только для эмиссий Карфагена со второй трети VI и до конца VII в.). Полагаем, что эта дилемма справедлива и для херсонского штемпеля: методом исключения необходимо признать завершающий легенду реверса эпсилон обозначением даты. Подобная экстраполяция правил оформления монет дорогих эмиссий на низшие номиналы не является беспрецедентной для Херсона.

Сам тип оборотной стороны херсонских бронз V–VI вв. с фигурой императора-воина, т. е. выпусков Льва I, Зенона, Юстина и Юстиниана, следовал традиции не современных им бронзовых монет общегосударственного чекана, а норме, сохранявшейся в то время лишь на немногочисленном чекане серебра¹⁴.

Косвенным подтверждением такого прочтения легенды VICTORIA AVGGGE является и связанность штемпеля **R29** с аверсами, несущими по отдельности имена обоих императоров, Юстина I и Юстиниана I. Известно по меньшей мере четыре штемпеля типа **R29**, использовавшихся только при Юстиниане, но время их функционирования не поддается точному исчислению¹⁵.

Другое подтверждение сделанному выше выводу о датировке **R29** могут предоставить данные стилистического анализа связанного с ним штемпеля **A08**.

Изучение изобразительной стилистики начальной группы монет херсонского чекана VI в. позволяет поставить вопрос о художественных связях резчиков штемпелей, работавших в Херсоне при Юстине I. Мы выделили четыре штемпеля лицевой стороны с яркими индивидуальными характеристиками, которые могут быть сопоставлены со штемпелями иных монетных дворов. Опыт первичного сравнительного анализа показывает, что стилистические признаки **A02** и **A04** не находят очевидных параллелей на современных им общегосударственных эмиссиях бронз.

Напротив, стилистика штемпелей **A01** и особенно **A08** обнаруживают близость к штемпелям никомидийских фоллисов Юстина I. Аналогичны пропорции силуэта и крупных форм бюста, рисунок скульной части, отделенной ложбиной от затылочной части головы, трактовка губ в виде параллельных равновеликих штрихов и полый треугольник носа. Это означает, что схожие по почерку мастера, возможно, принадлежавшие к одной мастерской или вышедшие из нее, работали при Юстине I для монетных дворов Херсона и Никомидии. Связи между малоазийскими городами и Крымом в византийские время были постоянными, а учитывая высокий статус Никомидии в данный период, нет ничего невозможного в профессиональных контактах никомидийских и херсонских мастеров.

В этой связи особенно показательным является сравнение **A08** со штемпелем л. с. никомидийского фоллиса совместного правления Юстина I и Юстиниана I¹⁶, которое убеждает в общности художественного решения императорского бюста на этих монетах, а вместе с тем и в возможности датировать использование пары **A08/R29** периодом соправления императоров, т. е. 5-м индиктом.

Таким образом, положительными результатами нашей работы могут считаться твердая констатация начала чеканки херсонских пентануммиев в правление Юстина I, выявление общего количества монетных штемпелей, установление последовательности их работы и выстраивание цепочек штемпельных взаимосвязей, переходящих в эмиссию царствования Юстиниана I, а также нахождение твердой даты одного из наиболее информативных выпусков пентануммиев. В этом значительное подспорье сыграли результаты стилистического анализа штемпелей, позволившего также выявить наличие определенных профессиональных контактов между Херсоном и Никомидией в начале VI в.

Дальнейшая работа с херсонским нумизматическим материалом нам видится в перспективе изучения штемпельных взаимосвязей и художественной стилистики пентануммиев Юстиниана I, чему и будет посвящена следующая статья.

- ¹ Полный обзор библиографии и разбор дискуссии о начале выпуска этих монет (при Юстине I или же Юстиниане I) не входит в круг задач настоящей статьи. См. основные работы по данной теме: *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. М., 1983; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. Отметим лишь, что в последней работе «Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды» (Киев, 2016, с. 244–246) В. А. Анохин вновь настаивает на начале чеканки этих монет в правление Юстиниана I, что можно извинить лишь незнанием автора экземпляров превосходной сохранности и качества выделки штемпелей с ясно читаемым именем «Justinus».
- ² В литературе также используется термин «центенионалис» (*Hahn W.* Moneta Imperii Byzantina. Wien, 1973. [Bd.] I. S. 44).
- ³ *Студитский Я. В., Бутырский М. Н.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // ВВ. 2000. Т. 59. С. 226–229.
- ⁴ Там же. С. 229. Рис. 19.
- ⁵ Уже по завершении работы над статьей стал известен еще один штемпель о. с., получивший порядковое наименование **R30**, но использовавшийся в паре с лицевым штемпелем **A04**; стилистически он близок **R6**, **R7**, **R15**, **R18** (по нашей классификации).
- ⁶ Согласно концепции В. А. Анохина, именно этот штемпель является прототипом для всех разновидностей пентануммиев Херсона, которые автор целиком отнес к правлению Юстиниана I (*Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 98). И. В. Соколова также начинает с него херсонский чекан Юстиниана I, продолживший эмиссию типа «император с крестом и сферой» Юстина I (*Соколова И. В.* Указ. соч. С. 21). Обоим исследователям не были известны монеты Юстина I подобного типа о. с. и с легендой: VICTORIA AVGGGE (**A08/R29** по нашей классификации). О находке экземпляра такой монеты см.: *Студитский Я. В., Бутырский М. Н.* Указ. соч. Примеч. 13.
- ⁷ *Студитский Я. В., Бутырский М. Н.* Указ. соч. С. 228–229.
- ⁸ *Sear D.* Byzantine Coins and their values. London, 1987. P. 89.
- ⁹ Ibid. P. 96.
- ¹⁰ Ibid. N cat. 259a.
- ¹¹ *Hahn W.* Moneta Imperii Byzantina. Wien, 1973. [Bd.] 1. S. 98.
- ¹² *Sear D.* Byzantine Coins and their values. N cat. 327a.
- ¹³ Ibid. N cat. 250 (Юстиниан I); N cat. 391 (Юстин II); N cat. 463 (Тиверий II).
- ¹⁴ Примеры подобного заимствования монетных типов есть на карфагенских декануммиях (Ibid. N cat. 271).
- ¹⁵ *Студитский Я. В., Бутырский М. Н.* Указ. соч. Рис. 19, 20.
- ¹⁶ *Hahn W.* Moneta Imperii Byzantina. [Bd.] 1. Justinus I. mit Justinianus I, N cat. 8.

В. Н. Залеская
(Санкт-Петербург)

МЕДАЛЬОН МОНЕТНОГО ТИПА С ФУНКЦИЯМИ АПОТРОПЕЙОНА

В 1993 г. в Отдел Востока Государственного Эрмитажа поступил через Фондово-закупочную комиссию объемный кружок желтого металла с протомой на одной стороне и с орнаментом, подражающим арабскому письму, – на другой стороне (ил. 1–3). По словам продавца, повторившего сообщение прежних владельцев, этот кружок был найден в Крыму. Спектральный анализ поверхности металла показал, что данный предмет цилиндрической формы отлит из золота, имеются примеси серебра и меди, черни нет¹.

Профильное изображение головы бородатого мужчины на лицевой стороне и подобие надписи на обороте, а также размеры кружка (диам. 10 мм) придают ему внешнее сходство с монетами. Описанный предмет относится к категории медальонов монетного типа. Изготовление таких медальонов с пропагандистским и нередко благопожелательным смыслом практиковалось как в Римской, так и в Византийской империях. Были они популярны и в варварской среде, где фигурировали среди дипломатических даров византийским федератам. Эти *dona militaria* удачно сочетались с теми нагрудными украшениями, которые были в моде у союзных империи племен еще до общения с византийцами. Таким образом, когда историк Менандр писал о «шпурах, украшенных золотом», посланных в дар аварам в VI в., он имел в виду составные ожерелья из монет, брактеатов, медальонов различной формы и камней в оправе².

Среди наград отличившимся воинам, равно как и иноземным вождям, оказавшим помощь Византии, были ожерелья с монетами, нередко специальных выпусков. Любопытное свидетельство содержится у Прокопия Кесарийского в «Готской войне» (кн. III: 1, 8): полководец Велизарий награждал отличившихся деньгами, золотыми браслетами и ожерельями. Такие браслеты и шейные украшения с включением солидов VI–VII вв. находили как в Северном Причерноморье и на Кавказском побережье, так и в Среднем и Нижнем Египте – в Антиное, Фаюме, Оксиринхе и в Хадре вблизи Александрии³. Исследование памятников, входивших в так называемый Перецепинский клад, позволило выявить в его составе дары византийского императора Ираклия (610–641) болгарскому хану Куврату. Этот дар имел тройственную символику: если меч, браслеты и золотые монеты были платой союзнику византийцев, помогшему сокрушить аваров, то пояс и перстень с соответствующей монограммой превращали Куврата в почетного византийского патрикия, а тот же пояс и сосуд с монетами делали его почетным консулом (апошпатом)⁴.

Итак, монеты и медальоны монетного типа могли служить одновременно и инсигниями власти, и украшениями. Выполняли они и функции филактериев. Поскольку

Ил. 1. Лицевая сторона медальона с изображением мужской головы в профиль. Малая Азия, XI–XII вв. Золото. Государственный Эрмитаж

Ил. 2. Обратная сторона медальона с изображением мужской головы в профиль: подражание арабской надписи. Малая Азия, XI–XII вв. Золото. Государственный Эрмитаж

Ил. 3. Торцовая сторона медальона с изображением мужской головы в профиль: врезанные крестики. Малая Азия, XI–XII вв. Золото. Государственный Эрмитаж

изображавшиеся на монетах боги, могущественные правители и герои, согласно учению Эвгемера, первоначально были обычными людьми, это позволяло толковать их изображения как выражение вполне конкретных благопожеланий и моральных ценностей; такие представления превращали мифологизированные образы в обереги⁵. Иоанн Златоуст писал, что в его время монетам с профилем Александра Македонского приписывалась чудодейственная сила и их носили на головных уборах и привязывали к ногам⁶. Обычай этот просуществовал пятнадцать веков, и греческий этнографический материал XIX в. свидетельствует о том, что у греков было принято носить монеты Александра Великого как амулеты⁷.

Прямые аналогии золотому медальону с протомой неизвестны, но могут быть названы к отдельным, помещенным на нем изображениям. Антикизирующее по стилю профильное изображение мужской головы в шляпе с небольшими, плотно облегающими опущенными полями, напоминающими повязку (ил. 1), – достаточно распространенный декоративный мотив на византийских памятниках разного времени. Подобный профиль

Ил. 4. Лицевая сторона медальона-евлогии с изображением Аполлона-Кифареда.

Антиохия, IV в. Глина.

Государственный Эрмитаж

Ил. 5. Обратная сторона медальона-евлогии с изображением Аполлона-Кифареда:

голова Тюхе, богини-покровительницы

Антиохии. Антиохия, IV в. Глина.

Государственный Эрмитаж

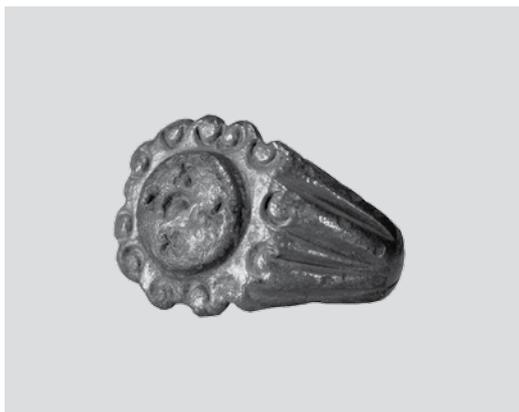
можно видеть как на щитках глиняных светильников IV в., где он трактуется как изображение некоего синкретического божества с чертами Мена-Митры и Аттиса⁸, так и на ларцах из слоновой кости X–XII вв.⁹ На последних в орнаментальные разделительные полосы, наряду с розетками, включены протомы: они не всегда имеют головные уборы или прически, их напоминающие, и, как правило, представлены безбородыми. Наличие у мужчины на эрмитажном медальоне бороды, переданной параллельными косыми штрихами и сливающейся с его головным убором, с точки зрения иконографии напоминает образ Аполлона Кифареда Дафнийского, хорошо известного по многочисленным воспроизведениям на монетах и медальонах первых веков н. э. К ранневизантийскому времени относится изображение Аполлона Кифареда на серебряном блюде рубежа IV–V вв. из Корбриджа (Британский музей, Лондон) и на происходящем из Ливана глиняном медальоне-евлогии времени императора Юлиана Отступника (361–363), хранящемся в Эрмитаже¹⁰ (ил. 4, 5). На л. с. этой евлогии представлен сидящий на троне Аполлон Кифаред, а на о. с. – голова Тюхе (богини-покровительницы Антиохии) с чертами Аполлона Дафнийского¹¹. Головы Аполлона и Тюхе представлены в профиль. Сопоставление изображений на евлогии с протомой золотого медальона дает основание для возможной локализации рассматриваемого памятника и для отнесения его к категории предметов, выпускавшихся к случаю, носивших прокламативный характер и нередко посвящавшихся в храмы. Евлогии храма Аполлона в Дафни были связаны с культом непобедимого Солнца.

Что касается декора противоположной стороны медальона (ил. 2), заполненной орнаментом, подражающим арабской скорописи, то он встречается на византийских каменных рельефах и в византийской керамике XI–XII вв.¹² (ил. 6). К этой дате, вероятнее всего, и относится золотой медальон.

На лицевой и оборотной сторонах медальона, а также по цилиндрическому периметру вырезаны четырехконечные крестики различной конфигурации – косые и прямые. Их формальные признаки и количество могут служить указанием на регион и на ту среду, где рассматриваемый предмет был создан. Такие кресты имеются на раннехристианских

Ил. 6. Край блюда с орнаментом, подражающим арабскому письму. Византия, XI–XII вв. Глина, полива. Происходит из Херсонеса. *Государственный Эрмитаж*

Ил. 7. Перстень с изображением врезанных крестиков. Византия, VI в. Серебро. *Государственный Эрмитаж*

надгробиях Малой Азии. У гностико-христиан дуалистической секты монтанистов, основные общины которых находились на Анатолийском нагорье, крест был не только религиозным символом, но и одновременно полной скрытого смысла буквой греческого алфавита «хи». Эта криптограмма заключала в себе фразу из четырех слов, каждое из которых начинается с буквы «Х»: **ΧΡΙΣΤΟΣ ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΙΣ ΧΑΡΙΖΕΝ ΧΑΡΙΝ** – «Христос дарует христианам благодать»¹³. Монтанисты только своих адептов считали истинными христианами и всячески это подчеркивали¹⁴. Врезанные крестики, как косые, так и прямые, встречаются на византийских памятниках разного времени и различной конфессиональной принадлежности: на перстнях V–VI вв. и на литургических штампах как ранневизантийского, так и средневизантийского периодов. Характерным примером может служить оформление щитков двух перстней – серебряного VI в., хранящегося в Эрмитаже и происходящего из коллекции гофмаршала Императорского двора А. П. Алексева (ил. 7), и золотого, V в., найденного в 1889 г. в Апахиде, расположенной вблизи римской колонии Напоча (Трансильвания, район города Клуж)¹⁵. Оба перстня имеют плоские накладные жуковины, орнаментированные четырьмя равноконечными косо врезанными крестиками. В X–XII вв. такие кресты присутствуют на евхаристических штампах, употреблявшихся как у православных, так и у монофизитов. Такой штамп, в частности, был найден в Херсонесе (хранится в Эрмитаже). На нем вырезаны четыре креста и греческая надпись, в которой упоминается **πηγή ἀθανάτου** («источник бессмертия») (ил. 8). Присутствие такой формулировки¹⁶ на хлебных матрицах отмечено только на штампах, употреблявшихся в монофизитской церкви, и связано с литургией святого Якова¹⁷. Находка данного штампа в Херсонесе может свидетельствовать о связях Северного Причерноморья с монофизитским Востоком и прежде всего с Малой Азией. Культурные же и торговые связи Херсонеса с Южным побережьем Черного моря имели многовековые традиции и были весьма интенсивными до конца XII в. Небольшие врезанные крестики совсем не обязательно являются еретическим признаком, однако такой набор крестов на литургических предметах был достаточно употребителен в христианских

Ил. 8. Фрагмент штампа с изображением креста и греческой надписью. Византия, VI в. Глина. Происходит из Херсонеса. *Государственный Эрмитаж*

анских неортодоксальных общинах Малой Азии. Об этих памятниках исследователям почти ничего неизвестно, и поэтому возможно, что с появлением новых материалов изображения на публикуемом медальоне могут получить и иную интерпретацию.

инославных общинах, как монганистских, так и монофизитских.

О связи с оккультными представлениями может свидетельствовать греческая буква «дельта», помещенная на той стороне медальона, где имеется подражание арабской надписи. Эта литера наделена магическими функциями и символизирует то дверь или любую преграду, то целую, т. е. неделимую основу¹⁸.

Итак, перед нами медальон монетного типа с некоторыми функциями амулета-оберега, каковые в зрелое Средневековье могли иметь распространение в христи-

¹ Инв. № 01404. Д diam. 10 мм. Золото 864-й пробы, вес – около 4 г. Микроскопическое исследование, проведенное 11.12.1992 г. в Лаборатории научно-технической экспертизы памятников Государственного Эрмитажа, показало, что по всей поверхности выполненного из золота предмета наблюдаются остатки срезанного литка, и на его обеих сторонах имеется большое количество раковин. Это указывает на способ изготовления памятника – он литой с последующей инструментальной доработкой.

² Залеская В. Н. Артефакты византийского Херсона в историко-культурном контексте // Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011. С. 90.

³ Залеская В. Н. Прикладное искусство Византии IV–XII веков. СПб., 1997. С. 21, 22.

⁴ Там же. С. 8, 9.

⁵ Seznec J. La survivance des dieux antiques. London, 1940. P. 15–25.

⁶ Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca / ed. J. P. Migne. Paris, 1859. Vol. 49. Col. 240.

⁷ Залеская В. Н. Блюдо со сценой полета Александра Македонского. О символике античных образов в средневизантийский период // СГЭ. [Т.] 62. СПб., 2004. С. 111.

⁸ Karivieri A. The Athenian Lamp Industry in Late Antiquity. Helsinki, 1996. P. 153, 154, 159. Pl. I, N 1, 9.

⁹ Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.–XIII. Jahrhunderts. Berlin, 1979. Bd. I: Kästen. Taf. I–III, LVII.

¹⁰ Инв. № 01483. Д diam. 9,3 см. Происходит из Ливана, дар гражданина Ливана Жоржа Аттие в 1996 г.

¹¹ Залеская В. Н. Евлогия времени императора Юлиана Отступника (о языческой и христианской символике прототипа) // Копты. Религия. Культура. Искусство. СПб., 1999. С. 18–20.

¹² Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков: каталог коллекции. СПб., 2011. № 64.

¹³ Galavaris G. Bread and the Liturgy. London, 1970. P. 60–62.

¹⁴ Groh D. E. Montanism // Encyclopedia of Early Christianity. 2nd edition / ed. by E. Ferguson. New York; London, 1998. P. 778–780.

¹⁵ Залеская В. Н. О конфессиональной принадлежности перстней с косыми штрихами // Культура и искусство христиан-негреков. СПб., 2001. С. 16–18.

¹⁶ Залеская В. Н. Артефакты византийского Херсона в историко-культурном контексте. 2011. С. 237. № 486.

¹⁷ Galavaris G. Op. cit. P. 87–95.

¹⁸ Dornseiff F. Das Alphabet in Mystik und Magie // Στοιχεῖα. Leipzig; Berlin, 1925. H. VII. S. 21, 129.

А. Н. Коршенко
(Москва)

ФОЛЛИСЫ И ПОЛУФОЛЛИСЫ ХЕРСОНЕСА ПЕРВОЙ СЕРИИ («М» + «К»)

Крупные медные монеты номиналом в фоллис и половину фоллиса стали наиболее известными представителями ранневизантийского чекана Херсонеса. Эти необычные монеты с именем города и нетрадиционным обозначением номинала довольно часто находят на городище и в близлежащих районах Юго-Западного Крыма. Их изображения встречаются в самых первых нумизматических работах, а подробные описания особенностей этого выпуска есть во всех наиболее известных тематических каталогах, начиная с Ж. Сабатье (1862)¹, И. И. Толстого (1913)², В. А. Анохина (1977)³, И. В. Соколовой (1983)⁴, обзор которых приведен в работе В. А. Сидоренко⁵.

Многолетние исследования монет выпуска позволили сформировать представления о наличии четырех отличающихся по легенде и деталям изображения серий (иногда используют определения «группа» или «выпуск») при общей неизменной стилистике⁶. На всех монетах на аверсе изображены фигуры императора слева и императрицы справа в рост; первый держит в правой руке державу с крестом, вторая скипетр с крестом, по краю круговая легенда с именем города или императора. На реверсе стоящая фигура держит в правой руке длинный жезл с хризмой наверху, справа от фигуры располагается знак номинала.

Принципиальные различия между сериями заключаются в легенде (ΧΕΡΣΩΝΟΣ / ΧΕΡΣΟΝΟΣ или DN MAVRIC PP AVG, с вариантами), а также в обозначении номинала («М» и «К» – 40 и 20 нуммий или «Н» и «Δ» – 8 и 4 пентануммия). Кроме этого варьируют некоторые детали изображений, например стилистика передачи фигур и одежды, наличие или отсутствие нимба у фигуры на реверсе, наличие и положение небольшого креста между правителями на аверсе, а также на реверсе над знаком номинала и др. В целом композиция лицевой и оборотной сторон очень необычная. Чеканка Херсонеса существенно отличается от общеперского стиля фоллисов/полуфоллисов периода Юстина II, в первую очередь стоящими в рост фигурами, наличием фигуры на реверсе и кратным пентануммию счетом номинала трех последних серий.

Атрибуция отдельных серий имеет различия у разных авторов и обычно сводится к периоду Юстина II, Маврикия Тиберия (в работе В. А. Сидоренко этот выпуск

с именем императора отнесен к чекану Боспора), Фоки или Ираклия⁷. В группе монет, практически всеми авторами принимаемой за первую серию всего выпуска, на лицевой стороне вокруг фигур по часовой стрелке с 7 часов располагается имя города в двух вариантах переноса: XEP CW-NOС или XEP-CWNOС, а на оборотной справа от фигуры знак номинала «М» или «К». Традиционно в работах по нумизматике Херсонеса эту серию относят к правлению Юстина II (565–578)⁸. До появления безусловно подлинного экземпляра сообщение Дж. Сабатье⁹ о существовании монеты с легендой Q.N. MAV P.P. AV на аверсе и номиналом «М» на реверсе следует считать ошибкой. Были даже установлены предположительные причины появления такой ошибки¹⁰.

Фоллис с буквой «М». В настоящее время в музейных и частных собраниях удалось идентифицировать 28 фоллисов этого крайне редко встречающегося типа монет (включая две монеты из хранящегося в Эрмитаже собрания графа И. И. Толстого)¹¹ (табл. I). Большая часть монет позволяет либо точно идентифицировать штемпель, либо предположить принадлежность к определенному штемпелю. Накопленный массив монет позволил выделить 7 штемпелей л. с. и 14 штемпелей о. с. (ил. 1). Однако вследствие коррозии изображения на нескольких монетах были сильно повреждены, поэтому выделение этих штемпелей требует дополнительного подтверждения.

Наиболее характерными отличительными деталями изображения, которые помогают найти отличия между штемпелями л. с. фоллисов, является расстояние между нимбами, положение буквы «Р» по отношению к державе в руке императора и расстояние между фигурами. Для о. с. такими характерными элементами являются общая длина скипетра и положение руки на нем, форма христогограммы на его вершине; наклон буквы «М» и положение верхней и нижней горизонтальной галги этой буквы по отношению к голове и ногам фигуры.

Отличительная особенность реверса – относительно устойчивое положение крестика над буквой «М». Более половины штемпелей оборотной стороны представлены единичными экземплярами, а наибольшее количество дубликатов одной пары штемпелей достигало шести (O4–R7). Доступные для анализа статистических характеристик экземпляры позволяют оценить диапазон максимального диаметра монет в 28,0–32,9 мм, в среднем 31,0 мм; минимальный диаметр составляет 29,0–32,0/30,0 мм (у некоторых монет есть только измерение максимального диаметра); толщина – 2,8–3,2/3,0 мм; вес – 10,70–16,17/14,17 г. (табл. III).

К сожалению, количества учтенных монет недостаточно для достоверной статистической оценки числа вырезанных штемпелей и, соответственно, оценки объема чеканки. Можно только предположить, исходя из значительного количества выявленных штемпелей лицевой и оборотной стороны, что общий объем выпуска мог быть достаточно значительным, а редкость дошедших до наших дней экземпляров могла определяться другими причинами, например искусственным изъятием из обращения для чекана других последующих выпусков. Популярность монет данного типа подчеркивает наличие литой подделки (M23) и современного сувенира (M15), изготовленных по типу фоллиса этой группы.

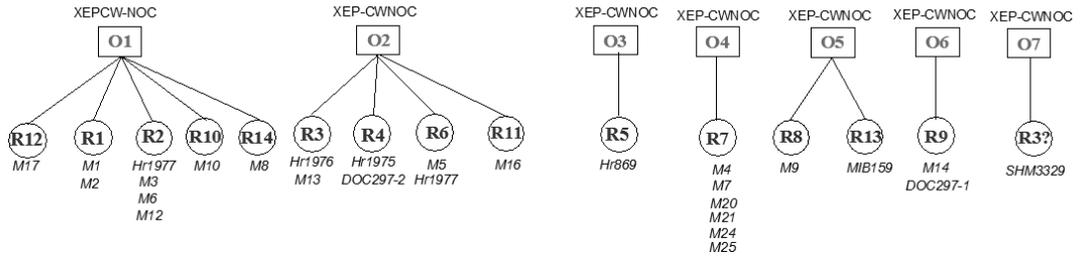
Табл. I. Фоллисы Херсонеса первой серии с буквой «М». Масштаб 1 : 1

Табл. I. Фоллусы Херсонеса первой серии с буквой «М». Масштаб 1 : 1

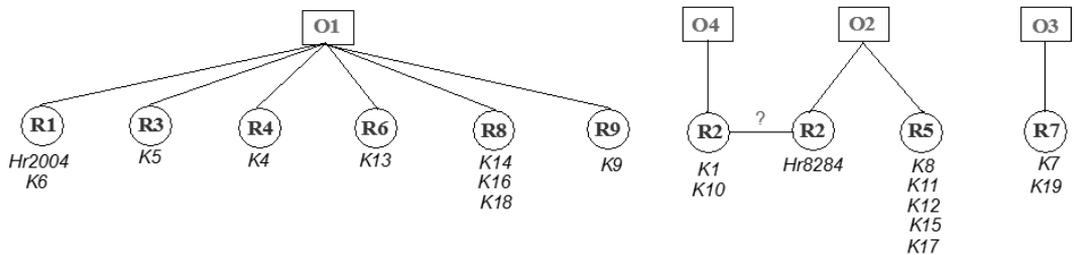
Табл. I. Фоллисы Херсонеса первой серии с буквой «М». Масштаб 1 : 1

Ил. 1. Соотношение штампов первой серии фоллисов Херсонеса с буквой «М»

Полуфоллис с буквой «К». Половинный номинал первой серии с буквой «К» встречается немного реже фоллисов. В настоящий момент для анализа было доступно 20 экземпляров из музейных и частных собраний, 19 из которых позволяют с очень разной долей уверенности выделить штамп (табл. II, ил. 2). На выявленных четырех штампах л. с. перенос легенды одинаковый: XEP-CW-NOC. Наиболее характерными деталями, позволяющими различить штамп л. с. полуфоллисов, являются расстояние между нимбами, положение скипетра с крестом между фигурами, расстояние между фигурами, а также положение буквы «Р» по отношению к державе в руке императора. Для оборотной стороны такими характерными деталями изображения являются общая длина скипетра и форма христограммы на его вершине; высота и форма буквы «К»; положение верхней и нижней гасы буквы «К» по отношению к голове и ногам фигуры; положение крестика над «К». Аналогично фоллисам не было отмечено совместное использование одного штампа реверса с разными аверсами. Наибольшее число экземпляров с одним штампом оборотной стороны – пять. Часть из рассмотренных монет существенно повреждены коррозией, поэтому сделанное в работе выделение некоторых штампов на основании одного-двух экземпляров требует подтверждения более качественными находками.

Метрологические характеристики доступных для анализа экземпляров полуфоллисов следующие: диапазон максимального диаметра монет – 23,0–25,0 мм, в среднем 24,0 мм; минимальный диаметр – 22,0–23,8/22,8; толщина – 2,1–2,6/2,4 мм. Диапазон веса монет составлял 5,04–7,23 г, в среднем 6,57 г. Однако если учесть субъективно оцененный визуально в процентах уровень потерь веса монет вследствие коррозии, то пересчет позволяет дать немного более высокие оценки: 5,29–7,64/6,74 г. Соотношение осей аверса и реверса: 6–7 часов циферблата, в одном случае немного больше: 8 часов.

Ил. 2. Соотношение штампов первой серии полуфоллисов Херсонеса с буквой «К»

Табл. II. Полуфоллисы Херсонеса первой серии с буквой «К». Масштаб 1 : 1,5

Табл. II. Полуфоллисы Херсонеса первой серии с буквой «К». Масштаб 1 : 1,5

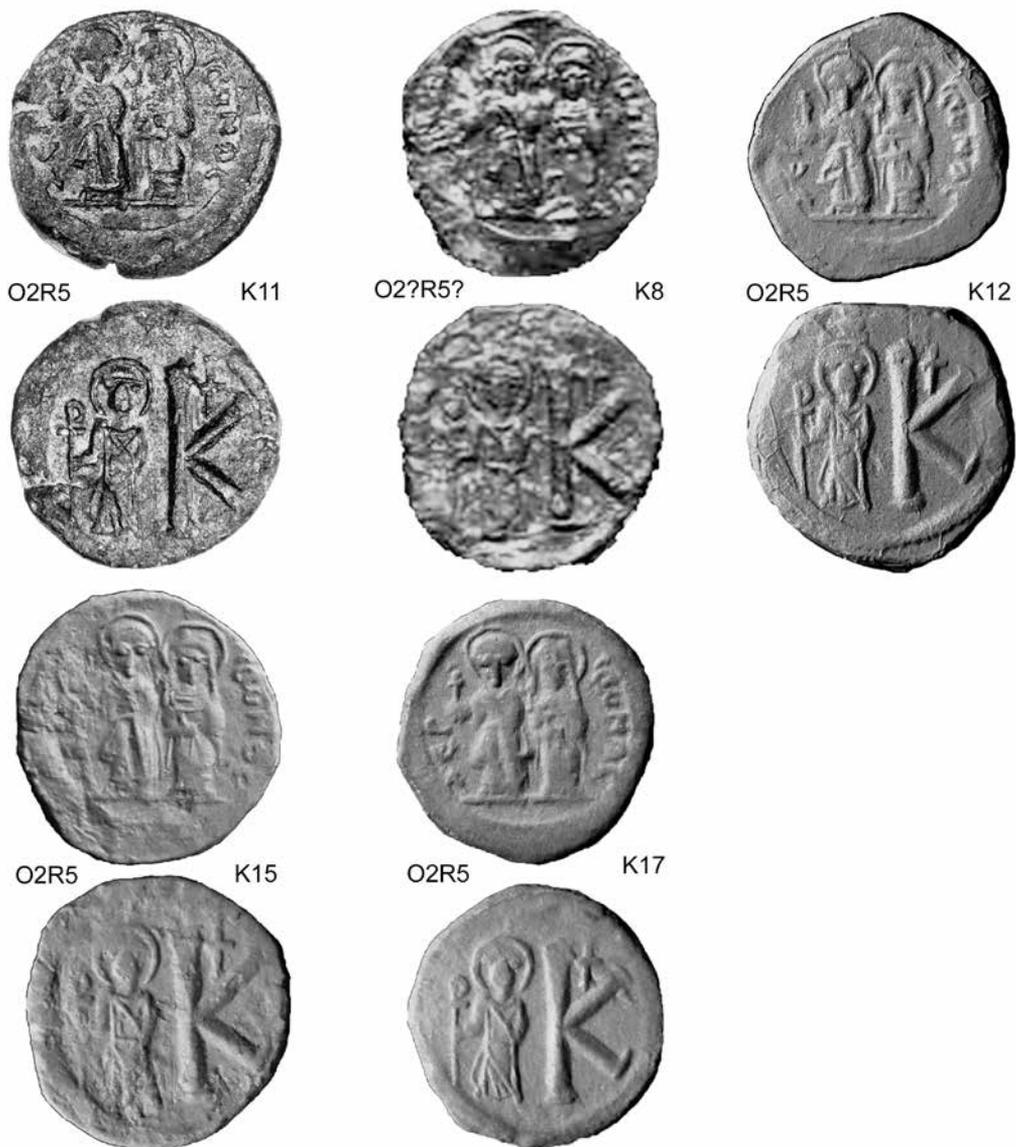

Табл. II. Полуфоллисы Херсонеса первой серии с буквой «К». Масштаб 1 : 1,5

Таким образом, исходя из написания имени города через «омегу» на одном штампе старшего номинала, учитывая большие размеры и высокий вес монет, аккуратное художественное и пропорциональное изображение фигур и элементов их одежды, можно в очередной раз согласиться с большинством авторов о первичном характере данной серии во всем выпуске фоллисов и полуфоллисов Херсонеса. Позднее по неизвестным пока причинам город сменил шкалу номиналов от традиционных для империи «М» и «К» на кратные пентануммиям «Н» и «Δ». В настоящий момент как базовую теорию в этом вопросе можно принять точку зрения В. А. Анохина: «Скорее всего, дело

заключалось в том, что со времени Юстиниана I Херсон практиковал выпуск единицы, равной пентануммию, что повлияло на формирование местного денежного счета»¹². Штемпельный анализ не позволяет уточнить период начала чеканки этой серии. Вероятно, следует согласиться с аргументами большинства исследователей, относящих ее ко времени Юстина II.

Анализ монет серии позволяет обратить внимание на определенное несоответствие между большим количеством выявленных штемпелей обеих сторон фоллисов и полуфоллисов, что должно свидетельствовать о запланированной обильности чеканки монет этой серии, и очень небольшим количеством сохранившихся до наших дней экземпляров. Даже в плохом состоянии они не представлены в собраниях некоторых крупнейших музеев, включая Херсонесский музей-заповедник. Одним из возможных объяснений такого противоречия могло бы быть целенаправленное изъятие из оборота

Табл. III. Фоллисы и полуфоллисы Херсонеса первой серии с буквами «М» и «К»

№ п/п	Инв. № монет из музейных и частных собраний	Номинал монеты	Обозначение номинала на реверсе	Легенда аверса	Номера штемпелей аверса	Номера штемпелей реверса	Диаметр min, мм
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Нг1975	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	2	4	29,0
2	Нг1976	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	2	3	29,5
3	Нг1977	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	2	6	29,2
4	Нг869Е	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	3	5	31,2
5	SHM-AB3329	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	7	3	30,22
6	М1	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	1	1	29,3
7	М2	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	1	1	30,5
8	М3	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	1	2	
9	М4	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	4	7	
10	М5	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	2	6	30,5
11	М6	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	1	2	
12	М7	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	4	7	30,0
13	М8	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	1	14	32,0
14	М9	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	5	8	
15	М10	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	1	10	
16	М11	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	2	10	
17	М12	Фоллис	М	ХЕРСW-NOC	1	2	30,0

монет данной серии, как и двух последующих, для выпуска последней, наиболее обильной четвертой серии этого необычного городского выпуска византийского времени.

Работа по выявлению этемпельных связей известных к настоящему времени монет Херсонеса с буквами «М» и «К» была бы невозможна без анализа коллекции Государственного Эрмитажа (отдельная благодарность за всестороннюю помощь хранителю византийской коллекции В. В. Гурулевой), других музеев, а также собраний частных коллекционеров. В поиске изображений большую помощь оказали В. В. Жарко, А. З. Финенко, К. С. Минкин, И. П. Коваленко и В. А. Ибрагимов. Исследование коллекционных экземпляров высокой степени сохранности включало создание гипсовых слепков с монет, что помогло более точно выявить различия между этемпелями. Собранный глиптотека значительного количества монет рассматриваемого типа позволяет сравнить их с опубликованными в общеизвестных каталогах или в интернете экземплярами.

Диаметр тах, мм	Толщина кружка, мм	Измеренный вес, г	Потери веса вследствие коррозии или сколов, %	Соотношение осей аверса и реверса, град.	Положение на часовом циферблате, час	Субъективная оценка состояния монеты по пятибалльной шкале	Место хранения или источник информации о монете
9	10	11	12	13	14	15	16
31,2	3,0	16,000		210	7	5	Толстой 1913. № 327
31,5	3,1	16,170		210	7	5	Гос. Эрмитаж
31,1	2,8	13,510		180	6	5	Толстой 1913. № 328 Шонов 2000. № 151
31,8	2,8	15,300		210	7	4+	Гос. Эрмитаж
32,90	2,84	14,390	5	180	6,0	4	Гос. исторический музей
31,2	3,0	13,566		180	6	5	Частная коллекция
31,1	3,1	15,694		195	7	5	Частная коллекция
						3	Частная коллекция
		14,770				5–	Частная коллекция
31,5	3,0	14,900		0	12	5+	Частная коллекция
						5	Частная коллекция
30,8	3,2			210	7	5+	Частная коллекция
		15,38				4	Частная коллекция
		14,720		180	6	5	Частная коллекция
						3	Частная коллекция
						3	Bellinger 1992. № 297-2
32,0		12,380		180	6	3+	Частная коллекция

№ п/п	Инв. № монет из музейных и частных собраний	Номинал монеты	Обозначение номинала на реверсе	Легенда аверса	Номера штемпелей аверса	Номера штемпелей реверса	Диаметр min, мм
1	2	3	4	5	6	7	8
18	M13	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	2	3	
19	M14	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	6	9	
20	M15	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	нет	нет	
21	M16	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	2	11	
22	M17	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	1	12	
23	M18	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	5	13	
24	M19	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	6	9	
25	M20	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	4?	7	29,1
26	M21	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	4	7	
27	M22	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	2	?	
28	M23	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	нет	нет	
29	M24	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	4	7	
30	M25	Фоллис	М	ХЕР-CWNOC	4	7	
31	K1	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	4	2	22,2
32	Hr2004	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	1	23,4
33	Hr8284	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	2	2	22,6
34	K4	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	4	
35	K5	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	3	
36	K6	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	1	23,8
37	K7	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	3	7	
38	K8	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	2	5	
39	K9	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	9	
40	K10	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	4	2	
41	K11	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	2	5	
42	K12	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	2	5	
43	K13	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	6	
44	K14	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	8	22,0
45	K15	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	2	5	22,5
46	K16	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	8	23,8
47	K17	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	2	5	22,3
48	K18	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	1	8	
49	K19	Полуфоллис	К	ХЕР-CWNOC	3	7	

Диаметр тах, мм	Толщина кружка, мм	Измеренный вес, г	Потери веса вследствие коррозии или сколов, %	Соотношение осей аверса и реверса, град.	Положение на часовом циферблате, час	Субъективная оценка состояния монеты по пятибалльной шкале	Место хранения или источник информации о монете
9	10	11	12	13	14	15	16
		14,790				4	Частная коллекция
32,0		13,730				4-	Частная коллекция
28,0		10,700				5	Частная коллекция
						5-	Частная коллекция
						3-	Частная коллекция
						5	Hahn 1975. № 159
28,0		14,270		180	6	3	Bellinger 1992. № 297-1
30,4	3,2			210	7	3-	Частная коллекция
							Частная коллекция
		15,130					Частная коллекция
							Частная коллекция
							Частная коллекция
23,9	2,3	6,949	10	210	7	3-	Частная коллекция
25,0	2,6	6,62	2	210	7	5-	Гос. Эрмитаж
23,3	2,6	6,98	1	180	6	4	Гос. Эрмитаж
						3	Частная коллекция
		6,68	3			4	Частная коллекция
25,0	2,6			240	8	5+	Частная коллекция
24,0		6,94	5	180	6	3	Частная коллекция
						4-	Частная коллекция
23,3		6,37				3+	Частная коллекция
						4+	Hahn 1975. № 162
		6,92		180	6	5-	Частная коллекция
						5-	Частная коллекция
						4	Частная коллекция
23,0	2,5	6,308	3	180	6	4	Частная коллекция
24,4	2,1	5,037	5	180	6	3	Частная коллекция
24,5	2,1	6,232		180	6		Частная коллекция
23,5	2,6	7,23		210	7		Частная коллекция
							Частная коллекция
							Частная коллекция

Используемые сокращения в табл. III:

В графе 2:

SHM – Государственный исторический музей

Нг – Государственный Эрмитаж

В графе 16:

Толстой 1913 – *Толстой И. И.* Византийские монеты. Вып. 5 : Монеты Тиверия Константина и Маврикия Тиверия. СПб., 1913. С. 465–592. Табл. 40. № 327, 328.

Шонон 2000 – *Шонон И. В.* Монеты Херсонеса Таврического : каталог. Симферополь, 2000. С. 107. № 151.

Bellinger 1992 – *Bellinger R. A.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 1 : Anastasius I to Maurice (491–602). Washington, 1992. P. 448. Pl. LXXX. N 297.1.

Hahn 1975 – *Hahn W.* Moneta Imperii Byzantini. Wien, 1975. [Bd.] 2 : Von Justinus II bis Phocas (565–610). Pl. 28. N 159.

¹ *Sabatier J.* Description Generale des Monnaies Byzantines, 1862. Graz (Austria), 1955. Pl. XXVI. N 21.

² *Толстой И. И.* Византийские монеты. Вып. 5 : Монеты Тиверия Константина и Маврикия Тиверия. СПб., 1913. С. 465–592. Табл. 40. № 327, 328.

³ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 99–102. Табл. XXII. № 315, 316.

⁴ *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 21–26. Табл. III. № 1–3.

⁵ *Сидоренко В. А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. Вып. 10. Симферополь, 2003. С. 355–392.

⁶ *Коршенко А. Н.* Фоллисы Херсона // Тезисы докладов Двенадцатой Всероссийской нумизматической конференции, Москва, 19–24 апреля 2004 г. М., 2004. С. 41, 42.

⁷ Обзор вопроса см.: *Сидоренко В. А.* Указ. соч., а также на сайте: <http://augustuscoins.com/ed/Cherson/index.html>

⁸ *Анохин В. А.* Указ. соч. С. 99–102. Табл. XXII. № 315, 316; *Соколова И. В.* Указ. соч. С. 21–26. Табл. III. № 1–3; *Сидоренко В. А.* Указ. соч.

⁹ *Sabatier J.* Op. cit. Pl. XXVI. N 21.

¹⁰ *Сидоренко В. А.* Указ. соч.

¹¹ *Толстой И. И.* Указ. соч. Табл. 40. № 327 (Нг1975), № 328 (Нг1977).

¹² *Анохин В. А.* Указ. соч. С. 101.

Вяч. С. Кулепов
(Санкт-Петербург)

ХЕРСОНЕССКИЙ КЛАД КУФИЧЕСКИХ ДИРХАМОВ НАЧАЛА 1820-х гг.

В истории раннесредневекового Крыма кратковременный период хазарского господства (вторая половина VIII – третья четверть X в.), природа и политико-административное оформление которого являются предметом обсуждения и историко-археологических дискуссий, отмечен группой нумизматических памятников. К настоящему времени в специальной литературе накоплен немалый материал о монетном обращении крымской Хазарии VIII–IX вв.: монетные клады, монеты из погребений и культурных слоев поселений, единичные находки¹. В совокупности эти данные позволяют охарактеризовать ключевые особенности денежного обращения и динамики нумизматических ситуаций в этом своеобразном регионе хазарского мира.

Предлагаемая статья посвящена реконструкции типологического состава Херсонесского клада исламских монет 1820-х гг. На протяжении XIX и большей части XX в. он был единственным комплексом куфических дирхамов хазарской (позднесалтовской) эпохи, происходящим с территории Крыма². После монографической публикации академика Х. Д. Френа³, в которой описана выборка наиболее интересных монет клада и даны пространственные и содержательные историко-географические, историко-политические и нумизматические экскурсы, этот комплекс в историко-нумизматической и археологической литературе не анализировался и до настоящего времени остается практически неизвестен специалистам. Отчасти это объясняется характером публикации Френа: написанная на латыни и уже в XIX в. ставшая библиографической редкостью, она ориентирована на совсем другой круг эдиционных и научных задач, чем тот, что требуется для восприятия и интерпретации рассматриваемого монетного комплекса в контексте древностей раннесредневекового Крыма. Френ не оставил нам полного перечня монет клада, ограничившись лишь изданием монет «прежде не изданных и частью примечательнейших» (*numorum antebac ineditorum et ex parte notabilissimorum*): его выборка насчитывает 19 экз. из не более чем 79 (или немногим менее) монет, т. е. 24%. Отрицательную роль сыграло и то, что монеты клада, поступившие в 1824 г. в частную коллекцию Д. Шпревица в Москве⁴, не сохранились как комплекс и после его смерти оказались либо в Йене, либо в Харькове, – в последнем случае они, скорее всего, либо уже депаспортизированы, либо утрачены.

Сведения о Херсонесском клade ограничиваются следующим. В 1824 г. Френ получил из Москвы письмо и 82 куфических монеты от известного музыканта и коллекционера швейцарца Даниэля Шпревица. В письме сообщалось, что монеты незадолго

перед этим были приобретены от одного московского торговца монетами (*bei einem dortigen Münzhändler*), который привез их из Крыма, где они были найдены «в руинах разрушенного города Херсона» (*in Ruinen zerfallenen Stadt Cherson*)⁵.

В течение 1824 г. Френ подготовил монографическую публикацию полученных монет, вышедшую дважды в академической типографии (с одних и тех же печатных форм, но с разной пагинацией и с указанием разных лет издания): в 1825 г. она была опубликована в виде книги⁶, а в 1826 г. – вышла в двух частях в 10-м томе «Трудов Императорской академии наук Санкт-Петербурга»⁷. В этой работе Френ подробно опубликовал 22 куфических монеты, из которых, как он сам признавал, 3 экз. не относились к комплексу клада (они чеканены в X в.). Остальные 19 экз., несмотря на селекцию по признаку редкости (что означает, что остальные монеты клада относились к более известным, то есть к более частотным типам), позволяют более или менее уверенно судить о его композиционных параметрах и хронологии.

Точная дата находки клада неизвестна; вопреки А. К. Маркову⁸, это вряд ли 1824 г., скорее – 1823 или даже 1822 г. Полагаю правильным говорить о начале 1820-х гг.

Ниже представлен результат извлечения данных из работы Френа и приведения их к принятому сейчас метаязыку определений. Из этого списка и текста Френа следует, что при «селекции» пострадала раннеаббасидская фракция клада: в выборке полностью отсутствуют дирхамы второй половины VIII – первого десятилетия IX в., очень частотные в кладах IX в. (в особенности это относится к монетам ар-Рашида 180-х гг. х.), но, конечно, «обычные» и неинтересные с точки зрения задач Френа. Нет сомнения, что в коллекции Шпревица и в Херсонесском кладае они должны были присутствовать хотя бы в нескольких экземплярах. В остальном определены монеты Умаййадов (2 экз.), Аглабидов (1 экз.), двух ранних ‘Аббасидов – братьев ал-Амина и ал-Ма’муна (7 экз.) – и средних ‘Аббасидов (9 экз.). Среди ‘аббасидских дирхамов Френ выделял монеты Тахиридов, что отчасти справедливо по историческим основаниям, но ошибочно нумизматически; в настоящее время (уже более века) хорасанские и среднеазиатские дирхамы, битые во владениях Тахиридов, не выделяются среди ‘аббасидского чекана.

В списке приняты следующие условные обозначения: **F cat.** – нумерация Френа; **Fraehn 1826** – публикация «*De aliquod numis kuficis ante hac ineditis, qui Chersonesi humo eruti esse dicuntur*» в 10-м томе *Mémoires de l’Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, p. 397–428 (comentatio prior), 445–527 (comentatio altera), 528–530 (addenda).

Монеты из коллекции Шпревица, происходящие из Херсонесского клада

Умаййады

1. [F cat. 1] Васит, 110 г. х. [Fraehn 1826, 402]
2. [F cat. 2] ас-Самийа, 131 г. х. [Fraehn 1826, 402–405]

Аглабиды

3. [F cat. 12] Ибрахим I, Ифрикийа, 187 г. х. [Fraehn 1826, 445–454]

‘Аббасиды, ранний период

4. [F cat. 3] ал-Амин, Мадинат ас-Салам, 193 г. х. [Fraehn 1826, 405–407]
5. [F cat. 4] ал-Ма’мун, Мадинат Самарканд, 196 г. х., на о. с. ал-Фадл [Fraehn 1826, 408–412]

6. [F cat. 5] ал-Ма'мун, Мадинат Самарканд, 196 г. х., на о. с. Зу-р-Ри'асатайн [Fraehn 1826, 412–413]
 7. [F cat. 6] ал-Ма'мун, Мадинат Исбахан, 201 г. х., на л. с. ал-Машрик [Fraehn 1826, 413–414]
 8. [F cat. 7] ал-Ма'мун, Мадинат Исбахан, 201 г. х., на л. с. ал-Машрик [Fraehn 1826, 414–416]
 9. [F cat. 13] ал-Ма'мун, Самарканд, 209 г. х., на о. с. Талха (у Френа: Тахириды, Талха) [Fraehn 1826, 478–482]
 10. [F cat. 14] времени ал-Ма'муна, Самарканд, 217 г. х., без имени халифа на о. с. (у Френа: Тахириды, 'Абдаллах) [Fraehn 1826, 482–485]

'Аббасиды, средний период

11. [F cat. 15] ал-Мутаваккил 'ала-ллах, ал-Мухаммадийа, 238 г. х., на л. с. Абу 'Абдаллах (у Френа: Тахириды, Тахир II) [Fraehn 1826, 485–512]
 12. [F cat. 8] ал-Мутаваккил 'ала-ллах, Сурра манн ра'а, 239 г. х., на л. с. Абу 'Абдаллах [Fraehn 1826, 417–426]
 13. [F cat. 16] ал-Мутаваккил 'ала-ллах, Мадинат Мах ал-Куфа, 240 г. х., на л. с. ал-Му'тазз би-ллах (у Френа: Тахириды, Тахир II) [Fraehn 1826, 523]
 14. [F cat. 9] ал-Мутаваккил 'ала-ллах, Мадинат ас-Салам, 242 г. х., на л. с. ал-Му'тазз би-ллах [Fraehn 1826, 427]
 15. [F cat. 17] ал-Мутаваккил 'ала-ллах, ал-Мухаммадийа, 246 г. х. (у Френа: Тахириды, Тахир II) [Fraehn 1826, 523]
 16. [F cat. 18] ал-Муста'ин би-ллах, Исбахан, 250 г. х., на л. с. ал-'Аббас ибн амир ал-му'минин (у Френа: Тахириды, Мухаммад) [Fraehn 1826, 523–524]
 17. [F cat. 19] ал-Муста'ин би-ллах, аш-Шаш, 251 г. х., на л. с. ал-'Аббас ибн амир ал-му'минин [Fraehn 1826, 524]
 18. [F cat. 10] ал-Му'тазз би-ллах, Сурра манн ра'а, 253 г. х. [Fraehn 1826, 427]
 19. [F cat. 20] ал-Мухтади би-ллах (?), аш-Шаш, 256 г. х. [Fraehn 1826, 524]

Монеты из коллекции Шпревица, не относящиеся к Херсонесскому кладу, но привлекающие интерес Френа и описанные им

- [F cat. 11] 'Аббасиды, ал-Муктадир би-ллах, Мадинат ас-Салам, 309 г. х., на л. с. Абу-л-'Аббас ибн амир ал-му'минин [Fraehn 1826, 427–428]
 [F cat. 21] Саманиды, Мансур ибн Нух, Рашт (?), 363 г. х. [Fraehn 1826, 524–526]
 [F cat. 22] Бувайхиды, с именами Рукн ад-даула и халифа ал-Мутт' ли-ллаха, без имени 'Имад ад-даула, Мах ал-Куфа, год обломан [Fraehn 1826, 526–527]

Кладовый характер выборки монет № 1–19 не подлежит сомнению. Даты чеканки младших монет (младшая 256 г. х. = 870 г.), композиционные особенности и небольшой размер клада позволяют предположительно отнести его сокрытие к последней четверти IX в. (ступень D моей хронологической системы⁹). Типологический состав Херсонесского клада, в целом очень обычный для монетного обращения второй половины IX в., имеет, пожалуй, только одну любопытную особенность: наличие аглабидского дирхама начала IX в. Попадание монеты этого типа в клад второй половины IX в. позволяет не ограничивать верхнюю хронологическую границу поступления африканских монет лишь рубежом VIII–IX вв., а включать в нее и первые несколько десятилетий IX в.

Интересным и неоднозначным является вопрос об этнокультурной принадлежности Херсонесского комплекса. Дело в том, что на протяжении IX–X вв. города византийского

Крыма были центрами притяжения интересов не только хазарских *тудунов*, но и общин еврейских торговцев¹⁰ и военно-торговых отрядов древнейших русов (*русси*). Учитывая тот факт, что денежное обращение хазар и русов IX в. не имело существенных различий, отразившихся бы в монетных комплексах, невозможно сколько-нибудь обоснованно судить о среде, в которой имели место накопление и тезаврация Херсонесского клада, – была ли она хазарской, еврейской или же русской. Не исключено даже, что его последним владельцем мог быть не только хазарин, иудей или рус, но и грек-херсонесит, состоявший в экономических отношениях с представителями хазаро-русской торговой элиты.

- ¹ См., в частности: *Сидоренко В. А.* Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ / ред.-сост. и гл. ред. А. И. Айбабин. Вып. 9. Симферополь, 2002. С. 429–454; *Кулешов Вяч. С.* О композиции и датировке Бакинских кладов 1999 г. // II Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 14–19 сентября 2012 г.) : тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 24–26; *Кулешов Вяч. С., Якушечкин А. В.* Комплекс фрагментированных дирхамов Халифата VIII–IX вв. из Белогорского района Крыма // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2016 г. (22 и 23 ноября 2016 г.) : материалы докладов и сообщений / отв. ред. Е. В. Захаров. М., 2016. С. 29–31.
- ² *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 45. Кат. 257.
- ³ [*Fraehn C. M.*] De Musei Sprewitziani Mosquae numis kuficis nonnullis antehac ineditis, qui Chersonesi humo eruti esse dicuntur, commentationes duae, plura aeadem ut numismatice ita geographiae et historiae asiaticae capita obscuriora illustrantes / Scripsit Dr. C. M. Fraehn. Petropoli, 1825; *Idem.* De aliquot numis kuficis ante hac ineditis, qui Chersonesi humo eruti esse dicuntur / auctore C. M. Fraehn // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. T. 10. St.-Petersbourg, 1826. P. 397–428 (comentatio prior), 445–527 (comentatio altera), 528–530 (addenda).
- ⁴ [*Fraehn Ch. M.*] Neue Sammlung kleiner Abhandlungen die muhammedanische Numismatik betreffend / von Ch. M. Fraehn. Leipzig, 1844.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ [*Fraehn C. M.*] De Musei Sprewitziani... Petropoli, 1825.
- ⁷ [*Fraehn C. M.*] De aliquot numis kuficis... St.-Petersbourg, 1826. P. 397–428 (comentatio prior), 445–527 (comentatio altera), 528–530 (addenda).
- ⁸ *Марков А. К.* Топография кладов... СПб., 1910. С. 45. Кат. 257.
- ⁹ *Кулешов Вяч. С.* Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.) // Шестнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 года) : тезисы докладов и сообщений / отв. ред. В. А. Калинин. СПб., 2011. С. 46–48.
- ¹⁰ См., в частности, о нумизматических памятниках еврейских общин (с привлечением крымского материала): *Кулешов Вяч. С.* Средиземноморье, Балканы и Восточная Европа: памятники монетного обращения еврейских общин (VIII–XIII века) // ТГЭ. 2016. [Т.] 80. С. 85–104.

Т. И. Слепова
(*Санкт-Петербург*)

ИТАЛЬЯНСКИЙ МИР СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XIII–XV ВВ. В СВЕТЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Экономическая и политическая история Италии и Северного Причерноморья привлекает к себе внимание исследователей. Это связано с большим комплексом сохранившихся письменных памятников, а также с постоянным накоплением новых нумизматических материалов. За последнее десятилетие появились работы, которые обобщили накопленный исследователями материал и предложили новые методы работы с памятниками нумизматики. В 2003 г. вышла монография С. Н. Травкина, посвященная поступлению иноземных монет на территорию Юго-Восточной Европы в XIII – первой половине XVII в.¹ Автор указал на разницу между процессом поступления иноземных монет и собственным монетным обращением. В главе «Монеты Италии и других стран дальнего зарубежья» С. Н. Травкин обозначил важную роль венецианского дуката для Юго-Восточной Европы.

Особо следует отметить работу А. А. Пономарева. В своей монографии, посвященной эволюциям денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв., автор с помощью специально разработанных методов, основанных на теории вероятностей и статистических свойствах нумизматического материала, показал, что изменения, происходившие с деньгами Средневековья, были следствием становления мировой экономической системы и результатом реализации общественных финансовых потоков².

Все эти явления, безусловно, действовали и в Северном Причерноморье. В данной статье мы остановимся лишь на итальянском нумизматическом присутствии в регионе.

В музеях Киева, Одессы, Севастополя представлены различные нумизматические памятники: серебряные гроссо и золотые цехины Венеции, денарии и квартаролли Генуи и генуэзско-татарские монеты, отразившие экономическую и политическую жизнь Северного Причерноморья на протяжении достаточно продолжительного периода – с XIII по XV в. Прежде чем попасть из Италии в крымские земли, монеты пересекали территорию Балканских государств, двигались по румынским, молдавским, украинским землям, о чем свидетельствуют как многочисленные письменные источники, так и топография находок вышеупомянутых монет, составленная, но, к сожалению, лишь частично опубликованная автором статьи³.

Итальянские купцы появились и крепко обосновались в Северном Причерноморье благодаря тому, что уже первые золотоордынские ханы (Батый, его брат Берке и др.) в XIII в., а за ними и ряд ханов в XIV в. хорошо понимали, какое значение для их государства может иметь международная торговля на его территории и насколько крупным

окажется приток денежных средств в казну от повсеместного взимания торговой пошлины (коммеркия). В течение второй половины XIII в. и большей части XIV в. правительство Золотой Орды активно поощряло торговлю в пределах своих владений, выдавая привилегии иностранным купцам и предоставляя в их распоряжение удобные для торговых целей населенные пункты или места для основания таковых на золотоордынской земле⁴.

Период процветания Золотой Орды и покровительства ее правительства городам и торговле связан с именами ханов первой половины XIV в. – Тохты (1290–1312), Узбека (1313–1342), Джанибека (1342–1357) и Бердибека (1357–1359). Их имена, хотя нередко и искаженные в итальянских источниках, были хорошо известны в Италии. Правительства итальянских городских республик, в первую очередь Генуи и Венеции, а также ректоры их колоний в Константинополе следили за политикой правителей Золотой Орды, за их раздорами, за их международными связями. В Венеции и дож, и Большой совет, и сенат регулярно занимались организацией посольств в Золотую Орду⁵. Послам поручалось при переговорах с ханами посредством просьб и поднесения подарков укреплять, а в случае конфликтов налаживать положение торговых колоний на территории Орды и особенно добиваться привилегий для купцов. Как правило, татары брали самую низкую пошлину с генуэзцев, фактических хозяев торговли в Константинополе и Крыму. Венецианцы же платили более высокий коммеркий. Это не вполне соответствовало престижу богатой и могущественной Венеции перед лицом ее соперницы – Генуи.

Серебряные и золотые монеты, чеканенные в Венеции, были реалиями большой международной торговли. Проникновение венецианских монет в Северное Причерноморье обозначено многочисленными находками. Появление венецианских серебряных гроссо датируется началом XIII в. Эти монеты двигались с запада на восток, предварительно пересекая Далмацию и Сербское королевство, о чем свидетельствует состав кладов⁶.

На территории древнего Киева в числе десятков венецианских гроссо были найдены самые первые гроссо, чеканенные в Венеции дожем Энрико Дандоло (1192–1205) в 1202 г.⁷

Венецианский гроссо оказал влияние на монету Валахии. Исследования Костэна и Киритэску показали, что монеты, чеканенные в Валахии в 1365 г., являлись подражаниями сербским монетам грошевого типа, происходящими в свою очередь от венецианских гроссо⁸. В Одесском археологическом музее хранится около 100 венецианских гроссо. К сожалению, пока не выяснено их происхождение⁹. На территории Крыма находки венецианских гроссо практически отсутствуют.

Венецианские золотые дукаты встречаются в кладовом материале румынских, молдавских, украинских земель. Нередки их находки и на территории Крыма. Это так называемый второй этап обращения венецианской монеты в Северном Причерноморье, который начинается со второй половины XIV в.¹⁰ Наибольшее количество венецианских дукатов было найдено на молдавской территории в поселке Браешти: 70 подлинных дукатов и 27 подражаний дукатам¹¹. В этом же кладе находилась золотая индийская монета танка, чеканенная в Дели Мухаммедом I в 1352 г. Наличие данной монеты, часто встречающейся в районе Нижней Волги, свидетельствует о том, что монеты клада или часть их пришли с Востока. Возможно, они были принесены сюда в рамках большой восточной торговли генуэзскими купцами, обосновавшимися в факториях Черного моря и устье Дуная.

В Крыму, на территории крепости Каламита, в 1968 г. был найден золотой дукат дожа Пьетро Градениго (1289–1311)¹². По нашему мнению, это один из самых ранних

дукатов, найденных на территории Крыма¹³. Чеканка золотых дукатов была начата Венецией в 1284 г. В 2002 г. был найден Кырк-Ерский клад, содержащий 29 золотых венецианских дукатов¹⁴.

Очевидно, генуэзцам следует приписать большое число подражаний венецианским дукатам, найденных в кладах сел Браешти и Старого Орхоя¹⁵. В свою очередь, письменные источники Молдавии начиная с 1446 г. часто упоминают монету, которая имела большое значение в экономической жизни государства. Эту монету называют «татарский золотой»¹⁶. Именно о ней идет речь при покупке крупных земельных владений и другой недвижимой собственности. Нумизматы по-разному определяют ее. Некоторые считают ее золотой генуэзской монетой – дженовино¹⁷. Между тем на территории Молдавии до сих пор найден только один дженовино генуэзского дожа Симонэ Боканегро (1356–1363) (клад Браешти).

Другие нумизматы (Ф. Грирсон, Оберлендер-Торневейану) полагают, что название «татарский золотой» должно быть отнесено к подражаниям венецианским дукатам, якобы чеканенным генуэзцами Каффы. Эту точку зрения поддержал исследователь А. Л. Пономарев: в качестве аргумента он дал анализ дукатов из многотысячного клада, найденного в начале 1990-х гг. Ученому удалось расшифровать легенду дуката «D|V|X.M. SAVLI CO. I - A. AD C.H.S» «...Manfredus Sauli consul Ianuensium ad commodum hominum servientium», «...Манфредо Саули, консул генуэзцев для блага служивых людей». Исследователь подтвердил текст легенды письменными документами, найденными в Историческом архиве Генуи¹⁸.

Анализ письменных источников приводит к выводу, что «татарские золотые» и после 1475 г. – даты падения последних генуэзских колоний – используются для покупки земельной собственности вплоть до XVII в., однако в источниках не идет речь об их генуэзском происхождении. По нашему мнению, вышеупомянутые золотые монеты – это венецианские дукаты, монеты, преобладавшие в крупной восточной торговле в течение нескольких веков. А назывались они так потому, что приходили с крымской земли, находившейся в то время во владении татар.

Генуэзцы, имевшие огромное количество факторий в Крыму, не пользовались в причерноморских землях собственной монетой. Анализ причин этого явления автор статьи дает в специальной работе¹⁹. Археологи лишь изредка находят в Крыму мелкую серебряную монету – денарий. Какой же экономический механизм выработали генуэзцы, чтобы поддерживать торговые отношения Генуи с Каффой, игравшей огромную роль в торговле Востока и Запада?

Генуэзские колонии, основанные в Крыму, на Северном побережье Черного моря и в области дунайской дельты – Каффа, Монкастро, Вичина и др., – после 1261 г. достигли быстрого экономического развития в ходе восточной торговли, которая осуществлялась через громадную Монгольскую империю Золотой орды. Именно в 1261 г. император Михаил VIII Палеолог пожаловал генуэзцам право монополии морской навигации в Северном Причерноморье²⁰.

Записи генуэзских нотариусов, сделанных в Пере и Каффе в конце XIII в., также свидетельствуют об экономическом процветании Генуи в этом регионе²¹. Это подтверждают и акты, составленные в Килии и Ликостомо в 1360–1384 гг.²²

На основании анализа нотариальных актов период с 1261 по 1384 г. можно считать апогеем экономической деятельности генуэзских купцов в Северном Причерноморье.

С конца XIV в. обостряются политические отношения в этом регионе. Сталкиваются интересы генуэзцев и монгольской аристократии за приоритет в торговле в Крыму и в Карпато-Дунайском регионе.

Захват турками побережья Черного моря также препятствовал генуэзской торговле. Взятие турками Константинополя в 1453 г. и Каффы в 1475 г. прекратили деятельность генуэзцев на Черном море, где они являлись в течение трех веков посредниками в большой межконтинентальной торговле.

Проследим теперь, как все эти экономические и политические события находили отклик в нумизматических памятниках эпохи.

По документам генуэзских нотариев конца XIII в., начиная с 70-х гг. территории Крыма, Азовского моря, Тамани и устья Днепра соответствовали ареалу распространения аспра-бариката²³.

Из 465 актов, в которых фигурируют аспры-барикаты, 379 касаются коммерческих расчетов в Каффе, 76 связаны с финансовыми операциями в северопрichernоморских портах: Тане (Азов), Чиприко и Воспоро (Керченский полуостров), Копе и Мапе (Таманский полуостров), а также Монкастро (Белгород-Днестровский), Севастополе (Сухуми), Фасисе (низовье реки Рион в Грузии)²⁴.

Определение «барикат» весьма существенно для отличия крымской монеты от прочих разновидностей аспра, потому что одновременно с данной денежной единицей существовали аспры-комнинаты, аспры-казанины, аспры-абакаты и т. д. Аспр-барикат традиционно связывается с именем хана Берке (1256–1267). Как известно, Берке, захватив власть, отказался от чекана монеты с именем и тамгой верховного хана. Он принял ислам, осуществил унификацию измерительных мер, учредил свою тамгу и начал выпускать монеты от своего имени. Известно, что в 1290 г. из серебряного слитка серебра, называемого соммо, чеканили 120 аспров²⁵. Каков же был вес этих монет? Известный трактат о торговле, составленный флорентийским купцом Франческо Бальдуччи Пеголотти в XIV в., является ценнейшим источником по экономической и нумизматической ситуации всего средиземноморского региона, включая Крым. Согласно Пеголотти, соммо каффского веса равнялся 8 унциям 17 денариям весовой единицы Генуи, называемой лирой²⁶. Так как лира Генуи равнялась 316,75 г²⁷, мы можем установить вес соммо Каффы: 218,91 г. Можем мы подсчитать и вес аспра-бариката – 1,824 г.

Анализируя нотариальные акты 1286 и 1287 гг., можно сделать вывод, что аспр-барикат соответствовал 8 денариям Генуи²⁸.

Итак, вышеупомянутый аспр в конце XIII в. – высококачественная серебряная монета, бывшая популярным средством обмена между золотоордынскими владениями и Западом.

Однако с течением времени аспр-барикат постепенно обесценился. В 1329 г. венецианский нотариальный акт, составленный в Каффе, свидетельствует об аспрах «*boni et expendibus de cuneo novo*» (полноценных и чеканенных новым штемпелем. – Т. С.). Это описание новой монеты указывает на предосторожность, высказываемую ее получателями, желающими, чтобы им заплатили качественной монетой²⁹. В документе от 1333 г. мы находим, что из соммо чеканили уже не 120, а 150 аспров. В 1340 г. Пеголотти отмечает, что из соммо чеканят 190 аспров³⁰.

Документ от 6 января 1344 г. повествует, что Франческо де Пелли продал раба викарию консула Каффы за 300 новых аспров. Джованни Лонго, покупатель, внес лишь третью

часть суммы, выражающуюся в 5½ соммо³¹. Из соммо чеканили 55 новых аспров, весящих каждый 3,08 г чистого серебра. Такой аспр был в 3,5 раза больше аспра-бариката. Эти факты говорят о том, что в золотоордынском Крыму экономическое развитие вызывало постоянное обесценивание аспра, который заменяли новым.

Известно, что в 1374–1375 гг. чеканили 139¼ аспра. Воспользовавшись данными Пеголотти, можно узнать вес аспра – 1,57 г и сделать вывод, что за 30 лет аспр понизился на 61% в составе серебра по отношению к прежнему аспру-барикату. Во время войны Генуи с Солхатом стоимость аспра вновь понизилась. Заключение мира между Генуей и Солхатом не повлияло на увеличение содержания серебра в аспре. К 1409 г. из соммо чеканятся 200 аспров³². Напрасно в соглашении, заключенном консулом Каффы с правителем Солхата Котолбогой, генуэзцы требовали «чеканить монету хорошей пробы, какой она была прежде, и в количестве, достаточном для нужд торговли»³³.

Возможно, что невыполнение этих требований заставило генуэзцев чеканить биллинговую (двуязычную) монету, носящую на лицевой стороне генуэзский портал и имя Каффы, а на оборотной стороне – тамгу, инициалы татарского хана и арабскую легенду. Такие монеты чеканились с весом в 1,10 г. Генуэзско-татарские монеты – это самостоятельная тема для серьезного исследования.

Мы остановились лишь на некоторых аспектах экономических и политических связей Италии и Северного Причерноморья в XIII–XV вв. Археологические находки монет на территории Крыма и в землях северопричерноморского региона, а также нумизматические памятники, хранящиеся в музеях Киева, Одессы, Севастополя, являются бесценными источниками, позволяющими установить динамику развития и показать механизмы торговой жизни этого региона.

¹ Травкин С. Н. Поступление иноземных монет на территорию Юго-Восточной Европы // *Stratum plus*. 2001/2002. № 6. С. 218–303.

² Пономарев А. А. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011.

³ Слепова Т. II. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII–XV вв. ТГЭ. 1986. [Г.] 26. С. 22–31; Полевой А. К. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII – XV вв. // *Известия Молдавского филиала АН СССР*. 1956. № 4 (31)б.

⁴ Литература по этим вопросам огромна: Ковалевский М. М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колония в Танае в XIV веке // *Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902 г.* М., 1905. Т. 2. С. 109–174; Berendei M., Veinstein G. La

Tana-Azaq de la presence italienne a l'emprise ottomane (fin XIII-milieu XVIe siecle) // *Turcica*. 1976. Т. 8/1. P. 110–201; *Papavostea S.* «Quod non iretur ad Tanam». Un aspect fondamental de la politique Genoise dans la Mer Noire au XIVe siecle // *RESEE*. 1979. Т. 17. N 2. P. 201–217; *Martin M.* The Venetian in the Black Sea: a general Survey // *Rivista di Bizantinistica*. 1993. Т. 3. P. 227–248; *Капнов С. II.* Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.

⁵ *Thiriet Fr.* Regestes des deliberations du Senat du Venise concernant la Romanie. Vol. 1–3. Paris, 1958–1961. Doc. 138, a.1342 и др.

⁶ См. топографию в: *Слепова Т. II.* Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII–XV вв. С. 22–31.

⁷ На Княжьей горе случайно был найден венецианский грессо, предположительно чеканенный Энрико Даноло (1192–1205):

- Каталог украинских древностей, коллекция В. В. Тарновского. Киев, 1898. С. 6; *Kapzeff M. K.* Археологические исследования древнего Киева 1938–1947. Киев, 1950. С. 123.
- ⁸ *Costin C., Kiritescu L.* Systeme monetaire du leu et ses precurseure. P. 83, 84. Bucarest, 1964.
- ⁹ Выражаю искреннюю благодарность научному сотруднику Одесского Археологического музея Т. Н. Кокоржицкой за предоставленную мне возможность познакомиться с венецианскими монетами из собрания музея.
- ¹⁰ См.: *Слепова Т. И.* Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII–XV вв. С. 22–31.
- ¹¹ *Studi di cercatari di Numismatica*. Vol. 1. Bucarest, 1957. P. 463, 464; *Studi e nota orientale*. Vol. 4. Bucarest, 1962. P. 249.
- ¹² Хочу поблагодарить заведующую фондом Херсонесского заповедника Л. Н. Головченко за предоставленную возможность познакомиться с этой монетой.
- ¹³ См. топографию в: *Слепова Т. И.* Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII–XV вв. С. 22–31.
- ¹⁴ *Майко В. В.* Кырк-Ерский клад XV в. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 97, 98.
- ¹⁵ См. топографию в: *Слепова Т. И.* Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII–XV вв. С. 22–31.
- ¹⁶ *Cibodaru C., Caprosu I., Simanski P.* Documenta Romaniae Historica a Moldava. Col. I (1380–1448). Doc. 265. P. 375. Bucarest, 1975.
- ¹⁷ *Jorga N.* Histoire des Roumaines et de la Roumanite orientale. P. 103. Bucarest, 1937.
- ¹⁸ *Пономарев А. А.* Крамольное золото генуэзской Каффы. // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тезисы докладов и сообщений. М., 2013. С. 70, 71.
- ¹⁹ *Слепова Т. И.* Из истории монетного дела Генуи в XII–XV вв. // Материалы и исследование Отдела нумизматики. ТГЭ. 2006. [Т.] 31. С. 11–21.
- ²⁰ *Мурзакевич Н. Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen age. T. 1, 2. Paris, 1885–1886; *Bratianu G.* Recherches sur le commerce Genoais dans la mer Noire au XIIIme siecle. Paris, 1929; *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 72–129; *Malowist M.* Kaffa – kolonia genueska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947; *Якобсон А. А.* Крым в средние века. М., 1973; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995; Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. Вып. 1–3. М.; СПб., 1991–1998.
- ²¹ *Bratianu G.* Actes des notaires genoais de Pera et de Caffa de la fin du XIIIme siecle (1281–1290). Bucarest, 1927; *Balard M.* Genes et l’Oltre mer. Les notes de Caffa. Paris, 1973.
- ²² *Pistarino C.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Cilia da Antonio di Ponzio (1360–1384). Genova, 1971.
- ²³ Аспир-барикат известен с 1274 г., см.: *Bratianu C. L.* Recherches sur le commerce Genoais dans la mer Noire au XIIIme siecle. Doc. N 4, 5, 8, 9; *Baletto L.* Genova. Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII–XV). Genova. 1976.
- ²⁴ См.: *Bratianu C.* Actes de notaire genoais de Pera. et de Caffa de la fin du XIIIme siecle (1281–1290).
- ²⁵ *Balard M.* La Romanie genoais. Roma, 1976. P. 117.
- ²⁶ *Pegolotti F. B.* La pratica della mercatura. London, 1936. P. 52, 223.
- ²⁷ *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223–1502. Leipzig, 1943. S. 556.
- ²⁸ *Balard M.* Genes et l’Oltre mer. Les notes de Caffa. Paris, 1973. Cart. N 41. F. 149.
- ²⁹ *Balard M.* La Romanie genoais. Roma, 1976. Not. 181.
- ³⁰ *Pegolotti F. B.* Op. cit. P. 59.
- ³¹ *Balard M.* La Romanie genoais. Roma, 1976. P. 38.
- ³² *Ibid.* N 420. F. 181.
- ³³ *Lisciandrelli P.* Trattati e negoziazionni politiche della Republica di Genova. Genova, 1960. P. 132.

А. Л. Пономарев

(Москва)

МОНЕТА ГЕНУЭЗСКОЙ КАФФЫ, 1420–1475*

Появление западноевропейских поселений в Причерноморье было результатом торговой экспансии итальянских морских республик – Генуи и Венеции. Существование основанных ими форпостов было неотделимо от товарообмена с Золотой Ордой. Этот товарообмен не мог ни в XIII, ни в XV в. происходить без использования денег и монеты. Доступность средств обращения была одним из условий, необходимых для успешной коммерческой деятельности и для получения прибыли. Неслучайно сохранившийся договор Генуи с беклярибеком Токтамышпа Кутул Бутой фиксирует обязанность татарского владельца по насыщению рынка разменным серебром¹. Эта обязанность появилась, естественно, не в 1387 г.; не исчезла она и в XV в., когда Золотую Орду стали сотрясать междоусобицы и империя встала на путь распада. Положение западноевропейцев в Крыму не только упрочилось и в эпоху Едигея, и в последующие десятилетия XV в. – оно приобрело новые оттенки. Одним из признаков этого следует считать выпуск на монетном дворе Каффы, подконтрольном генуэзцам, двуязычных дангов.

Обратить специальное внимание на татаро-генуэзские монеты меня заставила конференция, проводившаяся в Эрмитаже, на которой я не смог присутствовать. Однако благодаря обязательствам перед коллегами из Эрмитажа разработка темы стала главным занятием последних двух лет. Естественно, наработанный материал давно ушел за те границы, которые ставились в непрочитанном докладе, а его объем превысил те рамки, которые возможны в сборнике трудов конференции. Соответственно, предлагаемые здесь тезисы оказываются не введением в проблему, а фактически, резюме исследований, проведенных за эти годы, а равно и проспектом завершаемой монографии. Материал для них дали не только публикации и новые находки монет Каффы, но и обширнейший комплекс документов – массарии Каффы² – без которых, как оказалось, раскрыть проблемы, связанные с генуэзским чеканом, невозможно по существу.

* * *

Ученые, посвятившие себя изучению истории Золотой Орды и генуэзских колоний, нумизматы и коллекционеры до сих пор опираются на работу О. Ф. Ретовского «Генуэзско-татарские монеты»³. Несмотря на то что ей уже больше века, основательность

*Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века», поддержанному Российским научным фондом (соглашение между Российским научным фондом и МГУ имени М. В. Ломоносова).

труда хранителя Эрмигажа не могла быть оспорена в прошлом отдельными поправками в описаниях монетных типов⁴. Однако для компендиума О. Ф. Ретовского характерен один концептуальный недостаток. Он обусловлен представлениями, которые существовали в историографии той эпохи. Историки XIX – первой половины XX вв. трактовали торговую колонизацию Леванта в XIII–XV вв. по аналогии с колонизацией Нового времени – как поселение западноевропейцев на чужих землях по праву сильного, и относились к генуэзцам как к угнетателям местного населения. Типология О. Ф. Ретовского стала нумизматическим выражением изжитой ныне, но господствовавшей тогда концепции. В согласии с ней нумизмат принял для чеканного серебра латинское имя – «аспры» и назвал монеты Каффы «генуэзско-татарскими», а не «татаро-генуэзскими». Сделав это, он должен был определить как «главную» ту сторону монеты, на которой располагался генуэзский символ – «генуэзский замок» и латинские легенды. Типология, основанная на концепции, и организация каталога в соответствии с типологией реверса, являвшегося в действительности зависимой стороной, стали для последующих поколений эталоном и одновременно препятствием для понимания чекана Каффы. Она оказалась вдобавок излишне усложненной из-за того, что за типологические признаки О. Ф. Ретовский принимал сиглы, соотносящиеся, в частности, с заказчиками монеты, а также дифференцы реверса (флероны, звездочки, точки) и распространенность легенд. Перемежающиеся же сочетания тех типов, которые применялись в действительности – типов аверса и реверса – нумизмат трактовал как отдельные типы, от чего также множилось количество разделов его систематизации.

Политические взаимоотношения Каффы и татарских государей строились на признании европейцами сюзеренитета ханов, и лишь однажды за столетие, в 1434 г., они вступили в прямую конфронтацию с Солхатом. Для этого потребовалась специальная экспедиция: «вооруженные силы» самой Каффы были ограничены сотней-другой воинов, что исключало любые наступательные действия⁵. Генуя в лице консула Каффы после смены власти в Орде или Крыму заключала с каждым новым ханом соглашения, которые по-латыни определялись как «*рах et pactus*». «Мир и договор» хана и консула находились в одном ряду с теми жалованными грамотами, которые правители-джучиды, взойдя на трон, предоставляли и возобновляли своим беям или русским князьям⁶. В привычной терминологии русской или ордынской историографии «*рах et pactus*» был ярлыком, ярлыком для его вассалов-генуэзцев. Оставляя за собой различные налоги, баналитеты и пошлины (их сбором занимались ханские дароги и тамоги Каффы), татарский государь передавал генуэзской администрации право взимания налогов торговых и лишь некоторых из производственных, на территории, входившей в консулат. Право на чекан монеты могло быть оговорено отдельно и в подобном ярлыке⁷.

На дангах эпохи Токтамыша, отчеканенных в Крыму, местоположение монетного двора не указывалось: «Бито в Крыму» и тем более «Бито в области Крым» трудно без оговорок связать с любым населенным пунктом полуострова, хоть с Солхатом, хоть с Каффой⁸. Если судить по монетным легендам, татарский монетный двор активно функционировал именно в Каффе при Шадибеке и Пуладе в 806–812 г. х. Крымские данги Дервиша, начавшего денежную реформу в 822 г. х., и данги Бек Суфи, унаследовавшие легенды и даже штемпели от предшествующего правления, открывают новый этап в истории монетного дела и денежного обращения Причерноморья⁹. Можно ожидать, что после возобновления чекана при Дервише данги, на которых написано

«Бито в Крыму», в реальности чеканились также в Каффе. Другие, принципиальные изменения в монетном деле Крыма оказались связаны с ходом политической истории. Смута, развернувшаяся с новой силой после гибели Едигея, выделение Крыма в самостоятельное ханство, приход к власти Бек Суфи изменили баланс сил, существовавший на полуострове, хотя и не изменили принципов взаимоотношений между татарами и западноевропейцами.

В эти годы ситуация на финансовом рынке снова попала под давление ситуации политической. Последняя определила нестабильность курса данга, чья проба была понижена в ходе реформы до 500%. На рынках сум ценился в 240 и более дангов, хотя расчеты администрации с социями коммуны производились по курсу «202 данга за сум». Нестабильность данга и потребности в выплате жалования стипендиатам подтолкнули консула Манфреда Саули (1420–1421) начать чекан собственной монеты¹⁰. Золотые дукаты с его именем нарушали традиции всего европейского чекана – ни один чиновник не мог помещать на монете собственное имя (за что консул потом поплатился), тем не менее именно эти деньги следует считать первой собственно генуэзской эмиссией. При Саули произошли и более важные для нас изменения – монетный двор, чеканивший ханскую монету, перешел под надзор генуэзской администрации. Это была лучшая гарантия соблюдения тех требований, которые когда-то предъявлялись Кутул Буге. С декабря 1420 г. его надзирателем (*superstantes cesce*) служит Бартоломео Ронко, ювелир высшей квалификации – пробирный мастер, «*saziator auri et argenti*»¹¹.

Выпуск в Каффе двуязычной серебряной монеты был инициирован все той же финансовой нестабильностью. Со смертью Бек Суфи в сентябре 1421 г. смута разгорелась опять, и новая монета с генуэзским замком стала деньгами двойной природы. Генуэзский символ на реверсе обозначил те финансовые гарантии, которые администрация Каффы сама дала этим дангам – внутри консулата он предопределял их неизменный курс¹², а имя хана на аверсе и его тамга обозначали как признание его сюзеренитета, так и пригодность для обращения во всех татарских владениях. «Аспры» Каффы были ординарными татарскими дангами просто потому, что изначально никакой прибыли от их чекана казна Каффы не имела. Весь, и немалый, доход от чекана монеты (данги были переоценены на треть¹³) причитался хану, а именно то, кому пошел доход от чекана, определяет и то, чьей была монета, и то, какое у нее было имя¹⁴. Позднее, при Гиреях, чекан монеты в Каффе стал ежегодно продаваться на аукционе частным лицам, и за то, что хан дозволил бить монету со своей тамгой, ему в качестве сеньоража поступало до половины суммы откупа, уплаченного за распоряжение монетным двором¹⁵.

В 1906 г. О. Ф. Ретовский не располагал сведениями о ходе политической борьбы в Крыму в 1420-е гг. и поэтому не мог предложить четкой датировки эмиссий татаро-генуэзской монеты. Это стало возможным после того, как на основании финансовых документов Каффы была установлена хронология правлений Бек Суфи, Давлат Берди и Улу Мухаммеда¹⁶. Датировка четырех царствований Давлат Берди и четырех периодов, когда власть над Крымом переходила к Улу Мухаммеду, позволяют простейшим образом привязать ко времени (опираясь также на штемпельные связи) первые типы двуязычных дангов, а равно атрибутировать и камень преткновения двуязычного чекана – данги «Г-Imperator» (табл. 1, cf828d), определенные некогда О. Ф. Ретовским как «аспры Таны»¹⁷.

Из этих дат наиболее важной является дата признания Давлат Берди ханом: только после начала нового 826 г. х. (16 декабря 1422 г.) мог начаться выпуск татаро-генуэзской

монеты с его именем (табл. 1, cf826). Когда эта дата стала известна, появилась возможность понять, чем занимался два года на монетном дворе Бартоломео Ронко и о чем говорят особенности первых двуязычных монет. Из четырех дангов с реверсом типа cf824 (табл. 1) под надчеканку «колюмны» попало три¹⁸. Для них был использован единственный штемпель аверса и еще две монеты из семи других с этим аверсом маркированы «колюмнами». Среди оставшихся 50 дангов cf825a (табл. 1), битых 11 штемпелями аверса, лишь четыре контрамаркированы, причем все они – единственного штемпеля реверса, связанного с упомянутым единственным аверсом. Указанная надчеканка датируется 1422 г.; она присутствует на всех типах монеты Давлат Берди, выпущенных в 825 г. х., пока он боролся за престол (как на тех, где местом чекана обозначена Каффа, так и на тех, где указан Крым). То есть большинство двуязычных дангов с именем Бек Суфи не несут на себе «колюмны» просто потому, что они выпущены после того, как в Литве начали контрамаркировать ордынское серебро. Та же разновидность (табл. 1, cf824a), которая была выпущена первой и попала под надчеканку, все равно представляет собой «посмертную» эмиссию Бек Суфи, поскольку одного штемпеля аверса дангов явно недостаточно, чтобы оправдать постройку монетного двора, организацию отдельного производства и его функционирование в течение 1420–1421 гг. К «посмертному» чекану прибегли в Каффе в разгар смуты, дабы обеспечить консулат политически нейтральной и стабильной монетой – ее первыми двуязычными дангами. Роль «надзирателя» Бартоломео Ронко в год, предшествующий смерти Бек Суфи, сводилась к технологическому руководству и надзору за чеканом чисто татарских дангов с именем этого сына Тап Тимура, который производили на крымском монетном дворе, расположенном в Каффе. О том, сколь важное значение придавали такому надзору генуэзцы, говорит то, что согласно жалованью в 450 «аспров» Бартоломео был шестым по рангу чиновником и стипендиатом Каффы (после консула, викария, массариев и писаря массарии).

Интенсивность чекана татаро-генуэзской монеты при Давлат Берди и Улу Мухаммаде мало уступает той, с которой в годы правления Бек Суфи выпускалась чисто татарская (20–30 штемпелей в год). До середины 1430-х годов монетный двор Каффы становится основным поставщиком дангов в южных степях. Десяток миллионов дангов формирует новый облик денежного обращения, задает на полвека вперед стандарты оформления прочих джучидских эмиссий. Хотя бы поэтому рассматривать такие «аспры» как монету генуэзскую невозможно: они являлись обычной монетой ханства и были рядовыми дангами.

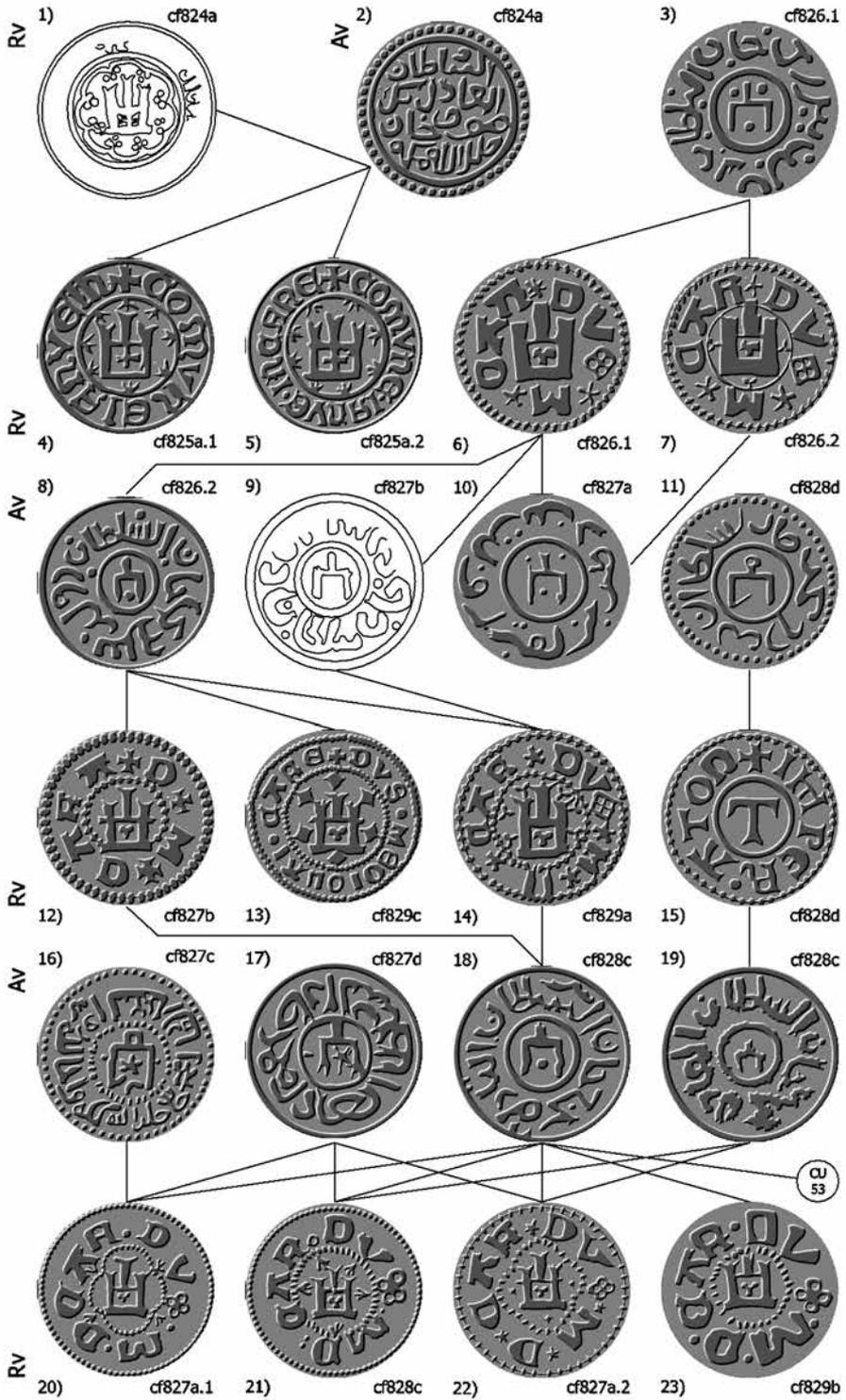
Монетный тип cf827a (табл. 1), принятый для генуэзского реверса при Улу Мухаммеде, ушел в прошлое в 1436 г. Накануне нового года Генуя свергла власть Висконти, и дальнейшее упоминание миланского герцога в легенде реверса татаро-генуэзской монеты «DVX. M. D. CAFFE» (Dux Mediolani dominus Caffè) стало неактуальным. Случайно европейские события совпали с переменами в Орде. Друг за другом стали покидать Улу Мухаммеда племенные беи, и осенью 1437 г. он ушел из степей насовсем, чтобы основать Казанское ханство. Размолвка с ширинским беим Тегине относительно кандидатуры московского князя, с подробностями описанная в русских летописях под 1432 г., видимо, не прошла бесследно, и созеренитет Улу Мухаммеда над Крымом стал мнимым еще до этого. Вводя новый тип дангов cf839 (табл. 1), монетчики Каффы не только заменили титул Висконти на нейтральное место чекана «Civitas Caffè», но и избавились от упоминания Мухаммеда на аверсе. Пока в Степи царила анархия, и Крым

дистанцировался от обоих претендентов на власть над Ордой – от Сеид Ахмета и Кичи Мухаммеда, пока в 1441 г. крымские беи не призвали из Литвы на трон Хаджи Гирея, данги Каффы несли искаженную, наверняка умышленно, арабскую легенду.

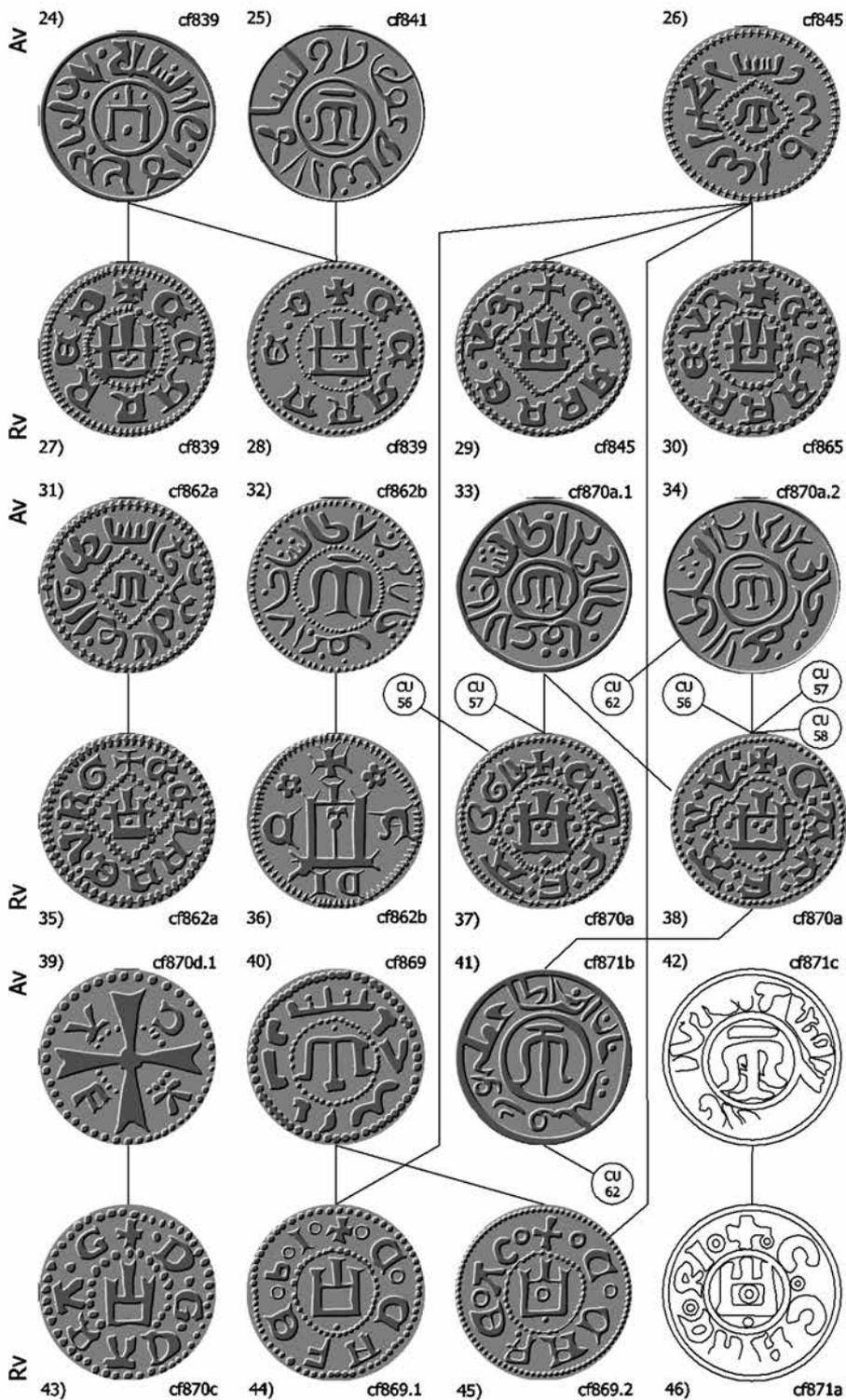
Новому хану не могли не потребоваться новые, уже его собственные данги. Ими стала монета Каффы, имеющая на обеих сторонах ромбический картуш – главная эмиссия гиреевского времени (табл. 1, cf845/cf845). Это была, по сути, анонимная монета с титулом «Султан законный», арабицей сверху и крымской тарак-тамги снизу, которая сочеталась с латинскими литерами «D» и «Z» в готическом начертании, помещенными по бокам тамги в ромбе. Эти инициалы вторили арабской легенде, поскольку были первыми буквами перевода ханского титула на диалект – «Imperatore zusto». По аналогии с другими примерами из истории джучидского чекана можно предполагать, что подобная практика «денежного нейтралитета» отражала расстановку сил и зыбкость власти, а также гарантировала то, что монета не потеряет стоимость и не будет вдруг запрещена, коли на трон сядет хан, который может посчитать неуместным обращение дангов противника. Два ромба маркировали данги вплоть до начала 1460-х гг., количественные параметры этой самой массовой эмиссии пока приблизительны, а штемпельные связи полностью не восстановлены. Поэтому можно лишь предварительно говорить, что монеты с полным вариантом легенды «Султан законный Хаджи Гирей хан» (табл. 1, cf862a) выпускались в самом конце 1450-х – начале 1460-х гг., синхронно с типом cf862b (табл. 1): на многих реверсах мы находим неординарную форму замка, аналогичную той, которая отличает последний тип.

Объяснить, какими мотивами руководствовались монетчики, меняя дизайн реверса и аверса, как всегда, непросто. Однако по штемпельным связям и сиглам прослеживается, в какой последовательности менялись типы. Сначала в Каффе отказались от ромбического картуша на реверсе, и предположительно около 1463 г. появились данги «ромб-крут» (табл. 1, cf845/cf865) и уже в 1465 г. (869 г. х.) «круг-крут» (табл. 1, cf869/cf869). Необходимо отметить, что чекан Каффы в начале 1460-х гг. пережил упадок, выразившийся в падении культуры и техники производства. Особенно непрезентабельны данги 1465 г., на которых встречаются как штемпели с утраченным картушем, так и штемпели с линейным, а не точечным картушем. Выделять подобный брак как отдельные типы нужды нет.

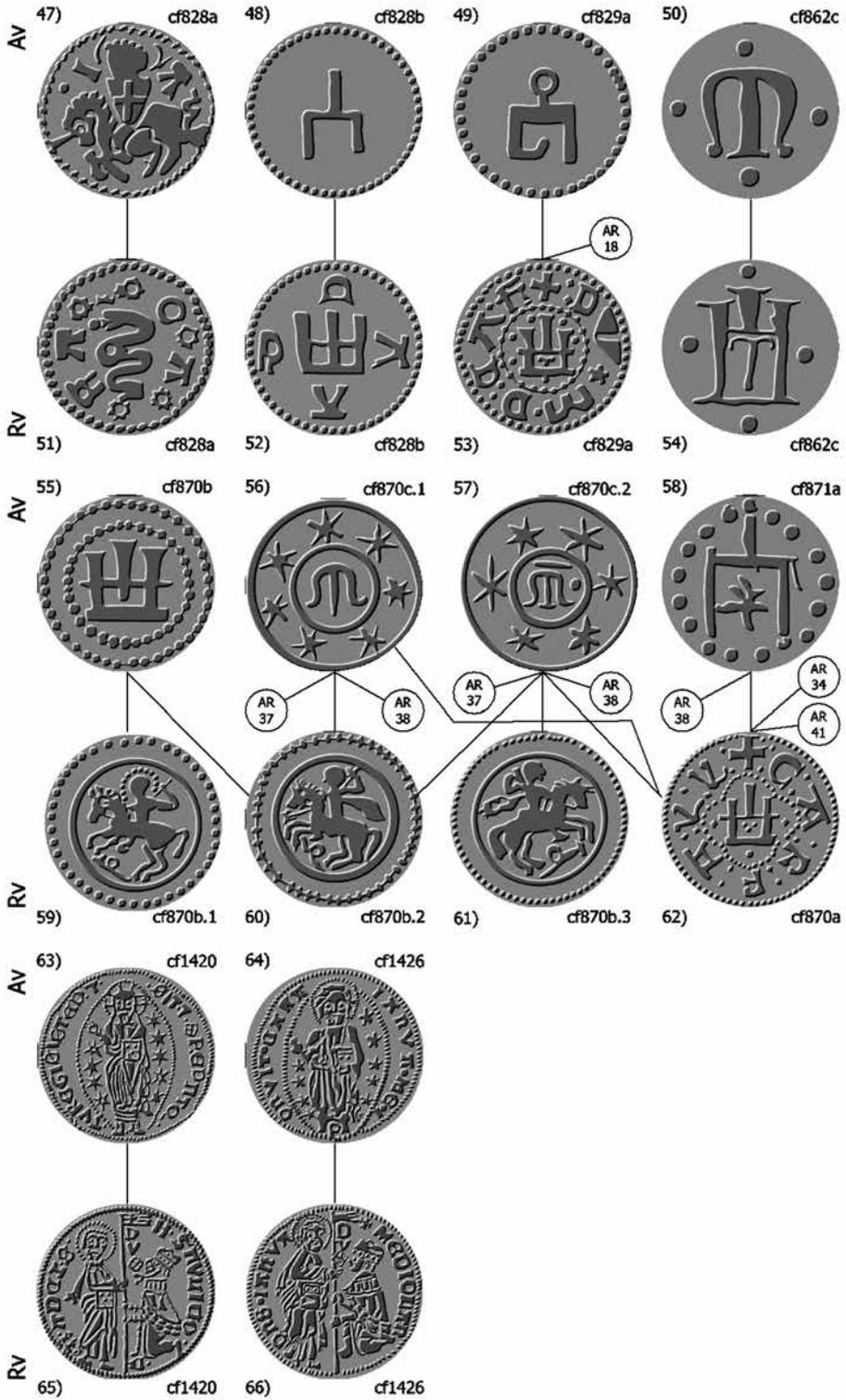
Возрождение монетного дела началось в самом конце 1465 г., после того, как в Каффу из метрополии прибыла бригада из восьми монетных мастеров. Им довелось реализовывать в жизнь денежную реформу, задуманную протекторами Банка святого Георгия. В Каффе начинают чеканить новый монетный номинал, аналог османского акче (табл. 1, cf870a), который получает соответствующее татарское название «акча»¹⁹ и соотносится со старым дангом как пять к трем. В рамках реформы после сорокалетнего перерыва возобновляется чекан разменной медной монеты. Как треть данга начинают ходить пулы со святым Георгием (табл. 1, cf870c) или генуэзским замком (табл. 1, cf870b) на реверсе, кроме того, по случаю чеканят билонные фракции в $\frac{2}{3}$ данга (разница акча и данга; табл. 1, cf871c/871a). Гиреи присоединяются к нововведениям: наряду с татаро-генуэзскими пулами (табл. 1, cf870c/cf870b) появляются чисто татарские акча и пулы Хаджи Гирея и Нур Давлата, фракции Нур Давлата. Претензии на крымский трон внука Улу Мухаммеда Ибрагима оставили нам не только анонимные пулы осени 1466 г. с его тамгой-вилкой на аверсе и генуэзским замком на реверсе (табл. 1, cf871a/cf870a): в русле реформы оказывается и немалочисленная эмиссия разменного серебра в $\frac{2}{3}$ данга, выпущенная в Ордабазаре от его имени²⁰.

Ил. 1. Поштгемпельные реконструкции монетных типов

Ил. 1. Поштгемпельные реконструкции монетных типов

Ил. 1. Поштемпельные реконструкции монетных типов

Табл. 1. Эмитенты и датировка монетных типов аверса и реверса

Аверсы					Реверсы				
№	Металл	Тип	Дата	Эмитент	№	Металл	Тип	Дата	Эмитент
2	AR	cf824a	824–825	м/ц («БС»)	1	AR	cf824a	824	м/ц («БС»)
3	AR	cf826.1	826–827	ДБ	4	AR	cf825a.1	825	м/ц («БС»)
8	AR	cf826.2	827–830	ДБ	5	AR	cf825a.2	825	м/ц («БС»)
9	AR	cf827b	827, 829	ДБ, м/ц	6	AR	cf827b	826–827	ДБ, м/ц
10	AR	cf827a	827	м/ц	7	AR	cf827b	827	ДБ, м/ц
11	AR	cf828d	828–829	УМ	12	AR	cf826.2	827–830	ДБ, УМ
16	AR	cf827c	827	УМ	13	AR	cf829c	829	ДБ
17	AR	cf827d	827–828	УМ	14	AR	cf829a	829	ДБ, УМ, м/ц
18	AR	cf828c	828–839	УМ	15	AR	cf828d	828–829	УМ
19	AR	cf828c	828–89	УМ	20	AR	cf827a.1	827–828	УМ
24	AR	cf839	839–845	м/ц	21	AR	cf828c	828–829	УМ
25	AR	cf841	ок. 841	м/ц	22	AR	cf827a.2	828–839	УМ
26	AR	cf845	845–865	ХГ	23	AR	cf829b	829	УМ, ДБ, м/ц
31	AR	cf862a	862–863?	ХГ	27	AR	cf839	839–845	м/ц
32	AR	cf862b	862	ХГ	28	AR	cf839	839–845	м/ц
33	AR	cf870a.1	870–871	ХГ	29	AR	cf845	845–865	ХГ
34	AR	cf870a.2	870–871	ХГ, м/ц?	30	AR	cf865	865–870	ХГ
39	AR	cf870d.1	870	ГМС	35	AR	cf862a	862–864	ХГ
40	AR	cf869	869–871, 873–880	ХГ, МГ	36	AR	cf862b	862	ХГ
41	AR	cf871b	871	НД	37	AR, CU	cf870a	870	ХГ
42	BI	cf871c	871	НД	38	AR, CU	cf870a	870–871	ХГ, НД
47	AR	cf828a	828	ФМВ	43	AR	cf870c	870	ГМС
48	CU	cf828b	828	ДБ	44	AR	cf869.1	869–880	ХГ, НД?, МГ
49	CU	cf829a	829	УМ	45	AR	cf869.1	869–880	ХГ, МГ
50	CU	cf862	862?	ХГ	46	BI	cf871a	871	НД
55	CU	cf870b	870	ХГ	51	AR	cf828a	828	ФМВ
56	CU	cf870c.1	870–871	ХГ, НД	52	CU	cf828b	828	ДБ
57	CU	cf870c.2	870–871	ХГ, НД	53	CU, AR	cf829a	829	УМ
58	CU	cf871a	871	ИБ	54	CU	cf870c.2	870–871	ХГ
63	AV	cf1420	1420–1421	МС	59	CU	cf870b.1	870	ХГ
64	AV	cf1426	1426	ФМВ	60	CU	cf870b.2	870	ХГ
					61	CU	cf870b.2	870	ХГ
					62	CU	cf870b.2	870	ИБ, НД, МГ?
					65	AV	cf1420	1420–1421	МС
					66	AV	cf1426	1426	ФМВ

Используемые сокращения в табл. 1: м/ц – междупарствие; «БС» – Бек Суфи (анахронизм); ДБ – Давлат Берди; УМ – Улу Мухаммед; ХГ – Хаджи Гирей; МГ – Менгли Гирей; ИБ – Ибрагим бен Махмудек; НД – Нур Давлат; МС – Манфредо Саули; ФМВ – Франческо Мариа Висконти; ГМС – Галеаццо Мариа Сфорца.

Чекан акча и пулов закончился уже в 1466 г., сразу или вскоре по вступлении на престол Нур Давлата. Возможно, эмиссия акча ожиданий не оправдала, а возможно, у сына Хаджи Гирея были собственные воззрения на денежную политику. Так или иначе, другие, анонимные «аспры» Каффы (табл. 1, cf869/cf869) с нечитаемой арабской легендой, своеобразными татарскими «иероглифами», которые О. Ф. Ретовский затруднялся атрибутировать, – единственная двуязычная монета, которую монетный двор Каффы мог выпускать после этого и выпускал²¹ в последние восемь лет существования консулата. Двуязычные данги времен Менгли Гирея и, предположительно, Нур Давлата (их характеризуют сиглы «IC, bI, PI, AC») формально сохранили дореформенный тип – и на реверсе, и на аверсе, гравированных уже профессионально, снова использовались круглые картуши, с которыми монетчикам удавалось поддерживать стандарты ремесла и монетного дела до конца генуэзской Каффы.

За пределами последовательности, устанавливаемой исходя из типологии, штемпельных связей и почерка граверов, остаются лишь несколько монетных типов, как медной, так и серебряной монеты. Первый из них – медь, выпущенная зимой 1424/25 г. (табл. 1, cf828b). Ее можно, конечно, называть пулами, поскольку пул – видовое название медной монеты. Но нельзя забывать, что достоинство монеты прямо указано в бухгалтерских книгах – полданга²². Фракция эта появилась по нужде при тех же обстоятельствах, что и неизвестный О. Ф. Ретовскому тип данга со всадником (табл. 1, cf828a). Нестабильность денежного рынка в Крыму и проблемы с наличностью администрация Каффы могла преодолеть выпуском собственной стабильной монеты. Данг без ханской символики и был монетой собственно Каффы, но не ханства; его также отчеканили по нужде, когда в декабре 1424 г. стипендиаты из гарнизона Солдаи отказались получать жалованье монетой, поступившей в казну с откупов налогов в сентябре. Они опасались, что не смогут расплачиваться ею по старому курсу «202 данга за сум» из-за того, что появились данги Давлат Берди нового образца (табл. 1, cf826.2/cf827b).

Нумизматы, начиная с О. Ф. Ретовского, затруднялись датировать, пожалуй, самый изящный тип дангов Каффы (табл. 1, cf862b), повторяющий типологию гроссо самой Генуи. Пребывая в заблуждении, что на монетах могли появляться инициалы консулов, они полагали, что инициалы «CA», фланкирующие замок на реверсе, обозначают «Caffa», а инициалы «IC» под замком – консула 1466 г. Джованни Ренци да Кабелла (его фамилия была, замечу, не Кабелла, а Ренци²³). Название Каффы, кроме того, до «CA» никогда не сокращалось, а в оригинальном дизайне гроссо, заимствованном для дангов, замок всегда фланкировали инициалы правителей – дожей или герцогов Милана. Поэтому трактовать их иначе нельзя. В данном случае правителей в действительности было даже двое – французский король Карл VII Валуа (CA – сокращение от Carolus) и герцог Генуи Жан II де Лорэн, на три года приведший Республику под власть своего дяди Карла в марте 1458 г. (IC – инициалы этого анжуйского принца, по-латыни Johannes de Calabria). Насколько можно догадаться, неописанный и единственный известный на сегодня экземпляр пула (табл. 1, cf862c), украшенный замком с пропорциями, как на дангах Карла, и тамгой, повторяющей ее форму на них же, был отчеканен в это же время, возможно, в качестве праздничной донативы.

Известный Г. Шлюмберже²⁴, но не отмеченный у О. Ф. Ретовского тип (табл. 1, cf870d/cf870c), который сегодняшние нумизматы, с трудом Шлюмберже незнакомые, хотят выдать за фантазию XXI в., неординарен в первую очередь тем, что на нем отсутствует

ханская символика. Не рискуя гадать, с чем это связано в данном случае, чтобы датировать эту эмиссию, достаточно ориентироваться на вес монеты. Он составляет 1 грамм и, следовательно, она была выпущена в тот единственный год, когда в Крыму чеканили монету подобного веса, имевшую, как сказано, номинал акча, – то есть в 1466 г.

* * *

Выяснение хронологии власти в Крымском ханстве, характера генуэзско-татарского симбиоза, объема эмиссий и анализ статистики находок являлись необходимыми условиями для реконструкции истории чекана Каффы. Эти сведения позволили хронологизировать то разнообразие монетных типов, которое известно уже давно. Установленная хронология (табл. 1) вкупе со штемпельными связями (ил. 1) позволяет уловить логику в типологических изменениях и датировать типы двуязычной монеты с точностью до месяцев. Сравнение с другими, количественными и метрологическими показателями чекана позволяет уяснить, что с начала чекана и до конца генуэзской Каффы ханство и консулат проводили согласованную денежную политику²⁵, и в обеспечении себя и татар звонкой монетой западноевропейцы преуспели не меньше, чем Гирей в Кырк-Ере и Ордабазаре или Давлат Берди и Улу Мухаммед за пределами Крыма.

¹ *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994. P. 277; Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Negoziazioni e Trattati. Busta 2728, doc. 24.

² В Государственном архиве Генуи хранится более 30 кодексов бухгалтерских книг Каффы. *Agosto A.* Orientamento sulle fonti documentarie dell'Archivio di Stato di Genova per la storia dei Genovesi nella Russia meridionale // Cinquant'anni di storiografia medievistica italiana e sovietica: Gli insedianenti genovesi nel Mar Nero: Atti del Convegno storico italo-sovietico e della Tavola Rotonda, Genova 11–13 nov. 1976. Genova, 1982. P. 352–379.

³ *Ретовский О. Ф.* Генуэзско-татарские монеты // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 18. СПб., 1906. С. 1–72, 6 с. табл.; *Он же.* Новые генуэзско-татарские монеты // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 51. СПб., 1914. С. 1–16, 1 с. табл.

⁴ *Евдокимов В. Н.* Нумизматика генуэзской Каффы. Торонто, 2002.

⁵ *Balletto L.* Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424–1428). Genova, 2000. P. 289. Doc. 260.

⁶ *Безгин П. Н.* Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1872. Т. 8, отд. 2 : Прибавление к сборнику материалов. С. 1–9; *Он же.* Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // ЗООИД. 1872. Т. 8,

отд. 2 : Прибавление к сборнику материалов. С. 10–23; *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник, 2005 : Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 74–142.

⁷ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34.590/1264. Massaria Caffè 1466. Fol. 19r. [19.08.1466] «+die 19 Augusti 1466 Agiolo Tartarus nuntius et syndicus d. Impe | ratoris Agigarei missus Chaffam ad exigendum | pensionem seche que solvit summos centum in | anno prout pro compositione facta cum dicto d. Im | peratore...» «В день 19 августа 1466. Хаджи Улу татарин, посланник и синдик государя Импе- | ратора Хаджи Гирея, присланный в Каффу для того, чтобы получить | плату за содержание монетного двора, который платил 100 соммо в | год, как определено в соглашении, заключенном с указанным государем Императором...»

⁸ Сейчас уже известны фракции дангов (полданга) Токтамышша, отчеканенные, судя по легенде, в Каффе. Стиль надписей на этих монетах соответствует исполнению легенд на дангах Токтамышша 794 г. х. с калмой на реверсе, чеканившихся в крымском юрте.

⁹ *Пономарев А. А.* Хан Крыма Бек Суфи, его законные данги и лже-Едигей // Нумизматические чтения 2013 г. : материалы докладов и сообщений (Москва, 19–20 ноября 2013 г.) М., 2013. С. 76–84.

- ¹⁰ Пономарев А. А. Крамольное золото генуэзской Каффы // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Пущино, 22–26 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 70–71. Второй тип дукатов Каффы был отчеканен в мае 1426 г.
- ¹¹ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. 590/1230. Massaria Caffè 1422. Fol. 269r.
- ¹² Когда в начале 1424 г. генуэзцам пришлось подтверждать курс татарских дангов с помощью надчеканки «g» (giusto, законный), им не требовалось надчеканивать собственные данги с замком – на них такая надчеканка не зафиксирована (Пономарев А. А., Зайончковский Ю. В. Генуэзская надчеканка «законный» на дангах Золотой Орды и Крыма // Нумизматические чтения 2013 г. : материалы докладов и сообщений (Москва, 19–20 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 76–84).
- ¹³ Пономарев А. А. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011. С. 323.
- ¹⁴ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. 590/1264. Massaria Caffè 1424. Fol. 68v. [10.05.1425] «Dampnum pecunie videlicet asperorum dangorum veterorum ex quibus facti seu fabricati fuerunt dangi novi de mandato spectabilis domini consulis Caffè debet nobis pro carpsia de isto de 55 asperos 712». «Убыток от монеты, а именно от аспров, являющихся старыми дангами, из которых были сделаны и изготовлены новые данги, по распоряжению светлейшего господина консула Каффы, дебетован со счета кассы на листе 55 в размере 712 аспров».
- ¹⁵ См. выше примеч. 7.
- ¹⁶ Пономарев А. А. Первые ханы Крыма: Хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. № 2. Казань, 2013. С. 158–190.
- ¹⁷ Пономарев А. А. Двухязычные данги татарского «императора» // ТГЭ. [Г.] 81. СПб., 2017.
- ¹⁸ Для сравнения, «колюмнами» помечено 15% зафиксированных и определенных татарских дангов Бек Суфи и 12% – Давлат Берди.
- ¹⁹ В ярлыке Менгли Гирея, выданном 30 сентября 1468 г., среди прочего установлено, что «... с крупной соли (следует брать) две деньги, а с горькой соли пять денег; с лошади семь акча, с коровы пять денег, с барана одну деньги» (Березин П. Н. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея. С. 13). Подробнее см.: Пономарев А. А. Ибрагим, сын Махмудека: Вхождение во власть и кошельки. Часть 1 // Золотоордынское обозрение. № 3. Казань, 2014. С. 128–162; *Он же*. Крымское ханство и консулат Каффы в 1466 г. (870/871 г. х.): Власть и деньги // Причерноморье в Средние века. Вып. 9. СПб., 2015. С. 44–108.
- ²⁰ Пономарев А. А. Ибрагим, сын Махмудека... Часть 2 // Золотоордынское обозрение. № 4. Казань, 2014. С. 191–225.
- ²¹ В 1470 г. откуп на монетный двор был продан Джованни ди Дзоальи (Johannes de Zoagli) за 33 500 аспров (Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. 590/1254. Massaria Caffè 1470. Fol. 134r).
- ²² «Multe facte per spectabilem dominum Petrum de Flisco consulem Caffè etc... Recepimus... | Item die 22 Ianuarii [1425] in Antonio de Savignono cavale | rio in quadam multa facta de quodam qui | renunciabat seu refutabat pecunia de medio | aspro nuper facta etc...»; «[Счет] штрафов, наложенных светлейшим господином Пьетро Фьески консулом Каффы и прочая... Кредитован... | 22 января [1425 г.] со счета кавале- | рия Антонио ди Савиньоно из штрафа, наложенного на лицо, | которое отвергло и отказалось принять монету в поласпра, сделанную ныне и т. д. ...» (Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. 590/1264. Massaria Caffè 1424. fol. 159v).
- ²³ То, что «Ренци» не было уменьшительным именем от «Лоренцо», а было фамилией, нагляднее всего показывают упоминания в массарии 1466 г. сына консула Маттео Ренци де Кабелла и его родича Лоренцо Ренци де Кабелла (Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Sala 34. 590/1248. Massaria Caffè 1466. fol. 244r, 257r).
- ²⁴ Schlumberger G. Numismatique de l'Orient Latin. Paris, 1878. Tabl. 18.2.
- ²⁵ Именно об этом пишет губернатор Генуи консулу Каффы 1 февраля 1424 г.: «De moneta equanda. Provideatis omnino adaequare monetam Caffensem Surcatensi, ne nostrates afficiantur incommodis»; «Предусматривается уравнивать полностью монету Каффы с солхатской, чтобы соотечественникам не было неудобств». *Balletto L. Liber Officii Provisionis Romanie*. P. 5. N 1. ASG.SG.34.590/1308/2.

ГЕРАЛЬДИКА

Е. А. Яровая
(Санкт-Петербург)

«ГЕРАЛЬДИКА ГЕНУЭЗСКОГО КРЫМА»: ПОДВОДЯ ИТОГИ*

Точкой отсчета для изучения истории генуэзского Крыма, в том числе и в геральдическом ключе, следовало бы считать труд генуэзского аббата Г. Л. Одерико – то самое описание генуэзских памятников Крыма, которое прелат в виде манускрипта преподнес Екатерине II во время посещения ею Каффы. Сочинение, среди прочего, содержало и геральдический материал: средневековые надписи и гербы на местных строительных плитах. Презентация труда Одерико состоялась 28 мая 1787 г., а несколько позже труд аббата был отпечатан в Италии¹. Это самый первый взгляд ученого европейца на тот материал, который открылся России и Европе с покорением Крыма. Одерико напоминал, что данные земли, хотя и провели триста лет под знаком полумесяца, еще раньше относились к ареалу христианской культуры, куда в итоге и вернулись. Таким образом, истории изучения геральдики генуэзского Крыма исполнилось более 225 лет. Каков же путь, пройденный исследователями за эти годы, куда двигаться дальше в изучении геральдической практики и собственно геральдических артефактов Крыма XIV–XV вв.?

Начальный этап гербоведения средневекового Крыма, хронологически занимающий всю первую половину XIX в., – это накопление эмпирического материала в работах, посвященных описанию крымских древностей. Работы Л. Вакселя², П. С. Палласа³, П. И. Кеппена⁴, Н. Н. Мурзакевича⁵, Ф. Дюбуа де Монпере⁶ не только позволили лучше узнать и понять проблему, но и зафиксировали памятники, до наших дней не дожившие.

Признаком готовности школы к выходу на новый уровень стали работы В. Н. Юргевича (1818–1898) в сборниках Записок Одесского общества истории древностей, которые сопровождалась уже не набросками памятников, а их достоверной передачей в технике литографии, а также расшифровкой имен и надписей⁷. Юргевич, кроме того, впервые связал воедино две группы памятников, несущих изображения генуэзских символов: строительные плиты, с одной стороны, и генуэзско-татарский нумизматический материал, с другой. В дальнейшем тему продолжил О. Ф. Ретовский⁸.

Но подлинный перелом в исследованиях генуэзских памятников Крыма произошел в 1920-х гг., когда потребовали академической интерпретации результаты экспедиций Государственной академии истории материальной культуры в Судак.

Основоположников современного подхода к изучению было двое. Первое место, бесспорно, принадлежит Е. Ч. Скржинской (1896–1980) – выдающемуся историку-медиевисту, специалисту по латинской эпиграфике. Созданный ею и вышедший в Генуе

* Статья представляет собой слегка переработанный текст доклада, прочитанного автором на научной конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма», состоявшейся в сентябре 2011 г. в Государственном Эрмитаже.

на французском языке в 1928 г. корпус латинских надписей Каффы, Судака и Балаклавы не утратил научной ценности и до сих пор востребован в исследованиях по фортификации, орнаментике, геральдике, эпиграфике средневекового Крыма⁹. Лишь в 2006 г. была осуществлена публикация второй части корпуса с авторскими добавлениями, собраны воедино все материалы Е. Ч. Скржинской, относящиеся к истории крепости в Судаке¹⁰. Издание рукописных материалов, не вошедших в корпус и хранящихся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (хранитель и публикатор Л. Г. Климанов), приоткрывает творческую «кухню» исследовательницы: мы получаем представление о том, с помощью каких материалов она работала над идентификацией тех или иных гербов, с кем могла консультироваться. Так, выясняется, что для определений гербов Скржинская использовала общецентральнский стеммарий Дж. Кролланца (видимо, из личной библиотеки), изданный в 1898 г.

Параллельно с Е. Ч. Скржинской к определению гербов на Судакских плитах обратился известный гербовед В. К. Лукомский (1882–1946) по просьбе участника экспедиции ГАИМК, художника-графика Н. Ф. Лапина. Лапиным были присланы на экспертизу в Гербовый музей кальки с прорисовками 10 плит с 16 различными гербами. Ход работы ученого отражен в сохранившихся материалах его рукописного фонда в РГИА¹¹. Все 16 гербов были сведены им в таблицу. Не имея доступа к локальным генуэзским стеммариям и пользуясь только общими гербовниками И. Зибмахера (Nurnberg, 1734), Ж.-Б. Ритпштапа (Gouda, 1861) и М. Джиннани (Venezia, 1756), Лукомский идентифицировал половину искомым гербов¹². Своеобразие ситуации со Скржинской и Лукомским заключалось в том, что два крупнейших в своей области авторитета пытались рассмотреть проблему каждый со своей стороны. Если Скржинская действовала во всеоружии как историк и итальянист, но не имела глубоких специальных знаний по геральдике, то на стороне Лукомского было знание геральдических правил, владение инструментарием и терминологией этой дисциплины, доступ к гербовникам, наконец, многолетний опыт подобной работы. Для него герб в данном случае был предметом экспертизы, а не историческим источником, и он решал проблему с генуэзскими гербами как любую другую проблему геральдической интерпретации, будучи при этом далеким от понимания реалий генуэзских факторий в Крыму. Увы, в дальнейшем для проведения больших комплексных исследований генуэзской геральдики в Крыму долгое время не было объективных условий – как из-за двусмысленного положения геральдики в советской науке, так и из-за сложностей информационного обмена с европейскими коллегами, труднодоступности итальянских архивов и геральдических источников.

Тем не менее круг выявленных памятников постепенно расширялся. Если в корпусе Е. Ч. Скржинской собраны данные о 55 памятных плитах, из которых 39 с геральдическими изображениями, то уже к концу XX в. можно говорить о 80 подобных артефактах. Раскопки, в том числе и силами Государственного Эрмитажа – а это Старокрымская экспедиция М. Г. Крамаровского, Южно-Крымская экспедиция С. Б. Адаксиной, – продолжают и сейчас. В орбиту исследований включены не только вновь найденные строительные плиты, но и предметы прикладного искусства латинской традиции, несущие гербы генуэзского нобилитета, в том числе предметы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже.

К геральдической тематике обращались в разное время такие исследователи, как Е. А. Айбабина, Н. А. Алексеенко, И. А. Баранов, А. В. Джанов, А. Г. Еманов, Л. Г. Климанов, М. Г. Крамаровский, В. Л. Мыц, предлагая свои трактовки и интерпретации

геральдических композиций. В помощь гербоведам созданы базы генуэзских официалов Крыма, проработаны и изданы, в частности А. Л. Пономаревым и кругом исследователей под эгидой С. П. Карпова, поименные списки жителей факторий на основе сохранившихся в Секретном архиве Генуи копий казначейских книг. Уточнено местонахождение многих геральдических памятников. К истории изучения ряда строительных и кладных плит из Феодосии обращается И. В. Тункина¹³. Начиная с 1997 г. тема геральдики генуэзского Крыма стала магистральной и для автора этих строк. В итоговой монографии «Геральдика генуэзского Крыма» была сделана попытка объединить «подход Скржинской» и «подход Лукомского» и добиться той комплексности в описании явления, для которой сейчас возможностей, несомненно, гораздо больше, чем в 1920-х гг.¹⁴

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что часть задач была успешно решена – генуэзские гербы на подавляющем большинстве крымских памятников идентифицированы и связаны с историей конкретных родов генуэзской аристократии. Создана персоналия крымских официалов, которая служит базой для дальнейшей работы с новыми памятниками этого круга. Разработана методика определения гербов на плитах, лишенных надписей, по характеру расположения гербовых щитов на них.

Разумеется, тема еще очень далека от того, чтобы быть исчерпанной. Перед исследователями стоит масса проблем, нуждающихся в прояснении, – как общего порядка, так и более предметных. Ждут своей идентификации предметы прикладного искусства из раскопок в Чембало. Не поставлена точка в вопросе о том, что считать гербом Каффы – и правомерна ли в принципе постановка вопроса о наличии у генуэзской фактории собственного герба. Видится перспективным рассмотреть камень геральдических плит с геологической точки зрения – например, провести сравнительный анализ состава плит Судакской крепости с составом крымского и генуэзского известняков, чтобы уточнить происхождение ряда памятников. Остается актуальным выделение из письменных источников данных о членах генуэзской администрации Крыма и их сравнение с надписями на геральдических плитах. Также не закончена работа по дешифровке латинских инскрипций (*sigle*), размещенных на латинской стороне генуэзско-татарских аспров, что помогло бы уточнить датировки этой группы монет. Не получила освещения тема геральдики генуэзских наместников Каффы, пунктиром обозначенная Е. Ч. Скржинской в рукописной маргиналии к автографу «Надписей на плитах Судака»¹⁵. Продолжаются попытки расшифровки и интерпретации легенды на портале Судакской капеллы, высказываются различные предположения, кому принадлежал герб в виде головы льва. Делаются первые шаги в разработке новой и очень перспективной для изучения темы: «Символика монашеских орденов в сфрагистических памятниках Крыма».

Возможно, следует переосмыслить символику комплекса геральдических и эмблематических изображений на венце колодца из Каффы, датированного 1331 г. Неоднократно обращались к этому памятнику и его первый публикатор М. Г. Крамаровский совместно с А. Г. Климановым, и А. Г. Еманов, не оставляла его без внимания и автор этой статьи. Споры по поводу определения четырех высеченных на нем гербов не утихают – А. Г. Еманов увидел в композиционных элементах колодца символику францисканцев, но не смог представить убедительные доводы в пользу своего предположения¹⁶. М. Г. Крамаровский продолжил дискуссии с Е. А. Яровой по поводу идентификации гербов на колодце¹⁷. Однако не все аналоги колодезного камня, являющегося самым ранним известным к настоящему времени геральдическим памятником генуэзской Каффы, были детально изучены.

Одной из магистральных задач по осмыслению данного материала должна стать выявленная целостная картина функционирования геральдической практики в дальних факториях Генуи. Позволительно ли утверждать, что геральдическая практика генуэзской Газарии представляла собой точный слепок с практики метрополии, механически перенесенной из коммуны в фактории? Это еще предстоит выяснить.

Словом, впереди большая работа даже по тем материалам, которые уже введены в научный оборот, и она будет тем более продуктивной, чем больше новых памятников, в первую очередь благодаря коллегам-археологам, появится в распоряжении исследователей.

- ¹ *Oderico G. L., abbate.* Lettere Liguristiche ossia Osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa ed altri luoghi della Crimea. Bassano, 1792.
- ² *Waxel L.* Recueil de quelques antiquites trouvees sur les bords de la Mer Noir... dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798. Berlin, 1803; *Ваксель Л.* Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 гг. СПб., 1801.
- ³ *Pallas P. S.* Bemerkungen auf eine Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. 2; *Idem.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 гг. М., 1999.
- ⁴ *Kёnnen П. П.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
- ⁵ *Мурзакевич Н. Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
- ⁶ *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843; *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие в Крым: Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 т. Т. 5, 6 / пер. с фр., предисл. и примеч. Т. М. Фадеевой. Симферополь, 2009.
- ⁷ *Юргевич В. Н.* Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 157–177; *Он же.* Новые надписи генуэзские // Там же. 1868. Т. 7. С. 274–282; *Он же.* Донесение о поездке в Крым // Там же. 1875. Т. 9. С. 398, 399; *Он же.* Две генуэзские надписи из Балаклавы // Там же. 1879. Т. 11. С. 319, 320; *Он же.* Генуэзская надпись, найденная в Феодосии в 1883 г. // Там же. 1886. Т. 16. С. 24–26.
- ⁸ *Ретовский О. Ф.* Генуэзские надписи, найденные в Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 14–26; *Он же.* Генуэзская плита, найденная в Феодосии в 1890 г. // ИТУАК. Вып. 13. Симферополь, 1891. С. 75–77.
- ⁹ *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. 56. Genova, 1928. P. 1–141; *Скрягинская Е. Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 155–165.
- ¹⁰ *Скрягинская Е. Ч.* Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Киев ; Судак ; СПб., 2006.
- ¹¹ *Лукомский В. К.* Материалы по геральдической экспертизе Судакских плит (1926–1928): [рукопись] // РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 48. 38 л.
- ¹² *Ginnani Marcantonio.* L'arte del blasone. Venezia, 1756; *Rietstap J.-B.* Armorial général, contenant la description des armoires des familles nobles et patriciennes de l'Europe... Gouda, 1861; *Das grosse und vollständige anfangs Siebmacherische, hernacher Fürstliche und Helmerische, nun aber Weigelische Wappen-Buch: in sechs Theilen...* Nürnberg, 1734.
- ¹³ *Тункина П. В.* Открытие Феодосии (1771–1871). Киев, 2011. С. 12–35.
- ¹⁴ *Яровая Е. А.* Геральдика генуэзского Крыма. СПб., 2010.
- ¹⁵ *Скрягинская Е. Ч.* Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. С. 222, сноски 291.
- ¹⁶ *Еманов А. Г.* Провинциальная геральдика францисканского ордена // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов. М., 2002. С. 136–138.
- ¹⁷ См.: *Яровая Е. А.* Геральдика генуэзского Крыма; *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. С. 321, 322.

А. Г. Юрченко
(Санкт-Петербург)

МОНГОЛЬСКАЯ ТАМГА И ПОЛУМЕСЯЦ НА ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ЩИТАХ КАФФЫ

Город Каффа, генуэзская торговая фактория в Крыму, имел защитные крепостные стены с башнями. В башни были вмонтированы мраморные и известняковые плиты с официальными надписями и гербами. Например, в 1894 г. на территории средневековой Каффы была найдена каменная плита с шестью гербами, исследованная О. Ф. Ретовским¹. Три герба верхнего ряда распознаны следующим образом: в центре герб города Генуи, слева от него герб города Каффы, а справа – дожа Антониотто Адорно. Герб Каффы – это геральдический щит, на котором изображена джучидская тамга и полумесяц. Вопрос о гербе Каффы являлся предметом научного спора, поэтому О. Ф. Ретовский вынужден был изложить аргументы в пользу такого отождествления геральдических символов. Вот что он пишет:

«Герб г. Каффы в сущности ничто иное, как тамга Золотой Орды, и поэтому я прежде склонялся к мнению, что он представляет герб владельцев Крыма, который генуэзцы изображали на своих каффских надписях, признавая этим верховную власть Золотой Орды, но теперь я присоединяюсь к мнению Мурзакевича и барона Кёне, выдающих в нем герб г. Каффы, так как 1) к обыкновенной тамге Кипчакской Орды прибавлен с правой стороны маленький полумесяц, как это видно на всех каффских надписях, имеющих этот герб, и 2) этот герб не встречается ни на одной из известных нам надписей Судака»².

Несложно привести аргументы, которые опровергнут суждения О. Ф. Ретовского и его оппонентов. Спор о «гербе Каффы» – это фикция, которая утратит статус научной проблемы, если привлечь новые исторические материалы, а именно – морские карты XIV в., где аналогичная эмблема изображена над множеством городов. Верна лишь интуитивная догадка О. Ф. Ретовского, что герб правителя Золотой Орды придумали генуэзцы. Какую цель преследовали генуэзцы? Ибо совершенно неясно, каким образом воображаемый герб демонстрировал признание ими власти Золотой Орды. Да и зачем свободным гражданам Генуи подчеркивать свое подчиненное положение?

Определимся с целями и задачами исследования.

Предмет исследования: генуэзские закладные и строительные плиты Каффы, украшенные гербами, среди которых имеется щит с изображением джучидской тамги и полумесяца. Самой ранней по хронологии является мраморная строительная плита консула Ди Скаффа 1342 г.³ Представленная на ней эмблема и будет предметом исследования.

Задача исследования: выявить исторические артефакты, где изображена комбинация джучидской тамги с полумесяцем, и источники, где отдельно представлены та же самая тамга и полумесяц. Генуэзский лапидарий с загадочной геральдической эмблемой изучался изолированно от археологических, нумизматических, картографических и письменных материалов по истории Золотой Орды. Такое искусственное ограничение источниковедческой базы ничем не оправдано.

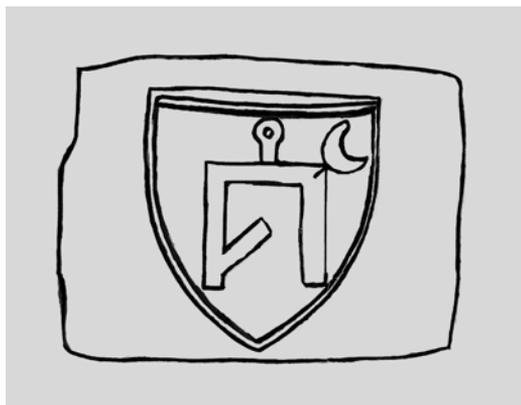
Цель исследования: разъяснить причину появления в генуэзской геральдике нового символа, построенного на комбинации джучидской тамги и полумесяца; установить исходное значение знаков и содержание эмблемы.

Поскольку далее речь пойдет о гербах и тамгах, то следует определить значение этих терминов. Согласно М. Пастуро, средневековые гербы – исключительно европейское явление; герб – это эмблема, наследственный отличительный знак, сочетание цветов, предметов и фигур на котором имеет символическое значение; это одна из форм социального маркирования⁴. В XIII в. в Европе гербы государей помещаются на стенах зданий, щитах, прикрепленных к бортам или мачтам кораблей, на полотнищах флагов. За государями следуют и города: они тоже начинают в геральдической форме обозначать объекты, находящиеся под их властью и покровительством⁵.

У кочевой аристократии Золотой Орды гербов не было, но были тамги. Тамга в кочевых азиатских обществах всегда знак собственности, а на монетах чингизидов – личный знак собственности⁶. Ставить знак равенства между гербом и тамгой оснований нет, однако такие попытки предпринимались. В частности, нумизмат А. З. Сингатулина полагает, что тамга на джучидских монетах – это герб, а ее постанковка – акт политической декларации⁷. По предположению нумизмата В. П. Лебедева, тамга ордынского правителя Менгу-Тимура (1266–1280), появившаяся на именных дирхемах Булгара в 671 г. х., а с 678 и 681 гг. х. на анонимных дирхемах Хорезма и Сарая, далее стала помещаться на крымских именных монетах Туда-Менгу (1280–1286), Токты (1290–1312) и Узбека (1312–1341) всех монетных дворов Золотой Орды; так как все перечисленные ханы являлись прямыми потомками Бату, то в нумизматической литературе за этой тамгой закрепилось название «тамга дома Бату», которая из личного знака превратилась в своеобразный герб правящего дома⁸. Для такого вывода оснований нет. Достаточно напомнить о находке в Азаке железного тавро в форме джучидской тамги. Гербы на крупах лошадей не выжигали. Это тамга, знак владельца. Тамга хана Узбека, прочерченная на ручках амфор из Константинополя, найденных в портовом районе Судака, обозначала собственника груза⁹. В дальнейших размышлениях я исхожу из того, что латинские гербы и монгольские тамги – это разные символы. Тамга, в отличие от герба, не была социальным маркером.

Гипотеза: ордынскую эмблему (тамга с полумесяцем) на строительных плитах Каффы сконструировали генуэзцы, взяв изображение тамги с джучидских монет, а полумесяца – с ханской пайцзы, и поместили их на геральдический щит, поскольку оба знака у европейцев ассоциировались с монгольскими символами власти. У ордынских ханов такой эмблемы не было (наличие экземпляра анонимной монеты, без обозначения места и года, с джучидской тамгой и полумесяцем¹⁰ следует рассматривать как исключение, подчеркивающее правило). В политической мифологии Монгольской империи полумесяц символизировал сияющую харизму Чингиз-хана. Полумесяц – знак ханской власти, поэтому он изображался на ханских дворцах, пайцзах и знаменах, а также на рукавах

халатов (в форме украшения из листового золота слева, справа же нашивался солнечный диск). При такой постановке вопроса комбинация тамги и полумесяца представит занимательной исторической загадкой. Монголы не смешивали знаки власти и знаки собственности. В Каффе же оба знака вписаны в геральдический щит, что позволяет назвать эмблему гербом. Перед нами латинский герб с двумя монгольскими знаками. На строительных плитах этот герб сочетается с другими, достоверными гербами: символом Генуи и гербами консулов. Возникает два вопроса: кому принадлежал герб с тамгой и с какой целью он присутствует на городских плитах Каффы.

Плита консула Ди Скафа. 1342.

Прорисовка автора.

Феодосийский музей древностей

Сам по себе «герб Каффы» расшифровке не поддается. Все, что мы имеем на сегодняшний день, – это подчас остроумные толкования знаков. Перейти к научному анализу темы позволит независимый от генуэзского лапидария исторический источник с аналогичной эмблемой. В нашем случае таким источником являются европейские морские карты XIV в.

На морской карте Ангелино Дульцера (1339), современника хана Узбека (1312–1341), над десятью городами Улуса Джучи изображены флаги с полумесяцем и тамгой на полотнище¹¹. Выглядит этот символ так: . И на геральдических щитах закладных плит Каффы мы видим тамгу с полумесяцем. Это одна и та же эмблема, которую исследователи XIX в. считали «гербом Каффы». На карте флаги с этой эмблемой маркируют владения ордынского хана от Вичины на Дунае до столичного Сарая на Волге. Отметим очевидный факт: у десяти городов не могло быть одинакового герба. С позиции картографа, это не городской герб, а значит, и не герб города Каффа. В представлении генуэзцев так выглядел «герб Узбека». Флаги с воображаемым гербом обозначают территориальные владения Золотой Орды времени правления хана Узбека, чья фигура на троне с двойной подушкой украшает правый угол карты.

Стилистические расхождения между изображением тамги на геральдическом щите строительной плиты консула Ди Скафа (1342) и на ордынских флагах морской карты Ангелино Дульцера (1339) указывают на важное обстоятельство. Рельефное исполнение тамги на плите полностью соответствует ее изображению на монетах хана Узбека чекана Булгара 730 г. х., Мохши и Крыма 720 г. х. (1319/20 г.); на чекане столичного двора в Сарая тамги нет, нет тамги и на крымских монетах Узбека 713 г. х. (устная консультация К. К. Хромова). Тамга на флагах с характерной деталью (у двузубца дополнительная косая черта направлена вовне) не совпадает ни с одной из известных джучидских тамг на монетах¹² и граффити на керамике. Иными словами, тамга на геральдическом щите – достоверный знак, а на морской карте – произвольный. Отсюда с непреложностью следует, что «герб Узбека» был сконструирован генуэзцами в Крыму, в контактной зоне европейцев с монголами, а к картографам с острова Майорка герб попал в искаженном виде. «Герб Узбека» на консульских плитах первичен, а на морской

карте – вторичен. Находка любопытного артефакта ситуацию не меняет. Так, при раскопках на территории средневекового Азака был обнаружен комплекс из пяти железных изделий, в их числе клеймо для скота с джучидской тамгой (в виде двузубца с округлой головкой и коротким отростком на правой ножке снаружи)¹³.

Оформление «герба Узбека» произошло, скорее всего, после заключения генуэско-монгольского договора 1313–1316 г., который был призван регламентировать формы платежей с купечества и оказал немалое влияние на уставные нормы администрации Каффы. Официально статус города Каффа получила в 1322 г. от папы римского Иоанна XXII. С тех пор консулы Каффы помещали на крепостных башнях плиты с собственным гербом, гербом Генуи и «гербом Узбека». На протяжении полувека герб Генуи и «герб Узбека» оставались постоянными элементами в композиции строительных плит Каффы, отсылая наблюдателя к первоначальному акту, генуэско-монгольскому договору 1313–1316 г. Гербы принадлежат высоким сторонам договора, где щит с тамгой и полумесяцем указывает на правителя Золотой Орды. «Герб Узбека» генуэзцы исполнили с единственной целью: без него композиция из гербов участников договора была бы неполной.

На карте Ангелино Дульцера суверенный статус Каффы обозначен знаменем Генуи (красный крест на белом фоне), тогда как над золотоордынским городом Азак, который итальянцы называли Тана и где были устроены торговые фактории генуэзцев и венецианцев, видим «герб Узбека». И на портолане венецианских мастеров Франциска и Доминика Пицигани (1367) политическая принадлежность городов декларируется флагами с эмблемами. Над городами монгольского Ирана реют флаги, на чьих полотнищах красный прямоугольник, а над городами Золотой Орды – флаги с белым прямоугольником на темном полотнище. Город Тана на карте братьев Пицигани изображен под венецианским флагом с фигурой крылатого льва¹⁴. Жалованную грамоту от хана венецианские купцы Таны получили в 1332 г. Это был *Pactum Venetorum cum Nusbecho imperatore Tartarorum* («Договор Венеции с императором тартар Узбеком»)¹⁵. Заключение договора, видимо, не дало импульс созданию ордынского герба, как это произошло в Каффе.

Е. Ч. Скржинская пишет о каменных гербах: «... гербы раскрашивались, что понятно, т. к. цвет частей наряду с рисунком имел геральдическое значение. Следы такой раскраски еще сохранились на нескольких плитах»¹⁶. Генуэзская официальная закладная плита с именем и гербом папы римского Климента VI была вмонтирована в башню имени Христа. Надпись на плите содержит дату: 1348 г.¹⁷ Изображение джучидской тамги в технике контррельефа заполнено смальтой красного цвета. На карте Ангелино Дульцера тамга с полумесяцем также красного цвета, что указывает на трансляцию изображения. Красный цвет здесь неслучаен. На ханских посланиях и указах ставилась красная квадратная печать (*ал-тамга*). При дворе был хранитель печати (*сахиб ал-алам*). Наблюдатели обратили внимание на цвет оттиска государственной печати. «Они называют ее *ал-тамга*; *ал* означает 'красный', *тамга* – 'знак'», – отмечает путешественник Ибн Баттута¹⁸. В 1243 г. царь Киликийской Армении Хетум отправил послов к монголам, чтобы заключить соглашение о мире. По свидетельству историка Киракоса Гандзакецци, «[татары] заключили с царем союз и, по обычаю своему, дали грамоту, называемую *ль-тамгой*»¹⁹. Согласно Рашид-ад-дину, у ильхана была золотая печать, а у вазира как высшего должностного лица – ал-тамга: «Относительно этих *идфаров*²⁰ мы написали

указ из Большого дивана, [он] прибудет за печатью монгольских и таджикских эмиров, с *алтун-тамгой* государя и нашей *ал-тамгой*»²¹.

Почему «герб Узбека» отсутствует на строительных плитах Судака? Город Судак (Солдайя), принадлежавший венецианцам, переходит в руки генуэзцев в 1365 г. К этому времени потомки Узбека утратили власть в Орде. Договоров с монголами венецианцы Судака не заключали. По этой причине на строительных плитах Судака нет геральдического щита с монгольскими знаками. Право изображать «герб Узбека» сохранялось только за Каффой как инициатором соглашения с ханом Узбеком. Это ответ на вопрос О. Ф. Ретовского и его оппонентов Н. М. Мурзакевича и Б. Кёне о том, почему «герб Каффы» не встречается ни на одной из надписей Судака.

Помимо морских карт существует еще один средневековый источник, где представлен флаг с джучидской тамгой. В середине XIV в. в Испании был создан географический трактат «El Libro del conocimiento de todos los regnos e tierras e señorios que son por el mundo» («Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире»)»²². В форме воображаемых путешествий в нем рассказывается о странах и городах Запада и Востока, а описания королевств сопровождаются изображениями гербов в знаменной форме. Автор трактата – безымянный кастильский францисканец – непременно отмечает, что сеньор той или иной земли имеет «знаками знамя» (*á por señales un pendón*) – и далее следует геральдическое описание²³. Одно из них связано с гербом «императора татар Uxbeto»²⁴. Изображение этой эмблемы (𐰉) симметрично ее оригиналу на портолане Ангелино Дульцера.

Итак, в географическом трактате XIV в. интересующая нас эмблема прямо названа гербом хана Узбека. На этом, полагаю, спор о «гербе Каффы» закрыт. Можно перейти к загадке «герба Узбека».

В комбинации тамги и полумесяца важны оба символа, однако в исследованиях полумесяцу не придавалось особого значения, тогда как в ордынском политическом обиходе это важнейший символ. Без ответа остается еще несколько вопросов, но первым делом следует навести порядок с тем, как представлены исторические материалы в исследованиях. С этой целью предпринимается краткий библиографический обзор темы.

В обзоре учитываются исследования, где говорится о «гербе Каффы», генуэзских гербах с джучидской тамгой, морских картах с ордынскими флагами и археологических находках предметов с прочерченными на них тамгами.

Историк Н. П. Лихачев в своей последней работе, опубликованной в 1930 г., размышляет о причинах изменения формы ханской тамги на материале монетного чекана Крыма времени Золотой Орды. В поле его зрения попадают и крымско-генуэзские эпиграфические памятники XIV в., поскольку на строительных плитах Каффы помещена ордынская тамга. Материалы, собранные Н. П. Лихачевым, показывают совпадение формы тамги на крымском чекане и генуэзских плитах: «Форма тамги 𐰉 была усвоена в Каффе генуэзцами как герб верховных властителей Крыма – ханов Золотой Орды и, можно думать, образовала герб самой Каффы с прибавлением небольшого полумесяца. На старейших эпиграфических памятниках Каффы – 1342, 1348, 1384, 1389 и 1396 гг. мы видим эту тамгу на геральдическом щите, помещенном так, что мы должны считать среди других щитов этот щит гербом Каффы»²⁵. Н. П. Лихачев ссылается на исследование Е. Ч. Скржинской, изданное в Генуе в 1928 г., где щит с ордынской тамгой назван гербом Каффы²⁶.

Как видим, единственный аргумент в пользу существования «герба Каффы» заключается в том, что на строительных плитах Каффы ордынская тамга помещена в геральдический щит и поставлена в ряд других щитов, на одном из которых изображен герб Генуи. И хотя вопрос о «гербе Каффы» не является предметом исследования Н. П. Лихачева, он находит интересные аналогии: «На эпиграфических памятниках в Константинополе генуэзцы обычно изображали герб самой Генуи, но, как герб Галаты, встречается и щит с крестом, по сторонам которого 4 раза буква **В**, т. е. предполагаемый герб династии Палеологов. В этом можно видеть аналогию с гербом Каффы»²⁷.

Для Н. П. Лихачева очевидно, что тамга хана Узбека использована генуэзцами для создания особого герба; значение полумесяца в этой композиции ему неясно; материалы морских карт ему неизвестны. Поскольку загадочная эмблема нигде кроме как на памятниках Каффы не встречается, исследовать вынужден был назвать ее гербом Каффы. На самом деле, как мы уже выяснили, это «герб Узбека».

Для крымского исследователя О. А. Акчокраклы, изучавшего тамги тюрков-кочевников, очевидно, что это родовые знаки собственности. Тамги на монетах монгольских ханов вписываются в этот ряд. «Тамга крымских ханов-гиреев, имеющая форму , встречается на стенах б. ханского дворца в Бахчисарае, на дюрбе Хаджи-Гирея в Салачуке. Из этого можно заключить, что тамги употреблялись и для обозначения принадлежности дворцов и иных сооружений тому или иному роду. Основываясь на этом, мы приходим к предположению, что неразгаданные до сего времени загадочные формы на восточных воротах Чуфут-Кале близ Бахчисарая, по всей вероятности, являются знаками, указывающими на принадлежность или подчиненность этой крепости татарским ханам или бейам. На ту же мысль наталкивает нас начертание тамг Золотой Орды на особом щите рядом с генуэзским гербом на воротах крепости Кафа (г. Феодосия), что указывает на вассальное положение Кафы по отношению к золотоордынским ханам во времена их владычества в Крыму»²⁸. В статье приведены вполне достоверные рисунки гребенчатой тамги Гиреев и джучидской тамги на геральдическом щите. Визуально это разные знаки: и .

В библиографическом обзоре следует упомянуть и статью М. Д. Полубояриновой «Знаки на золотоордынской керамике», опубликованную в 1980 г. «Тамгами Золотой Орды специально никто не занимался, так как большинство из них добыто раскопками последних лет (1959–1979 гг.)», – полагает автор²⁹. Размышления О. А. Акчокраклы, невнимательно прочитанные М. Д. Полубояриновой, привели к курьезам: «Трезубец стал позже тамгой крымской династии Гиреев – это так называемая тарак-тамга. Она имела на монетах, на ярлыках крымских ханов. Ее изображали на особом щите рядом с генуэзским гербом на воротах Кафы, что должно было указывать на вассальное положение генуэзской крепости по отношению к ханам. Эта тамга есть на стенах дворца в Бахчисарае, на дюрбе (погребальном сооружении) Хаджи-Гирея в Салачуке. Очень интересно в этом смысле изображение джучидского двузубца на флагах двух городов Нижнего Поволжья в Каталонском атласе 1375 г.»³⁰.

Здесь содержится две ошибки. Первая: в Каталонском атласе 1375 г. одиннадцать городов, над которыми реет флаг с ордынской тамгой, а не два³¹. Вторую ошибку трудно объяснить. Вопреки мнению М. Д. Полубояриновой, на геральдических щитах Каффы изображен не трезубец Гиреев, а тамга ордынского хана Узбека. Визуально они вполне различимы. При этом тамга Узбека действительно сопоставима с джучидским

двузубцем на флагах Каталонского атласа, о котором упоминает М. Д. Полубояринова. Совпадение знаков (тамга и полумесяц) крымско-генуэзской эпиграфики с аналогичными символами на флагах европейских карт могло бы дать пищу для размышлений: по какой причине одна и та же эмблема появилась на строительных плитах Каффы и на морских картах? Но этого не произошло. Золотоордынская археология лишилась интересного сюжета.

Картограф Крескес Авраам³², автор Каталонского атласа 1375 г., изображая акваторию Средиземного и Черного морей, следовал карте Ангелино Дульцера (1339 г.), о чем свидетельствует сходная топографическая основа. Заимствован им и такой элемент политической географии, как знамена с эмблемами правящих династий. Флаг с ордынской тамгой и полумесяцем просто скопирован им с карты предшественника. Нет никаких оснований принять утверждение М. Д. Полубояриновой о том, что «помещение этих знаков на испанской карте 1375 г., причем одного из них на флаге столицы, показывает, насколько хорошо была известна Европе тамга золотоордынского хана»³³. К тому моменту, когда был создан Каталонский атлас 1375 г., Золотая Орда пережила кризис, повлекший династийную смуту, в результате которой пресеклась династия потомков Бату. Тамга Джучидов перестала использоваться как знак собственности, что ясно демонстрируют монеты 770-х гг. х. Наряду с другими миниатюрами, фигура хана Джанибека (1342–1357) включена в общую композицию Каталонского атласа, посвященную теме торгового и символического обмена между Востоком и Западом, который был прерван пандемией чумы 1348 г.³⁴ Здесь нет места для исторической реальности.

Продолжим тему, обратившись к статье А. В. Мартынюка, который, напротив, полагает, что Каталонский атлас 1375 г. содержит актуальные исторические сведения. И снова удивительным образом появляется тема трезубца. Так, анализируя тамгу на флагах, А. В. Мартынюк приходит к следующему заключению: «Флаг Золотой Орды несет на себе изображение „гребенчатой тамги“ (*tarak tamga*) Джучидов, хорошо известной по материалам нумизматики и сфрагистики. На рассматриваемой карте тамга изображена в виде двузубца с ножкой и дополнительным символом: C_n° , цвет тамги черный на темно-сером фоне. Эта форма наиболее близка ордынским монетам первой половины XIV века, времени правления ханов Токты и Узбека. Следует отметить, что изображения тамги на монетах Джанибека не известны, таким образом, есть основания полагать, что данное изображение является единственным изображением личной тамги хана Джанибека. Если это предположение верно, можно проследить некоторые особенности выбора личных владельческих знаков в доме Джучи: тамга Джанибека чрезвычайно близка тамге его отца Узбека, она отличается от последней только тем, что на тамге Узбека ножка загнута внутрь, а на тамге Джанибека – наружу»³⁵.

Оснований говорить о тамге Джанибека нет. Аналогичная тамга на флагах Улуса Джучи появляется значительно раньше. Так, например, она сопровождает фигуру хана Узбека на портолане Ангелино Дульцера (1339), и, как верно отмечено, имеет некоторое отличие от тамги на монетах этого хана. Чекан хана Узбека необозрим. На монетах Джанибека тамги не помещались. Единственная же в своем роде «тамга Джанибека» – это историографический фантом, рожденный толкованием знака. Для анализа, который привел бы к достоверным выводам, следовало привлечь портолан Ангелино Дульцера и изображение «герба Узбека» на плитах Каффы.

Сведения о *тарак тамге* ГГ А. В. Мартынюк заимствовал, со ссылкой, из книги М. А. Усманова³⁶, не разобравшись, на мой взгляд, ни с таблицей тамг, ни с размышлениями М. А. Усманова, который пишет о происхождении тамги крымских Гераев (гребневидной тамге), лишь эволюционно связанной с родовой тамгой дома Бату. Очевидно, что тамга Узбека – двузубец Й и трезубец Гераев ГГ – это разные знаки.

В книге И. К. Фоменко, заявленной как исследование исторических сведений, заключенных в портоланах, полумесяц на джучидских флагах интереса у автора не вызвал. Утверждение же о том, что «изображение Джучидской тамги часто присутствует на гербах знатных генуэзцев XIV–XV вв.»³⁷, – явное недоразумение. Тамга с полумесяцем, вписанная в геральдический щит, соседствует на плитах с гербами генуэзских консулов в Каффе, но ни один знатный генуэзец не включал монгольскую тамгу в свой герб. Автор ссылается на изображения гербов в статье Н. В. Юргевича³⁸, в которой нет ни слова о джучидской тамге. Таким образом, И. К. Фоменко увидел в этих изображениях то, чего там нет, пишет о несуществующих гербах знатных генуэзцев и заводит тему в тупик, хотя, казалось бы, все необходимые материалы для сравнительного анализа были у него в руках: и прорисовки плит, и составленные им таблицы флагов на портоланах.

Следующее исследование принадлежит перу Е. А. Айбабиной и посвящено декоративной каменной резьбе средневековой Каффы³⁹. Видимо, перед автором стояли исключительно искусствоведческие задачи. Никакого интереса к историческому содержанию эмблем на генуэзских плитах Каффы автор не проявляет. Эмблемы в книге описываются следующим образом (на примере закладной строительной плиты 1342 г. с пятью гербами): «Гербы расположены в два ряда: большего размера – на всю ширину поля. Первым гербом, предположительно (его изображение на фрагментированной части плиты), является герб Генуи, следующий, центральный, – тамга Джучидов на гербовом щите»⁴⁰. То обстоятельство, что в гербе ордынская тамга сочетается с полумесяцем, внимание автора не привлекает. Размышлений об этих символах в книге нет.

Перейдем к исследованиям, напрямую связанным со спором о «гербе Каффы». Речь идет о дискуссии специалистов по средневековой генуэзской геральдике Е. А. Яровой и А. Г. Еманова. Основанием вмешаться в спор является то обстоятельство, что ни одна из сторон не учитывает в своей аргументации собственно монгольские материалы, а именно: свидетельство о массивном золотом полумесяце над дворцом хана Узбека и изображения полумесяца и солнца на монгольских пайцзах и костюмах кочевой аристократии; вне поля зрения остались и знаки (тамга с полумесяцем) на джучидских флагах на портоланах. Монгольский знак на плитах Каффы рассматривается медиевистами в системе координат европейской геральдики, что само по себе интересно, но не достаточно.

Геральдическая эмблема с тамгой и полумесяцем воспринимается участниками дискуссии как данность, вопрос о происхождении этой эмблемы не был задан. При такой установке все теоретические построения кажутся мне сомнительными. Вместе с тем, это самая разработанная в научном плане часть проблематики джучидской символики (в пограничной зоне европейско-монгольских контактов). И она вполне приложима к вопросу о смысле знаков на флагах морских карт.

Обратимся к аргументам сторон. Итак, спор о том, был ли геральдический щит с джучидской тамгой и полумесяцем гербом Каффы.

«Среди медиевистов-итальянистов тамгу на каффинских плитах, – пишет Е. А. Яровая, – зачастую принято именовать „гербом Каффы“. Строго говоря, это выражение можно принять лишь как некий эвфемизм – по правилам геральдики золотоордынская тамга не может считаться гербом генуэзской фактории с правящей латинской верхушкой, хотя и составляющей безусловное меньшинство, и расположенной на территории, контролируемой Золотой Ордой. Это знак сюзеренной власти ордынских правителей, символическое выражение договора между генуэзцами и золотоордынским ханом. Например, на каффинской плите 1384 г. ... ханская тамга занимает подчиненное положение по отношению к геральдическому символу Генуи – латинскому кресту, помещенному в центр композиции. Вопрос о правомочности тамги именоваться каффинским гербом затрагивается не впервые. А. Г. Еманов высказывал мысль о том, что по всей вероятности изображаемая на монетах и строительных плитах тамга выступала как знак „союзнических, в терминах феодального права, отношений с правителями Золотой Орды, а позднее – Крыма, обозначая верность ордынскому хану, дружественность к его союзникам и враждебность к его врагам“⁴¹. <...> Веским аргументом в защиту своего мнения историк считает тот факт, что „в аутентичных копиях этих соглашений... провозглашалась обязанность кафиотов помещать знак ханской власти, как это было при прежних правителях“. И все-таки в решении этого вопроса следует прежде всего отталкиваться от глубинного, понятийного смысла тамги как знака собственности, принадлежности государству или частной персоне, поэтому если таковой знак помещался на репрезентативных памятных сооружениях, какими являются кладные плиты, то, скорее всего, это означало некую заявку на территориальную принадлежность этих земель золотоордынским владыкам, а не несло лишь дипломатическую нагрузку»⁴².

Концепция Е. А. Яровой, на мой взгляд, выглядит убедительно. У генуэзской фактории не могло быть герба с джучидской тамгой. Это, действительно, символическое выражение договора между генуэзцами и золотоордынским ханом. Я пришел к такому же выводу и для ясности назвал данную эмблему «гербом Узбека». Решающим аргументом в споре являются ордынские флаги с этой эмблемой на морских картах и «герб Узбека» в испанском географическом трактате.

Остается открытым вопрос о технике конструирования герба: почему используются тамга и полумесяц? Предположим, генуэзцы понимали, что джучидская тамга есть знак собственности. Так вот, если бы в гербе была бы только тамга, то следовало бы согласиться, что помимо дипломатической нагрузки, герб указывает на принадлежность территории Каффы хану. Но в гербе есть и полумесяц. Какое содержание генуэзцы вкладывали в знак полумесяца? Ответа нет. Загадка «герба Узбека» заключена в полумесяце.

Слово второму участнику спора. Геральдический щит с ордынской тамгой А. Г. Еманов считает гербом Каффы. Его аргументы таковы: «Тамга каффинской эпиграфики не могла являться знаком собственности татарских ханов на земли, занятые городской застройкой, поскольку власти Кафы были свободны от уплаты соответствующих поземельных налогов, как это практиковалось в других местах, например, в Тане (современный Азов). Небезызвестный генуэзско-татарский договор от 27 ноября 1380 г., заключенный каффинским консулом Джанноне дель Боско с золотоордынским наместником Крыма Черкасом, а затем подтвержденный 24 февраля 1381 г. представителем Тохтамышпа Ильяс-беем, определенно признавал за Кафой права собственности

как на городскую территорию и прилегающую сопрагна, так и на более обширные прибрежные владения от Кафы до Чембало (нынешняя Балаклава). Отличия кафинской тамги от батыевой заставляют видеть в ней знак самого городского сообщества Кафы, абсолютное большинство населения которого состояло из татар, греков и армян; причем последние, в силу пастушеского хозяйства, больше были связаны не столько с латинянами или урбанизированными татарами, сколько с татарами степными, поданными золотоордынских ханов, адаптируя татарский язык, традиции и обычаи степи, в том числе и символику»⁴³.

Эта зарисовка не учитывает то обстоятельство, что генуэзцы, причастные к созданию «терба Узбека», знали, что означает полумесяц.

А. Г. Еманов принимает лунообразный знак за дополнительный элемент тамги (полумесяц не видится ему самостоятельным знаком) и, исходя из этого, делает вывод: «Как раз изображением полумесяца тамга кафинской эпиграфики радикально отличается от батыевой». По мнению А. Г. Еманова, городское сообщество Кафы породило новый знак, который стал эмблемой города, призванной отразить своеобразие культурной и религиозной ситуации и исполнить некую дипломатическую функцию⁴⁴. Так можно писать историю культуры, но не разбираться с существом дела.

Не добавляют ясности и другие толкования. Полумесяц на закладных плитах Кафы – мусульманский символ, полагает Е. А. Яровая⁴⁵. Полумесяц видим и на ордынской эмблеме морских карт: . Этот знак А. В. Мартынюк интерпретирует так: «Чрезвычайно интересен и дополнительный символ слева от тамги: по-видимому, это полумесяц – символ ислама, ревностным почитателем которого был хан Джанибек»⁴⁶.

Поскольку геральдическая эмблема в Каффе появилась в правление хана Узбека, тестом для проверки гипотез о полумесяце станут сведения о золотом полумесяце, венчавшем дворец хана Узбека.

Современник хана Узбека, Ибн Фадлаллах ал-‘Умари (1301–1349), египетский чиновник и ученый, государственный секретарь при султани ан-Насире, в своей обширной энциклопедии несколько строк уделил описанию дворца монгольского хана: «Рассказывал мне доблестнейший Шуджа‘-ад-дин ‘Абд ар-Рахман ал-Хваразми, толмач, что город Сарай построен Берке-ханом на берегу Туранской реки [Итиля]. Он [лежит] на солончаковой земле, без всяких стен. Место пребывания царя там – большой дворец, на верхушке которого [находится] золотое новолуние, [весом] в два кантара египетских⁴⁷. Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения»⁴⁸.

Создается впечатление, что полумесяц над дворцом хана Узбека привлекал внимание исключительно своей массивностью. Дело в том, что собеседник ал-‘Умари не выражает недоумения по поводу астральной фигуры над дворцом, следовательно, он не видит в ней символ ислама. Мусульманские наблюдатели не разъясняют значение этого знака, при этом очевидно, что они воспринимают его как геральдический, а не религиозный символ.

Летом 1334 г. в Сарае на Волге побывал марокканский путешественник Ибн Баттута, где ему показали дворец Узбека: «Тамошний дворец султана называется Алтунташ. *Алтун* – [пишется] через *а*, *л*, *тун* – и значит *золото*, а *таш* – [пишется] через *та* и *ш* – и значит *головы*»⁴⁹. Название дворца, несомненно, связано с золотым полумесяцем, венчающим постройку.

Каково было предназначение золотого полумесяца над ханским дворцом? Принять ли нам этот знак за символ, который активно использовался в имперском обиходе, что надежно документируется свидетельствами об изображении полумесяца на пайцзах Улуса Джучи, династии Юань и ильханата, или счесть его элементом исламской политики хана Узбека? Для ответа следует обратиться к символике полумесяца в контекстах двух традиций: мусульманской и монгольской.

Против предположения о геральдическом символе выступает следующая находка. При раскопках одного из общественных сооружений на Водянском городище (ордынский город Бельджамен) обнаружены фрагменты штукатурки с рисунками и надписями тушью, которые датируются XIV в.⁵⁰ По мнению Е. П. Мыськова, в центральной части рисунка изображена кирпичная мечеть с двумя высокими минаретами, один из которых (правый) увенчан навершием в виде полумесяца. Между минаретами нарисован кирпичный портал с высокой стрельчатой (?) аркой и купол мечети. На куполе заметны остатки небольшой надписи со словом «Аллах». К минаретам примыкают изображения двух больших шатров. Один из них (левый) имеет вид равнобедренного треугольника, внутреннее пространство которого заполнено пересекающимися линиями в виде косой сетки. Шатер увенчан сложным тамгообразным навершием в виде высокого шеста с серией окружностей и треугольников. Второй шатер (правый) снабжен навершием в форме высокого шеста, увенчанного полумесяцем и сложной фигурой в виде секиры или пальметты. Принимая интерпретацию Е. П. Мыськова, мы с неизбежностью оказываемся перед выбором. Поскольку, действительно, изображен минарет с полумесяцем, то шатер с полумесяцем следует признать походной мечетью. Однако полумесяц над шатром мог быть и имперским символом, сходным по значению с изображением полумесяца на пайцзах и костюмах кочевой аристократии. Есть ли основания говорить о конфликте знаков, одинаковых по форме и различных по содержанию?

Любопытен и обратный пример. На персидской миниатюре начала XIV в. на фоне шатровой мечети изображены монгольские принцы, изучающие Коран. Над входом в мечеть размещен мусульманский девиз: *ал-мулк Аллах* («Власть [принадлежит] Богу»). А на углах шатра навершия в виде стилизованного слова Аллах⁵¹. Полумесяца на этой мечети нет, как нет изображения этого знака ни на одной из доступных для изучения восточных миниатюр XIV в.

В Улусе Джучи золотой полумесяц был государственным символом. Как и «герб Узбека» в Каффе, он фигурировал в публичном пространстве и, как будет показано ниже, транслировал имперскую концепцию власти.

В небольшой заметке В. В. Бартольда «К вопросу о полумесяце как символе ислама» внимание сосредоточено на одном вопросе: с какого времени полумесяц стал венчать мечети? Нет свидетельств того, что в Средние века полумесяц выступал как религиозный символ, скорее, это династический знак. «Во всяком случае, — замечает В. В. Бартольд, — полумесяц как религиозный символ, имевший для мечетей то же значение, как крест для христианских храмов, был характерен не для ислама вообще, но специально для турецко-османского ислама и, например, на туркестанских мечетях не встречался до русского завоевания»⁵².

Первым делом В. В. Бартольд обращается к свидетельству автора X в. Ибн ал-Факиха о двух полумесяцах, посланных в Мекку халифом Омаром I и повешенных в Каабе; «из этого видно, что полумесяцу в религиозном культе придавали тогда другое значение,

чем впоследствии. Едва ли даже в рассказах первоисточников о крестовых походах можно встретить выражения, где бы борьба христианства с исламом изображалась как борьба креста с полумесяцем; в рассказе Ибн ал-Асира о взятии Иерусалима Саладином в 1187 г. говорится о снятии большого позолоченного креста с вершины Сахры (скалы), но ничего не говорится о водружении вместо него полумесяца⁵³. Далее В. В. Бартольд переходит к аргументам, прозвучавшим во время научного спора по докладу Н. Я. Марра о раскопках в Ани. В докладе говорилось об обращении анийского собора в XI в. в мечеть, причем из Хлата выписан был серебряный полумесяц для водружения на куполе взамен креста, вновь восстановленного грузинским царем Давидом Строителем в первой четверти XII в. Я. И. Смирнов высказал предположение, что «молодой месяц мог быть на анийских мечетях, как на сельджукских постройках в Малой Азии, символом не религиозным, а династическим, так как Шаддаиды были вассалами Сельджукидов».

Полумесяц представлен в сасанидском искусстве и геральдике, а также на сасанидских монетах⁵⁴. Для нас же важен текст арабского путешественника Абу Дулафа, где говорится о полумесяце на куполе зороастрийского храма огня Атур-Гушнасп, главной святыне Персии: «Там имеется весьма почитаемый храм огня, от которого зажигаются огни огнепоклонников на востоке и на западе. На вершине его купола – серебряный полумесяц, являющийся его талисманом. Некоторые эмиры и завоеватели пытались сорвать его, но не смогли»⁵⁵. Этот храм обычно связывают с городом аш-Шиз в южном Азербайджане.

По мнению В. В. Бартольда, полумесяц над куполом аш-Шиза был символом не столько религиозным, сколько династическим, и этот символ не был распространен в восточной части Ирана; иначе он в мусульманском мире получил бы более широкое распространение⁵⁶.

В XII в. слухи о великолепии Багдада, неприкосновенности его границ и славе халифа дошли до южных областей Китая. Скорее всего, это были рассказы арабских мореходов, записанные китайскими чиновниками управления торговых кораблей. Багдад воспринят китайцами как столица исламского мира, что было далеко от реального положения дел. В книге южносунского чиновника Чжоу Цюй-фэя «За хребтами. Вместо ответов» (1178), в разделе «Иноземные страны», говорится: «Есть страна Байда (Багдад). Является столицей всех стран Даши⁵⁷. Правитель этой страны является потомком божества Масяу⁵⁸. Из всех стран Даши, войска которых воюют друг с другом, ни одна не осмеливается нарушать ее границы, поэтому эта страна очень богата. Правитель выезжает под раскрытым черным зонтом с золотой рукоятью, на верхушке которого имеется нефритовый лев. На его спине большой полумесяц из золота, ослепляет глаза подобно [сиянию] звезды. Можно заметить издали»⁵⁹.

Самая загадочная деталь во внешнем облике халифа – сияющий полумесяц из золота на спине. Это не ошибка и не вымысел – это конструирование мусульманской реальности в системе координат китайской культуры (солнце-*жи* всегда сияло на левом плече китайского императора, а луна-*ю* – на правом, независимо от того, была ли это космическая символика или исключительно знаки императорского достоинства⁶⁰). Стремление наделить халифа золотыми вещами призвано обрисовать его высокий статус и найти ему соответствие в облике китайского императора. В X в. цвета аббасидского халифа были черный и белый. На плечи халифа был накинут плащ Пророка,

на красной перевязи – меч Пророка и в руке посох. Обычно аббасидский халиф носил высокую остроконечную шапку и персидский кафтан – все цвета воронова крыла. Во всем этом видна чисто арабская простота.

И, наконец, последний пример из статьи В. В. Бартольда. Средневековые авторы чаще говорят о полумесяце на знаменах, чем о полумесяце на мечетях. Употреблявшийся в государстве Фатимидов термин *ḫāfir* ('подкова') для обозначения «полумесяца из красных яхонтов», прикреплявшегося к венцу халифа⁶¹, заставляет полагать, что в полумесяце видели не только изображение небесного светила, но также изображение копыта боевого коня. «На такое же толкование намекает анонимный автор, писавший в XVI в. в Дамаске свою летопись, единственный экземпляр которой находится в Тюбингеме. В пятницу 30 рамазана 923/16 октября 1517 г. румцы (турки-османы) вынесли из цитадели Дамаска в мечеть Омейядов красное знамя, без вышивки, с серебряным позолоченным полумесяцем на верхушке, и поставили его у средних из трех ворот, находящихся под „орлиным куполом“, как его ставили обыкновенно; им заменили прежнее, более великолепное знамя черкесов, из желтого атласного бархата, с вышивкой и золотым полумесяцем, „походившим на копыто [коня] Мустафы“ (т. е. Мухаммада)»⁶².

Наличие такого знамени у мамлюков Египта и Сирии подтверждают картографические материалы. На Каталонском атласе 1375 г. флаг мамлюков выглядит так: на желтом фоне белая фигура, похожая скорее на подкову, нежели на полумесяц⁶³. В аутентичных письменных источниках говорится, по крайней мере, о желтом цвете египетского знамени. По сведениям ал-Умари в 1331 г. султан Египта отправил государю сербов дорогие подарки, а также «золотой пояс, золотые застежки, разукрашенный меч и знамя султанское, желтое, позолоченное»⁶⁴.

В поисках ответа на вопрос, был ли полумесяц символом ислама, самым надежным источником являются европейские карты XIV в., поскольку картографы учитывали реальную и воображаемую символику. Противостояния креста и полумесяца на этих картах нет. Например, на Каталонском атласе 1375 г. города мира от Европы до Китая обозначены одним из двух графических символов: либо это башня с крестом, либо башня с круглым куполом. Ни один из мусульманских городов не отмечен полумесяцем. Это означает, что в представлении картографов полумесяц не ассоциировался с исламом, следовательно, и эмблема на флаге Узбека (полумесяц с тамгой) не является мусульманским символом.

Картографические материалы дополним наблюдениями путешественников. Паломник из Флоренции Лионардо ди Никколо Фрескобальди прибыл в Александрию в 1384 г. Его внимание привлекли места молитв иноверцев – мечети, которые он описывает через сравнение с христианскими храмами: «Есть там мечети, то есть церкви сарацинские, в которых нет ни резьбы, ни росписи, напротив, изнутри все они белы и оштукатурены и затерты мелом. На их колокольнях нет у них колоколов, и ни единого колокола мы не встретили во всем язычестве, напротив, стоят на их колокольнях их капелланы и клирики день и ночь, и кричат в свой час, как мы звоним. И крик их – благословение Богу и Магомету; еще говорят: плодитесь и размножайтесь, и прочие постыдные слова»⁶⁵. Полумесяц над минаретами не отмечен. Известно, что мечеть не храм, а всего лишь место молитвы. В противовес церквям с планом в форме креста или индуистским храмам с космической символикой значение мечети как культового здания не подчеркнуто внешними атрибутами⁶⁶.

Поиск, вслед за В. В. Бартольдом, однозначных свидетельств о полумесяце, венчавшем мечети, результатов не дал.

Обратимся к европейским миниатюрам эпохи крестовых походов, в частности, к рукописи начала XIV в.⁶⁷, где проиллюстрированы события 1218 г. (битва за Дамьетту). Кони под мусульманскими всадникам покрыты красного цвета попонами, украшенными черными полумесяцами, либо же темно-синими попонами с желтыми полумесяцами. Обычно эти полумесяцы трактуются как символ ислама⁶⁸. Воображаемая геральдика мусульманского воинства описана в исследовании С. И. Лучицкой, которую интересуют визуальные знаки инаковости мусульман в представлении христиан. «Даже беглый просмотр рукописей, – пишет С. И. Лучицкая, – позволяет заметить, что миниатюристы, изображая мусульманскую геральдику, используют в основном два цвета: красный и черный. Они рассматривались как противоположные белому... Черный и красный были цветами греха, ада, язычества и смерти. Но символичны не только сами цвета, но и их соотношение. При анализе цветовой гаммы мусульманской геральдики важно помнить следующее: средневековая геральдика имела свои законы распределения цветов на гербах. Шесть цветов блазона расчленились на две группы: 1) золото и серебро (желтый и белый); 2) красный (gueules), черный (sable), синий (azur), зеленый (sinople). Поверхность гербового щита (поле) имеет только один цвет (эмаль). В средневековой геральдике в принципе запрещалось совмещать в одном блазоне два цвета (эмали), принадлежащие к одной и той же группе. Если поле красное, то фигура должна быть серебряной или золотой, но она не может быть черной, зеленой или голубой. Рассмотрим с этой точки зрения распределение цветов в воображаемой геральдике мусульман: чаще всего на щитах мусульман на красном поле нарисованы черные фигуры: черные полумесяцы, черные головы мавров или же черный дракон... Очень часто на щитах мусульман изображаются звезды и полумесяц, которые были наиболее общераспространенными знаками восточного мира: полумесяц – символ ислама, а звезда – символ Востока. Этим фигурам геральдики мусульман как бы противопоставлены визуальные эмблемы христиан: так, на щитах и знаменах христиан изображается весьма часто крест»⁶⁹.

Казалось бы, представленные материалы опровергают тезис В. В. Бартольда о том, что в свидетельствах эпохи крестовых походов едва ли можно обнаружить метафору борьбы креста с полумесяцем. Однако в размышлениях С. И. Лучицкой есть неувязка: полумесяц включен в число фигур воображаемой геральдики мусульман и одновременно является общеизвестным символом ислама. На деле неверно ни то, ни другое. Обратим внимание на то, что полумесяц изображен на щитах и пополах. Полумесяц был династическим символом сельджуков. Семиотическое исследование инаковости, без учета реальных материалов знаковой культуры соперников христиан, приводит к ошибочным выводам.

В Акре, столице Иерусалимского королевства крестоносцев, где в скиптории шла работа над иллюминированными рукописями, франки чеканили монеты с именем Пророка Мухаммада и мусульманскими легендами⁷⁰. В 1250 г. по распоряжению папского легата эта чеканка была прекращена, а через год новые золотые и серебряные монеты появились с христианскими легендами, написанными на арабском языке. Нумизмат Е. Ю. Гончаров, проследивший за перипетиями войны символов, пишет, что одобренные папским легатом дирхемы делились на три группы: с крестом в круте,

с крестом без круга, без креста. Вероятно, мусульмане Иерусалимского королевства настаивали на удалении христианского символа. Для нашей темы интересен вариант дирхемов, где по сторонам центрального креста стоят лилия и полумесяц⁷¹. Последние, по мнению Е. Ю. Гончарова, являются символами Франции и Востока. Осталось прояснить, если «символ Востока» – это мусульманский знак, почему он отсутствует на чекане Дамаска, Халеба и других исламских городов? Не является ли оппозиция лилии и полумесяца примером конструирования воображаемой геральдики? На мой взгляд, религиозным символом на монетах франков был крест, а лилия и полумесяц – символы правителей.

Вернемся к теме золотого полумесяца над дворцом хана Узбека. В монгольской имперской символике полумесяц представлен на знамени Чингиз-хана, которое он вручил своему наместнику в Северном Китае⁷², на пайцзах, в убранстве серебряных и золотых поясных наборов, в декоре костюма золотоордынской знати. З. В. Доде обратила внимание на полумесяц в геральдических композициях на кубачинских котлах XIV в.⁷³ Все перечисленное входит в категорию статусных вещей.

Верительные дощечки – *пайцзы* – относились к общеимперским знакам отличия. В первом улусе Чингиз-хана четыре нукера, исполнявшие обязанности личных порученцев хана в качестве послов, имели вестовые стрелы⁷⁴. В обиход монголов пайцзы вошли, скорее всего, после второй интронизации Чингиз-хана. В этих предметах запечатлелись существенные стороны чингизидской культурной модели. Пайцзы разделялись на два вида: первые были знаками отличия и выдавались за заслуги, а вторые – подорожные, вручались лицам, выполнявшим особые поручения ханского дома⁷⁵.

Статусные пайцзы выдавались вместе с ярлыком. Когда брат армянского царя Смба́т Спарапет изъявил покорность Бату, то последний, по словам Григора Акнерци, «пожаловал его землей и ленными владениями, дал великий *ярлык*, золотые *пайцзы* и выдал за него знатную татарку, носившую *бохтаг*. У них было такое обыкновение: если они хотели кому-нибудь оказать высший почет и дружбу, то выдавали за него одну из почетных жен своих»⁷⁶. Набор властных символов, полученных Смба́том Спарапетом, означал, что этот армянский князь поступил на службу к монгольскому хану. Пайцза в данном случае была отличительным знаком. Она удостоверяла полномочия Смба́та на вверенных ему территориях и определяла его место в имперской иерархии.

Марко Поло упоминает наградные пайцзы (золотые и серебряные); он же описывает подорожные пайцзы. Пайцза с изображением солнца и луны выдавалась высшим военачальникам, которые уступали по статусу только монгольским князьям. Вот как выглядела раздача пайцз Хубилаем офицерскому корпусу: «Сотников, кто отличился, он сделал тысячниками, одарил их серебряной посудой, роздал им господские дщицы. У сотника дщица серебряная, а у тысячника золотая или серебряная вызолоченная, а у того, кто над десятью тысячами поставлен, она золотая с львиною головою, а вес у них вот какой: у сотников и тысячников они весят сто двадцать *saies*, а та, что с львиною головою, весит двести двадцать; на всех них написан приказ: „По воле великого бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя хана, и да помрут и исчезнут все ослушники“. На дщице, скажу вам, еще написаны права того, кому она дана, что он может делать в своих владениях. Добавлю еще к этому: у того, кто поставлен над ста тысячами, или начальствует главным, большим войском, дщица золотая и весит

четыреста saies, написано на ней то же, что сказал; внизу нарисован лев, а наверху изображены солнце и луна; даны им права на великую власть и на важные дела; а когда тот, у кого эта важная дщица, едет, то над головою у него всегда теремец, и значит это, что важный он господин, а сидит он всегда на серебряном стуле. А некоторым великий хан дает дщицу с кречетом, дает ее только большим князьям, чтоб была у них та же власть, как и у него; они приказы отдают, а когда гонцов посылают, то, коль пожелают, лошадей забирают у царей; говорю – у царей, потому что у всех других людей могут также забирать лошадей»⁷⁷.

В монгольском Иране в правление Газан-хана (1295–1304) высшим лицам выдавали круглые пайцзы с изображением тигровой головы; для средних воевод и меликов установили пайцзу поменьше и с особым узором; «что же касается гонцов, едущих на ямских курьерских лошадях, то для них [государь] определил продолговатую пайцзу, и на ее конце сделали изображение луны»⁷⁸.

В 1281 г. ильхан Абага утвердил католикосом несториан Востока мар Ябалаху III. «Он дал ему золотую пайцзу, которая является символом у этих царей, и обычные приказы [грамоты], что он властвует над всем, также большую печать, которая принадлежала предшествующим патриархам»⁷⁹. В тексте договора Узбека с венецианскими купцами Таны от 9 сентября 1332 г. сказано: «Выданы для постоянного хранения пайцза и алотамговый ярлык»⁸⁰. На пайцзе Узбека выгравированы солнце и луна: солнце – на лицевой пластине в виде восьмилучевой розетки в круге; луна с копьевидным знаком – на реверсе в виде небольшого кружка⁸¹. Как показал М. Г. Крамаровский, копьевидный знак на пайцзах Токты и Узбека есть изображение древка знамени на фоне полной луны⁸².

На лицевой стороне пайцзы хана Кельдибека (1361) выгравировано изображение солнца в виде шестилепестковой розетки в круге, обозначенной двойной линией; на обороте – неполная луна. Солнце и луна показаны на фоне облаковидных узоров. Без сомнения, эти изображения являются метафорой Неба. Согласно официальной идеологической доктрине монголов, власть Чингиз-хану дарована Вечным Небом. Источник же политической власти членов «золотого рода» – генеалогия, а именно: их принадлежность к прямым потомкам Чингиз-хана по мужской линии. Небесная символика пайцз указывает на законность власти того или иного чингизида, ибо им благоволит Вечное Небо.

Остается уточнить ролевые функции солярных символов, поскольку харизма Чингиз-хана была связана исключительно с лунной. Бенедикту Поляку, участнику францисканской миссии 1245 г., известно, какое символическое значение придавали солнцу и луне монголы: «Они имеют обыкновение начинать какое-либо дело в начале лунного месяца или в полнолуние. Также они говорят, что луна – это великий император, и, преклонив колени, поклоняются ей. А солнце, говорят они, это мать луны, потому что от него [луна] получает свет и потому что у него [солнца] огненная природа, которую они сами почитают превыше всего, ибо они верят, что через огонь все очищается»⁸³. В таком случае, изображение луны на пайцзах и золотой полумесяц над дворцом хана Узбека – иконографическое воплощение сияющей харизмы Чингиз-хана. В имперской политической мифологии полумесяц удостоверяет, что наследники Чингиз-хана освящены его харизмой. Власть хана, несмотря на избрание на курултае, была личной. Она была дарована хану Вечным Небом. Лично хан должен был обладать небесной

благодатью-силой (монг. *küüi*) и покровительством харизмы (монг. *suu*). Любой чингизид, обретая власть, использовал для легитимации одни и те же солярные символы.

Сохранил ли полумесяц живое содержание ко времени правления Узбека? Несомненно, да. Достаточно вчитаться в подробности праздника середины лунного года в июне 1334 г. в открытой местности Бештау, в четырех днях пути от Маджара (Северный Кавказ). Дата праздника соответствует имперскому календарю, а сценарий праздника полностью следует порядку монгольского курултая. Суть события заключалась в сборе всей кочевой аристократии с целью подтвердить властные статусы. Хан Узбек восседал на троне в золотом шатре⁸⁴. Не приходится сомневаться в обилии лунарной символики в оформлении курултая. Обратим внимание на археологическую находку женского халата с эмблемами солнца и полумесяца из тонкого листового золота на рукавах⁸⁵. Эта небесная символика находит прямое соответствие на ханских пайцзах и, одновременно, эмблема золотого полумесяца на церемониальном халате выглядит как цитата золотого полумесяца над дворцом хана Узбека. В системе монгольских государственных символов «луна – это великий император». Золотой полумесяц на дворце хана Узбека – иконографическое воплощение харизмы Чингиз-хана.

В ряд небесных символов, включенных в имперский контекст, следует добавить женские украшения в виде лунниц и солнечного диска. О них мы можем судить по формам для ювелирного дела (коллекция Эрмитажа)⁸⁶. На серебряной пайцзе хана Кельдибека с позолоченной двусторонней надписью солнце изображено в виде шестилепестковой розетки в круге⁸⁷. Подобный же рисунок солнца и на литейной форме для изготовления женских украшений⁸⁸. Эмблемы солнца и луны относились к ханским инсигниям.

Иконографически полумесяц на пайцзах ханов Узбека, Кельдибека и Абдуллаха совпадает с полумесяцем, который вместе с ханской тамгой вписан в геральдический щит на плитах Каффы. Это дает основание полагать, что генуэзцы заимствовали полумесяц с ханской пайцзы. Напомним, пайцза выдавалась генуэзскому консулу вместе с ярлыком. С монгольской точки зрения, полумесяц над Каффой означал, что ее территория включена в пространство *Rex Mongolica*. Скорее всего, это обстоятельство осознавалось авторами герба.

Полагаю, что приведенных сведений о полумесяце как имперском символе достаточно, чтобы развеять научный миф об особой тамге в эмблематике Каффы.

Остался без ответа вопрос о правомочности комбинации тамги и полумесяца. Монголы исключали сопряжение тамги и полумесяца, поскольку эти знаки выполняли разные функции. На монетах монгольских улусов тамга всегда знак собственности. Тамгой метили скот, коней⁸⁹. Следует согласиться, что тамга с полумесяцем кафинской эпитафии – результат латинской интерпретации ханских символов. В гербе полумесяц выступает как универсальный знак власти (единный для всех чингизидов), тогда как личная тамга Узбека персонифицирует властные полномочия конкретного хана.

Казалось бы, сообщение о «гербе Узбека» в испанском трактате XIV в. является очевидным аргументом в пользу историчности этой эмблемы. Но мы твердо знаем, что у монгольских ханов не было гербов. Как поступить в такой ситуации? К категории воображаемых гербов, в реальности никогда не существовавших⁹⁰, следует добавить иную категорию, а именно, гербы, изобретенные европейцами для обозначения статусных чужеземцев. Такими гербами наделяли современников по другую сторону

политических и культурных границ⁹¹. Материал для размышлений на эту тему дают флаги с эмблемами правителей Африки, Индии и Азии на Каталонском атласе 1375 г. Ограничусь тремя примерами.

Обширные владения ильханов обозначены городами под флагами с красным квадратом на желтом фоне. Красный квадрат на флагах не что иное, как оттиск государственной печати ильханов в форме красного квадрата на дипломатических посланиях. В 1302 г. ильхан Газан отправил послание папе Бонифацию VIII (пергамент, тушь; длина 97 см, ширина 24 см; Archivio Segreto Vaticano, Città del Vaticano, Nr. A. A., Arm. I–XVIII, 1801 [3]). На письме поставлены три красных квадратных печати. Преемник Газана, ильхан Улджэйтү в 1305 г. отправил из Муганской степи послание французскому королю Филиппу Красивому (бумага, длина 117 см, ширина 36 см; Paris, Bibliothèque Nationale, Nr. 96-9-13). На письме поставлены три красных квадратных печати (*ал-тамга*)⁹². На указе ильхана Абу Са'ида от 1325 г. (бумага, длина 132,5 см, ширина 15,5 см; Иранский национальный музей, Тегеран) также видим красную квадратную печать⁹³. Красный оттиск государственной печати со стилизованной надписью был воспринят в Европе как эмблема монгольского правителя и использован как герб в знаменной форме на портоланах.

На Каталонском атласе на флагах великого хана Хубилая, правившего Китаем, эмблема из трех красных полумесяцев. Согласно Марко Поло, триумфальное знамя Хубилая как главный ориентир для войска несло изображение солнца и луны⁹⁴.

На Каталонском атласе во владениях мамлюков над Александрией развевается флаг с желтым полотнищем, на котором в черном круге видна белая фигура льва. Это флаг с эмблемой султана Байбарса (1260–1277). В коллекции Эрмитажа хранится стеклянная ваза, украшенная росписью цветными эмалями: по стенке, с наружной стороны шесть медальонов, в которых попеременно на красном и голубом фоне белой эмалью изображен лев – герб султана Байбарса⁹⁵. Ниже идет полоса, содержащая арабскую надпись с титулатурой султана. Изображение султанского герба в виде льва встречается и на других предметах из стекла⁹⁶. Вопрос о запаздывании на сто лет этого символа на карте 1375 г. не уместен, поскольку Крескес Авраам в данном случае следует портолану Ангелино Дульцера (1339 г.), который, в свою очередь, ориентируется на более раннюю карту.

Все три эпизода дают основание говорить об использовании реальных восточных символов в системе европейской геральдической традиции. Иными словами, элементы для конструирования гербов не являются вымышленными. Их можно было видеть на предметах дипломатического обмена и они воспринимались как знаки власти. Наделение чужеземных династов гербами преследовало единственную цель: участник диалога обозначался как представитель высокой культуры. Как справедливо отметил А. П. Черных, «для человека XIII–XV вв. геральдика в культуре социальных отношений была настолько естественным, необходимым и безусловным явлением, что казалась одной из вечно присущих социальной организации общества черт»⁹⁷.

«Герб Узбека» – это воображаемый герб, который существовал в реальности на крепостных башнях Каффы, т. е. был задействован в политической практике. Это была публичная эмблема. Ее могли видеть ханские наместники в Крыму. Воспроизведение ордынской эмблемы в геральдических композициях в течение полувека показывает, что она была важным элементом политической стабильности генуэзской фактории.

В заключение подведем итог:

1. Спор о «гербе Каффы» можно считать закрытым. С учетом того, что на морской карте Ангелино Дульцера под джучидским флагом (с тамгой и полумесяцем) находится десяток городов, дискуссия о «гербе Каффы» (с такой же эмблемой) утратила какие-либо основания. Один и тот же символ не мог быть гербом у всех городов на территории Золотой Орды.

2. Подтвердилась гипотеза о том, что ордынскую эмблему (тамга с полумесяцем) сконструировали генуэзцы, заимствовав изображение тамги с джучидских монет, а полумесяца – с ханской пайцзы. Соединение этих символов на геральдическом щите Каффы является искусственной комбинацией. Монгольские знаки скомпонованы по правилам европейской геральдики.

3. На строительных плитах Каффы в гербовых композициях представлен «герб Узбека», который манифестирует заключение генуэзско-монгольского договора 1313–1316 гг. «Герб Узбека» был создан в пограничной, контактной зоне с целью символически обозначить фигуру монгольского хана. Это, безусловно, уникальный средневековый артефакт, показывающий, как на практике создавались и воспринимались воображаемые гербы. Ордынская эмблема на стенах Каффы – первична, а в гербовниках и на портоланах – вторична.

4. Полумесяц в «гербе Узбека» является инвариантом золотого полумесяца над ханским дворцом и воплощает сияющую харизму Чингиз-хана. Представленный в публичном пространстве города, он указывал на то, что империя была создана Чингиз-ханом и не имела границ.

¹ Ретовский О. Ф. Генуэзские надписи, найденные в Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 14–26.

² Там же. С. 15. Примеч. 1.

³ Яровая Е. А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб., 2010. С. 112, 135.

⁴ Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2013. С. 235–240.

⁵ Бойцов М. А. Вескиллологические традиции средневековой Европы // Signum. Вып. 7. М., 2013. С. 59.

⁶ Петров П. Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. как знаки собственности // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. М., 2005. С. 170–177.

⁷ Сингатуллина А. З. О тамгах на джучидских монетах Поволжья XIII в. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов. СПб., 1998. С. 69.

⁸ Лебедев В. П. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-

Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 140–145. С такой постановкой вопроса категорически не согласен П. Н. Петров, который утверждает, что ни одна из ветвей потомков Чингиз-хана никогда не имела тамги «дома», и предлагает называть такие тамги общегосударственными, см.: Петров П. Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация: сб. статей. Вып. 3. Казань, 2010. С. 121. Примеч. 2.

⁹ Раскопки В. В. Майко. Предметы хранятся в музее-заповеднике «Судакская крепость», Крым.

¹⁰ Сингатуллина А. З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII в. Казань, 2003. С. 108, 146. Рис. № 167.

¹¹ Карта хранится: Bibliothèque Nationale, Paris. BnF, n° Res 08 Ge B 696. Издание: *La Roncière M., Mollat du Jourdin M. Les Portulans. Cartes marines du XIIIe au XVIIe siècle.* Fribourg, 1984. Tav. 7.

¹² См. таблицу вариантов и разновидностей тамги на серебряных крымских монетах

- до 1320 г.: *Хромов К. К.* Монеты западной части Улуса Джучи. Ч. 1 : Йармаки Крыма. Раздел 1 : Серебряные монеты, чеканенные до правления хана Токту // Восточная нумизматика в Украине : сб. публикаций. Ч. 2 : Монеты Джучидов XIII–XV веков и сопредельных государств. Киев, 2007. С. 5. Табл. 2.
- ¹³ *Масловский А. Н.* Клады и экстраординарные погребения. Комплексы криминального происхождения из раскопок Азака (попытки интерпретации) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международ. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова, Астрахань, 2–6 октября 2011 г. Казань ; Астрахань, 2011. С. 226–230. Рис. 2, 1. Клеймо экспонировалось на выставке в Казани: Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005. Кат. 683. Рис. на с. 40.
- ¹⁴ На знамени Венеции был изображен сначала св. Марк, а с конца XIII в. его атрибут – крылатый лев (красный на белом фоне, а позже золотой – на красном).
- ¹⁵ *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002. С. 10.
- ¹⁶ *Скрябинская Е. Ч.* Судакская крепость. История – археология – эпиграфика : сб. работ и материалов. Киев ; Судак ; СПб., 2006. С. 186.
- ¹⁷ Хранится в фондах Феодосийского музея древностей. Феодосия, Крым. Список публикаций памятника и анализ разночтений в интерпретации надписи: *Вальков Д. В.* Генузская эпиграфика Крыма. М., 2015. С. 174–181.
- ¹⁸ Путешествия Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия / пер. с араб., введение, историко-лингвистический коммент. Н. Ибрагимова, Т. Мухтарова. Ташкент, 1996. С. 270.
- ¹⁹ *Киракос Гандзакци.* История Армении / пер. с ар.-арм., предисл. и коммент. А. А. Ханларян. М., 1976. С. 179.
- ²⁰ *Идраф* означал постоянную, всегда наследственную денежную пенсию представителям гражданской бюрократии или духовенства, см.: *Петрушевский П. П.* Феодальные институты *идраф* и *мукасамэ* в Иране в XIII–XIV вв. // Памяти академика И. Ю. Крачковского : сб. статей. Л., 1958. С. 202–205.
- ²¹ *Рашид-ад-дин.* Переписка / пер., введен. и коммент. А. И. Фалиной. М., 1971. С. 220.
- ²² Libro del Conosçimiento de todos los rregnos et tierras et señoríos que son por el mundo, et de las señales et armas que han / Ed. facsimilar del manuscrito Z (Munich, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. hisp. 150) al cuidado de M. J. Lacarra, M. C. Lacarra Ducay y A. Montaner. Zaragoza, 1999. Для контекста см.: *Черных А. П.* Геральдические произведения XIV в. и их авторы // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его источники: восприятие, отношение, интерпретация / XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2009. С. 341–347.
- ²³ *Черных А. П.* Гербовники XIII–XIV вв. как памятники походов и путешествий // Homo viator: Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 120.
- ²⁴ *Мартынюк А. В.* Герб Литвы: взгляд из Европы XIV века // Исследования по истории Восточной Европы = Studia Historica Europae Orientalis : науч. сб. Вып. 2. Минск, 2009. С. 26.
- ²⁵ *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2 // Труды Музея палеографии. Т. 2. Л., 1930. С. 118–119. Академик Н. П. Лихачев был арестован в 1930 г. по «Академическому делу», тираж его книги был уничтожен; сохранилось лишь несколько экземпляров. Видимо, по этой причине большинство исследователей, писавших об ордынских тамгах, не знали о книге Н. П. Лихачева. В 2014 г. вышло репринтное издание: *Лихачев Н. П.* Избранные труды. Т. 1 : Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 2014.
- ²⁶ *Skrzinska E.* Inscription latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Sudak, Balaklava). Genova, 1928.
- ²⁷ *Лихачев Н. П.* Материалы по русской и византийской сфрагистике. С. 119.
- ²⁸ *Акчокраклы О. А.* Татарские тамги в Крыму (Материалы научно-этнографической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму, 1925 г.) // Известия Крымского педагогического института. Симферополь, 1927. Т. 1. С. 43.
- ²⁹ *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 172.

- ³⁰ Там же. С. 174.
- ³¹ См. факсимильное издание атласа: Der Katalanische Weltatlas von Jahre 1375 nach dem in der Bibliothèque Nationale, Paris, verwahrten Original farbig wiedergegeben Mit einer Einführung und Übersetzungen von H.-Ch. Freiesleben. Stuttgart, 1977. Taf. 4–5. М. Д. Полубояринова ссылается на статью Ф. Ф. Чекалина, где воспроизведен небольшой фрагмент Каталонского атласа: *Чекалин Ф. Ф.* Дополнение к статье «Саратовское Поволжье в XIV в.» // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 2. Вып. 1. Саратов, 1889.
- ³² *Cresques Abraham* (1325–1387). О правильном написании имени картографа см.: *Новоселова В. П.* Культурный глобализм средневековья: Крескес Авраам, создатель Каталонского атласа // Искусство и культура. № 4 (20). Витебск, 2015. С. 91–92.
- ³³ *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике. С. 174.
- ³⁴ *Юрченко А. Г.* Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). СПб., 2011. С. 316–320.
- ³⁵ *Мартьянюк А. В.* Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков. М., 2008. С. 80.
- ³⁶ *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 164–167.
- ³⁷ *Фаленко И. К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XIV в. М., 2007. С. 133. Примеч. 1.
- ³⁸ *Юргович В. Н.* Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т. 5. Табл. I. № 18–21, 24.
- ³⁹ *Айбабина Е. А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. Симферополь, 2001.
- ⁴⁰ Там же. С. 34.
- ⁴¹ *Еманов А. Г.* Городская символика на монетах Кафы 20–70-х гг. XV в. // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов. М., 1997. С. 36.
- ⁴² *Ярвая Е. А.* Гереальдика генуэзского Крыма. СПб., 2010. С. 72–74.
- ⁴³ *Еманов А. Г.* Неизданные лапидарные памятники генуэзских поселений Крыма XIV–XV вв. // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. М., 2006. С. 154–156.
- ⁴⁴ *Еманов А. Г.* Указ. соч. С. 156.
- ⁴⁵ *Ярвая Е. А.* Указ. соч. С. 74.
- ⁴⁶ *Мартьянюк А. В.* Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века. С. 80.
- ⁴⁷ *Кантар* – мера веса, равная 36 окка или 100 египетским ратлям, или 44,928 кг. В таком случае полумесяц над дворцом Узбека весил около 90 кг.
- ⁴⁸ История Казахстана в арабских источниках. Т. 1: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005. С. 179.
- ⁴⁹ История Казахстана в арабских источниках. Т. 1: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 231.
- ⁵⁰ *Мыськов Е. П.* Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водяном городище // Нижневолжский археологический вестник. № 4. Волгоград, 2001. С. 260, 261. В 2005 г. фрагменты шпукатурки с рисунками и надписями экспонировались на временной выставке Эрмитажа в Казани, см.: Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005. Кат. № 166–170. Место хранения: Волгоградский областной краеведческий музей.
- ⁵¹ Миниатюра. Тебриз (?), Иран, начало XIV века. Saray-Alben (MS. Diez A. Fol. 70, f. 8, N 1). Berlin, Staatsbibliothek – Preussischer Kulturbesitz, Orientabteilung, см.: *Hoffmann B.* Das Ilkhanat – Geschichte und Kultur Irans von der mongolischen Eroberung bis zum Ende der Ilkhanzeit (1120–1335) // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, 2005. S. 266; воспроизведена: *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. Ил. 71.
- ⁵² *Бартольд В. В.* К вопросу о полумесяце как символе ислама // Сочинения. Т. 4. М., 1968. С. 489, 490.
- ⁵³ Там же. С. 489.
- ⁵⁴ *Луконин В. Г., Тревер К. В.* Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М., 1987. С. 74.

- ⁵⁵ Вторая записка Абу Дулафа / Изд. текста, пер., введ. и коммент. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960. С. 33.
- ⁵⁶ *Бартольд В. В.* К вопросу о полумесяце как символе ислама. С. 490.
- ⁵⁷ *Дашуи* – страны арабо-мусульманского мира. – Примеч. пер.
- ⁵⁸ *Масху* – Пророк Мухаммад. – Примеч. пер.
- ⁵⁹ *Чжюу Цюй-фэй.* За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / пер. с кит., введение, коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. М., 2001. Гл. III. 2.
- ⁶⁰ *Сычев А. П., Сычев В. А.* Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975. С. 44, 45.
- ⁶¹ *Плюстраницев К. А.* Торжественный выезд Фатимидских халифов // Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. Т. 17. СПб., 1906. С. 26.
- ⁶² *Бартольд В. В.* К вопросу о полумесяце как символе ислама. С. 490, 491.
- ⁶³ *Юрченко А. Г.* Каталонский атлас 1375 года: коды и символы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8 : Золотоордынское время : сб. науч. работ. Донецк, 2010. Панель 4.
- ⁶⁴ История Казахстана в арабских источниках. Т. 1 : Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 174.
- ⁶⁵ Путевые записки итальянских путешественников XIV в. / пер. со староитал. и примеч. Н. В. Котрелева; вступ. ст. И. М. Фильштинского // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 25.
- ⁶⁶ *Воронина В. А.* Средневековый город арабских стран. М., 1991. С. 72.
- ⁶⁷ Roman de Godfrey de Bouillon, Bibliotheque nationale, Paris, Ms. Fr. 22495, folio 265v.
- ⁶⁸ *Natan Y.* Moon-o-theism. Religion of a War and Moon God Prophet. 2006. Vol. 2. P. 432, 433.
- ⁶⁹ *Лучицкая С. П.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 331, 332.
- ⁷⁰ *Гончаров Е. Ю.* Христианские дирхемы. Акра, 1251 г. // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2012. С. 385–388.
- ⁷¹ *Balog P., Yvon J.* Monnaies à legends arabes de l'Orient latin // Revue numismatique, 6e série. 1958. T. 1, année. Fig. 43 b.
- ⁷² Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / факсимиле ксилографа; пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 77.
- ⁷³ III Абхазская археологическая конференция, посвященная Г. К. Шамба, ноябрь 2011 г. Сухум. Доклад: «Кубачинская луна: астральный символ, мусульманский полумесяц или имперский знак?».
- ⁷⁴ *Кычанов Е. П.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и дополн. СПб., 2010. С. 221.
- ⁷⁵ *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955. С. 156; см. также: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978. С. 68; Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). С. 178–183. Примеч. 377, 385.
- ⁷⁶ История монголов инока Магакии, XIII в. / пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871. С. 18.
- ⁷⁷ Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 103.
- ⁷⁸ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3 / пер. с перс. А. К. Арендса. М.; Л., 1946. С. 278.
- ⁷⁹ История мар Ябалахи III и раббан Саумы / пер., предисл. и коммент. Н. В. Пигулевской. М., 1958. С. 75.
- ⁸⁰ *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 28.
- ⁸¹ *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013. С. 390. Каталог, № 60.
- ⁸² *Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник 2001 : Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 220.
- ⁸³ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридна / критический текст, пер. с латыни С. В. Аксенова, А. Г. Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко. СПб., 2002. С. 118.
- ⁸⁴ *Юрченко А. Г.* Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). СПб., 2011. С. 191–244. С имперским

- характером праздника согласились одни исследователи, см.: *Селезнёв Ю. В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XIV веках. Воронеж, 2013. С. 165–170; и не согласились другие, см.: *Исхаков А. М.* О некоторых аспектах конфессиональной ситуации в Улусе Джучи в начальный период правления хана Узбека // Золотоордынская цивилизация. № 6. Казань, 2013. С. 98–104.
- ⁸⁵ *Додэ Э. В.* Эмблемы с изображениями Луны, Солнца и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII–XIV веков // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11 : Золотоордынское время : сб. науч. тр. Донецк, 2012. С. 261.
- ⁸⁶ *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013. Каталог. Литейная форма для женских украшений в виде солнца и полумесяца.
- ⁸⁷ Там же. Каталог, № 61.
- ⁸⁸ Там же. Элита Монгольской империи. Каталог, № 63.
- ⁸⁹ См. выразительные примеры о функции тамги как знака собственности в книгах Киракоса Гандзакеци и Марко Поло: *Киракос Гандзакеци.* История Армении / пер. с ар.-арм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. Гл. 29; Книга Марко Поло. С. 90, 116.
- ⁹⁰ *Черных А. П.* Реальные проблемы воображаемой геральдики // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2002 г. М., 2002. С. 235–240.
- ⁹¹ С этой категорией гербов иногда происходили любопытные случаи, когда монгольский правитель мог увидеть собственный воображаемый герб. На мой взгляд, ильхану Аргуну (1284–1291) персидский ученый показал европейский портолан. «Явился на служение великий мовляна Кутб-ад-дин Ширази и представил чертеж моря Магриба (Средиземное море) и заливов и берегов его, включавший в себя множество северных и западных стран. Государю Аргун-хану очень понравилась беседа с ним, потому что он описывал Румские владения. Между прочим, взгляд государя упал на [город] Амурийю, который является внутренним Румом, и он велел мовляна рассказать о нем. Тот произнес весьма красивую речь, содержащую в себе славословие государю и описание того [города]» (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 3 / Пер. с перс. А. К. Арендса. М. ; Л., 1946. С. 125).
- ⁹² *Hoffmann B.* Das Ilkhanat – Geschichte und Kultur Irans von der mongolischen Eroberung bis zum Ende der Ilkhanzeit (1120–1335). S. 280, 281.
- ⁹³ *Ibid.* S. 281.
- ⁹⁴ Книга Марко Поло. С. 101. В издании Рамузио дополнение: «с изображением солнца и луны».
- ⁹⁵ *Веселовский Н. П.* Раскопки группы курганов у станции Белореченской // Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1899. С. 29. Рис. 154; Золотая Орда. История и культура. Автор концепции выставки М. Г. Крамаровский. СПб., 2005. С. 92, 238. Кат. 713; М. Г. Крамаровский полагает, что изделия из стекла с эмальями, в их числе и ваза с гербом султана Байбарса, были предметом торговли с Египтом. По мнению Л. Э. Голубева, эта находка не может быть свидетельством импорта или военным трофеем, см.: *Голубев Л. Э.* Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир ; М., 2002. С. 142–146.
- ⁹⁶ *Atil E.* Renaissance of Islam. Art of the Mamluks. Washington, 1981. P. 128. № 46.
- ⁹⁷ *Черных А. П.* Реальные проблемы воображаемой геральдики. С. 240.

В. А. Мыц
(Санкт-Петербург)

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ В «ГЕРАЛЬДИКЕ» КНЯЗЕЙ ФЕОДОРО XV В.*

1

XV в. в истории средневековой Таврики знаменателен появлением двух новых государств на территории полуострова, завершение начального этапа формирования которых приходится на 20–40-е гг. столетия. Это так называемое княжество Феодоро и Крымское ханство. Судьбы их сложились по-разному. Если первое как государственное образование навсегда исчезло с политической карты Крыма после 1475 г., то второе существовало до 80-х гг. XVIII в. и оставило глубокий след в истории Восточной Европы.

В научной литературе более полно отражена история Крымского ханства и предшествовавшего ему улуса Золотой Орды, всесторонне освещаемая в многочисленных работах конца XVIII – XIX и XX вв. Исследователи, обратившись к изучению истории государства, названного ими «княжеством Готии», «княжеством Феодоро» или «Мангупским княжеством», занимавшим часть территории Юго-Западного и Южнобережного Крыма (так называемая Готия), столкнулись со значительными проблемами, обусловленными крайней скудостью письменных источников. Поэтому основные этапы его существования из-за многочисленных хронологических лакун восстанавливались путем высказывания различных предположений, многие из которых по своей сути оказались паралогизмами.

После выхода работ Дж. Ф. Фальмерайера, Ф. К. Бруна, Ф. А. Брауна, В. Гейда, А. А. Васильева, Э. Брайера, Р. М. Бартияна¹ стало общепринятым мнение, что князья Мангупа якобы принадлежали к роду Гаврасов (или Гаврасов-Таронитов), тесно связанному, начиная с XI в., с политической историей Трапезунда. Отсюда делалась посылка о существовании княжества Феодоро если не в XII в., то по крайней мере с начала XIII в. (Ф. К. Брун, Ф. А. Браун, А. А. Васильев, А. Л. Якобсон, М. А. Тиханова и др.).

Представленная в пользу данного утверждения аргументация, первоначально изложенная в форме шаткой гипотезы, со временем стала восприниматься исследователями уже как установленный факт. При этом мало кто обращал внимание на обстоятельную критику этого заблуждения в работах А. В. Соловьева и В. П. Степаненко².

Поэтому в современной историографии, базирующейся на разработках исследователей конца XVIII – 30–60-х гг. XX в., создан в значительной степени мифологизированный, «обобщенный», но в контексте реальных исторических событий неясный образ

*Автор считает своим долгом выразить признательность Вере Гурулевой, Анастасии Москалевой, Владимиру Кирилко и Юрию Пятницкому за разностороннюю помощь, оказанную при подготовке данной работы.

города и княжества. При этом Феодоро бесосновательно определяется как «греческая деспотия», возникшая в XIII в. В ее территориальные владения якобы входили все земли Южнобережья (прибрежной Готии), бассейнов рек Черной и Бельбека в Юго-Западном Крыму. Политическим центром государства, именуемого в молдавских, польских, венгерских и русских источниках 70-х гг. XV в. «Мангупским княжеством», являлся город Мангуп. Его правители («деспоты»), происходившие из трапезундского рода Гаврасов, исповедовали христианство и носили православные греческие имена. Основу их герба составлял двуглавый орел, заимствованный путем заключения браков у императоров Константинополя – Палеологов или Трапезунда – Великих Комнинов. В 1299 г. княжество Феодоро завоевали татары под предводительством эмира Ногая и с этого времени оно находилось в зависимости от Золотой Орды. Со второй половины XIV в., когда на Мангупе правят местные династии с татарскими именами (Хутитани, Чичикии), начинается его возрождение. Достигнув своего расцвета во время правления князя Алексея I (Старшего) в XV в.³, при военной и дипломатической поддержке Хаджи-Гирея Феодоро удается отвоювать у генуэзцев ранее захваченную ими территорию Южного берега («Поморье»), создав крупный торговый порт в Каламите. Последней страницей его истории стала героическая оборона Мангупа от турок-османов в 1475 г.⁴

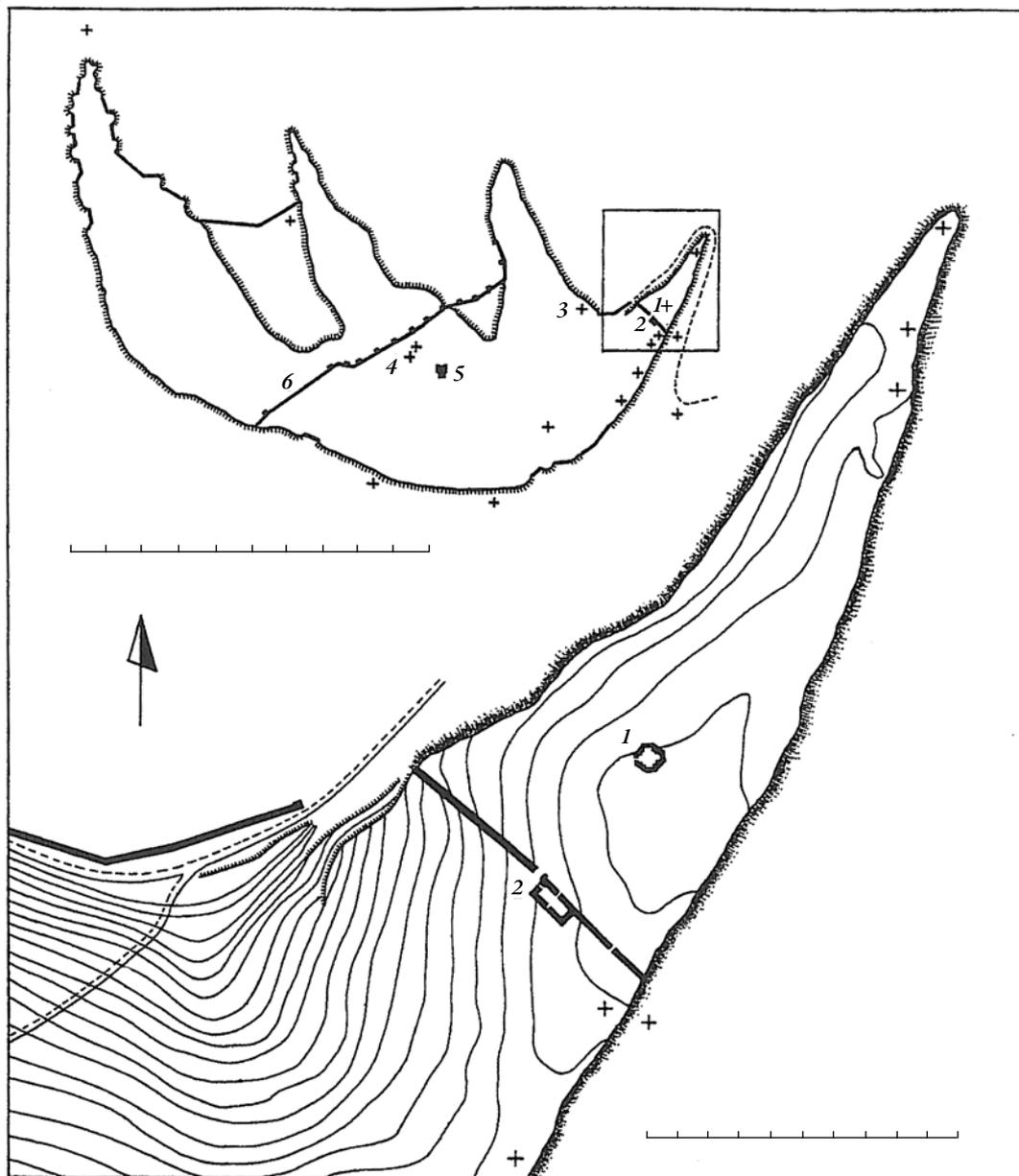
Многие из представленных концептуальных построений, как и сам лишенный критического анализа используемых разновременных и разнохарактерных источников способ подачи исторического материала, интерпретировавшегося либо упрощенно, либо наоборот, отягощенного недопустимыми домыслами, неоднократно становились предметом критики⁵.

Однако в последние годы появились работы Т. М. Фадеевой, целиком или частично посвященные истории княжества Феодоро и его князьям⁶. Уже в аннотациях автором предлагаются две спорные констатации: 1) «На доступных изучению фактах материальной культуры и истории рода Гаврасов – владельцев Феодоро – показана системообразующая роль Александрийского меридиана в распространении культурных парадигм»⁷ и 2) «... в княжестве Феодоро формируется геральдика двуглавого орла»⁸.

При этом если в книге «Княжество Феодоро и его князья» Т. М. Фадеева представляет раздел «Геральдика Феодоро»⁹, то в очерках о «Сакральной географии Крыма» 5-я глава целиком отводится рассмотрению «гавричско-трапезундских истоков геральдики двуглавого орла»¹⁰. Следует отметить, что Т. М. Фадеева в своих работах использует не только необычайно ограниченное число старых и новых публикаций, но и не замечает исследований И. Е. Забелина, А. В. Соловьева, В. П. Степаненко и других, непосредственно посвященных рассматриваемой проблеме. Видимо, поэтому она по-прежнему придерживается мнения, что «князья Феодоро» якобы принадлежали к роду Гаврасов¹¹ и присвоили родовой герб Палеологов – двуглавого орла¹².

2

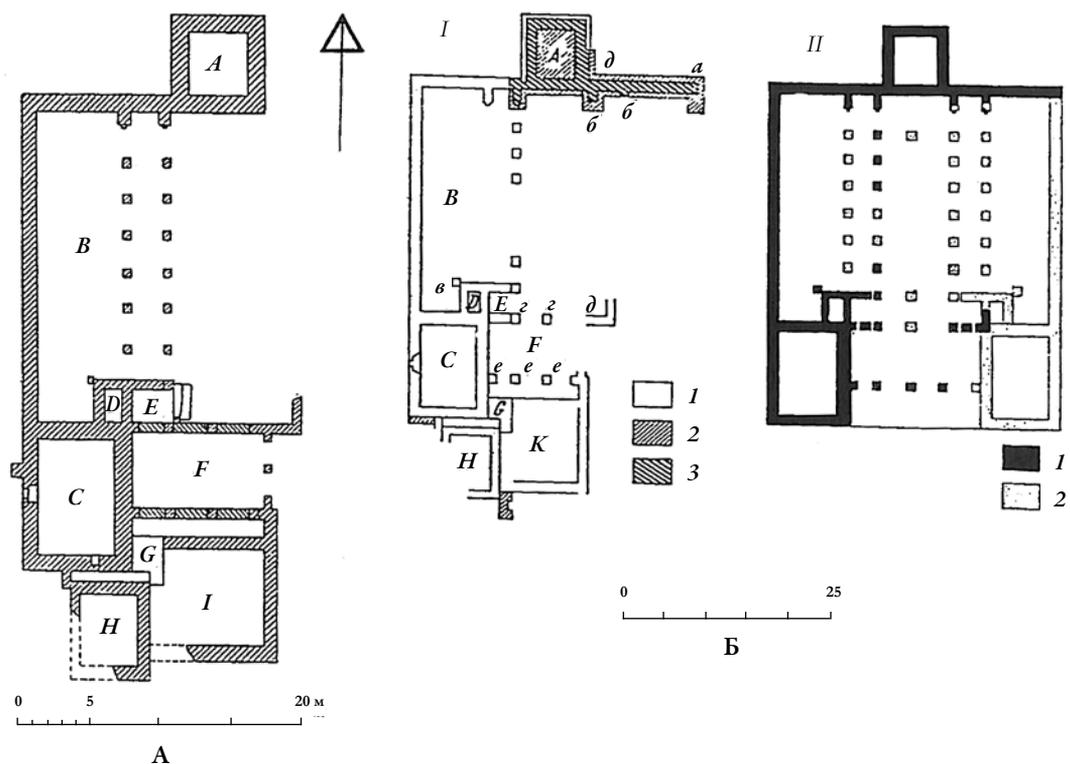
Обратимся непосредственно к самим источникам, которые, по мнению исследователей, должны свидетельствовать о династических связях правителей Феодоро с Палеологами. Надо сразу отметить, что более чем за двухсотлетний период изучения затронутой темы мы имеем всего пять реальных памятников, связанных с правившей в Феодоро династией, на которых имеются изображения двуглавых орлов. Предлагаю рассмотреть их в установленном хронологическом порядке.

Ил. 1. План крепости Феодоро (Мангуна) XV в.

Условные обозначения: 1 – октагональный храм Святых Константина и Елены; 2 – донжон цитадели; 3 – церковь Святого Георгия; 4 – Большая базилика; 5 – дворец правителей Феодоро; 6 – вторая линия обороны города Феодоро. Прорисовка В. П. Кирилко

1. В самом начале раскопок мангупского дворца (ил. 1, 5; 2)¹³ в 1912 г. Р. Х. Лепером в слое каменного завала были обнаружены два стыкующихся обломка плиты с надписью, датированной 1425 г. (ил. 3; 4). В дальнейшем одна часть оказалась утраченной, а сохранившаяся до настоящего времени находится в лапидарии Бахчисарайского историко-архитектурного заповедника¹⁴.

Ил. 2. План-схема дворцового комплекса Феодоро (Мангупа) 1425–1475 гг.:

А – Публ. по: *Якобсон А. Л. Дворец // МПА. 1953. № 34. С. 390. Ил. 1*

Б – Публ. по: *Суров Е. Г. Раскопки дворца на плато Мангупа в Крыму // КСИЛ АН СССР. 1972. Вып. 129. С. 98. Ил. 34:*

I. План раскопок: 1 – раскопы 1912 г.; 2 – раскопы 1968–1974 г.

II. Реконструкция плана дворца князя Алексея, предложенная Е. Г. Суровым:

1 – открытые раскопками стены здания; 2 – реконструируемые части

Ил. 3. Архитравная плита входа в донжон дворцового комплекса с надписью «владельца

Феодоро и Поморья» Алексея (октябрь 1425 г.): 1 – сохранившаяся часть надписи;

2 – реконструкция утраченного фрагмента. Прорисовка автора

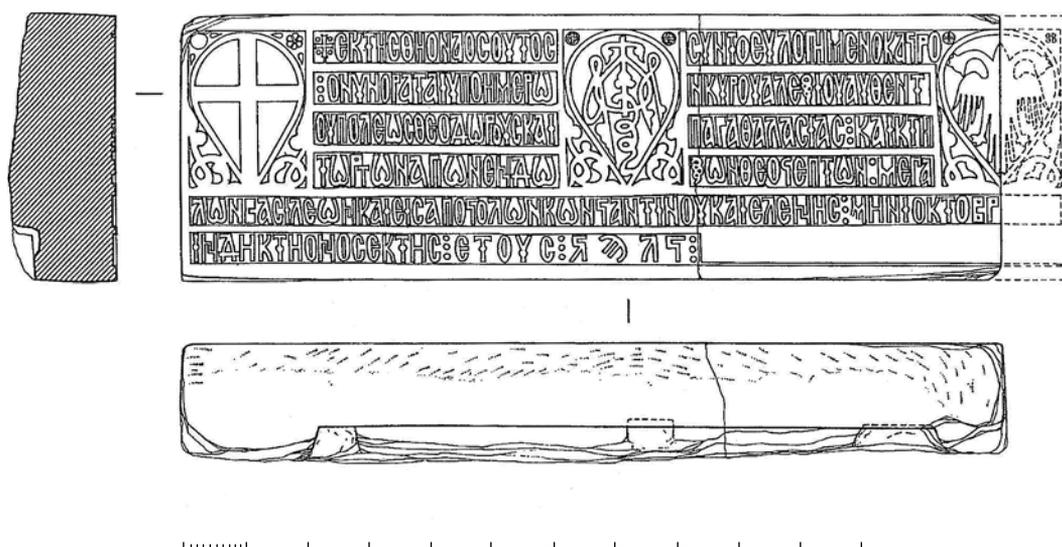

Ил. 4. Фрагменты архитравной плиты входа в донжон дворцового комплекса с надписью «владельца Феодоро и Поморья» Алексея (октябрь 1425 г.). Бахчисарайский музей-заповедник

Эпиграфическая находка представляет собой архитравную плиту, некогда перекрывавшую входной проем в донжон (вход располагался на уровне второго этажа башни). Она позволяет реконструировать его ширину в свету – 1,02 м. Общие размеры плиты-архитрава восстанавливаются в пределах $1,40 \times 0,48$ м. По своему композиционному решению данное изделие оказалось весьма близким ктиторской надписи Алексея I (Старшего) 1427 г. Их визуальное сходство позволило Р. Х. Леперу восстановить содержание надписи следующим образом: *«Был построен этот дом вместе с дворцом и с благословенной крепостью, которая видна ныне, во дни Алексея владыки города Феодоро и Поморья в месяце октябре 6934 года»*¹⁵.

С замечаниями и поправками А. Л. Бертье-Делагарда¹⁶, с которыми согласился Н. В. Малицкий¹⁷, предположительно реконструируемый текст надписи 1425 г. должен звучать следующим образом: *«Построена эта башня с дворцом в благословенной крепости, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владельца города Феодоро и Поморья, в месяце октябре 6934 года»*¹⁸.

2. Плита с надписью, датированной 1427 г. (ил. 5; 6), известна с 20-х гг. XIX в., когда она долгое время находилась в имении Саблы под Симферополем (сейчас хранится в Бахчисарайском историко-архитектурном заповеднике). П. И. Кеппен, опубликовав в 1837 г. прорисовку, текст и перевод надписи в «Крымском сборнике»¹⁹, предполагал, что плита происходит из Инкермана, хотя не был в этом уверен²⁰. С тех пор запутанная история с происхождением (Мангуп или Инкерман) эпиграфической находки на долгие годы стала поводом для споров²¹.

Ил. 5. Архитравная плита октагонального храма с ктиторовской надписью «владельца Феодоро и Поморья» Алексея (октябрь 1427 г.). Прорисовка, обмеры и реконструкция утраченного фрагмента В. П. Кирилко. Публ. по: Кирилко В. П., Мыц В. А. *Октагональный храм Мангуна // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. Пл. 7*

Ил. 6. Архитравная плита с ктиторовской надписью «владельца Феодоро и Поморья» Алексея (октябрь 1427 г.). Бахчисарайский музей-заповедник

Плита была архитравной, перекрывала наружную часть проема входа (его ширина составляла 1,02 м) в октагональную церковь, построенную Алексеем I в цитадели города Феодоро²². Ее размеры: 0,44 × 1,33 × 0,195 (0,17) м. Изготовлена из нуммулитового известняка. Имеет две лицевые поверхности – переднюю и нижнюю.

В переводе В. В. Латышева надпись звучит следующим образом: «Построен храм сей с благословенной крепостью, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владельца города Феодоро и Поморья и ктитора святых, славных, боговечаннных, великих царей равноапостольных Константина и Елены в месяце октябре, индикта шестого, лета 6936»²³.

Надпись выполнена в шесть строк высотой 4 см каждая. Верхние четыре строки разделены тремя прямоугольными рамками (их размеры – 0,26–0,28 × 0,22 м) на две

равные части ($0,42 \times 0,26$ см). В верхней части плиты в рамках помещены три каплевидных (миндалевидных) геральдических щита. В левом расположен прямой крест с более удлиненной нижней ветвью²⁴, в центральном – монограмма имени АΛΕΞΙΟΥС (Ἀλέξιος ‘Алексей’)²⁵, в правом – левая половина изображения двуглавого орла (на голове орла «зубчатая» корона).

Учитывая то, что облицовка фасада октагональной церкви была сплошной, а резьба выполнялась после установки плиты в кладку, то продолжение надписи, вне всякого сомнения, находилось на соседнем камне (размеры дополнения составляли всего 0,11 м). Поэтому изображение орла, располагаясь симметрично по отношению к левой «геральдической» фигуре, содержавшей монограмму Алексея, частично оказалось за пределами архитравной плиты.

3. Резная каменная купель (ил. 7; 8) случайно обнаружена в начале 60-х гг. (?) прошлого века при земляных работах, проводившихся на территории парка санатория «Утес» (бывшее имение Кучук-Ламбат), расположенного у мыса Плака в 15 км к западу от Алушты. Вместе с купелью было найдено и две капители. Некоторое время изделие использовалось в качестве емкости для цветов. В 1969 г. находку доставил в Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР О. И. Домбровский²⁶. В 2004 г. купель передана на хранение в Алуштинский краеведческий музей.

Она изготовлена из плотного нуммулитового известняка, что и позволяет говорить о крымском (местном) происхождении данного памятника. Издана с подробным описанием и авторским вариантом интерпретации В. А. Сидоренко²⁷. Издатель датировал купель 30-ми – началом 40-х гг. XV в. и связывал ее появление (создание) со временем рождения внука Алексея I (Старшего) – Алексея II. Однако предложенная В. А. Сидоренко датировка памятника сомнительна: если действительно купель была изготовлена к моменту рождения внука Алексея I, то ее следует датировать 1427/1428 г.²⁸, так как Алексей II скончался весной (предположительно в апреле-мае?) 1434 г.

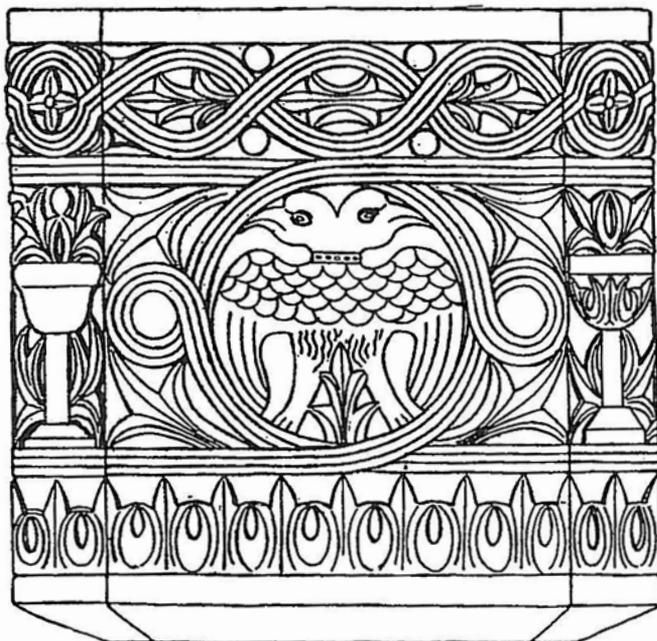
Размеры прямоугольной в плане купели со скошенными углами – $0,67 \times 0,49 \times 0,48$ м, при толщине стенок 0,06 м. В плоском днище проделано сквозное круглое отверстие для слива воды. На верхней торцовой плоскости стенок имеются круглые отверстия, в которых при помощи свинцовой заливки закреплены четырехгранные железные штифты для фиксации крышки (?).

Внешние боковые поверхности купели разделены на три горизонтальных пояса и декорированы резьбой в виде трехугольной ленты, образующей круглые узлы-медальоны и шестиугольные звенья с заполнением свободного пространства листьями аканфа²⁹. Каждой плоскости присуща своя сюжетная композиция в виде изображений животных и птиц (ил. 7; 8).

На одной из стенок купели (проекция 4 по В. А. Сидоренко) в центральном круглом медальоне диаметром 0,20 м помещено изображение двуглавого орла без корон (ил. 7, 2). Непропорционально крупные головы с сильно изогнутыми клювами посажены на короткую шею, охваченную рельефным пояском-ошейником с точками-«жемчужинами». Оперение выполнено в виде чешуек, а под грудью у основания лап вырезаны волнистые борозды, имитирующие опушку. Лапы расставлены, изображение когтей отсутствует (только двумя врезными черточками обозначены их основания). Место хвоста занимает изображение пятилистного акантового ростка.

1

2

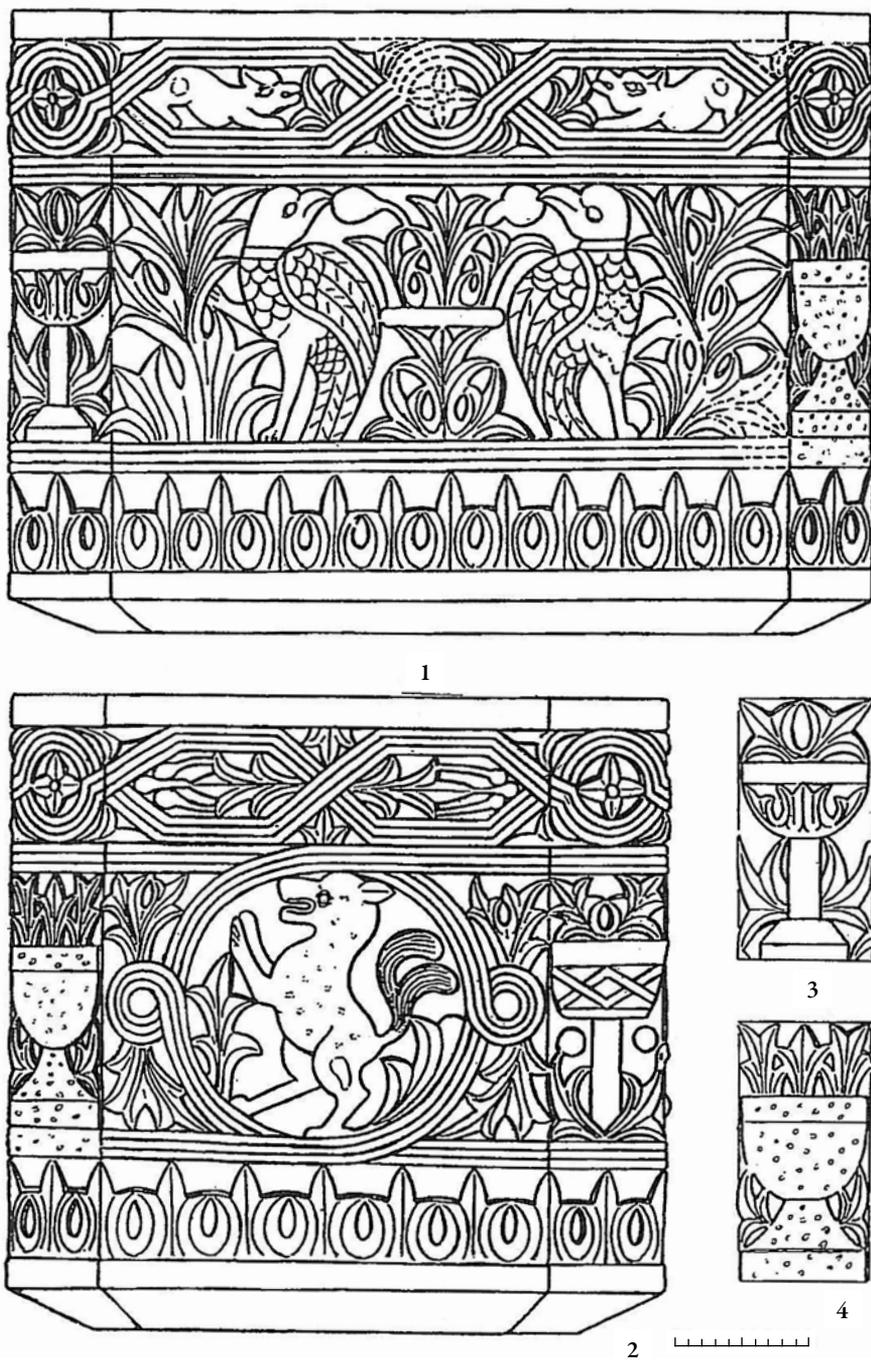

3

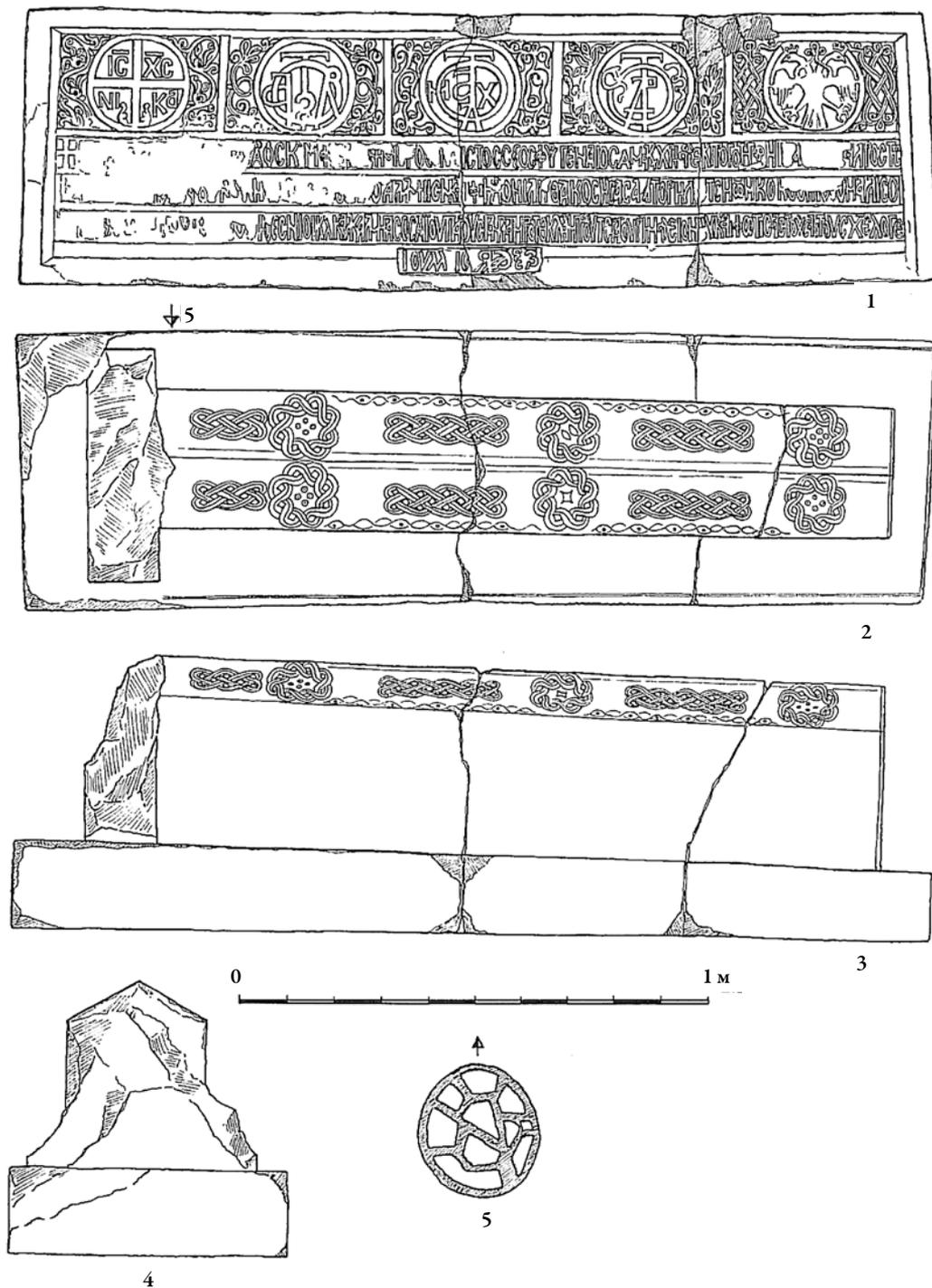

4

Ил. 7. Купель XV в. из Кучук-Ламбата (мыс Плака):
1, 2 – проекции; 3, 4 – изображения чаш на узких гранях купели. Прорисовка В. А. Сидоренко.
Публ. по: Сидоренко В. А. Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993. Ил. 9

Ил. 8. Купель XV в. из Кучук-Ламбата (мыс. Плака):
1, 2 – проекции; 3, 4 – изображения чаш на узких гранях купели. Прорисовка В. А. Сидоренко.
Публ. по: Сидоренко В. А. Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАНЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993. Ил. 9

Ил. 9. Посвятительная надпись от 19 июля 1459 г. донжона замка из раскопок у селения Фуна: 1 – прорисовка надписи; 2 – вид сверху на надгробие, основание которого использовалось для надписи; 3 – вид сбоку; 4 – проекция (рог) с отбитым «рогом» и нишей; 5 – метка мастера, изготовившего надгробие (?). Прорисовка автора

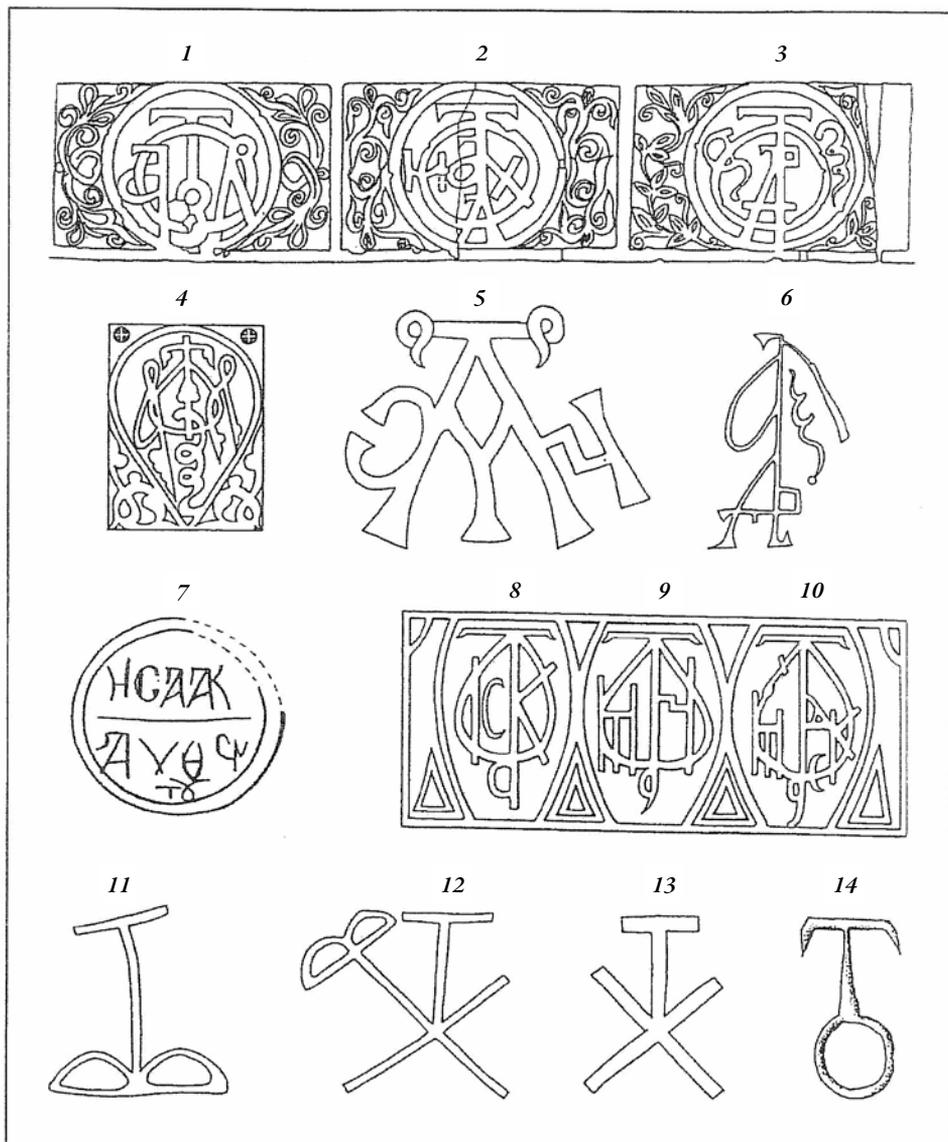
Ил. 10. Посвятительная надпись от 19 июля 1459 г. донжона замка из раскопок у селения Фуна. Центральный музей Тавриды, Симферополь

4. В 1982 г. при расчистке каменного завала перед входом в донжон крепости Фуна обнаружены обломки надгробия, изготовленного из нуммулитового известняка и расколовшегося на три крупных стыкующихся между собой фрагмента (ил. 9)³⁰. В настоящее время памятник хранится и экспонируется в Крымском республиканском краеведческом музее (Симферополь). Длина надгробия составляет 1,88–1,90 м, ширина – 0,58–0,62 м, высота – 0,57–0,61 м. На нижней части надгробия толщиной 0,165 м, являвшейся основанием, при вторичном использовании в технике *champlevé* вырезана греческая надпись, размещенная в прямоугольной раме размером 1,87 (1,89) × 0,57,5 (0,59) м и композиционно разделенная на две части – верхнюю и нижнюю.

Верхняя часть шириной 0,22 м делится на пять равных прямоугольников, в центре которых расположены круглые медальоны диаметром 0,20–0,21 м (ил. 9; 10). Пространство между разделяющими вертикальными прямыми и медальонами заполнено стилизованными симметричными изображениями виноградной лозы, выполненными в рельефе³¹. Причем ни в одном случае рисунок побегов не повторяется³². В крайнем левом медальоне вырезан процветший равноконечный крест. По его сторонам размещены буквы IC|XC | NI|KA, т. е. он представляет традиционную тетраграмму с христианской формулой: *Ι(ησοῦ)ς Χ(ριστῶ)ς νικῶ* ‘Иисус Христос побеждает’ (или ‘победитель’) ³³ (ил. 9; 10).

В крайнем правом (от наблюдателя) медальоне помещено изображение двуглавого коронованного орла: над каждой из голов находится трехзубчатая малая корона. Во втором, третьем и четвертом медальонах заключены монограммы представителей правящего в это время в Феодоро рода. Если во втором достаточно уверенно читается имя АΛΕΞΙΟΣ (*Ἀλέξιος* ‘Алексей’), а в четвертом ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ (*Ἀλεξάνδρος* ‘Александр’), то раскрытие имени в среднем (третьем) медальоне вызывает затруднения и только предположительно может интерпретироваться как имя ΣΑΙΧ (*Σαίχ* ‘Саих’, видоизмененное (искаженное) ‘Исаак’) (ил. 9; 10)³⁴.

А. Ю. Виноградовым предложен следующий перевод фунской строительной поэтической надписи 1459 г.: «...слуга (?) Троицы и трисильная башня великая, от чресел благородных и благойих, от блистательных предков сам блистательный, построив башню (?) весьма приятной людям, всех обрадовал, и украсил ее сиятельно видом красот, – все, что я равным рвеню назыву, ...принесла бы она разнообразную пользу под своей кровлей его пребывания здесь – построенное блистательным мужем, блистательное и божественное чудо, чьих граждан (?) просветил ты, Христе Слове. 19 июля 6967 года» (19 июля 1459 г.)³⁵.

Ил. 11. Монограммы правителей Феодоро и Готии 20–70-х гг. XV в.

Прорисовка В. П. Кирилко. Публ. по: Кирилко В. П. *Аспры с большим «Г» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum-plus. Время денег. № 6. СПб. ; Кишинева ; Одесса, 1999. С. 140. Ил. 2*

Следует заметить, что на территории Феодоро эпитафических памятников, по-видимому сопровождавшихся изображениями двуглавого орла, было значительно больше. Так, известно, что в одной из башен Мангула в балке Табана-Дере (над входом) располагалась сильно поврежденная плита с тремя «сердцевидными гербами». Об этой находке в свое время (1836 г.) сообщал Н. Н. Мурзакевич³⁶. В 1926 г. на территории крепости Каламита найден фрагмент плиты с монограммой князя Феодоро Алексея I (1411–1446)³⁷. По стилю исполнения она идентична его монограммам на архитектурных плитах 1425 и 1427 гг. и, видимо, относится к этому же времени.

В 1794 г. П. С. Паллас, находясь в Черноречье в гостях у К. И. Габлица, видел и сделал рисунок мраморной (?) плиты с тремя монограммами и фрагментарно сохранившейся греческой надписью «... τὸ κάστρον τῆς Χερσονόσου...» («[возведенной] крепости Херсонеса...») (ил. 11, 8–10)³⁸. По сообщению П. С. Палласа, данная плита была обнаружена в ходе выборки камня внешнего панциря верхней части «башни Зенона»³⁹. Из опубликованного П. С. Палласом рисунка трудно понять, имела ли плита обломы по бокам (из-за этого отсутствуют два «геральдических щита»?) и снизу, где должен был помещаться основной текст, или же представляла собой прямоугольный блок с ровными гранями⁴⁰. Но сам памятник утрачен и относительно его бывшей композиции теперь можно высказывать только предположения⁴¹.

5. Последний известный памятник – надгробная пелена Марии Мангупской⁴² размером 1,88 × 1,02 м. Как известно, Мария⁴³ прибыла ко двору Стефана III 4 сентября 1472 г., а ее бракосочетание с господарем Молдавского княжества состоялось 14 сентября⁴⁴. После разрыва отношений со Стефаном в 1476 г. Мария некоторое время провела в уединении и скончалась 19 декабря 1477 г.⁴⁵ Она была погребена на родовом кладбище господарей Молдавии в монастыре Путны, где до настоящего времени хранится шелковая красная (от времени приобрела кирпичный оттенок) пелена, покрывавшая гроб усопшей.

Центральное место на покрове занимает изображение Марии в парадном многоцветном платье⁴⁶ и с пятичастной короной на голове. Покойная представлена с закрытыми глазами и сложенными на груди руками, полихромное шитье выполнено золотыми, серебряными и цветными нитями. По краю пелены на старославянском языке вышита надпись: «В год 6985, декабря 19 дня испустила свой последний вздох благочестивая раба божья Мария, супруга благочестивого Стефана Войводы, правящего господаря Молдавии, сына Богдана Войводы»⁴⁷. По углам пелены в круглых медальонах размещены монограмма Асанов (в форме АСАН)⁴⁸, два коронованных двуглавых орла и монограмма Палеологов (ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟΙ)⁴⁹.

3

В 1937 г. А. В. Соловьев в рецензии на монографию А. А. Васильева, рассматривая пелену Марии Мангупской, невольно вынужден был обратиться к решению сложного вопроса генеалогии владетелей Феодоро, используя все доступные к тому времени источники⁵⁰. При этом исследователь констатировал, что «история возвышения мангупских князей в XIV–XV вв. еще не вполне выяснена»⁵¹, и полагал, что «Алексей был незнатного происхождения», так как «и на торжественных надписях, украшенных звонкими титулами и гербами, он своей фамилии не называет. Скорее всего, он был татарского происхождения, как это предполагает Н. Малицкий»⁵².

Далее А. В. Соловьев совершает экскурс в историю Феодоро 60–90-х гг. XIV в. и, основываясь не столько на свидетельствах двух эпиграфических памятников, сколько на предположениях Н. В. Малицкого, заключает: «...первым князем Мангуца был „сотник Хуйтани“ в 1362 году. Он владел городом, в котором была греческая митрополия с многочисленным духовенством и греческое торговое население, а также страную, где земледельцами и воинами были православные готы. Он стал опираться на это население, писать надписи по-гречески, признавать св. Димитрия, и вероятно, крестился

под этим именем. Его преемником был Чичика (?), вассал Тохтамышпа, тоже только „сотник“, вероятно, тоже крещеный»⁵³. «Опираясь на готско-греческое христианское наследие, Алексей становится независимым от татарского хана, выдает дочь Марию „Готскую“ замуж за последнего трапезундского царя Давида и титулуется „аутентом Феодоро и Поморья“, в подражание титулу трапезундских царей. Аутент (*dominus*, государь) – это название, которое дается в это время всякому самостоятельному владельцу, не имеющему особого титула»⁵⁴.

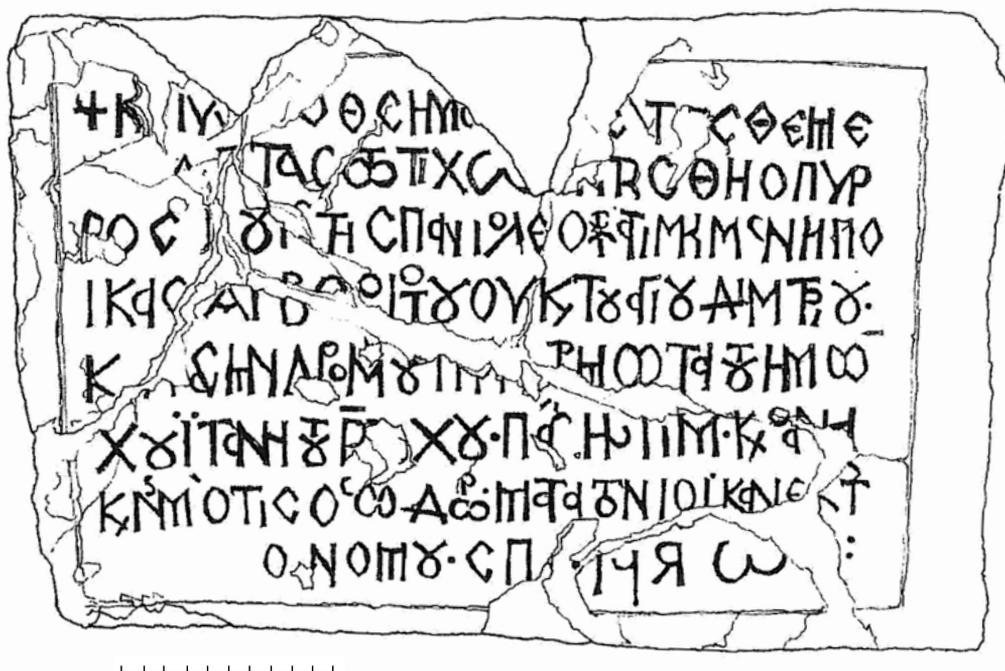
Отсюда исследователь пришел к выводу, что «перед нами любопытная картина постепенной христианизации татарского рода, вошедшего в сферу культурного влияния умирающей и все же столь привлекательной Византии. Вероятно, женись на христианах, татарские сотники принимают «царские» имена (Алексей, Иоанн, Исаак), вступают в родство со все более знатными семьями и украшают себя гербами и эмблемами»⁵⁵.

Однако, как показало дальнейшее изучение этих двух эпиграфических памятников, Хуйтани в надписи 1361/62 г. скорее назван *турмархом*, а его имя происходит от готского *haitan*, т. е. ‘Белый’. Имя гекатонтарха Чичикия (Цицикия, Цоцикия) времени правления хана Тохтамышпа (1380–1395 (?)) скорее лазского происхождения. Хотя наиболее рациональным объяснением можно считать титулы Хуйтани и Чичикия из Феодоро греческими «кальками» с тюркского, где *гекатонтарх* соответствует *сада* ‘сотнику’, а *турмарх* – *хазара* ‘тысяцкому’. Стоящие в начале надписей кресты указывают на их православное (греческое) вероисповедание. Сами надписи скромны по своему оформлению и лишены каких-либо выразительных форм социальной идентификации (ил. 12)⁵⁶.

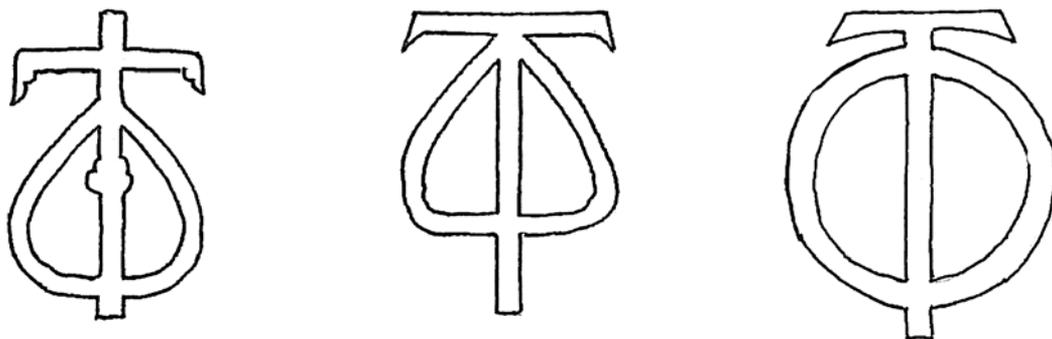
Особенно важные наблюдения сделаны А. В. Соловьевым при рассмотрении эмблем, использованных князем Феодоро Алексеем в 1425 и 1427 гг.: «его личная монограмма состоит из букв АЛΞ, надетых на геометрический знак, состоящий как бы из груши, проткнутой буквой Т. Мы думаем, что это родовой знак, тамга самого Алексея. В отличие от Византии, не знавшей гербов (кроме «герба Палеологов») до XV в., турецкие и татарские князья имели свои родовые знаки»⁵⁷. Далее он продолжал: «Вероятно, подобная тамга была и в роду сотника Хуйтани-Димитрия. Крестившись, отдельные представители его рода стали украшать ее греческими буквами своего имени. Совершенно такая же грушевидная тамга входит и в состав трех монограмм из развалин Херсона, известных еще по рисунку Палласа и пока не расшифрованных. Мы полагаем, что в первой мы имеем „мангупскую тамгу“, сложенную буквами ИСА(А)К; это, вероятно, эмблема Алексева внука Исайки (или Алексева сына?). Во второй мы найдем по тому же принципу буквы МАН, то есть „царское“ имя Мануил. Только третью монограмму нам не удалось расшифровать (может быть Паллас ее неточно зарисовал); не то МАА(?) Ξ, не то МАДΞ⁵⁸. Во всяком случае, это знаки членов мангупской княжеской семьи, может быть безымянных братьев Олобея или Исайки и его братьев»⁵⁹.

Нетрудно заметить, что и на фунской надписи 19 июля 1459 г. монограммы Алексея, Исаака (?) и Александра построены с использованием основы в виде буквы «Т», как бы наложенной на «О».

В дальнейшем исследователи, обходя молчанием точку зрения, высказанную ранее А. В. Соловьевым, предлагали свои варианты интерпретаций основы монограмм правителей Феодоро. Например, В. А. Сидоренко считает, что все имена (монограммы) на плите из Херсонеса дополнительно сопровождаются и титулом «деспот» (т. е. Т-образный

Ил. 12. Строительная надпись турмарха (?) Хуитани 1361/62 г. из раскопок Большой базилики Мангуа. Фотография и прорисовка автора (современное состояние памятника). *Музей-заповедник «Херсонес Таврический»*

Ил. 13. Монограммы «Тафос», являвшиеся основанием для формирования монограмм с именами правителей Феодоро 20–70-х гг. XV в. Прорисовка автора

символ якобы является верхним элементом аббревиатуры δεσπότης⁶⁰. Х.-Ф. Байер полагал, что большая буква О (не объясняя неизменного присутствия вместе с «О» и «Т») на фунской надписи 1459 г. представляет собой дополнительный титул всех представленных здесь правителей Готии, как «Олобей» или «Улубей», т. е. «великий князь»⁶¹.

В. П. Кирилко, отстаивая «черкесское» (адыгское) происхождение правившей на Мангупе в XV в. фамилии, высказал предположение, что знак, сочетающий в себе «Т» и «О», близок по своему изображению к тамге адыгского рода Кобертай⁶². В качестве одного из аргументов, что перед нами может быть именно «черкесская» (адыгская) тамга, исследователь ссылается на оригинальную находку, сделанную на территории Мангупа, – отдельно вырезанную на каменном блоке фигуру, состоящую из двух компонентов «Т» и «О», причем «Т» не пересекает, а примыкает сверху к «О» (ил. 11, 14).

Недавно к решению смыслового содержания Т-образного символа обратился М. М. Чореф, убежденный, что он «не мог быть ни буквой, ни каким-либо родовым знаком». Путем сложных историко-филологических построений исследователь в конечном счете приходит к небесспорному заключению: «...вертикальная составляющая так называемого „Т“-образного знака определенно может трактоваться как „Г“. Все они объединены окружностью, которую, вернее всего, следует понимать как рамку ординарной монограммы, а в нашем случае являющуюся ее каркасом»⁶³.

Однако имеющийся в нашем распоряжении иконографический материал всегда демонстрирует неразрывное сочетание двух греческих литер, а это, в свою очередь, может указывать на то, что в основе всех известных монограмм, содержащих имена правителей Феодоро XV в. (ил. 11, 1–4, 6–10), также помещалась монограмма, но не с буквами «Т» и «О», а с «Т» и «Ф» (ил. 13).

Именно в таком сочетании данная монограмма хорошо известна на многих христианских памятниках Святой земли, начиная с храма Гроба Господня, и раскрывается как «Тафос» (Τάφος [Θεοῦ]), что означает «Гроб [Господень]» или «Агиос Тафос» (ὁ Ἅγιος Τάφος [Θεοῦ])⁶⁴ «Святой Гроб [Господень]»⁶⁵.

Монограмма «Τάφος» свидетельствует о принадлежности того или иного культового объекта Братству Святого Гроба Господня⁶⁶ и практически всегда сопровождается изображением двуглавого орла⁶⁷, который, видимо, выступает здесь символом (эмблемой) Иерусалимского патриархата православной церкви. Главной резиденцией Братства

Гроба Господня является монастырь Святых Константина и Елены (Святогробский монастырь), расположенной в Старом городе Иерусалима неподалеку от храма Воскресения Христова (храма Гроба Господня)⁶⁸.

Но вернемся вновь к ктиторовской надписи Алексея I, повествующей о возведении им в 1427 г. храма Святых Равноапостольных Константина и Елены. Н. В. Малицкий обратил внимание на некоторую шероховатость текста, «какая получается, если принять такое толкование, именно что посвящение храма указано не в начале надписи при словах „сей храм“, а в конце **в титуле Алексея** (выделено мной. – В. М.), причем без указания, что речь идет уже об упомянутом храме»⁶⁹.

Действительно, территориальная или объективная часть титула Алексея включала в себя статусное наименование земель (территорий), на которые распространялась его власть: «владелец города Феодоро и Поморья» («κτῆρ Ἀλέξιος αὐθέντης Θεοδώρου καὶ Παραθαλασσίας»). Однако далее идет указание на то, что он еще является ктитором «святых, славных, боговенчаных, великих царей, равноапостольных Константина и Елены»⁷⁰.

Вызывает сомнения и однозначная интерпретация эмблемы на левой стороне плиты 1427 г. как герба Генуи (Республики Святого Георгия)⁷¹, которой придерживаются и некоторые современные исследователи⁷². Во-первых, «латинский» крест (лат. *crux immissa*) помещен в поле каплевидного (миндалевидного) щита. Однако в генуэзской геральдике не только Газарии (Крыма), но всего Причерноморья и Средиземноморья каплевидная форма щита на протяжении XIV–XV вв. лигурийцами если и применялась, то крайне редко⁷³. Наоборот, подобная форма больше характерна для иконографии русско-византийских (православных) изобразительных памятников (миниатюр, икон, печатей и проч.) XII–XVI вв.⁷⁴ Во-вторых, «длинный крест» как символ Распятия, Страдания широко использовался на протяжении всего Средневековья не только католической, но и православной церковью⁷⁵. В качестве примера можно привести не только наличие подобных крестов на верхних одеждах (облачениях и в первую очередь – омофорах) православных иерархов⁷⁶, но и воздухах (плащаницах) с изображением Иисуса Христа⁷⁷.

4

В связи с затронутым вопросом отдельного внимания заслуживает и взгляд на архитектурную манушского октагона (ил. 14)⁷⁸. Не вызывает сомнений, что выбор архитектурного типа данного здания обуславливался рядом важных обстоятельств. Внутреннее крестообразное пространство, а также ротондальная композиция объемов изначально являются наиболее характерными чертами христианских мемориальных сооружений⁷⁹, что не мог не учитывать ктитор данного строения.

Особое смысловое содержание имела также семантика плана (ил. 15). Согласно современным богословским толкованиям, храмы с октагональным (многогранным) основанием сопоставляются со звездой, подобно которой церковь «сияет благодатным Христовым светом»⁸⁰. К тому же и число «восемь как сакральное число-символ Воскресения напоминает о времени явления Небесного Иерусалима»⁸¹. Ретроспективно иллюстрацией этому служит фреска с изображением святых Петра и Павла (дата росписи – около 1443 г.) из кафедрального собора в Велико-Тырново⁸². На ней апостолы держат в руках шестигранную ротонду, олицетворяющую собой церковь Христову (Матфей, 16:18)⁸³.

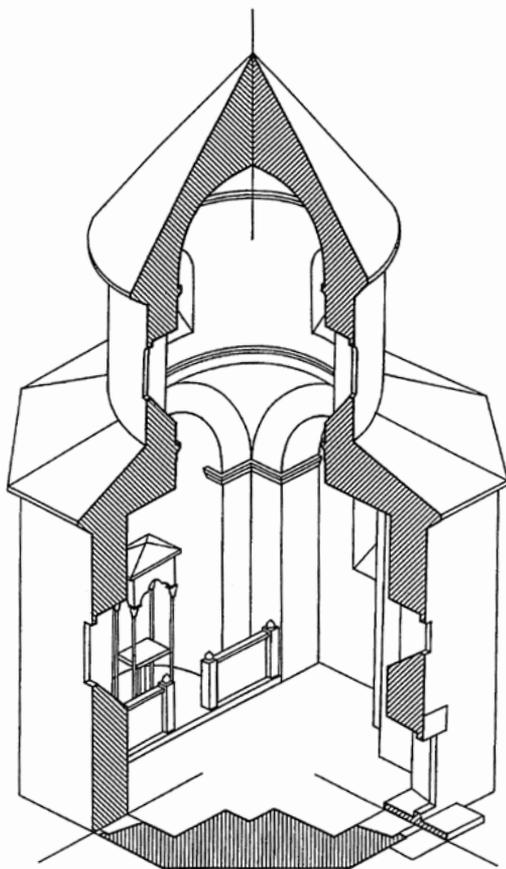
Аналогичное символическое воплощение в архитектурных интерпретациях святынь Сиона, места, избранного Богом «в жилище Себе» (Псалмы, 131:13), получили и отдельные предметы церковного обихода⁸⁴. По подобию храма Святого Гроба Господня изготовлен и византийский серебряный реликварий XI в. – малый Сион из новгородской Святой Софии. Он имеет вид перекрытой куполом ротонды с правильным шестиугольным основанием⁸⁵. Типологически сходен с ним и ковчежец 1059–1065 гг. из Оружейной Палаты Московского Кремля, повторяющий октагональный киворий над реликвиями Дмитрия Солунского в Фессалонике⁸⁶.

Вероятно, тот же образ попытался материализовать и автор, изготовивший известняковый штамп для просфор из Алустана, придав изделию форму многогранного в плане храма (ил. 16)⁸⁷. В том, что этот предмет представляет собой миниатюрную модель церкви, причем классического варианта ротонды – с обходной галереей нижнего этажа, сомневаться даже не приходится, поскольку в его верхней части (на втором ярусе) двумя глухими плоскостями выделено место алтаря.

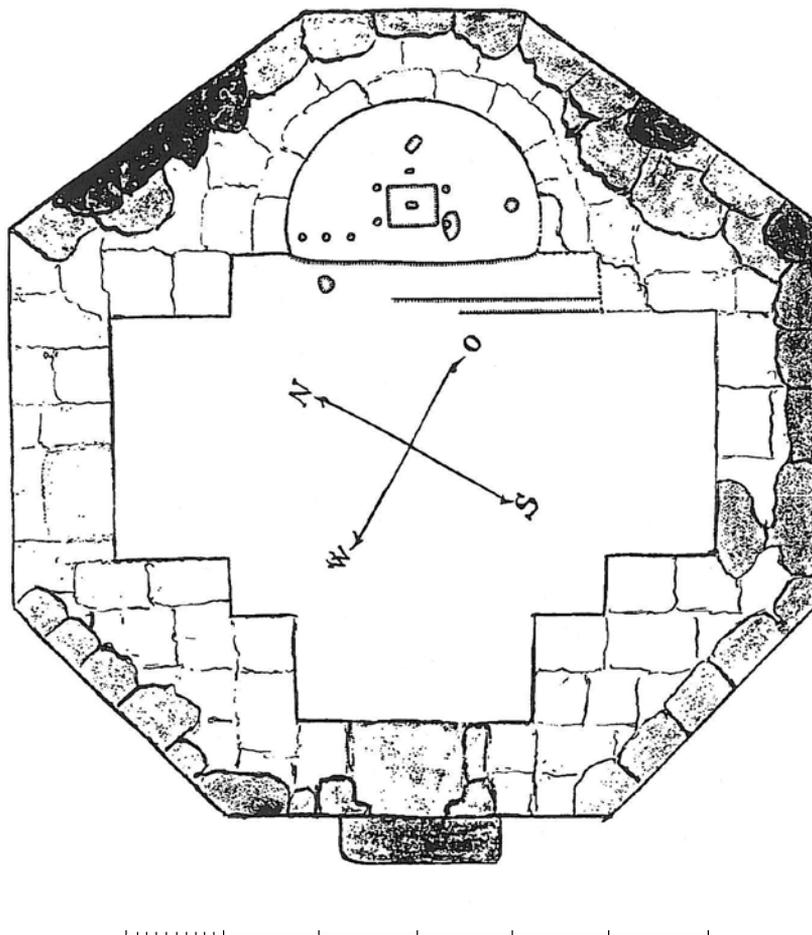
Значение алуштинской находки трудно переоценить, так как она остается пока единственным крымским артефактом подобного рода. Во-первых, архитектура здания, послужившего мастеру прототипом, во многом сопоставима с объемно-плановой структурой купольных ротонд Закавказья, наиболее полно и достаточно разносторонне представленных в армянском зодчестве⁸⁸. Во-вторых, необходимо признать, что многогранные в плане⁸⁹ церковные строения в средневековой Таврике были известны по крайней мере в XIII–XV вв., а следовательно, уникальность октагонального храма города Феодоро можно считать относительной.

Октагональной церкви также могла принадлежать и архитравная плита окна, на лицевой стороне которой в низком плоском рельефе вырезано поле тимпана с крестом «мальтийского» типа (ил. 17). Фрагмент этой перемычки был использован в качестве перекрытия крайнего (юго-восточного) отверстия при ремонте донжона цитадели Мангупа турками и превращении окон третьего этажа в ружейные бойницы. Реконструируемая ширина проема в свету достигала 0,32 м, толщина четверти – 0,12 м.

Обе плиты (с надписью 1427 г. и тимпан проема окна) между собой стилистически близки. Учитывая посвящение храма, не менее важными являются также иконографические

Ил. 14. Октагональный храм Мангупа 1427 г.
Реконструкция В. П. Кирилко.
Публ. по: Кирилко В. П., Мыц В. А.
Октагональный храм Мангупа // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. Пл. 4

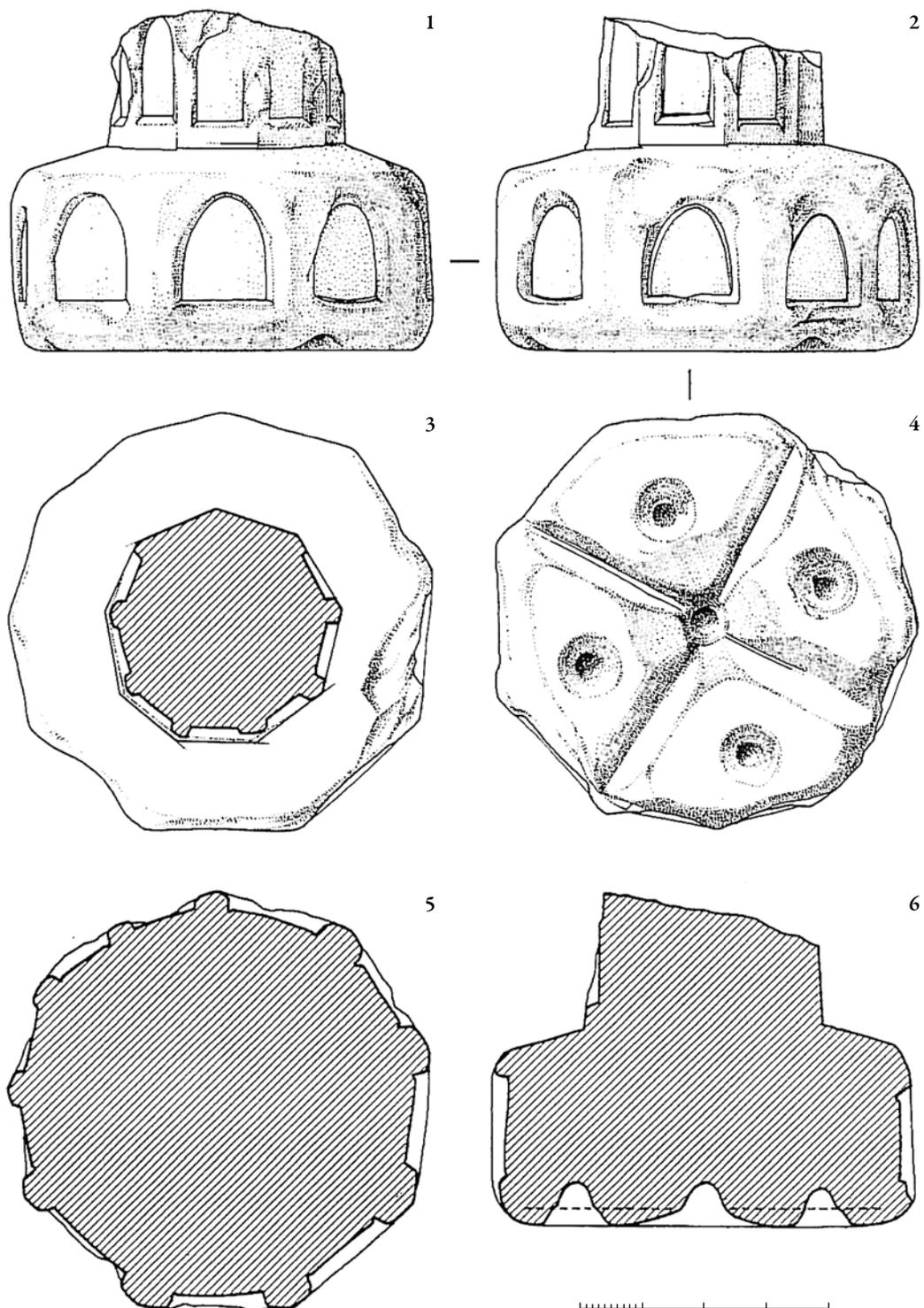

Ил. 15. План октагонального храма Мангуна (по Ф. А. Бруну, с дополнениями В. П. Кирилко, В. А. Мыца). Прорисовка В. П. Кирилко. Публ. по: *Кирилко В. П., Мыц В. А. Октагональный храм Мангуна // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. Пл. 2*

особенности креста тимпана, форма которого в христианской символике восходит к легендарному «знамению Константина», наделяясь охранительной и победоносной семантикой⁹⁰.

Таким образом, при возведении в 1427 г. октагонального храма Святых Константина и Елены в столице Феодоро были использованы два типа крестов: 1) на строительной надписи – крест («латинский») с удлиненной нижней ветвью – как знак мученичества Христа и 2) охранительный, победоносный крест Константина Великого⁹¹ – при украшении тимпанов оконных проемов (?). В 1459 г. на фунской надписи «латинский» крест уже заменен на «процветший» («просфорный», «Константиновский»), видимо, как «наиболее общий знак-символ Небесного Иерусалима»⁹².

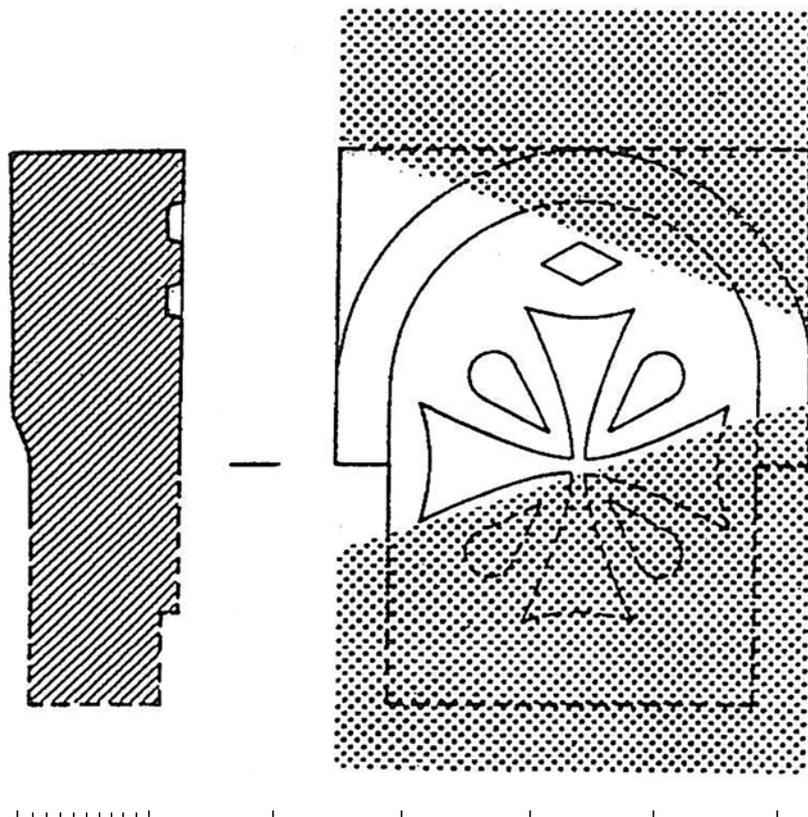
Следует также отметить, что маленькие кресты с равноконечными ветвями, вписанные в круг (кресты Константина Великого), использованы при заполнении верхнего углового пространства прямоугольных рамок, в которые помещены каплевидные щиты с монограммой Алексея и двуглавого орла. В то же время в правом верхнем углу рамки

Ил. 16. Известняковый штамп для просфор из раскопок средневековой крепости Алустон.

Прорисовка В. П. Кирилко. Публ. по: Кирилко В. П., Мыц В. А.

Октагональный храм Мангуна // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. Пл. 6

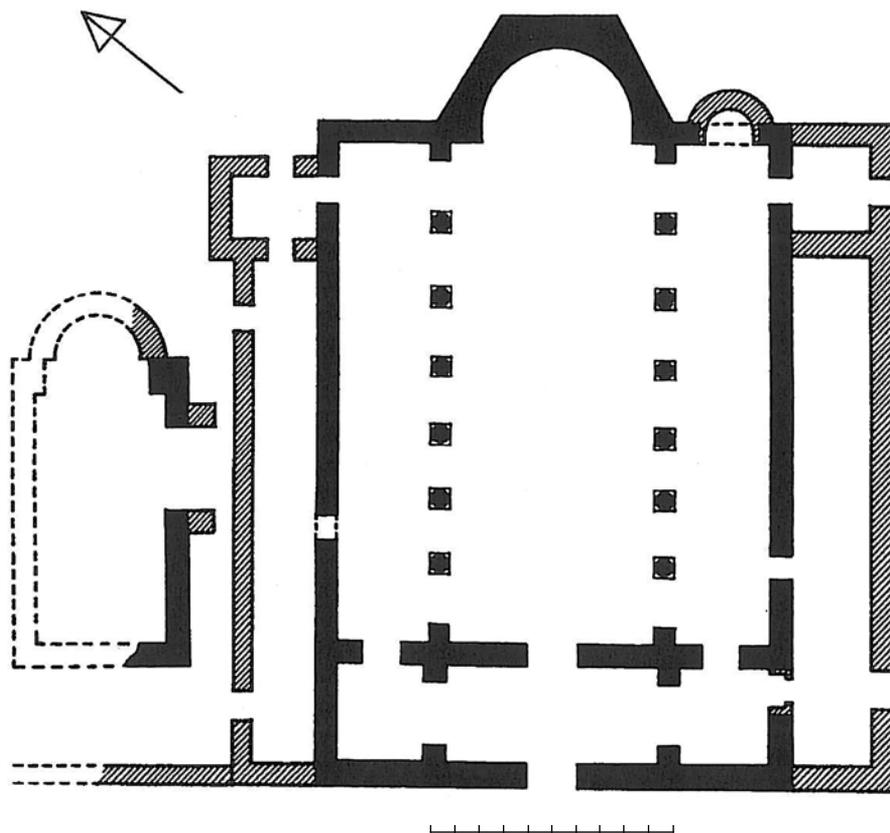

Ил. 17. Лицевая перемычка оконного проема октагональной церкви Мангупа 1427 г.
Прорисовка В. П. Кирилко. Публ. по: Кирилко В. П., Мыц В. А. *Октагональный храм Мангупа* // *АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. Пл. 8*

с «латинским» крестом помещена шестилепестковая розетка. Нижнее пространство за пределами трех «геральдических щитов» заполнено стилизованно исполненной виноградной лозой (ил. 9; 10). Близкое по технике резьбы изображение виноградной лозы сохранилось в нижнем правом углу каплевидного щита с двуглавым орлом и на плите с надписью 1425 г. (ил. 3; 4)⁹³. Более произвольную форму исполнения виноградной лозы наблюдаем при декоративном оформлении верхнего ряда монограмм и символов (процветшего креста и двуглавого орла) на плите с датой 19 июля 1459 г. (ил. 9; 10).

5

Многолетние археологические исследования, проводившиеся на Мангупе (Феодоро), позволили выявить здесь руины архитектурных памятников, возведение (ремонт) или восстановление которых с наибольшей вероятностью можно датировать 1425–1427 гг. и связывать с именем Алексея I. Помимо уже упоминавшихся дворца (1425) и октагонального храма (1427) к числу наиболее значимых христианских культовых памятников Феодоро XV в. следует отнести Большую базилику (ил. 18). Ее восстановление в этот период (вторая половина 20-х гг. XV в.) явилось важнейшим событием в духовной жизни православной общины города⁹⁴.

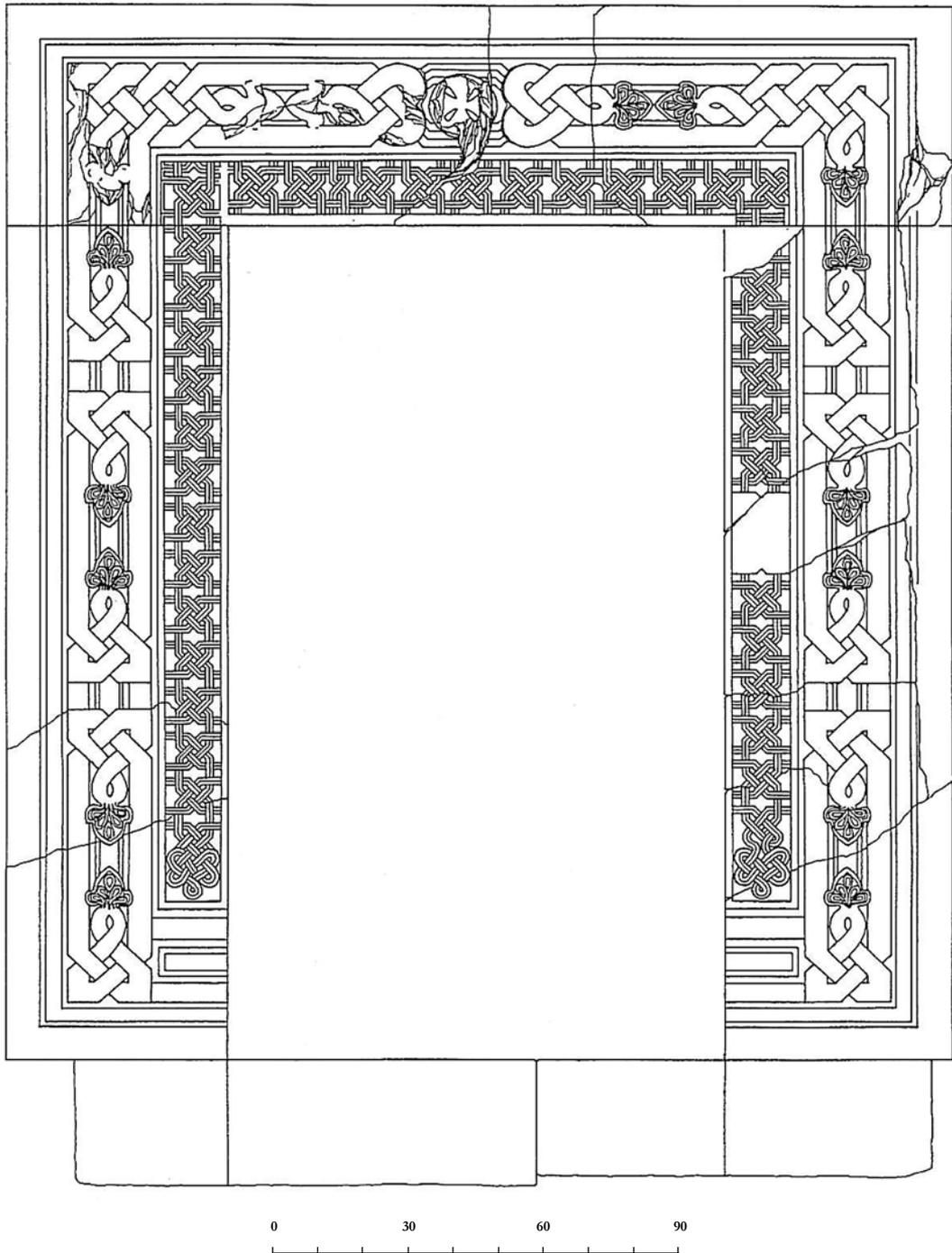

Ил. 18. План Большой базилики Мангупа и крещальни VI–X вв.
Прорисовка В. П. Кирилко. Публ. по: Кирилко В. П. *Византийская архитектура Мангупа* // *Археология Крыма. 1997. № 1. С. 93. Пл. 2, 2*

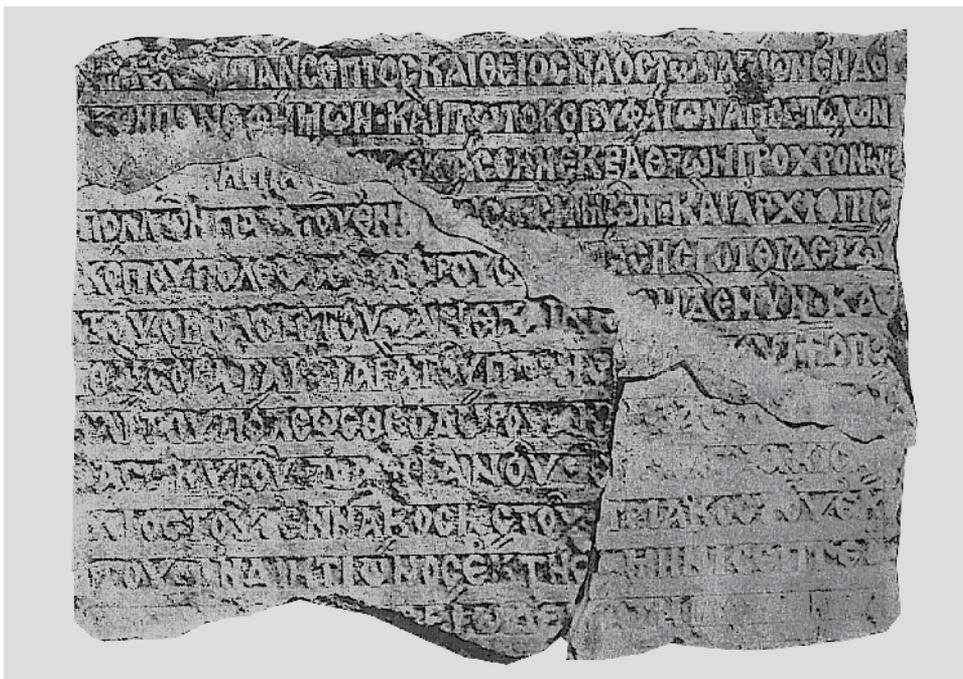
По замыслу строителей (восстановителей) XV в., проведенная реконструкция, дополненная новыми архитектурными компонентами (ил. 19), должна была придать базилике торжественно-парадный вид, достойный столичного города и главного христианского храма Крымской Готии. Однако остается невыясненным вопрос: действительно ли сам Алексей I являлся инициатором восстановления данной церкви или же эти работы осуществлены в 20-е гг. XV в. митрополитом города Феодоро Дамианом?⁹⁵

Имеющиеся историко-археологические данные свидетельствуют о том, что строительно-восстановительная деятельность митрополита Готии Дамиана в 20-е гг. XV в. не ограничивалась только пределами столицы – города Феодоро. На это указывают две эпиграфические находки из Партенита (ил. 20; 21, 1), получившие известность еще в 70-х гг. XIX в. Здесь во время раскопок Д. М. Струковым в 1871 г. храма Святых Апостолов Петра и Павла⁹⁶ были обнаружены три средневековые греческие надписи, одна из которых датирована 10 сентября 1427 г.⁹⁷

В переводе В. В. Латышева с некоторыми изменениями Ф.-Х. Байера данная надпись повествует: «*Всечестный и божественный храм святых славных всехвалных и первоверховных Апостолов [Петра] и Па[вл]а воздвигнут от основания прежде годов многих иже во святых отцом нашим и архиепископом города Феодоро и всей Готии Ио[анном] исповедником, возобнов[вл]ен же ныне, как*

Ил. 19. Декоративно-художественная облицовка наличника южного входа
Большой базилики Мангуна после ее реконструкции в 20-е гг. XV в.
Прорисовка В. П. Кирилко. Публ. по: Кирилко В. П. Южный вход большой Мангунской базилики // *АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005. С. 272. Рис. 1*

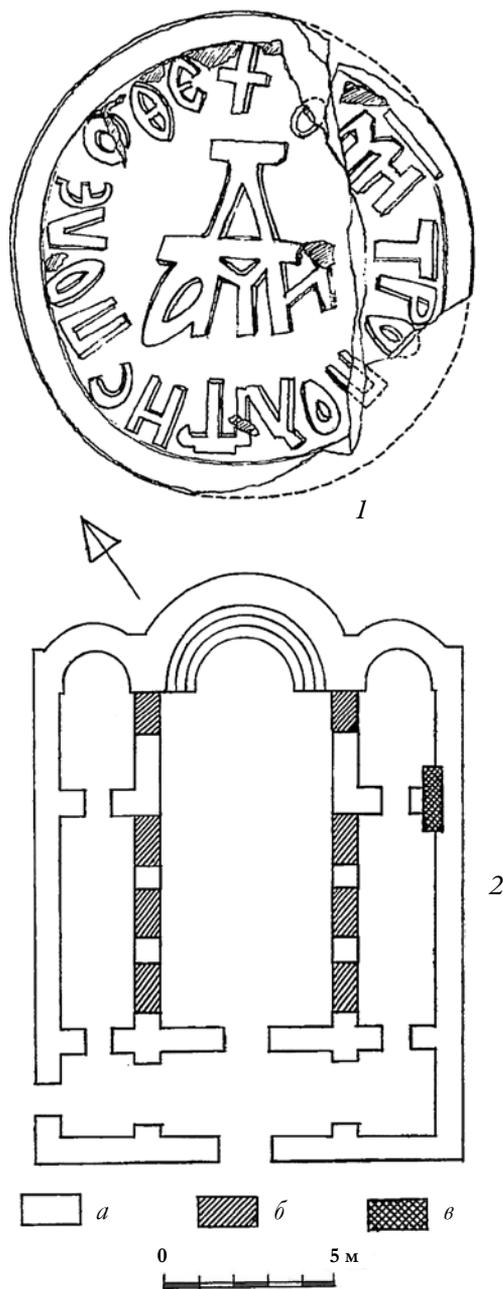
Ил. 20. Восстановительная плита «митрополита города Феодоро и всей Готии Дамиана» (от 10 сентября 1427 г.) из Парthenитской базилики. Местонахождение неизвестно.
Публ. по: Латышев В. В. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. СПб., 1896. С. 78. № 70

зрится, всесвященнейшим митрополитом города Феодоро и всей [Го]тии господином Дамианом л[ета] шесть тысяч девятьсот тридцать шестого, индикта шестого, месяца сентября десятого» (ил. 20)⁹⁸.

Вместе с тем следует заметить, что в этой надписи содержится и ряд исторических несоответствий. Например, Иоанн Готский не только никогда не был «*архиепископом города Феодоро и всей Готии*», но даже не являлся легитимным епископом Готии, признанным в Константинополе. Реальный митрополит города Феодоро и всей Готии Дамиан явно преднамеренно (или следуя в русле сложившейся к тому времени традиции) повысила сан преподобного, воспользовавшись для этого либо уже существующей агиографической мифологемой, а может, создав новую.

Восстановительные работы 1427 г. не внесли принципиальных изменений в архитектуру самого храма, размеры которого составляют 12,46 × 17,90 м (при средней толщине несущих стен 0,80 м). К этому времени была полностью упразднена обводная галерея, закладывались проемы между опорными столбами и проходы из вимы в приделы. Наибольшей реконструкции подвергся диаконник. В нем сооружается встроенная в стену и перекрытая аркосолием могила № 18 (ил. 21, 2, в), оказавшаяся при раскопках 1907 г. пустой. Обращает на себя внимание то, что все стены могилы и пол перед ней были облицованы цельными плитами белого крупнозернистого мрамора.

Создание в 20-х гг. XV в. в базилике X в. столь богато оформленной могилы дает возможность поставить вопрос об организации митрополитом города Феодоро и всей Готии Дамианом 10 сентября (?)⁹⁹ 1427 г. перезахоронения останков (мощей?) местного святого – Иоанна Готского, сделав восстановленный им храм Святых Апостолов

Ил. 21. Ставропегия митрополита Дамиана (1). ИИМК.
 План храма Святых Апостолов Петра и Павла, восстановленного в 1427 г. (2): а – храм X в.; б – заклады проемов в 1427 г.; в – могила № 18 (место захоронения останков (мощей) Иоанна Готского). Реконструкция плана храма выполнена по материалам раскопок С. Б. Адаксиной (1998–2001). Прорисовка автора

Петра и Павла местом поклонения православных верующих.

В свое время В. В. Латышев в комментарии к эпитафическому памятнику из раскопок Партенитской базилики специально обратил внимание на то, что «замечательная по тщательности вырезки и правильности надпись эта относится к 1427 году по Р. Х., т. е. к одному году с надписью, свидетельствующей о постройке храма в крепости владельцем города Феодоро Алексеем»¹⁰⁰.

Действительно, не могут быть случайным совпадением два важнейших в истории Крымской Готии события 1427 г.¹⁰¹: 1) восстановление (освящение?) 10 сентября митрополитом Дамианом базилики Святых Апостолов Петра и Павла, сопровождавшееся торжественным перезахоронением (?) останков (мощей) преподобного Иоанна Готского и 2) завершение князем Алексеем I (в октябре) строительства в цитадели города Феодоро октагонального храма Святых Равноапостольных Константина и Елены.

Данные события соотносятся не только близостью дат, но и их связью со Святой землей. Из Жития Иоанна известно, что он отправился «в Святой град», прежде чем стать пастырем православного народа Готии: «... (и) обойдя всякое святое место и все стези Божьи, вернулся обратно по окончании там третьего года. Тогда только жители Готфии послали его в Иверию, к кафедральному престолу. И там, рукоположенный во епископы, он сохранил невредимыми догматы всеобщей церкви и правую веру»¹⁰².

Таким образом, и в 20-е гг. XV в., когда в правящей элите Византии, и в первую очередь ее столицы – Константинополя, все большей популярностью пользовались латинофильские настроения¹⁰³, Иоанн Готский представлялся православным верующим поздневизантийской Таврики борцом за «правую веру», сохранившим

«невердимыми догматы всеобщей церкви». К тому же он три года провел в Святой земле, посетив за это время места, связанные с деяниями Иисуса Христа. Примерно в это же время (около 1425 г.) правитель Феодоро Алексей I (1411–1446) становится светским членом Братства Гроба Господня. Он возводит не только дворец, но, по-видимому, совместно с митрополитом Дамианом восстанавливает из руин Большую мангупскую базилику, а в октябре 1427 г. завершает строительство обетного октагонального храма во имя Святых Равноапостольных Константина и Елены.

Представленные выше материалы и, прежде всего, две надписи правителя Феодоро Алексея I (1425 и 1427 гг.) дают возможность сделать выводы общего порядка.

1. В основе своей монограммы Алексей поместил монограмму «Гафос», чем позиционировал себя как поборника православия и светского члена Братства Святого Гроба Господня. Это также давало ему право использования эмблемы Братства (?) – двуглавого коронованного орла¹⁰⁴.

2. Рядом с Большой мангупской базиликой в 1425 г. Алексей возводит дворец, а в 1427 г. в цитадели города строит (как член Братства Святого Гроба Господня) обетную церковь – октагональный храм во имя Святых Константина и Елены¹⁰⁵.

3. Начиная с 1425 г. все возведенные при содействии Алексея I строения снабжаются монограммами князя, в основании которых помещается монограмма «Гафос», а также двуглавыми орлами. Данная символика призвана была демонстрировать новый высокий статус (православной и социальной идентификации) аутента Феодоро.

Поэтому позволю себе высказать предположение, что Алексей I, правивший в Феодоро с 1411 по 1446 г., как это и предполагал А. В. Соловьев, не принадлежал кому-либо из знатных родов византийского круга. Благодаря щедрым подаркам, посылаемым в Иерусалим на поддержание православия в Святой земле и храма Гроба Господня, он, как правитель православного государства, к 1425 г. (?) стал светским членом Братства Святого Гроба Господня и получил право использовать в качестве эмблемы двуглавого орла, а также монограмму «Гафос». Примеру Алексея затем следовали и правившие в Феодоро другие аутенты (Исаак, Мануил, Алексей III и Александр), у которых, видимо, на это были основания.

Женитьба его старшего сына Иоанна (в 1426 или 1429 г.?) на Марии Асанине Палеологине Цамблаконины давала право детям, родившимся от этого брака (по материнской линии), именоваться Асанами, Палеоогогами и Цамблаконами, а по линии деда (Алексея I) и отца (?) использовать в качестве личной эмблему Братства Святого Гроба Господня: двуглавого орла. Это мы видим на примере с внучкой (?) Алексея I Марией, ставшей женой Стефана III: хотя хронисты и называли ее «черкешенкой»¹⁰⁶, но на ее погребальной пелене (19 декабря 1477 г.) представлены два коронованных двуглавых орла, а также монограммы Палеологов и Асанов, т. е. среди представителей поздневизантийской аристократии она считалась не только Асаниной Палеологиней или Палеологиней Асаниной, но и светским членом православного Братства Святого Гроба Господня.

Процесс служения храму Гроба Господня потребовал, по-видимому, от Алексея отправки специальных посольств в Иерусалим¹⁰⁷. Получить грамоту (?) о приеме (вступлении) в Братство Гроба Господня Алексей I смог, вероятно, от патриархов иерусалимских¹⁰⁸ Феофила II (1424) или Феофана I (1424–1425), что и нашло отражение в его первой (1425) к настоящему времени известной строительной надписи из донжона мангупского дворца.

6

В связи с рассматриваемой темой естественно встает вопрос о начале использования двуглавого орла в качестве эмблемы Братства Святого Гроба Господня. Однако до сегодняшнего дня многие исследователи продолжают считать двуглавого орла «гербом Палеологов», хотя еще А. В. Соловьев настаивал на том, что «двуглавый орел вовсе не был „гербом Палеологов“», а сперва придворным украшением византийского двора, которое постепенно становится эмблемою царства¹⁰⁹. «Эту эмблему охотно принимают христианские владетели, вошедшие в сферу влияния Византии (князя Хума в конце XII века, сербские короли с начала XIII века, князь Даниил Галицкий в серед. XIII века). Гербом же Палеологов в XIV и XV веке был золотой крест с четырьмя В (или *пупежвола*) на красном поле. Двуглавым орлом и в XIV и в XV веке пользуются многие православные государи различного ранга (царь Душан, деспот Оливер, деспот Константин сербский, деспот Мусаки албанский в XIV веке, деспот Бранкович, албанский Скендербег, Черношвичи в Зете в XV в. и т. д.). Двуглавый орел является в XV веке чаще эмблемою различных деспотов, чем византийских царей. Кроме того он стал гербом трапезундских Комнинов. Поэтому трудно сказать, что обозначает двуглавый орел на надписях Алексея: то ли он вошел в семью православных государей, как названные сербские и албанские деспоты, или то, что он стал именно свойственником трапезундских царей»¹¹⁰.

Ученые по-разному пытались решать вопрос о времени появления в Византии двуглавого орла в качестве эмблемы. Например, Н. Беес в начале прошлого столетия высказал предположение, что самое раннее изображение двуглавого орла может относиться ко времени правления императора Юстиниана I (527–565)¹¹¹. Но уже вскоре П. Марк¹¹² в специально посвященной этому вопросу рецензии дал убедительное обоснование несостоятельности приводимых Н. Беесом примеров и, следовательно, отстаиваемой им теории.

Долгое время широкой популярностью среди исследователей пользовалась гипотеза, которой придерживался и Н. П. Кондаков (1844–1925)¹¹³, полагавший, что введение двуглавого орла можно связывать с византийскими императорами Комнинами, род которых происходил из Пафлагонии, так как «двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»¹¹⁴.

Сп. Ламброс, на основании изображения из *Codex Monacensis 422*, ограничивал время появления двуглавого орла у императоров Византии серединой XIII в. и связывал его с правлением Феодора II Ласкариса (1254–1258). При этом он полагал, что императоры Никеи стали использовать данную эмблему под впечатлением наличия двуглавого орла в кругу хеттских памятников Каппадокии¹¹⁵. Однако А. Хайзенберг, детально изучив мюнхенскую рукопись, пришел к заключению, что вторая голова на изображении орла является более поздним дополнением¹¹⁶.

К середине 30-х гг. XX в. почти одновременно из печати вышли работы Дж. Жерола¹¹⁷ и А. В. Соловьева¹¹⁸. В исследовании Дж. Жерола основное внимание уделяется двум артефактам с изображениями двуглавых орлов: 1) Хрисовулу Монемвасии «1293 г.» и 2) позолоченной шкатулке, хранящейся в Национальном археологическом музее Чивидале-дель-Фриули (Северо-Восточная Италия). На шкатулке сохранились гербовые изображения династии Анжу (золотые лилии) и двуглавые орлы с расправленными

крыльями без корон¹¹⁹. Данную шкатулку считают свадебным подарком Тамары Ангелины Комниной, дочери Эпирского деспота Никифора I Комнина Дуки (1267/68–1297), преподнесенным в 1296 г. (или в 1294 г.?) ее супругу Филиппу I Тарентскому (1278–1332). На основании имеющегося в его распоряжении материала Дж. Жерола пришел к заключению, что двуглавые орлы были введены в качестве геральдической эмблемы Комнинами. Но эту гипотезу жесткой критике подверг Ф. Дёльгер¹²⁰.

А. В. Соловьев полагал, что самое раннее применение двуглавого орла в качестве эмблемы в византийском культурном пространстве относится ко времени императора Андроника II (1282–1328)¹²¹. По его мнению, оно впервые было помещено на Хрисовуле «1293 г.», подтверждающем привилегии в пользу города Монемвассии¹²². На сопровождающей хрисовул миниатюре представлен император, стоящий на пурпурной подушке (суппедионе) с изображениями двух золотых двуглавых орлов¹²³.

Однако Ф. Дёльгер, в целом давая высокую оценку проделанной А. В. Соловьевым исследовательской работе, считал, что Хрисовул Монемвассии «1293 г.» является подделкой, изготовленной в 1301 г. с использованием подлинного оригинала. Следовательно, по мнению Ф. Дёльгера, двуглавый орел мог быть введен позже, чем это полагал А. В. Соловьев. Сам же Ф. Дёльгер придерживался мнения, что первым графическим примером геральдического применения двуглавого орла в Византии является миниатюра 1370–1375 гг., а самое раннее письменное подтверждение относится к 1330–1348 гг.¹²⁴

В 1996 г. из печати вышла статья «Палеологи и появление византийского двуглавого орла» Х. Хотцакоглу. В ней автор обратился к анализу накопленного за последние десятилетия материала, связанного с попыткой ответить на вопрос о времени и причинах появления изображений двуглавых орлов в византийском мире¹²⁵. Подводя итоги состояния данной проблемы, Х. Хотцакоглу¹²⁶ отметил, что ученые, обращавшиеся к этой теме в 40–80-х гг. XX в., пытались в основном изменить временные границы, предложенные Ф. Дёльгером¹²⁷, как на поздние¹²⁸, так и (почти на столетие) более ранние.

Сам Х. Хотцакоглу склоняется к заключению, что раннее изображение двуглавого орла относится к 1294–1296 гг. и представлено на рельефе из церкви Парегоретисса, расположенной под городом Арта¹²⁹. Здесь двуглавый орел находится в круглом медальоне, сформированном из одножгутовой плетенки, и занимает центральное место на перемычке арки двери церкви. На ней также сохранилась ктиторская надпись с именами Никифора I Комнина Дуки и его супруги Анны Кантакузины Палеологины.

Кроме уже упомянутых артефактов конца XIII – первой трети XIV в. (времени правления византийского императора Андроника II – 1282–1328) с изображениями двуглавых орлов (шкатулки 1294–1296 гг. из Чивидале и Хрисовула Монемвассии 1301 г.) Х. Хотцакоглу отмечает «пару серег», по-видимому, принадлежавших Марии Палеологине – супруге сербского короля Стефана Уроша III Дечанского (1322–1334)¹³⁰, три мраморных рельефа из вымостки пола кафоликона монастыря Мега Спелайон¹³¹, ктитором которого являлся Андроник II Палеолог¹³², один из фрагментов фрески Кахрие Джами (храм бывшего монастыря Хоры) в Константинополе¹³³, миниатюру Лондонской рукописи первой трети XIV в. с мемориальным изображением севастократора Константина Палеолога (1230–1271)¹³⁴, брата Михаила VIII Палеолога, а также монеты с двуглавыми орлами, чеканенные при Андронике II Палеологе¹³⁵.

Как отмечает исследователь, к концу XIII в. относится и первое свидетельство об использовании двуглавого (наряду с одноглавым) орла императорами Трапезундской империи – Великими Комнинами¹³⁶. К этому следует добавить еще один важный иконографический источник – морские карты, на которых двуглавый орел появляется в начале XIV в. Например, впервые двуглавый орел изображен на картах 1320–1321 гг. Пьетро Весконтэ и Перрино Весконтэ 1325–1330 гг., где он помещен над Трапезундом. В 1339 г. (карта Анжелино Дульсерта) уже над Сербией и Трапезундом находим изображение красных флагов с золотыми двуглавыми орлами¹³⁷.

Собранные Х. Хотцакоглу свидетельства появления двуглавого орла на памятниках византийского круга привели его к заключению, что они могли восходить к началу правления Андроника II Палеолога¹³⁸. Однако причины использования данного символа автором сформулированы в значительной степени неопределенно. Поэтому он вынужден, со ссылкой на других исследователей¹³⁹, признать: «За неимением конкретных мнений кажется, прежде всего, приемлемой гипотеза, что двуглавый орел с момента своего появления у императорского двора использовался как символ императорской власти»¹⁴⁰.

В то же время в заключении Х. Хотцакоглу отмечает: «Символическое значение двуглавого орла остается для византийцев и дальше неясным, т. к. связанное с этим упоминание Византии приходит с Запада. Открытым остается также вопрос о причине, которая побудила Андроника II к введению двуглавого орла, проблема его происхождения и его раннего появления на сербской территории»¹⁴¹.

Таким образом, на протяжении XX в. исследователям удалось установить, что двуглавые орлы, появившись в конце XIII в., на протяжении XIV–XV вв. заполняют обширное культурное пространство, находящееся под влиянием Византийской империи. Их изображения можно встретить на фресковых росписях, где они украшают одежды знатных персон¹⁴², а иногда и некоторых святых¹⁴³, в сценах из иконографических циклов¹⁴⁴, на миниатюрах рукописей¹⁴⁵, на иконах¹⁴⁶, императорских хрисовулах¹⁴⁷, изделиях из керамики¹⁴⁸, декоративной каменной резьбы и пластики, а также резьбы по дереву¹⁴⁹, на изделиях из металла (отлитых, выгравированных и проч.)¹⁵⁰, в том числе и монетах¹⁵¹, в виде теснения на кожаных переплетах книг¹⁵², вышивке¹⁵³, т. е. на предметах самого различного характера, но в подавляющем числе случаев – культового предназначения, связанных с православной церковью.

Двуглавый орел, занимая обширное пространство, на котором в XIV–XV вв. располагались православные государства Византийского содружества¹⁵⁴ (помимо самой Византии – Сербия, Болгария, Черногория, Молдавия, Трапезундская империя, княжество Феодоро, Северо-Восточная (Московская) Русь), со временем начинает восприниматься как символ суверенной власти¹⁵⁵.

Материалы из Крымской Готии (в основном в виде строительных надписей), где относительно короткое время в XV в. существовало княжество Феодоро, позволяют высказать гипотезу, что появившиеся здесь около 1425 г. эмблемы в виде коронованных двуглавых орлов отражали не родственную связь с поздневизантийскими аристократическими родами (прежде всего Палеологами, Великими Комнинами и Кантакузинами), а принадлежность правившего князя («аутента») к православному Братству Святого Гроба Господня. На это вполне определенно указывает наличие в основании владельческих монограмм с именами аутентов монограммы «Тафос».

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют в пользу того, что время введения в Византии двуглавых орлов относится к раннему периоду правления императора Андроника II и может быть ограничено 1282–1301 гг. Однако следует признать, что до сих пор не известны источники, которые бы указывали на Андроника II как инициатора (?) учреждения Братства Святого Гроба Господня, и каковы были причины, побудившие его (или кого-либо из православных иерархов Иерусалима и Константинополя) к этому.

Мы располагаем только косвенными свидетельствами, указывающими на происходившие в церковной политике императора важные изменения¹⁵⁶. Например, в 1285 г. Андроник II Палеолог отменил введенную его отцом в 1274 г. Михаилом VIII Лионскую унию¹⁵⁷ с западной католической церковью¹⁵⁸. Следует также отметить (начиная с XIII в.) особое стремление к сакрализации императорской власти¹⁵⁹ и введение практики обряда помазания (χρίσις)¹⁶⁰. Вероятно, в связи с этим и верхняя одежда императора (как и представителей других аристократических родов – и не только византийских)¹⁶¹ становится больше похожей на саккос православных епископов. В 1313 г. император отказывается от владельческих прав и передает монастыри на горе Афон в распоряжение Константинопольского Патриархата.

Псевдо-Кодин (около середины XIV в.) описывает церемонию, происходившую в канун Вербного воскресенья, в которой патриарх играл второстепенную роль, а главную – василевс. Император своим участием в торжественном шествии имитировал вход Иисуса Христа в Иерусалим¹⁶².

На протяжении XIV–XV вв. мы наблюдаем ставший обычным обряд вручения василевсом патриарху Константинополя жезла. При этом он должен был провозгласить: «Святая Троица через царство, от Нее дарованное нам, производит тебя в архиепископа Константинополя, Нового Рима и Вселенского Патриарха»¹⁶³.

Появляются эмблемы, которые затем распространяются на территории православных государств византийского круга: «На красном шелковом знамени Андроника II Старшего Палеолога был изображен золотой двуглавый орел под двумя коронами. Под его лапами два круга с монограммами Андроника Палеолога, а между головами – круг с равноконечным крестом с расширяющимися концами и подпись: IC . XC . NI . KA»¹⁶⁴.

В качестве косвенных источников, по-видимому, также можно использовать данные о действиях представителей католической церкви на Святой земле, и особенно в Иерусалиме. Их объективность (и относительная синхронность) определяется постоянной конкуренцией за обладание святыми местами, царившей в Палестине между католиками и православными на протяжении столетий.

После падения Латинского Востока (1291) у католиков временно возникли затруднения с легитимным пребыванием на Святой земле. Однако вскоре возможность вернуться в Иерусалим нашли монахи-францисканцы. Поэтому в 1312 г. папа Климент V (1305–1314) в своей булле «*Gracia magis*» возложил «защиту Святого Гроба» и ответственность за Святую землю на братьев-миноритов. Папа Иоанн XXII (1316–1334) в 1330 г. приора францисканского дома в Иерусалиме наделяет обязанностями «Хранителя ордена Святого Гроба».

Первое (документально подтвержденное) упоминание о светском рыцаре Святого Гроба относится к 1336 г., когда приехавший в 1333 г. в Палестину (путешествовал

по святым местам три года) граф Вильгельм фон Болдензель был посвящен в рыцари в Иерусалиме братьями-францисканцами¹⁶⁵. Всего в XIV в. прошли посвящение в «рыцари Гроба Господня» 20 пилигримов-католиков. Однако эта динамика кардинально меняется в XV в. Причем, если в первой половине столетия при Гробе Господнем были посвящены в рыцари 130 пилигримов, то во второй половине (до 1496) – «рыцарями Гроба Господня» уже стали более 500 странников-католиков из аристократических семейств Западной Европы¹⁶⁶.

В отличие от католического, о численном составе православного Братства Святого Гроба Господня в XIV–XV вв. нам ничего не известно¹⁶⁷: исследователями еще не проделана эта работа. Явно недостает и источников, свидетельствующих о способах и путях вступления представителей правящей элиты православных государств в Братство Святого Гроба Господня¹⁶⁸.

Поэтому до настоящего времени остродискуссионный характер имеют попытки исследователей определить причины и время появления на территории того или иного православного государства Европы эмблем или «гербов» в виде двуглавых орлов.

7

Примером тому может служить историография вопроса проникновения эмблемы в виде двуглавого орла на территорию Северо-Восточной Руси и ее появления в 1497 г. на печати великого князя Ивана III (1462–1505)¹⁶⁹. По определению Г. В. Вилинбахова, одновременно сосуществует три версии, отражающие попытки решить данную проблему: «1) возникновение русской государственной печати вследствие женитьбы Иоанна III на Софье Палеолог, таким образом, заимствование ее печати из Византии вместе с гербом – двуглавым орлом; 2) результат знакомства Иоанна III с элементами оформления императорской власти в странах Западной Европы, в частности, благодаря его контактам с императорами Священной Римской империи из дома Габсбургов; 3) повторение опыта южнославянских государств, где наблюдалась византийская традиция оформления государственной власти»¹⁷⁰.

Видимо, уже к XVII в. в европейском культурном пространстве (в особенности близком к папской курии) сложилось и было распространено мнение, что двуглавого орла российские государи заимствовали у императоров Священной Римской империи. Например, публицист Юрий Крижанич (1617–1687), ратовавший за унию католической и православной церквей, в своем полемическом сочинении «Политика» (1663–1666), обращенном к царю Алексею Михайловичу, по этому поводу писал: «Царь Иван (великий князь Иван III. – В. М.) поступил нехорошо и неправильно... А знаковиной своей сделал **орла двуглавого – римский** или, скорее, **немецкий герб** (выделено мной. – В. М.)»¹⁷¹.

К началу XIX в. сформировалась «византийская» концепция, согласно которой «Иван III, женившись на Софье (Зое) Палеолог, наследнице последнего византийского императора, заимствовал и византийский герб – двуглавого орла, поместив его на своей печати»¹⁷². Несмотря на ее явно недостаточную и конъюнктурную аргументированность, она приобрела широкую популярность и используется до настоящего времени на различных информационных уровнях.

В начале XX в. академик Н. П. Лихачев высказался скептически о самой возможности заимствования Иваном III двуглавого орла и печати из Византии, так как «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та

не имела»¹⁷³. В дальнейшем сторонники данной концепции отстаивали мнение, что на печати Ивана III двуглавый орел появился благодаря заимствованию его изображения с герба императоров Священной Римской империи.

Наиболее последовательно эту концепцию в 60–80-е гг. XX в. отстаивал американский исследователь Г. Алеф¹⁷⁴. Однако М. Агоштон, задавшись вопросом, «могло ли знакомство в Москве с печатью римско-германского императора Фридриха III повлиять на выбор двуглавого орла в качестве символа для помещения на оборотную сторону печати 1497 г.?»¹⁷⁵, подвергнув детальному анализу концепцию Н. П. Лихачева – Г. Алефа, в конечном итоге пришла к заключению, что изучение «сведений о характере дипломатических посланий императора Фридриха в Москву и форм имперской дипломатики позволяет отрицательно ответить на этот вопрос»¹⁷⁵.

Сама исследовательница примыкает к числу авторов, которые находят значительное сходство «силуэта двуглавого орла печати Ивана III с силуэтами балканских двуглавы XV в. из Морей, Зеты и Албании»¹⁷⁶. Вместе с тем М. Агоштон дает данному сходству сложное и недостаточно убедительное объяснение. Она пишет: «После падения Константинополя в 1453 г. часть представителей византийской правящей элиты, ориентированной на латинскую культуру, эмигрировала на Запад, прежде всего в Италию. Именно выходцы из этих семей (известны, прежде всего, Траханиоты) оказались позднее на службе в Москве. Итак, образ балканского двуглавого орла возник в специфической зоне культурного контакта в момент кризиса и гибели Византийской цивилизации. В Москву он попал при посредничестве выходцев из латинофильских византийских семейств»¹⁷⁷.

Таким образом, все три концепции («западная», «византийская» и «балканская») происхождения двуглавого орла на печати Ивана III 1497 г. носят спорный характер и каждая из них подвергается острой критике – таких работ не меньше, чем обосновывающих ту или иную точку зрения.

В связи с предложенной в данной статье гипотезой о вероятном происхождении двуглавого орла как эмблемы православного Братства Святого Гроба Господня предлагаю попытаться рассмотреть проблему его появления в Северо-Восточной (Московской) Руси под таким углом зрения.

Могла ли женитьба Ивана III на Софье (Зое) Палеолог служить основанием для использования двуглавого орла в качестве эмблемы («герба») на государственной печати? По этому поводу неоднократно высказывались достаточно обоснованные сомнения: Софья Палеолог должна была иметь права на «герб» двуглавого орла, но, как известно, в Византии гербов не существовало. Даже если бы Софья и была наделена правом передавать данный «герб», то она могла его передать только своим потомкам «по наследству»¹⁷⁸.

Софья Палеолог (1455/1457–1503) до появления в Москве в ноябре 1472 г.¹⁷⁹ являлась униаткой (или католичкой?), а поэтому и не могла быть светским членом православного Братства Святого Гроба Господня. Следовательно, она не имела права пользоваться эмблемой Братства и тем более передавать ее своему супругу. Нет двуглавых орлов и на произведениях шитья Софьи Палеолог¹⁸⁰, как, например, на пелене Марии Асанины Палеологины.

Однако в свите Софьи, среди лиц, сопровождавших ее из Италии в Россию, можно указать на одного знатного византийского грека – князя Константина «Макнувского»

(Мангупского?), который, судя по всему, являлся членом Братства Святого Гроба Господня. В 1481 г. он, якобы отказавшись от предложенных ему Иваном III «градов, весей и сел», был отправлен в Ферапонтов монастырь, где вскоре принял постриг и, сменив княжеский титул на монашеское служение, уже под именем Кассиана Грека в XVII в. прославлен Русской православной церковью в лике святых¹⁸¹.

Из Ферапонтова монастыря Кассиан ушел в Учму, где основал монастырь. После многих трудов Кассианом в Учме возводятся каменные (первоначально построены из дерева) храмы Успения Пресвятой Богородицы и во имя Рождества Иоанна Предтечи. Но для нас особый интерес представляет свидетельство того, что вместе с данными храмами Кассиан возвел и надвратную церковь Святых Равноапостольных Константина и Елены. Кроме того, еще в 70-е гг. XIX в. на стене храма Успения Пресвятой Богородицы (именно в нем после кончины 4 октября 1503 г. погребли Кассиана) была видна плита с изображением двуглавого орла с опущенными крыльями и без корон¹⁸².

За скупыми строками письменных источников и прежде всего Жития преподобного Кассиана вырисовывается яркая, неординарная фигура образованного византийского аристократа Константина, способного оказать влияние на Ивана III принять решение о вступлении в Братство Святого Гроба Господня.

Очевидно, что брак с Софьей Палеолог в 1472 г. еще не давал Ивану III легитимного права использовать символ двуглавого орла в качестве личной регалии: двуглавый орел на оборотной стороне его печати впервые (возможно, ранее – в начале 1490-х гг.?) появляется как эмблема только 25 лет спустя, в 1497 г., когда он, по-видимому, уже стал светским членом Братства Святого Гроба Господня.

По крайней мере шаги в этом направлении предпринимаются великим князем уже вскоре после 1472 г. Например, после женитьбы на Софье Палеолог в том же году Иван III посылает в Иерусалим к патриарху Григорию II (1468–1493) посольство со специальной суммой денег, предназначенной для ремонта пострадавшего от землетрясения купола храма Гроба Господня.

Своему послу (боярину Никите Беклемишеву), отправляющемуся в 1473 г. в Крым, Иван III дает поручение встретиться с князем Феодоро Исааком и обсудить с ним вопрос о браке дочери Исаака с его сыном Иваном¹⁸³. Исаак, судя по плите из Херсонеса, в основании которой стоит его монограмма «Гафос», являлся членом светского Братства Святого Гроба Господня. Но данному «проекту» не суждено было осуществиться ввиду того, что в конце мая 1475 г. у берегов Тавриды появилась турецкая армия, князь Исаак скоропостижно скончался, а к концу года Феодоро был захвачен османами¹⁸⁴.

Около 80-х гг. XV в. в обращении Северо-Восточной Руси появляются так называемые «московские пулы» с изображением двуглавого орла. Исследователи полагают, что именно дальнейшим развитием этого типа стали московские, тверские, новгородские и псковские пулы конца XV в. с изображением на оборотной стороне двуглавого коронованного орла¹⁸⁵.

Много безрезультатных споров¹⁸⁶ вызвало наличие серебряной «денги» великого князя Михаила Борисовича Тверского (1461–1485), на лицевой стороне которой представлен двуглавый орел, а на оборотной строчная надпись: **пчт//кнсав//лкщгь//хаіла**¹⁸⁷.

Столь же дискуссионный характер носят интерпретации монет с монограммой, состоящей из двух (греческих или славянских) литер: «Т» и «Ф». Одни авторы традиционно

предлагают раскрывать данную монограмму как «Гферь»¹⁸⁸, а другие – «Тафос»¹⁸⁹. Как бы в дальнейшем ни решался этот вопрос, высказанная П. А. Шевченко гипотеза о возможности чеканки при Иване III монет с монограммой «ГФ» (Гѣфос) в пользу Иерусалимского Святогробского Братства имеет более широкую перспективу, чем ее представляет в своей работе исследователь.

Дело в том, что, вероятнее всего, и монеты с двуглавыми орлами, чеканившиеся правителями православных государств (начиная с конца XIII и особенно в XIV–XV вв.) – Византии, Трапезундской империи, Сербии, Болгарии, Добруджанского деспотата, городов-государств и княжеств Северо-Восточной Руси (Пскова, Новгорода, Москвы и Твери), – выпускались как богоугодное дело с целью оказания материальной помощи православию на Святой земле (Иерусалимской патриархии, монастырю Святых Константина и Елены, Братству Святого Гроба Господня).

Время, когда Иван III стал членом Братства Святого Гроба Господня, позволяет предположительно определить ряд признаков.

1. В «Изложении пасхалии» Московского митрополита Зосимы (1490–1494) (написана между 1 сентября – 27 ноября 1492 г.) великий князь не только именуется «благодарным и христоробивым» государем и самодержцем всея Руси, но и впервые назван «новым царем Константином»¹⁹⁰, а Москва – «новым градом Константина»¹⁹¹.

2. По гипотезе А. А. Шахматова, в 1492–1493 гг. на Восток (Царьград, Афон, Святую Землю, Иерусалим и Египет) был отправлен дьяк Михаил Григорьевич Мисюрь-Мунехин¹⁹². Целью его миссии являлось посещение святых мест и раздача милостыни пребывающим там монахам.

3. Именно Иваном Васильевичем впервые вводится при посвящении Симона в митрополиты Московские (26 сентября 1495 г.) церемониал, по сути являвшийся копией «постановления» византийскими императорами патриархов Константинопольских. Здесь великий князь выступает в роли «василевса-священника»: он вручает главе Руской православной церкви пастерский жезл и обращается к нему с приветственной речью¹⁹³.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются косвенные источники, позволяющие говорить о том, что великий князь Иван Васильевич не позднее сентября 1492 г. стал светским членом православного Братства Святого Гроба Господня. По всей вероятности, Иван III одним из последних правителей православных государств так называемого Византийского содружества наций¹⁹⁴ стал членом Братства, так как остальные государства к этому времени уже были завоеванными и оказались в составе Османской империи.

При отсутствии источников, прямо указывающих на связь появления эмблемы двуглавого орла из Иерусалима, интересно толкование российского герба, представленное впервые в стихотворной форме в «Славянской Библии» 1663 г.: *«Тремя венцами орел восточный (выделено мной. – В. М.) сияет, // Веру, надежду, любовь к Богу являет, // Крылье простер, объмлет все мира конца, // Север, юг, от востока аж до запада солнца // Простертыми крыльями добре покрывает...»*¹⁹⁵.

Очевидно, что орел не случайно назван в тексте «восточным». Под «востоком» русские паломники подразумевали не Царьград (Константинополь), а Святую землю, Иерусалим¹⁹⁶. Данное определение является устоявшимся культурно-географическим (топографическим) определением сакрального пространства, представление о котором сформировалось в паломнической литературе на протяжении XII–XVI вв.: «Палестина наших паломников – это доказательство существования земного рая „на востоце“»¹⁹⁷.

8

Подводя итоги проведенных исследований, можно сделать следующие выводы.

Материалы из Крымской Готии (сохранились в виде целых или фрагментированных строительных надписей и купели, а также погребальной пелены из молдавского монастыря в Путне), где в XV в. (1411–1475 гг.) существовало княжество Феодоро, позволяют высказать гипотезу, что появившиеся здесь в 1425 г. эмблемы в виде двуглавых коронованных орлов отражали не родственную связь с аристократическими родами поздней Византии (Палеологов, Великих Комнинов и Кантакузинов), а принадлежность правившего князя («аутента») к православному Братству Святого Гроба Господня. Об этом говорит наличие в основании владельческих монограмм с именами аутентов (Алексея I (Старшего), Алексея III, Исаака, Мануила и Александра) монограммы «ГФ» («Гафос»).

Две надписи правителя Феодоро Алексея I (1425 и 1427) указывают на то, что используя монограмму «Гафос» и эмблему двуглавого орла, он позиционировал себя поборником православия. Получить буллу о вступлении в Братство Святого Гроба Господня Алексей I, по-видимому, смог от патриархов иерусалимских Феофила II (1424) или Феофана I (1424–1425).

Столь существенные перемены в статусе правителя Феодоро Алексея I маркируются в первой четверти XV в. его строительной активностью при участии митрополита Готии Дамиана: 1) в столице княжества ими восстанавливается Большая базилика; 2) рядом с базиликой в октябре 1425 г. Алексей возводит новый дворец; 3) через два года (в 1427) в цитадели города князь завершает строительство обетного октагонального храма во имя Святых Равноапостольных Константина и Елены; 4) 10 сентября 1427 г. митрополитом города Феодоро и всей Готии Дамианом в Партените восстанавливается храм Святых Апостолов Петра и Павла, в котором устраивается аркосолий, где помещается рака с мощами преподобного Иоанна Готского, подвижническая деятельность которого в середине VIII в. связана и со Святой землей.

Выявленный в результате изучения эпиграфических памятников Крымской Готии XV в. прецедент способен, на мой взгляд, пролить свет на причины появления эмблемы двуглавого орла в конце XIII–XV вв. на территории европейских государств. Истоком данной эмблемы, по-видимому, и для православных и для католиков, выступала Святая земля, Иерусалим, храм Святого Гроба Господня, в который она попала в результате сельджукских завоеваний конца XII в. (для сельджуков эмблема двуглавого орла являлась знаком собственности – «гамгой»). Но уже в XIII в. мы видим три различные иконографические формы двуглавых орлов: «сельджукскую», «византийскую» и «западноевропейскую».

Имеющиеся данные свидетельствуют в пользу того, что время введения в Византии эмблемы двуглавых орлов относится к раннему периоду самостоятельного правления императора Андроника II Палеолога (1282–1328) и может быть ограничено 1282–1301 гг. Однако до сих пор неизвестны источники, которые бы прямо указывали на Андроника II как инициатора (?) учреждения светского православного Братства Святого Гроба Господня, и каковы были причины, побудившие его (или кого-либо из православных иерархов – Иерусалима или Константинополя) к этому.

С приходом к власти Андроника II в церковной политике императора происходят существенные изменения: 1) в 1285 г. ему удается отменить принятую в 1274 г.

Михаилом VIII Палеологом Лионскую унию; 2) к 1301 г. с султаном Египта подписывается договор о патронаже византийского василевса над православными святынями Палестины и, прежде всего, храмом Святого Гроба Господня (данное положение сохраняется до 1453 г.); 3) в 1313 г. Андроник отказывается от владельческих прав на монастыри Афона, которые переходят под юрисдикцию Константинопольской патриархии.

Причем все эти события происходят на фоне стремления к сакрализации императорской власти, нашедшей отражение во введении в XIII в. практики обряда помазания. Император становится «василевсом-священником». Теперь он вручает пастерский жезл патриарху Константинополя, а в канун Вербного воскресенья василевс своим участием в торжественном шествии имитирует вход Иисуса Христа в Иерусалим.

Появившись в годы правления Андроника II, эмблема двуглавого орла получает широкое распространение в XIV в. на территориях других православных государств византийского круга: Сербии, Болгарии, Добруджанского деспотата, Трапезундской империи. В XV в. коронованных двуглавых орлов уже можно встретить в Черногории, Молдавском княжестве, Феодоро, Северо-Восточной Руси. Данное явление указывает на вовлечение представителей политической (правящей) элиты православных государств в дело оказания разносторонней помощи христианским памятникам Святой земли и прежде всего сохранению Святого Гроба Господня. На этих землях распространяются храмы, монастыри и подворья, принадлежащие иерусалимскому монастырю Святых Равноапостольных Константина и Елены.

На территории православных государств наряду с широким распространением изображений двуглавых орлов в XIV–XV вв. становится заметным влияние почитания императора Константина Великого (в Московской Руси актуализация культа относится к XVI–XVII вв.), сопровождавшееся повсеместным возведением Константино-Еленинских церквей и развитием иконографии Воздвижения Креста¹⁹⁸.

По всей вероятности, специальными атрибутами, свидетельствующими о принадлежности к православному Братству Святого Гроба Господня, являлись Евангелия (например, рукопись Государственной публичной библиотеки, греч. № 118) с циклом иллюстраций из миниатюрных изображений¹⁹⁹. Наиболее поздними включениями (второй половины XV в.?) в рукописи являются миниатюры, на которых изображены: 1) император Константин Великий и его мать императрица Елена, между ними Крест (сцена «Воздвижение Креста»); 2) в виде земной сферы увенчанная крестом держава и изображение горы (Голгофа?); 3) золотой двуглавый орел (на головах короны, а на груди монограмма рода Палеологов в круглом медальоне) на красном поле; 4) основатель династии Палеологов Михаил VIII (?); 5) изображение коленапреклоненного, одетого в черное монашеское одеяние Дмитрия Палеолога (1407–1470) (миниатюра нарисована на полях рукописи)²⁰⁰.

¹ *Fallmerayer J.* Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827. Bd. 1. S. 110, 145; *Brun Ph.* Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie // Mémoires de l'Académie Imp. de St.-Petersburg. 1866. VII serie. T. 10. N 9. P. 62, 63; *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au

moyen age. T. 2. Leipzig, 1886. P. 212; *Braun F.* Die Letzten Schicksale der Krimgoten. St.-Petersburg, 1890. S. 44; *Васильев А. А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 275–280; *Breyer A. A.* Byzantine famili: the Gabrades // University of Birmingham Historical Journal. 1970. N 12. P. 979–1653; *Breyer A.,*

- Fassonlakis St., Nicol D. M. A Byzantine Famili. The Gabrades. An Additional Notes // Byzantinoslavica. 1975. T. 36. Fasc 1. P. 38–45; Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас (Γαυρας – Γαβρας) // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. 1987. № 3. Ч. 1. С. 190–200; 1987. № 4. Ч. 2. С. 181–193; 1988. № 1. Ч. 3. С. 163–178; Он же. О византийской аристократической семье Гаврас (Γαυρας – Γαβρας) // Studia Armeno-byantina. Vol. 2. Erevan, 2002. С. 389–428. Весьма показательно, что Р. М. Бартикян свою доказательную базу строит на разработках западных коллег, и поэтому (со ссылкой на статью А. Байера, Ст. Фассулакиса и М. Николь) он пишет: «Таким образом, из аристократической семьи Гаврасов последним, служившим при дворе сельджуков султанов, исследователи считают Иоанна Гавраса (1235 г.), а последним представителем данной семьи в Армении (Мелитена) – врага Михаила Гавраса. Остальные Гаврасы в списке А. Байера и его соавторов имеют непосредственное отношение к Трапезундской империи (с 1204 по 1432 г.), к Византийской империи (с 1263 по 1399 г.) и к **греческому княжеству в Крыму (около 1391 – около 1458 г.)** (выделено мной. – В. М.). Некоторые Гаврасы известны в годы турецкого владычества в Греции (1555 – около 1653 г.), а также на Крите (с 1497 г.)» (Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас (Γαυρας – Γαβρας) // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. 1987. № 4. Ч. 2. С. 183).*
- ² Соловьев А. В. Спорные вопросы Готского княжества в Крыму. По поводу книги: Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea // Annales de l'Institut Kondakov. 1937. N 9. P. 95–98; Степаненко В. П. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии // Историография балканского средневековья. Тверь, 1990. С. 87–95; Он же. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 357–375.
- ³ В. П. Степаненко (см.: Степаненко В. П. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. С. 335. Примеч. 2) специально подчеркивал, что «термин „князь“ используется здесь предельно условно, так как в хронике Панарета владетель Феодоро Алексей назван κῆρ Ἀλέξιος ἐκ τῶν Φεωδῶρον θυγάτηρ, что явно отражает его международный статус, по крайней мере, с точки зрения Великих Комнинов» (Μιχαὴλ τὸν Παναρέτον περὶ τὸν Μεγάλον Κομνηνον. Εἰσαγωγή – ἔκδοσις – σχολία Ὀδῦς. Λαμφίδου. Ποντικά ἱερεῦναι 2. Αφῆναι, 1958. Στ. 81. 24).
- ⁴ Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 319–333; Якобсон А. А. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М. ; Л., 1964. С. 123–128; Он же. Крым в средние века. М., 1973. С. 128–133; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко А. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 363, 364, 766; Герцен А. Г. Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г. // АДСВ. Вып. 35. Екатеринбург, 2004. С. 223–239 и др.
- ⁵ Соловьев А. В. Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 93–104; Скржинская Е. Ч. Рец. на: А. А. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М. ; Л., 1950 // ВВ. 1953. Т. 6. С. 258–269; Степаненко В. П. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии. С. 87–95; Он же. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. С. 353–375; Богданова Н. М. О методике использования археологических источников по истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1995. С. 104–116; Кирилко В. П. Аспры с большим «Г» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratumplus. Время денег. № 6. СПб. ; Кишинева ; Одесса, 1999. С. 137, 138; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 160–227.
- ⁶ Книга Т. М. Фадеевой и А. К. Шапошникова «Княжество Феодоро и его князь» вышла в 2005 г., и уже тогда в ее адрес прозвучали критические замечания. Например, С. П. Карпов отметил: «В историографии нередко высказываются предположения, что с начала XIII столетия горная Готия и Мангуп признавали зависимость от трапезундских Комнинов. Эта точка зрения не подкреплена, однако, достоверными данными источников. Отчасти основанием

- для нее являлось старое утверждение о том, что основателями Мангупской династии XIV–XV вв. были Гавры. Сейчас высказаны серьезные сомнения в достоверности этой теории». При этом в примечании исследователь констатирует: «Старая точка зрения на Гавров как князей Феодоро без дополнительной аргументации развивается в недавно выпедшей книге: *Фадеева Т., Шапошников А.* Княжество Феодоро... С. 21, 25–30 и др.» (*Картов С. П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 416. Примеч. 41).
- ⁷ *Фадеева Т. М., Шапошников А. К.* Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь, 2005. Соавтором Т. М. Фадеевой – А. К. Шапошниковым – в книге подготовлен самостоятельный раздел монографии «Феодоро в письменных источниках» (с. 171–275).
- ⁸ *Фадеева Т. М.* Сакральная география Крыма : очерки. Симферополь, 2011. Кроме того, на протяжении последних лет в крымских издательствах опубликовано несколько популярных книг с броскими названиями и яркими обложками, претендующих на «знание тайны» княжества Феодоро (см., например: *Кесмеджи П. А., Кесмеджи Г. П.* Княжество Феодоро. Симферополь, 1999; *Васильев А. В., Автушенко М. Н.* Загадка княжества Феодоро. Севастополь, 2006). Как правило, такие публикации остаются вне поля научной критики в форме рецензирования, т. к. почти сплошь представляют собой компилятивный анахронизм, местами «подкрепленный» личными «открытиями».
- ⁹ *Фадеева Т. М., Шапошников А. К.* Княжество Феодоро и его князья. С. 55–72.
- ¹⁰ *Фадеева Т. М.* Сакральная география Крыма. С. 152–172. Глава 5 «Таврическо-Трапезундские истоки геральдики двуглавого орла» представлена 4 разделами: 1) «Российский герб и обстоятельства его принятия в конце XV века»; 2) «Двуглавый орел в Трапезундской империи и в княжестве Феодоро»; 3) «Сакральные истоки геральдики двуглавого орла» и 4) «Геральдика двуглавого орла в западноевропейской традиции». К сожалению, данная работа изобилует фактическими ошибками и нарушением логики причинно-следственных связей. Например, по мнению автора, «Иван III не копировал Габсбурга... и в 1490 г. (из известных в настоящее время печатей с изображением на оборотной стороне двуглавого орла наиболее ранняя датируется 1497 г. – В. М.) ввел новую государственную печать – двуглавого орла», т. к. «...Фридрих III уже ввел имперскую печать с изображением двуглавого орла в 1442 г.», т. е. разница во времени составляет 55 лет! При этом Т. М. Фадеева заключает: «Нельзя отрицать, что это соперничество **ускорило** (выделено мной. – В. М.) принятие эмблемы в качестве государственной печати» (с. 155). Автор до сих пор продолжает считать, что правители княжества Феодоро происходили «из знатного армянского рода Гаврасов, выходцев из области Халдия в Малой Азии, гордились родственными отношениями с Комнинами, Кантакузинами, Палеологами» и что «из них наиболее известен по византийским и генуэзским документам и эпиграфическим памятникам князь Алексей» (с. 157). Однако исследователями, специально занимавшимися изучением генеалогии аутентов Феодоро на протяжении последних 70 лет, установлено, что они не имели никакого отношения к Гаврасам, их происхождение вообще до сих пор не установлено, и только по женской линии их родство прослеживается с Асанами, Палеологами и Цамблаконами, но нет и следа родства с Кантакузинами (*Соловьев А. В.* Спорные вопросы Готского княжества в Крыму. С. 93–104; *Степаненко В. П.* Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии. С. 87–95; *Он же.* Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. С. 353–375).
- ¹¹ Как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, особенно красноречиво о происхождении Алексея и его старшего сына Иоанна умалчивает в «Эпитафии... над гробом княжича» Иоанн Евгеник (*Спирidonov Д. С.* Заметки из истории эллинизма в Крыму. I. Из семейной истории Мангупского дома // ИТОИАЭ. Вып. 2 (53). Симферополь, 1928. С. 93–102; *Степаненко В. П.* Владетели Феодоро и византийская аристократия в XV в. С. 337). И. Е. Забелин в начале XX в. убедительно доказал, что якобы прибывшие в Москву из Таврики «князья»

- Ховрины не имели никакого отношения ни к Гаврасам, ни к Комнинам, т. к. являлись людьми торгового сословия – «гостями» (*Забелин И. Е.* История города Москвы. От Юрия Долгорукова до Петра I. М., 2006. С. 259). Хочу отметить, что и мной в свое время «Г»-образный символ, который мы находим во всех известных монограммах правителей Феодоро, ошибочно интерпретировался как часть монограммы Гаврасов-Таронитов (*Мыц В. А.* Поливная керамика с монограммами из раскопок Мангупа и Фунны // Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения»: тезисы докладов. Тбилиси, 1985. С. 53, 54).
- ¹² *Фадеева Т. М., Шапошников А. К.* Княжество Феодоро и его князья. С. 56.
- ¹³ Новые материалы об исследовании данного уникального для средневековой Таврики объекта см.: *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. 2010. [Т.] 51. С. 387–419.
- ¹⁴ *Айбабина Е. А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001. С. 171. Рис. 76.
- ¹⁵ *Ленер Р. Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 78, 79. Рис. 13.
- ¹⁶ *Бертье-Делагард А. А.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 31.
- ¹⁷ *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. Вып. 71. Л., 1933. С. 33–35.
- ¹⁸ *Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 130. X.-Ф. Байер предложил близкий вариант реконструкции текста надписи 1425 г.: «[Была построена башня (πυργος, согласно Бертье-Делагарду и Васильеву) с]я с дворца- (τος μετα του παλατ) / [ом и благо] словеннойкрепост-[εу]λογημενω кастр/[ью, которая ныне зрится (?), в] дни господина Ал-(ημερων κυρου 'Αλ/[ексея, государя города] а Феодоро и по- (ς Θεοδωρους και πα-)/[морья (ραδαλασσιας) в месяце Октябре года 6934 (οβριω ετους ζ'αλδ = 1425)]. Однако вызывает сомнение возможность именовать Алексея здесь (как и в надписи 1427 г.) «государем» города Феодоро и Поморья. Более приемлемым эквивалентом в данном случае греческому «аутент» (αυθεντης) является русское «владелец» (*Байер Х.-Ф.* Указ. соч. С. 143, 204, 208, 209, 214, 440). Ему идентично латинское «dominus» = «господин». Оно представлено в славянской государственной титулатуре молдавских князей как «господарь». От греческого слова образовался известный в турецком языке титул «эфенди» (*Кочубинский А.* Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 534).
- ¹⁹ *Кеттен П. П.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. СПб., 1837. С. 219. Примеч. 318 (ил. на с. 218).
- ²⁰ Там же. С. 220–221. Примеч. 320.
- ²¹ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 50–53; *Бертье-Делагард А. А.* Указ. соч. С. 2–10; *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 27, 28; *Кирилло В. П., Мыц В. А.* Октагональный храм Мангупа // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 370–374; *Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV веке. С. 138; *Герцен А. Г.* О первоначальном местоположении надписи с упоминанием храма свв. Константина и Елены: Каламита или Феодоро // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / отв. ред. Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2013. С. 118–128.
- ²² *Кирилло В. П., Мыц В. А.* Октагональный храм Мангупа. С. 354–375.
- ²³ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 26, 27.
- ²⁴ Изображение креста в левом щите вызвало споры среди исследователей второй половины XIX – начала XX в., но так и не нашло убедительной интерпретации (см., например: *Brun Ph.* Op. cit. P. 63; *Vasilin V.* Sur la Seigneurie de “Teodoro” en Crimée au XVe siècle à l’occasion d’un nuove au document // Melanges de l’Ecole Roumaine en France. Première partie. Paris, 1929. P. 315 и др.). Н. В. Малицкий, пытаясь подвести итоги бесплодной дискуссии, писал: «Находящийся

- с левой стороны герб в виде четвероконечного удлиненного креста на овальном щите совпадает по форме с генуэзским. Почему этот герб был усвоен Алексеем, остается неясным. Но не может быть речи о том, что этим гербом Алексей демонстрирует какое-нибудь подчинение Генуе, т. к. это совсем не вяжется со всей его политикой...» (*Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 28, 29).
- ²⁵ Среди эпиграфистов (В. В. Латышев, Н. В. Малицкий) сложилось мнение, что первым расшифровку монограммы с именем князя Алексея на плите с надписью 1427 г. (Αλεξιος) осуществил G. Millet (*Латышев В. В.* Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. 1901. Т. 23. С. 76; *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 28). Однако еще П. И. Кеппен при издании надписи 1427 г. писал, что монограмма в среднем щите может быть «изображением имени (едва ли не самого Алексея)» (*Кеппен П. И.* Указ. соч. С. 221). Вслед за Кеппеном этого мнения («...монограмма, помещенная в середине, должна была обозначать имя собственное господина Феодоро...», т. е. Алексея) придерживался и Ф. К. Брун (*Brun Ph.* Op. cit. P. 63).
- ²⁶ *Когонативили К. К., Махнева О. А.* Алустон и Фуна. Симферополь, 1971. С. 36, 37.
- ²⁷ *Сидоренко В. А.* Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993. С. 154–159.
- ²⁸ *Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV веке. С. 212. Примеч. 40.
- ²⁹ Декорировка архитектурных деталей острыми листьями аканфа характерна для памятников XIV–XV вв., например капители из Константинополя, на разных сторонах которой в круглых медальонах размещена монограмма Палеологов и двуглавый орел (*Makridis Th.* *Ανεκδότα βυζαντινα αναγλυφα του Μουσείου Κωνσταντινοπολεως* // *Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν.* 1931. Vol. 8. P. 333–337. Fig. 4–6). Но в данном случае мы видим иную иконографию двуглавого орла.
- ³⁰ *Мыц В. А.* Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму.* Киев, 1988. С. 104. Рис. 5; *Виноградов А. Ю., Мыц В. А.* Фунская надпись 1459 г. // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005. С. 273–281;
- Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV веке. С. 394–401. Рис. 263–266.
- ³¹ Виноград в христианском искусстве рассматривается прежде всего как эмблема спасения и возрождения, поэтому изображения виноградной лозы использовались при декорировке архитектурных деталей, на гробницах, иконах, фресках, витражах и проч.
- ³² *Кирилко В. П.* Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев, 2005. С. 195.
- ³³ Крест на надписи 1459 г. имеет сложную иконографическую форму, представленную одновременно двумя совмещенными типами: 1) «Просфорный», или «Константиновский» и 2) «Процветший», или крест «виноградная лоза». По преданию, впервые слова «ΙC.XP.ΝΙΚΑ», означающие крестную победу Иисуса Христа, были написаны золотом на трех больших крестах в Константинополе самим Константином, «в память о трех, последовавших одно за другим, явлений креста на небе» (см.: «Христианство в искусстве: иконы, фрески, мозаики...»: сайт. *Глутова С. В.* «Константинов крест» – древнейший памятник раннехристианского искусства на территории России. URL: // http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=68 (дата обращения: 19.01.2015). Смысловое содержание данной формулы раскрывается в словах Спасителя: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил, и сел с Отцем Моим на престоле Его» (Апок. 3:21). В христианском понимании символизма виноградной лозы (в связи с таинством причащения и созданной им Церквью) лежат слова самого Христа: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин. 15:5) и «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой – виноградарь» (Ин. 15:1). «Процветший крест» – из его основания исходят две лозы (иногда с гроздьями винограда) – символизируют собой Воскресение. В христианстве виноградная лоза олицетворяет Христа, ветви ее – апостолов, а виноград – верующих.
- ³⁴ Некогда мной предлагалось ошибочное чтение средней монограммы в форме Ахмет (*Αχμετος, Αχματος*) (*Мыц В. А.* Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV–XV вв. // *Византийская Таврика* : сб. науч. трудов (к XVIII конгрессу

- византинистов). Киев, 1991. С. 192). В. А. Сидоренко полагает, что в центральной монограмме можно видеть имя хана Хаджи-Гирея, сопровождаемое титулом «деспот» (*Сидоренко В. А.* Памятники каменной пластики средневековой Таврики. С. 159). Х.-Ф. Байер раскрывал монограмму как имя Саих и считал, что она принадлежала Исааку, правившему Феодоро перед турецким завоеванием Готии (*Байер Х.-Ф.* Указ. соч. С. 396, 397; *Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV веке. С. 399). Иной интерпретации средней монограммы придерживается В. П. Кирилко, полагающий, что «все предпринятые попытки объяснения содержания средней аббревиатуры не бесспорны» (*Кирилко В. П.* Аспры с большим «Г» на лицевой стороне: опыт интерпретации. С. 138). Поэтому «...для образующих ее букв (М, А, Х, Л или Δ) более естественной и приемлемой является их трансформация в Αχμαδος (Ахмад), Μαλαχος (Малх), Μαλαχιος (Малахий) и Μηχανη (Миханл), чем Ατζκεριες (Хаджи Гирей) или Σαιχ (Саих)» (*Кирилко В. П.* Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). С. 195). В то же время М. М. Чореф читает среднюю монограмму фунской надписи как аббревиатуру имени МАКАΡΙΟΥΣ (Макариос – «Макарий») (*Чореф М. М.* «Lapis offensionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // Научные ведомости (Белгородский гос. ун-т). 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 51).
- ³⁵ *Виноградов А. Ю., Мыц В. А.* Фунская надпись 1459 г. С. 273–281.
- ³⁶ *Мурзакевич Н. Н.* Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. СПб., 1837. С. 643.
- ³⁷ *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 32. Рис. 9.
- ³⁸ *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthaltfer schaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. 2. Abb. 54.
- ³⁹ П. С. Паллас по поводу этой находки пишет: «На виньетке № 3 представлена еще надпись с монограммами, найденная в том же месте...». Виньетка № 3 имеет подпись: «Белый мрамор с надписью, найденной в новом Херсонесе» (*Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследство. Т. 27. М., 1999. С. 47, 219).
- ⁴⁰ В качестве такого примера можно привести прямоугольный каменный блок с четырьмя монограммами, помещенными в круглые медальоны, сформованными одножгутовой плетенкой. Памятник происходит из Фракии, датируется серединой XIV в. и связывается с Андроником Раулем Асаном Палеологом (*Asdracha C., Bakirtzis Ch.* Inscriptions byzantines de Thrace // Αρχαιολογικον Δελτιον. Vol. 35. 1980. P. 266–268. N 20. Pl. 68).
- ⁴¹ *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase, cher les Tchekesses et les Abkhases, en Colhide, en Georgie, en Armenie, et en Crimée. Paris, 1843. T. 4. Pl. XXVIb. Fig. 10; *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 19, 20; *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 36, 37. Рис. 12; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea // Monographs of the Mediavel Academy of America. N 11. Cambridge (Mass.), 1936. P. 217; *Соловьев А. В.* Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 93–104; *Якобсон А. А.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. С. 44. Примеч. 1, 2 и др.
- ⁴² Из всех современных работ румынских исследователей наиболее полная и обстоятельная характеристика памятника (включая и историко изучения пелены) представлена в статьях Штефана Горовея и Марины Шекели: *Gorovei Ș. Ș., Șzekely M. M.* In semnele imperialea le doamnei Maria Acanina Paleologina // Stefan cel Mare si Sfant. Atletal credintei crestine: simpozion: Putna ; Suceava, 2004. P. 81–112; *Idem.* Les emlemes imperiaux de la princesse Marie Assanine Paleologue // Etudes byzantines et post-byzantines. 2006. T. 5. P. 49–87. В отдельной своей работе Штефан Горовея (см.: *Gorovei Ș. Ș.* «Maria Asanina Paleologina, doamna Moldavlahie» (I) // Studi si Materiale de Istorie Medie. 2004. Vol. 22) предлагает рассматривать четыре медальона, помещенных в углах пелены, с точки зрения формальной геральдики. Поэтому похоронная пелена княжны Марии им представляется как четвертичный щит. На нем, по мнению автора, в секторах 1 и 4 находится императорский орел, являвшийся носителем наиболее важной информации, а монограммы династии Асанов и Палеологов размещены в секторах 2 и 4.

- ⁴³ О жизни Марии до нас дошли крайне скудные и противоречивые известия (см., например: *Elian A. Moldova si Bizantul in secolul al XV-lea // Cultura moldoveneas caintimpulul lui Stefan cel Mare. Bucuresti, 1964. P. 160, 164; Nastase D. L'idee imperial dans les pays Romains et «le crypto-empire chretien» sous la dominacion ottoman. Etatet importance du problem // Συμπεκτα. 1981. Vol. 4. Σ. 220, 221 и др.).*
- ⁴⁴ Данному событию современники придавали большое политическое значение, что нашло отражение в летописях (*Cronicileslavominedin. sec. XV–XVI publicate. De Ion Bogdan / editiere vazuta si completata de P. P. Panaitescu. Bucuresti, 1959. (Cronice le medieval le Rominici II). P. 8, 10; Banescu N. Contributiona l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangupen Crimee // Byzantinische Zeitschrift. 1935. Bd. 35. P. 22; Nastase D. Stefan cel Mare imparat // Portret in istorie: Stefan cel Mare si Sfant (1504–2004). Suceava, 2003. P. 567–590).*
- ⁴⁵ Судьба Марии Мангупской оказалась трагической. В июне (?) 1473 г. у нее родились два сына-близнеца – Богдан и Ильяш. Однако Ильяш скончался в младенчестве (в том же году), а Богдан – 25 июля 1479 г. шести лет от роду, и также был погребен на монастырском некрополе Путны (*Tafrali O. Le trezor byzantine et roumain du monastere de Poutna. V. Draps mortuaries XVe siecle (90). Paris, 1925. P. 54, 64; Мьц В. А. Каффа и Феодоро в XV веке. С. 499, 500).*
- ⁴⁶ А. А. Васильев обратил внимание на сходство верхней одежды Марии с платьем жены византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1425) Елены (*Vasiliev A. A. The Goths in the Crimee. P. 241).*
- ⁴⁷ *Tafrali O. Le trezor byzantine etroumain du monastere de Poutna. P. 53, 54; Bogdan D. P. Mangupul in lumina unor noui cercetari. Arhiv-oromaneasa. Bucuresti, 1940. P. 4, 5; Idem. Paleograffia romano-slava. Bucuresti, 1978. P. 110, 204.*
- ⁴⁸ Первым правильное чтение монограммы Асанов осуществил А. В. Соловьев (см.: *Соловьев А. В. Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 95, 96). Позднее такую же версию предложил Габриэль Милле, восстановивший полное имя покойной княжны как Maria Asanina Paleologina, связав ее с именем дарительницы одной из икон в монастыре Григориу на Афоне (Millet G., Pargoire J., Petit L. Recueildes in scriptions chretiennes de l' Athos, I-erepartie. Paris, 1904. P. 171, n. 511; Millet G., Ylouses H. Broderies religious es desty le byzantin. Paris, 1947. P. 79). Х. Бухталь, занимавшийся изучением изображений на пелене, обратил внимание на то, что монограмма имени самой Марии вообще отсутствует, в то время как монограммы Палеологов и Асанов соотносятся с изображениями двуглавых орлов Палеологов (*Buchtal H. A Greek New Testament Manuscriptin the Escorial Library // Byzanz und der Westen. Wien, 1984. P. 96–98. II. 18).**
- ⁴⁹ Данные изображения, начиная с 80-х гг. XIX в., неоднократно привлекали к себе внимание различных исследователей (*Episcop Melchisedec. O vizita la cateva manastiri sibiserici-antecedin Bucovina // Revista pentru Istorie, Archeologie si Filologie. 1883. An. 1. Vol. 1, fasc. 2. P. 259; Costin M. Opere complete / ed. de V. A. Urechia. T. 2. Bucuresti, 1888. P. 562; Dan D. Manastirea si comuna Poutna. Bucuresti, 1905. P. 60. N 1; Kozak E. A. Die Inschriftenaus der Bukovina. Viena, 1903. S. 82, n. 1 и др.), которые в основном ограничивались упоминанием наличия в углах пелены монограмм и изображений двуглавых орлов. Одним из первых детальную публикацию пелены и интерпретацию монограмм в сочетании с изображениями двуглавых орлов осуществил в 1925 г. румынский византолог Орест Тафрала (см.: *Tafrali O. Let rezor byzantine et roumain du Manastere de Poutna. P. 52, n. 90). О связях между Крымом и Молдавией в XV в. и интерпретации монограмм на пелене см.: Nasturel P. S. Din ligature le dintre Moldova si Crimea in secolul al XV-lea. P. margineaunei inscripti grecesti // Omagiului P. Constantinescu-Iasi cu prilejul impliarii a 70 de ani Petre... Bucuresti, 1965. P. 261–266. Историографно вопроса см.: Gorovei J. J., Szekely M. M. Insemne le imperiale ale doamnei Maria Asanina Paleologina. P. 81–85.**
- ⁵⁰ *Соловьев А. В. Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 93–104. Надо признать, что они ненамного увеличались с того времени: в 1969 г. обнаружена купель, а в 1982 г. – фунская надпись 1459 г.*

- ⁵¹ Там же. С. 94. В. П. Степаненко, обратившись к рассмотрению данной темы, вынужден был констатировать, что «генеалогия князей Мангупа настолько фрагментарна, что все сделанные на основе имеющегося материала заключения свидетельствуют скорее о смелости исследователей, нежели о наличии в их распоряжении реальных фактов». При этом он счел нужным указать в качестве примеров такого характера на две работы: 1) *Мыц В. А.* Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма. С. 189–192; 2) *Божиллов П.* Фамилията на Асеневици (1186–1460). София, 1994. С. 415–417 (*Степаненко В. П.* Владетели Феодоро и византийская аристократия в XV в. С. 339. Примеч. 22).
- ⁵² *Соловьев А. В.* Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 98.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 96.
- ⁵⁵ Там же. С. 99.
- ⁵⁶ *Мыц В. А.* Битва на Синей Воде в 1363 г. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 г. или мнимый князь Феодоро Димитрий // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2000. С. 245–256; *Он же.* В плену историографических иллюзий // Stratum-plus. № 6. 2001–2002. Кишинев, 2003. С. 307–331; *Он же.* Каффа и Феодоро в XV веке. С. 25–37. Сравнительно недавно к рассмотрению данных вопросов обратился В. П. Степаненко (*Степаненко В. П.* К интерпретации мангупской надписи ГЕКΟΤΟΝΤΑΡΧΑ(?) ΤΤΙΤΣ... // МАИЭТ. Вып. 14. Симферополь, 2008. С. 485–490).
- ⁵⁷ *Соловьев А. В.* Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 99.
- ⁵⁸ Штефан Горovej предложил раскрывать данную аббревиатуру как имя *Μελχισηδεκ* (ΜΕΛΧΙΣΕΔΕΚ – *Μελχισηδεκ*) (*Gorovej S. S.* Maria Asanina Peleologhina, doamna Moldovlahiei (I). P. 25). К такому же выводу, но только путем более сложных логических построений, пришел и М. М. Чореф (*Чореф М. М.* «Lapis offensioinis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро. С. 52).
- ⁵⁹ *Соловьев А. В.* Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 99.
- ⁶⁰ *Сидоренко В. А.* Памятники каменной пластики средневековой Таврики. С. 159.
- М. М. Чореф считает возможным видеть в данной аббревиатуре не титул «δεσποτις», а «πολις Χερσονοος» (*Чореф М. М.* Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «ΡΘ» // Вестник ТГУ. Вып. 7. Тюмень, 2009. С. 35–51).
- ⁶¹ *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. С. 396, 397.
- ⁶² *Кирилко В. П.* Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации. С. 140. Рис. 2.
- ⁶³ *Чореф М. М.* «Lapis offensioinis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро. С. 49, 50.
- ⁶⁴ Надпись, раскрывающую монограмму «Гафос» в форме «Ο'Αγιος Ταφος», можно увидеть и на изображениях храма Святого Гроба Господня. Например, на иконе «Топография Палестины» (данный живописный проскинитарий изготовлен в Иерусалиме в 1876 г.) (*Залеская В. Н., Пятницкий Ю. А.* Сирия и Палестина // Византия и византийские традиции: Памятники из фондов Эрмитажа и Русского музея : путеводитель по выставке. Л., 1991. С. 21, 22. Рис. 56; *Пятницкий Ю. А.* Мелькитские иконы в соборной Эрмитажа // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1996. С. 44–46; *Он же.* Иконы на рыбьих костях из Святой Земли. СПб., 1997. С. 38–41; *Он же.* Живопись сиро-палестинского региона // Христиане на Востоке. СПб., 1998. С. 114, 130, 131. № 165.
- ⁶⁵ У места последней остановки Иисуса Христа перед восшествием на Голгофу мы находим изображение двуглавого коронованного орла, помещенного в вымостке пола в виде большой квадратной плиты, изготовленной из яшмового камня желто-золотистого цвета. Двуглавого орла с опущенными крыльями также можно увидеть и на Царских вратах храма Воскресения. Однако время создания данных изображений мне неизвестно: они вполне могли здесь появиться и после пожара 1808 г. и масштабной перестройки архитектурного комплекса в начале XIX в. Золотой двуглавый орел с опущенными крыльями вышит на пурпурной ткани, покрывающей спинку трона Патриарха Иерусалимского. Близкие по своей иконографии двуглавые орлы, головы которых покрыты одной большой

- зубчатой короной, изображены над приморскими воротами Константинополя на гравюре в книге «Нюрнбергские хроники» Гертмана Шеделя (1493) Однако при этом эмблемы двуглавых орлов можно увидеть в «Хрониках» и над воротами Нюрнберга и Праги (см.: LiveJournal : блог. URL: <http://laila50.livejournal.com/199063.html>; дата обращения: 31.03.2015). Таким образом, автор, по-видимому, отмечал «имперские» города. Близкий по своей иконографии двуглавый орел с большой многозубчатой короной, как бы соединяющей обе головы (вырезан на мраморной плите), известен в церкви 40 Мучеников Севастийских Ксиропотамского монастыря на Афоне. Однако и здесь время его появления остается неясным.
- ⁶⁶ Современное общество, объединяющее примерно 100 монашествующих Иерусалимской православной церкви, – Братство Святого Гроба («Н Ίερα Α΄γιοταφική Αδελφότης»).
- ⁶⁷ В качестве примера могу привести «Fragment de la Carte Marine de Frecuded’Ancone, dessinee en 1497 tiree de la Bibliothecce de Wolfenbittel a comparee avec les nomsmordernes par Frederic Dubois. 1843». На данном фрагменте карты 1497 г. Фредуче де Анконе представлено изображение большей части территории Причерноморья. При этом над Трапезундом водружен флаг с изображением двуглавого орла, держащего в своих лапах монограмму «Тафос». Фрагмент был скопирован и опубликован в 1843 г. Фредериком Дюбуа де Монпере (1798–1850) в его знаменитом «Путешествии...» (*Dubois de Montpereux F. Voage autour du Caucase, chez les Tcherkesseset les Abkhases, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Paris, 1843. T. 6*). Изображение данной карты также представлено на форзаце русского издания (*Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым : в 6 т. Т. 5, 6 / пер. с франц., предисловие и примеч. Т. М. Фадеевой. Симферополь, 2009*).
- ⁶⁸ В настоящее время по устройству Святогробского братства и Иерусалимская патриархия представляет собой монастырь Святых Константина и Елены (см.: Православная энциклопедия : электронная версия. Т. 13. Гроба Господня (Воскресения Христова) храм в Иерусалиме. URL: <http://www.pravenc.ru/text/168155.html>; дата обращения: 20.12.2011).
- ⁶⁹ *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 27.
- ⁷⁰ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 26, 27. Вместе с тем следует заметить, что титул князя Феодоро Алексея I (1411–1446), его структура и принципы формирования еще не подвергались детальному анализу.
- ⁷¹ *Brun Ph.* Op. cit. P. 63.
- ⁷² *Chotzakoglou Ch.* Die Palaiologen und dasfruheste Auftreten les byzantinischen Doppeladlers // BSI. 1996. Vol. 57. S. 67.
- ⁷³ По наблюдениям Е. А. Яровой, из общего числа изученных ею генуэзских гербов Крыма «абсолютное большинство вписано в подтреугольный, или французский, щит; 3 герба – в так называемый щит каплевидной формы (Де Марини на плите из Каффы 1406 г., Олива из НЗХТ, Гоано на михрабе Судакской мечети); 2 герба – в круглый щит (Де Мари – Пико на плите из Каффы 1406 г., Дорна и Монтероссо на плите из Каффы 1462 г.)» (*Яровая Е. А.* Гереальдика генуэзского Крыма. СПб., 2010. С. 184). Е. Ч. Скржинская в своей работе представляет геральдические фигуры, выполненные в основном на «французских» щитах (*Скржинская Е.* Inscriptions latines des colonies geneises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // ASLSP. Genova, 1928. Vol. 56. П. 1–3, 7, 8, 10–14, 16, 17, 20, 21, 24, 25, 28, 30, 38, 39, 54, 55); А. А. Маджоротти, рассматривавший историю лигурийского фортификационного строительства в Причерноморье и Средиземноморье, отмечает наличие геральдических фигур, помещенных на щитах каплевидной формы на одних из ворот генуэзской Перы (1430) и в Фамагусте, на куртине, возведенной венецианцами (*Maggiarotti L. A.* Architetti e architetture militari // L’opera del genio Italiano all’estero. Gli architetti militari. Vol. 1 : Medio Evo. [Rome], 1933. P. 147. Fig. 96; P. 450. Fig. 398, 399). При этом «латинский» крест в качестве герба Республики Святого Георгия (Генуи) только в одном случае расположен на каплевидном щите (строительная надпись 1430 г. над воротами Перы).

- ⁷⁴ *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 44. Рис. 16, 1–3. Появление щита миндалевидной формы некоторые исследователи относят к поздне-римскому периоду – III в. н. э. (*Rostovtzeff S.* Excavations at Dura Europos // Preliminary report of the seventh and eight season of Work (1933–1934 and 1934–1935). New Haven, 1939. P. 326. Pl. XLI–XLVI). Их наличие фиксируется в V–VI вв. в Египте (*Junkelmann M.* Reiterwir statue aus Herz. Berlin, 1996. P. 115–124), получая наибольшее использование в византийской армии XI в. (*Heath J.* Armies of the Dark Ages, 600–1066. Worthing, 1980. P. 68. Fig. 13; *Kolias T. G.* Byzantinische Waffen. Wien, 1988. S. 92, 93, 109). К XV в. данный тип щита (*σχιουταριον*), по-видимому, полностью вышел из практического употребления, но сохранился в изобразительном искусстве вплоть до XVI в. Примером может служить изображение каплевидных щитов на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» (ранее находилась у царского места в Успенском соборе Московского кремля. В настоящее время хранится в Третьяковской галерее) (*Забелин П. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1998. С. 22; *Квлидзе Н. В.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и ее литературные параллели // Искусство христианского мира. Вып. 2. М., 1998. С. 49–56; *Сорокатый В. М.* Икона «Благословенно воинство Небесного царя»: некоторые аспекты содержания // Византия и Древняя Русь: К 100-летию А. Н. Грабара (1896–1990). СПб., 1999. С. 399–417). Здесь же, на щите одного из всадников нижнего ряда, изображен двуглавый орел.
- ⁷⁵ Кстати, при трех видениях крестов Константину Великому их формы отличались. Например, если при первом видении, описываемом Евсевием Кесарийским, явленный императору крест был сияющим, вписанным в круг или с ветвями, несколько выходящими за его пределы (знамение, лежащее на солнце), то по второму видению нижняя ветвь креста могла быть длиннее прочих (*Щедрина К. А.* «Крест императора Константина Великого»: к вопросу иконографии // Ставрографический сборник. Кн. 2 : Крест в православии. М., 2003. С. 55–66).
- ⁷⁶ Например, на фресковой росписи начала XIII в. в апсиде храма Святого Николая в Мелнике (Болгария) в сцене с апостолом Петром, которую А. Ксингопулос интерпретировал как рукоположение святого Иакова, брата Инсуса Христа, в первые епископы Иерусалима (*Ξυγγοπουλος Α.* Παρτηρης εις τας τοιχογραφιας του Αγιου Νικολαου Μελνικου // Επιστημονικη Ελετηρις (Φιλοσοφικης σχολης). Θεσσαλονικη. 1950. N. 10. Σ. 115). Здесь же «в южной части регистра изображены святители Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и Афанасий Александрийский» (*Тодич Б. Н.* Тема Сионской церкви в храмовой декорации XIII–XIV вв. // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 36. Рис. 2, 3), омофоры которых украшены «латинскими» крестами. И подобных примеров можно привести множество.
- ⁷⁷ Особенно характерно в этом отношении изображение на плащанице (изготовлена около 1300 г.) сербского короля Стефана Уроша II Милутина Неманича (ок. 1253–1321), хранящейся в Белграде, в музее Сербской православной церкви. Христос представлен на полотне в полный рост со скрещенными на чреслах руками. В. Б. Казарина отмечает: «Нагота Спасителя прикрыта литургическим платом, что указывает на тождественность голгофской и евхаристической жертвы Спасителя» (*Казарина В. Б.* Византийская традиция лицевого шитья в произведениях мастерской князей Старицких // ТГЭ. 2010. [Т.] 51. С. 521. Ил. 2). В центре плата помещен крест с укороченной горизонтальной перекладной (*patibulum*) и несколько вытянутой вертикальной (*staticulum*). На ветвях креста изображено пять маленьких равноконечных крестов, а по его периметру – десять равноконечных крестов в круглых медальонах. Поле плата заполнено изображениями таких же равноконечных крестов в круглых медальонах и восьмилучевых «звезд». Равноконечными крестами в круглых медальонах покрыт саккос святителя Петра, митрополита Всея Руси (1322 г., музей Московского Кремля, Москва) (*Гурцова Н. М.* Святитель Петр митрополит Всея Руси. СПб., 2014. Рис. на с. 27).
- ⁷⁸ Более детальную характеристику архитектуры этого неординарного памятника см.:

- Кирилло В. П., Мыц В. А. Октагональный храм Мангупа. С. 354–375. О результатах последних археологических раскопок см.: Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. [Т.] 53. С. 227–253; Кирилло В. П. О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источника) // Stratum-plus. 2010. № 6. СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2010. С. 103–120.
- ⁷⁹ Grabar A. *Martirium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Paris, 1946. P. 27–31, 77, 155, 156, 172, 359, 360. Например, Евсевий Кесарийский (ок. 263–340 гг.) рекомендовал ротондальную форму строения с круглым планом для императорских усыпальниц как наиболее оптимальную, и именно такой вид имели мавзолеи Константина Великого в Константинополе и представителей его семьи в Риме (Ibid. P. 143 sq.). Очень близок мангупский октагон к гробнице остготского короля Теодориха (526–530) в Равенне, в декорровке которой использовались мотивы сирийского происхождения (Шузи О. История архитектуры. Т. 2. М., 1937. С. 63, 64. Рис. 54).
- ⁸⁰ Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1874. С. 2.
- ⁸¹ Лидов А. М. Небесный Иерусалим в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 17.
- ⁸² Filov B. *Early Bulgarian Art*. Bern, 1919. Tabl. XV. Однако современные датировки росписей храма имеют широкие хронологические пределы – с XIV по XVI в. (Божков А. Търновска средновековна художествена школа. София, 1985. С. 245. Примеч. б).
- ⁸³ В связи с рассматриваемой темой будет уместно процитировать заключение по данному поводу О. М. Иоаннисяна: «...причина, обусловившая особое пристрастие к храмам-ротондам в романской архитектуре, заключалась в прямой апелляции к ротонде Гроба Господня в Иерусалиме. Но теперь это уже было связано не с созданием мемориальных храмов-матриц, а с программным обращением к образу иерусалимской ротонды – главной святыни христианского мира, вызванным эпохой крестовых походов... наряду с уже сложившимися функциями замковых и личных церквей у ротонд появилась еще одна – быть обетными рыцарскими капеллами» (Иоаннисян О. М. Храмы-ротонды в древней Руси // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 103).
- ⁸⁴ Грабар А. Византийские треликварий в Лахенской та катедрала // Избранные сочинения. Т. 2. София, 1983. С. 215.
- ⁸⁵ Стерлигова И. А. Малый Сион из Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. М., 1988. С. 272, 273.
- ⁸⁶ Стерлигова И. А. Византийский мощевик Дмитрия Солунского из Московского Кремля и его судьба в Древней Руси // Дмитровский собор. К 800-летию памятника. М., 1997. С. 255–273.
- ⁸⁷ Точную дату изготовления штампа установить не удастся, т. к. изделие обнаружено в переотложенных слоях с керамическим материалом XIII–XV вв., заполнявших помещение 69 внутрикрепостной застройки Алустона (Кирилло В. П., Мыц В. А. Октагональный храм Мангупа. С. 367. Примеч. 71).
- ⁸⁸ В то же время ротондальные церкви Армении, и прежде всего Звартноц, сопоставимы с основным памятником Святой земли – ротондой Воскресения храма Святого Гроба Господня (Казарян А. Ю. Ротонда Воскресения и иконография раннесредневековых храмов Армении // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 107–120).
- ⁸⁹ Штамп сохранился частично – верх отбит. Изделие носит следы пребывания в огне (пожаре?). В основании его размеры составляют 6,6 × 6,6 см, высота – 5,4 см. Интересно отметить, что если в нижнем ярусе штамп имеет десять, то в верхнем – девять граней. На нижней плоскости рабочей площадки в глубоком рельефе вырезан равносторонний «просфорный» (или «Константиновский») крест, в центре и по сторонам которого имеются скругленные «жемчужины»-углубления. Число граней в верхнем ярусе просфорного штампа может указывать как трехчастную структуру самого изделия, так и содержать намек

- на то, что из третьей просфоры – «девятичинной» – изымаются девять частиц в честь святых: Иоанна Крестителя, пророков, апостолов, святителей, мучеников и преподобных, бесребреников, Иоакима и Анны и того святителя, имени которого совершается литургия.
- ⁹⁰ *Вилинбахов Г. В.* Легенда о «знамени Константину» в символике русских знамен XVII–XVIII веков // ТГЭ. 1983. [Т.] 23. С. 26, 27; *Он же.* Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // *Художественные памятники и проблемы культуры Востока.* Л., 1985. С. 188–196.
- ⁹¹ *Вилинбахов Г. В.* Легенда о «знамени Константину» в символике русских знамен XVII–XVIII веков. С. 27.
- ⁹² *Лидов А. М.* Небесный Иерусалим в восточнохристианской иконографии. С. 22; *Jaszi G.* Jerusalem, himmlisches // *Lexikon der christlichen Ikonographie.* 1970. Bd. 6. S. 399.
- ⁹³ *Айбабина Е. А.* Указ. соч. С. 171. Рис. 76.
- ⁹⁴ Несмотря на то что памятник практически полностью открыт раскопками (*Бармина Н. П.* К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. Вып. 11. Свердловск, 1975. С. 30–40), время его возведения и основные этапы строительной истории останутся предметом дискуссии (*Кирилло В. П.* Византийская архитектура Мангупа // *Археология Крыма.* 1997. № 1. С. 92; *Он же.* Южный вход большой Мангупской базилики // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005. С. 260–272; *Бармина Н. П.* Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005. С. 307–318); *Она же.* Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. 2008. [Т.] 42. С. 305–313). М. А. Тиханова связывала время восстановления базилики со строительной активностью, отмеченной на Мангупе в 60-е гг. XIV в. (*Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. С. 387–389). А. А. Якобсон считал, что надпись 1427 г. относится к Большой базилике, и поэтому соотносил данное событие со строительной деятельностью Алексея I. Он полагал, что князь Мангупа как ктитор «восстановил большой храм Константина и Елены, первоначально сооруженный в VI в., но уже давно лежавший в развалинах» (*Якобсон А. А.* Средневековый Крым. С. 126). Несколько ранее исследователь, касаясь восстановления дворца Мангупа в 1425 г., полагал, что «и базилика возобновлена, вероятно, тогда же» (*Якобсон А. А.* Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. 1956. Т. 8. С. 183). В. П. Кирилло датирует последний строительный горизонт базиликальной церкви первой половиной XV в. (*Кирилло В. П.* Византийская архитектура Мангупа. С. 92). Этой же точки зрения придерживается и Н. И. Бармина, которая отмечает, что «не ранее первой половины XV в. поменялся ее внешний облик» (*Бармина Н. П.* Этапы жизни Мангупской базилики. С. 312).
- ⁹⁵ По-видимому, именно митрополит Дамиан фигурирует в генуэзских документах (массариях Каффы) под 1424 и 1428–1429 гг. как «епископ Теодоро» (*Banescu N.* Contribution à l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangupen Crimee // ВЗ. 1935. Bd. 35. P. 35; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. P. 205; *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. С. 387).
- ⁹⁶ Изучение Партенитской базилики, начатое в 1871 г. московским художником Д. М. Струковым (*Клопотович Н.* О раскопках Д. М. Струкова в Партените // *Таврические епархиальные ведомости.* 1871. № 23. С. 723–728; *Кафулов Г.* Недавняя археологическая находка в Крыму (Древний христианский храм, открытый художником Струковым в д. Партенит, в октябре 1871 г.) // *ЗООИД.* 1872. С. 308–317; *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. С. 37–40; *Толстой П., Кондаков Н.* Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева // *Русские древности в памятниках искусства.* Вып. 4. СПб., 1891. С. 30, 31), было продолжено в 1907 г. Н. И. Репниковым (*Репников Н. П.* Партенитская базилика // *ИАК.* 1909. С. 91, 140). В ходе изучения храма в 1998–2001 гг. Южно-Крымской экспедицией Государственного Эрмитажа (начальник С. Б. Адаксина) получены археологические материалы, указывающие на то, что базилика, вероятнее всего, возведена в последней трети X в., а не в VIII и тем более не в VI в., как считалось ранее (*Тиханова Т. А.* Базилика // *МИА.* 1953. № 34. С. 385, 386; *Якобсон А. А.* Раннесредневековый

- Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 197; *Айбабин А. П.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 208–210; *Он же.* Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. 12. Ч. 2. С. 618). Предложенная последними исследователями новая дата строительства памятника стала предметом острой дискуссии (*Завадская П. А.* К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культурные памятники в мировой культуре. Севастополь, 2004. С. 44–47; *Она же.* О строительных периодах храма Святых апостолов Петра и Павла в Партените // МАИЭТ. 2006. Вып. 12. Ч. 1. С. 299–320; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 1345–1370; *Хрушкова А. Г.* Вымостки *opus sectile* в Причерноморье и Киеве: средиземноморский контекст // Российское византиноведение: Традиции и перспективы : тезисы докладов XIX Всероссийской науч. сессии византинистов. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 215–218; *Она же.* Базилика в Партенитах (южный Крым): мог ли быть в ней похоронен епископ Иоанн Готский? // Климентовский сборник : материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.). Севастополь, 2013. С. 384–408; *Адакстина С. Б., Мыц В. А.* Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. Т. 6 (XII). СПб. ; М., 2013. С. 401–503).
- ⁹⁷ Из трех найденных в 1871 г. при раскопках базилики надписей одну так и не удалось прочесть, а две другие перевел на месте священник церкви из с. Лутки – Иордан (*Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. С. 39). Вторая эпиграфическая находка, обнаруженная одновременно со строительной надписью 1427 г. митрополита Дамиана, осталась вне внимания ученых и была потеряна. Ее рисунок удалось отыскать в архиве Д. М. Струкова (*Мыц В. А.* Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV–XV вв. С. 186–191. Рис. 4, f). На рисунке был изображен круглый камень, расколотый на 1/3 с частичными утратами. В центре помещена монограмма ΔΑΜΝ, содержащая имя «Дамиан» (ΔΑΜΙΑΝ[ΟΣ]), а по кругу надпись из трех слов: «ΜΗΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ ΘΕ[ΟΔΩΡΟΥΣ]». В целом она выглядит следующим образом: «Δαμιαν[ος] μητροπολιτης πολεις Θε[ουδωρου]» («Дамиан. Митрополит города Феодоро») (*Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV веке. С. 145, 146. Рис. 64, f).
- ⁹⁸ *Латышев В. В.* Новая надпись из Партенита // ЗООИД. 1886. Т. 13. С. 58–65; *Он же.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 72–79; *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. С. 385, 386.
- ⁹⁹ Апостолы Петр и Павел почитаются 29 июня, а 10 сентября поминаются святые Петр и Павел – епископы Никей (*Бухарев Иоанн.* Жития всех святых, празднуемых православною грекороссийскою церковью. СПб., 1996. С. 346–348, 517).
- ¹⁰⁰ *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С. 78, 79.
- ¹⁰¹ На совпадение двух этих событий обратил внимание и А. В. Соловьев, рассматривавший их в едином историческом контексте деятельности Алексея, пытавшегося закрепиться на побережье Готии (*Соловьев А. В.* Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 95).
- ¹⁰² *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // Избранные труды по истории Византии (Труды В. Г. Васильевского) : в 2 кн. (4 т.). / ред.-сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2010. Кн. 1 (т. 1–2). С. 819; *Могаичев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 11, 12.
- ¹⁰³ Сложное внешнеполитическое положение Византии на рубеже XIV–XV вв., определяющим фактором которого становится борьба с османской экспансией, породило иллюзию о получении военной помощи от западных государств. Император Мануил II Палеолог на четыре года (1399–1403) отправляется на Запад, надеясь получить помощь в войнах с турками (*Васильев А. А.* Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403 гг.) // ЖМНП. СПб., 1912.

- Ч. 39. С. 41–78, 260–304; *Barker J. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick, 1969). В это же время (и вплоть до краха Византии 29 мая 1453 г.) вновь становится популярной идея церковной унии (*Ламизе Е. М.* Варлаамизм и византийское латиномыслие. Просопографические наблюдения // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики* : сб. ст. СПб., 1999. С. 262–269) Восточной Церкви с Западной (о сложностях унионального процесса см.: *Акишин С. Ю.* Митрополит Исидор Киевский и проблема церковной унии в поздней Византии // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2011. Вып. 1. С. 70–101).
- ¹⁰⁴ Появление двуглавого орла в Палестине, по-видимому, можно относить к 80-м гг. XII в. и связывать с завоеванием Иерусалима Саладином. А. В. Соловьев отмечал: «...в XII в. мы начинаем его (двуглавого орла. – В. М.) видеть на городских стенах и на монетах Артукидов, Зенгилов и Саладина. Мы можем сказать, что орел этих султанов может быть рассматриваем как их эмблема, даже как их наследственный герб. Мы должны предположить, что, находясь на городских стенах и на монетах султанов, эта эмблема могла находиться также на их знамени» (*Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне // *Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований; Институт всеобщей истории РАН; отв. ред. А. П. Черных. Вып. 4. М., 2009. С. 131*). Т. Т. Райс отмечала, что образ орла в искусстве Сельджукидов был так же широко распространен, как и образ льва, т. к. являлся символом высокого происхождения: «Орлы изображались одноголовыми или двухголовыми существами, причем это могла быть голова как орла, так и льва или грифона. Некоторые скульптурные образы сильно стилизованы и сохраняют пришедшие из глубины веков отметины в виде точки с запятой; другие более натуралистичны; третьи близки к византийским образцам» (*Райс Т. Т.* Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии / пер. с англ. О. И. Миловой. М., 2004. С. 180. Фото 52–55).
- ¹⁰⁵ Дата надписи – октябрь 1427 г. – также может быть предположительно уточнена: явление Константину креста с надписью «Сим побеждай» произошло 28 октября 312 г. Вероятно, около 28 октября 1427 г. было завершено возведение октагонального храма Мангуша во имя святых Константина и Елены, и храм был освящен (?).
- ¹⁰⁶ По данному вопросу более подробно см. работу дискуссионного характера: Научное Общество Кавказоведов : сайт. *Хотко С.* Черкесская династия в Крымской Готии. 1403–1475 гг. URL: <http://adigasite.com/archives/1409> (дата обращения: 13.05.2011).
- ¹⁰⁷ Следует отметить, что кафедра Иерусалимского патриархата временами пустовала (т. е. была «вдовствующей»), а также из-за сложностей политической обстановки в Палестине патриархи Иерусалима часто подолгу проживали в Константинополе.
- ¹⁰⁸ Следует признать, что нам не известна практиковавшаяся в XIII–XV вв. процедура вступления в православное Братство Святого Гроба Господня.
- ¹⁰⁹ К детальному рассмотрению этой проблемы русский византолог А. В. Соловьев обратился в фундаментальной работе, изданной в 1935 г., но не утратившей научного значения до настоящего времени: *Soloviev A.* Les emblems heraldiques de Byzance et les Slaves // *Seminarium Kondakovianum*. Vol. 7. Pracha, 1935. P. 119–164. В 1979 г. она была переиздана в Лондоне: *Soloviev A.* Byzance et la formation de l'Etat russe. London, 1979. P. 119–164. Перевод с комментарием и издание на русском языке осуществлены относительно недавно А. П. Черных (*Черных А. П.* Геральдика в научном наследии А. В. Соловьева // *Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований; Институт всеобщей истории РАН; отв. ред. А. П. Черных. Вып. 4. М., 2009. С. 96–108*; *Соловьев А. В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне. С. 109–197). Годом ранее (в 1934 г.) данная тема была озвучена в докладе: *Solovjev A.* Les emblems heraldiques de Byzance et leur influence sur les Slaves // *Actes du IVe Congrès International des Etudes Byzantines*. Sofia, septembre 1934. Sofia, 1935. P. 343–345.
- ¹¹⁰ *Соловьев А. В.* Спорные вопросы по истории Готского княжества в Крыму. С. 99.

- ¹¹¹ *Bees N.* Zum Thema der Darstellung des zweiköpfigen Adlers bei den Byzantinern // *Repertorium für Kunstwissenschaft*. Bd. 35, 1. Berlin, 1912. S. 321–330. Нико Беес по данному поводу писал: «В качестве самого раннего примера этого изображения я рассматриваю рельеф археологического музея на Андросе, который, судя по его стилю, нужно относить к эпохе императора Юстиниана. Пожалуй, к этому же времени принадлежат также и другие изображения двуглавого орла» (Ibid. S. 322).
- ¹¹² *Mark P.* Rezension zu *N. Bees*. Zum Thema der Darstellung des zweiköpfigen Adlers bei den Byzantinern (wie Anm. 9) // *BZ*. 1913. Bd. 22. S. 289. Свороносом также было установлено, что в булле «страти́га Эллады» (στρατιγός ‘Ελλάδος) IX в., на которую ссылался в своих хронологических построениях Н. Беес, представлен одноглавый, а не двуглавый орел (*Svoronos J. N.* Πρωεγεννηθη και τις ημαινει οδικαφαλος αετος του Βυζαντιου. Athenes, 1914. P. 38).
- ¹¹³ *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 116, 118, 119.
- ¹¹⁴ Собственно одним из основоположников «комниновско-пафлагонской» концепции появления двуглавого орла в Византии следует считать Г. ХризOVERГОСА, полагавшего, что Комнины с 1048 г. стали использовать двуглавого орла в качестве своего фамильного герба (*Χρiσoβεργoς Γ.* ‘Οεντη μεγαλη εκκλησια δεσποτικος θρονοσμετα του αμβωνος. Athenai, 1861. Σ. 43–50).
- ¹¹⁵ *Λαμβροσ Σπ.* ‘Ο δικιφαλος αετος του Βυζαντιου // *Νεοσ ‘Ελληνομνημων*. Τ. 6. Athen, 1909. P. 433–473.
- ¹¹⁶ *Heisenberg A.* Der Zweiköpfige Adler der byzantinischen Kaiser // *Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit* // *Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften (Philos.-philol. Klasse)*. Jahrgang, 1920. S. 28, 29.
- ¹¹⁷ *Gerola G.* L’aquilabizantina e l’aquilaimperiale a due teste // *Felix Ravenna*. 1934. Vol. 43. P. 7–36.
- ¹¹⁸ *Soloviev A. V.* Les emblems heraldiques de Byzance et les Slaves. P. 119–164.
- ¹¹⁹ *Nicol D.* The Byzantine Lady. Cambridge (Mass.), 1994. Pl. 2; *Chotzakovoglou Ch.* Die Palaiologen und das früheste Auftreten les byzantinischen Doppeladlers // *Byzantinoslavica*. 1996. Vol. 57. S. 62. Abb. 2.
- ¹²⁰ *Dölger D.* Rezension zu *G. Gerola*. L’aquila byzantine e l’aquila imperial a due teste // *BZ*. 1934. Vol. 34. S. 470, 472.
- ¹²¹ Данная идея, по-видимому, возникла у А. В. Соловьева под впечатлением яркой работы А. Хайзенберга (*Heisenberg A.* Der Zweiköpfige Adler der byzantinischen Kaiser. S. 13–29), пришедшего к заключению, что двуглавого орла не знали ни Комнины, ни императоры Никей, но подобной эмблемой пользовались латинские императоры Константинополя. Поэтому он писал: «Отсутствие источников не позволяет нам узнать, что побуждало императора Андроника II пользоваться орлом с двумя головами вместо одноглавого... Андроник II вовсе не опирался на никейскую или более древнюю византийскую традицию, но возможно на традицию латинскую, которая была еще жива в Византии после 1204–1261 гг.». Далее А. В. Соловьев делает далеко не бесспорное предположение (см.: *Черных А. П.* Гереальдика в научном наследии А. В. Соловьева. С. 103): «...императоры, уроженцы Фландрии, символизировали двуглавым орлом свою империю на Востоке и на Западе; подобные идеи могли повлиять и на Андроника II. Поскольку именно в его время Византия начала терять Малую Азию, Восток своей Империи. В 1288 г. Осман одержал победу, положив начало триумфальному походу турок против Византии (Pachum. II, 388). Для распада этой угасающей Империи характерно, что василевсу нечего было этому противопоставить, кроме одних притязаний и магии символа» (*Soloviev A. V.* Les emblems heraldiques de Byzance et les slaves. P. 121; *Соловьев А. В.* Гереальдические эмблемы Византии и славяне. С. 113).
- ¹²² Император Андроник II Палеолог изображен со всеми властными регалиями и стоящим на алоне сушедионе с вытканными на нем двумя золотыми двуглавыми орлами. В настоящее время исследователи датируют данный документ июнем 1301 г. (*Spatharakis I.* The Portrait in Byzantine illuminated Manuscripts. With 182 illustrations. Leiden, 1976. Fig. 134; *Kalligas H.* The Miniatures in the Chrysobull of Andronikos II for

- Monemvasia // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / отв. ред. Р. М. Шукуров. М., 2009. С. 365. Рис. 1). Вместе с тем, А. В. Соловьев выражал неуверенность в установленной им дате («1293 г.») появления двуглавого орла среди императорских регалий: «Довольно трудно точно определить время первого появления двуглавого орла в Византии. Определенно, что это появление не могло иметь точной даты, что оно не является следствием какого-либо акта суверена, который вводил новую эмблему – напротив, это появление совершилось незаметно. Под влиянием восточной моды, столь сильной в Византии, двуглавый орел вначале появился как орнамент – на парче и барельефах. Как один, так и другие сохранились очень фрагментарно и никогда не имеют даты – самые ранние данные очень приблизительны» (*Соловьев А. В. Геральдические эмблемы Византии и славяне*. С. 127, 128).
- ¹²³ *Soloviev A. V. Les emblems heraldiques Byzanceet les slaves*. P. 133.
- ¹²⁴ *Dölger F. Rezension // BZ. 1935. Vol. 35. P. 505, 506* (рецензия к изданию: *Soloviev A. V. Les emblems heraldiques de Byzanceet les slaves // Seminarium Kondakovianum. 1935. Vol. 7*).
- ¹²⁵ На протяжении 40–90-х гг. XX в. исследователи неоднократно обращались к теме происхождения, значения и распространения двуглавого орла на широком ареале влияния византийской и поствизантийской цивилизации (см., например: *Kornemann E. Adler und Doppeladlerim Wappendes alten Reiches. Zur Vorgeschichte des Doppeladlers // Das Reich. Idee und Gestalt. Festschrift für Johannes Haller zuseinem 75. Geburtstag. Stuttgart, 1940. S. 45–69; Idem. Zur Geschichte des Doppeladlers // BZ. 1940. Vol. 40. S. 446–448; Jacopi G. L'aquila dicefala dei Paleologhi nella tradizione artistica e poeticoellenica // Studi Bizantini e Neoellenici. 1953. Vol. 8. P. 151–161; Korn J. E. Adler und Doppeladler. Ein Zeichenim Wandel der Geschichte // Der Herold. 1963–1968. Bande 5/6. S. 113–124, 148–153, 181–191, 217–226, 299–306, 334–344, 361–369, 421–430, 441–453, 481–495; Idem. Adler // Lexikon des Mittelalters. Bd. 1. München, 1980. Col. 153, 154; Alef G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // Speculum. 1966. Vol. 41 (1). P. 1–21; Hemmerdinger B. Deux notes d'heraldique // BZ. 1968. Vol. 61. P. 305–309; Hellmann M. Moskau und Byzant // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1969. Vol. 17. S. 321–344; Spyridakis G. К. Οδικοεφαλος αετος ιδιαως συμβολον ηως θεμακοσμησεως κατα την βυζαντινην και μετα βυζαντινη μεχριτων νεωτερων χρονων περιодов // 'Επετηρις' Εταιρειας Βυζαντινων Σπουδων. 1972–1973. Vol. 39, 40. Σ. 162–174; Boureau A. L'aigle Chronique politique d'un embleme. Paris, 1985; Mattern G. Der Doppeladler als staatsrechtliches Symbol in der Schweizer Geschichte // Staaten, Wappen, Dynastien: XVIII Internationaler Kongreß für Genealogie und Heraldik in Innsbruck vom 5. Bis 9. September 1988. Innsbruck, 1988. P. 399–416; Kazdan A. Coats of Arms si Anthony Cutler. Eagles // Oxford Dictionary of Byzantium. T. 1. New York ; Oxford, 1991. P. 472, 473, 669; Schreiner P. Bisanzio e la Liguria // Oriente e Occidentetra Medioevo ed Eta Moderna. Studi in onore di Geo Pitarino, a cura di Laura Balletto. Vol. 2. Genova, 1997. P. 1102, 1103. Fig. 1, 2; Androudis P. Origines et symbolique de l'aiglebicephale des Turcs Seldjoukides et Artuqides de l'Asie Mineure (Anatolie) // Βυζαντιακα. 1999. Vol. 19. Σ. 311–345; Bleisteiner C. D. Der Doppeladler von Kaiser und Reich im Mittelalter // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 2001. T. 109. S. 4–52; и др.).*
- ¹²⁶ *Chotzakoglou Ch. Die Palaiologen und das früheste Auftreten des byzantinischen Doppeladlers // Byzantinoslavica. 1996. Vol. 57. S. 62*. Исследователь обратил особое внимание на хранящуюся в настоящее время в Государственном Эрмитаже иконе Пантократора 1363 г. (инв. № 515), на которой (слева от Иисуса Христа и на раме иконы) изображен великий примкирий Иоанн, супруг Анны Асанины Кондостефанины (*Божиллов П. Фамилията на Асеновци (1186–1460): генеалогия и просопография*. София, 1994. С. 340–345, 493, 494. № 34. Рис. 33, 34). При этом Х. Хотцакоглу отмечает, что если сама икона неоднократно становилась предметом внимания ученых (*Кондаков Н. Изображение русской княжеской семьи в миниаторах XI в. СПб., 1906. С. 76, 77; Millet G. De disca ed icone // BZ. 1906. Vol. 15. P. 618, 619;*

- Lasareff V.* Byzantine Ikons of the Fourteenth and Fifteenth Centuries // *Burlington Magazine*. 1937 (December). Vol. 71. P. 255, 256; *Банк А. В.* Византийское искусство в СССР. М.; Л., 1966. С. 377. Ил. 265–269; *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 168. Примеч. 83; и др.), то двуглавые орлы на великолепном одеянии Иоанна остались без внимания (*Chotzakoglou Ch.* Die Palaiologen und das früheste Auftreten les byzantinischen Doppeladlers. S. 62).
- ¹²⁷ *Hemmerdinger B.* Deux notes d'heraldique // *BZ*. 1968. Vol. 61. S. 305–309; *Borgia L.* L'Aquila dell' Impero Romano d'Oriente concessionari di che durante il concilio di Firenze // *Firenze e il Concilio del 1439: Convegno di Studi Firenze 29.11–2.12.1989 / a cura di P. Viti*. T. 29. Firenze, 1994. P. 457–489.
- ¹²⁸ *Hellman M.* Moskau und Byzanz // *Jahrbücher für Geschichte Oschichte Osteuropas NF*. 1969. Vol. 17. S. 334; *Korn J. E.* Adler und Doppeladler. Ein Zeichen im Wandel der Geschichte. Göttingen, 1969. S. 75.
- ¹²⁹ *Orlandos A. K.* 'Hπαρηγοσητισσας' 'Αρης. Athen, 1968. P. 99, 100. Abb. 108; *Theis L.* Die Architektur der Kirche der Panagia Paregoretissa in Arta. Epirus; Amsterdam, 1991. P. 154, 155; *Chotzakoglou Ch.* Die Palaiologen und das früheste Auftreten les byzantinischen Doppeladlers. S. 64. Abb. 11.
- ¹³⁰ Мария Палеологина являлась дочерью паниперсебастоса Иоанна Палеолога – племянника Андроника II Палеолога. Серьги были найдены при раскопках монастыря в Дюриште, недалеко от Сопота, и хранятся в археологическом музее Скопье. На серьгах в технике гравировки в двух овальных медальонах вырезаны монограммы – монограмма Марии (в виде начальной буквы имени «М» = M[αριας]) и монограмма Палеологов («ПАΛΓ» = Παλ[αιολο]γ[ος]) и двуглавый орел (*Aleksova B.* Gdejesahranjena Marija Paleologova? // *Anali Hist. Inst. u Dubrovniku*. 1956. N 4–5. P. 213–229; *Eadem.* Ouestenterre Marie Paleologue? A propos de la de couverte faite dans une tombe // *Archeologia Jugoslavica*. 1959. T. 3. P. 123–127. Pl. XLIV, XLV; *Chotzakoglou Ch.* Die Palaiologen und das früheste Auftreten les byzantinischen Doppeladlers. S. 63. Abb. 14).
- ¹³¹ В мозаичный пол наоса храма (выполнен в технике *opus sectile*) была уложена плита размером 0,65 × 0,63 м, а в боковых нефсах плиты из белого мрамора с изображениями двуглавых орлов имели прямоугольные очертания – 0,44 × 0,63 м (*Orlandos A. K.* Νεω τερα ευ πηματαεις την μονην Δαφνιου. 'Αρχειον Βυζαντινων Μνημειων 'Ελλαδος 8 (1955–56). Σ. 95. Anm. 1; *Chotzidakis M.* Μυστας. Athen, 1956. Σ. 46; *Etzeoglou R.* Mistra, a byzantinatown. Athen, o. d. P. 52; *Marinov G.* 'Αγιος Δημητριος. Η Μητροπολιτου Μυστρα. (Diss.) Athen, 1990. Σ. 111, 112; *Chotzakoglou Ch.* Untersuchungen zur Geschichte. Architektur und Wandmalerei der Klosterkirche Mega-Spelaiion auf der Peloponnes (Dissertation Univ. Wien). Wien, 1997. P. 105–123). Установка на уровне поверхности пола плит с изображением двуглавых орлов получила довольно широкое распространение. В большинстве случаев изображения вырезались на мраморных плитах, как, например, напольная плита в митрополичьем соборе Мистры (Морея, Пелопоннес) (*Monuments byzantins de Mistra: Materiaux pour l'etude de l'architecture et del'apreintureaux Greceaux XIVe et XVe siècles / Recetpub. G. Millet.* Albumde 152 planches. Paris, 1910. Pl. 47, 6), в церкви Маркова монастыря в районе Скопье (Македония) (*Кондаков Н. П.* Македония. Археологическое путешествие 1909 г. СПб., 1913. С. 184. Рис. 159), в монастыре Святого Симеона, Ватопедском монастыре на Афоне и в других местах. Обычай установки плит с изображением двуглавых орлов перед алтарными преградами связывают с обрядовой традицией так называемого орлеца (Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 : Памятники XI–XV вв. / [ред. А. С. Павлов]. СПб., 1880. С. 450). В свою очередь, коврики с вышитыми на них двуглавыми орлами, вероятно, происходят от специальных подушек (суппедионов), на которых было трудно выстоять в храме всю службу, длившуюся иногда часами.
- ¹³² *Miklosich F., Müller I.* Acta et Diplomata Monasteriorum et Ecclesiarum Orientis. Vindobonae. Wien, 1887. T. 5. P. 101–193; *Soteriou G.* Περὶ τῆς μονῆς τοῦ Μεγάλου Σπηλαίου καὶ τῶν ἐναυτῆ κειμηλίων. 'Αρχαιολογικον Δελτιον. T. 4. 1918. Σ. 58–60; *Dölger F.* Regestender

- Kaiserurkunden des ostromischen Reiches. München ; Berlin, 1932. Teil 4, 19, N 2939.
- ¹³³ Храм в Хоре подвергся основательной реконструкции в начале XIV в. (1316–1321) великим логофетом Феодором Метохитом (1270–1332). Превращенное в монастырь здание получило изысканное фресковое и мозаичное покрытие, частично сохранившееся до наших дней (First Preliminary Report on the Restoration of the frescoes in the Kariye Camii at Istanbul // DOP. 1956. Vol. 9–10. P. 253–288; 1957. Vol. 11. P. 173–220; 1958. Vol. 12. P. 253–256; 1959. Vol. 13. P. 187–212). В аркосолии над могилой *F* частично сохранилась фресковая роспись с изображением трех фигур (видны только полы их одежды и обувь). На верхней одежде первой фигуры (по-видимому, изображен мужчина) по фиолетовому тону нарисованы золотые круглые медальоны с монограммами Палеологов, которые окружают медальоны меньших размеров с четырехлепестковыми розетками («лепестковыми» крестами). Свободное пространство между медальонами с монограммами и малыми розетками-крестами заполняют изображения двуглавых золотых орлов. Одежда третьей (вероятно, женской) фигуры украшена большими золотыми медальонами с монограммами Палеологов, Асанов и Dermokaites. Исследователь памятника П. А. Ундервуд полагал, что данные изображения связаны с семьей Асанов, и относил фреску ко времени после 1330 г. (Undervood P. A. Notes on the Work of the Byzantine Institute in Istanbul. 1957 // DOP. 1959. Vol. 13. P. 223–225. Fig. 5, 6; *Idem*. The Kariye Djami. Vol. 1 : Historical Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes. New York, 1966. P. 288–292, 546, 547; *Velmans T.* Le portrait dans l'art des Paleologues // Art et societe a Byzancesous les Paleologues. Actes du colloque organise par l'Association Internationale des Etudes Byzantines a Venise en septembre 1968. Venetia, 1971. Pl. LXIII. Fig. 62; *Piltz E.* Le costume of ficel des dignitaires byzantins a l'epoque Paleologue // Acta Universitatis Upsaliensis Figura. 1994. Vol. 26. P. 18. Abb. 60; Sepultures et epitaphs aristocratiques a Byzance // Atti del Seminario di Erice (12–18 settembre 1991) / a cura di G. Cavallo e C. Mango. Spoleto, 1995. P. 100. Tab. III. Pl. 3).
- ¹³⁴ Миниатюра рукописи (Lincoln College, gr. 35, fol. 1, Bodlean Bibliotek, London) датируется 1310 г. (*Nicol D.* The Byzantine Family of Kontakouzenos (Contacouzenos) ca. 1100–1460. Washington D. C., 1968. Fig. 2), хотя возможна и более поздняя дата (1328–1344?). Константин изображен стоящим рядом со своей супругой Ириной Ласкариной Комниной. Он облачен в красную тунику, украшенную золотыми узорами, и коричневую мантию с золотыми круглыми медальонами, в которых изображены золотые двуглавые орлы (*Omont H.* Portraits de different members de la famille des Comnenes // Revue des Études Grecques. 1904. Vol. 17. P. 364; *Delehaye H.* Deux Typica byzantins de l'epoque des Paleologues. Brüssel, 1921. P. 12. Fol. 1; *Nicol D.* The Byzantine Family of Kontakouzenos (Contacouzenos) ca. 1100–1460. P. 20–24).
- ¹³⁵ *Bendall S., Donald P. J.* The Later Palaeologan Coinage 1282–1453. Bristol, 1979. P. 186, 206. Abb. 9, 4; *Gerasimov T.* Monnaies des Palaeologan avec des representations d'etoiles // Byzantinobulgarica. 1969. Vol. 3. P. 113. Abb. 7.
- ¹³⁶ Данное предположение основано на свидетельстве Ж. Финляя, который в начале XIX в. посетил Трапезунд и изучал его памятники. Здесь, в церкви Панагия Хризокефалос (*Soterion G.* Χριστιανικα Μνημεια της Μικρας 'Ασιας. Athen, 1920. Σ. 45; *Talbot Rice D.* Religious Buildings of Trebizont // Byzantion. 1930. Vol. 5. Abb. 2–4), он видел фреску с изображением трапезундского императора Иоанна II Великого Комнина (1280–1297) и его супруги (*Chotzakoglu Ch.* Die Palaiologen und das früheste Auftreten les byzantinischen Doppeladlers. S. 65).
- ¹³⁷ *Фолменко И. К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2011. Рис. XXX: Портолан Черного моря Пьетро Веконте (1320–1321) из книги Марино Санудо Старшего, на страницах которой Санудо призывает христианских правителей к крестовому походу против сарацин по освобождению Иерусалима. Но в целом, как отмечает автор (с. 199), на портоланах встречается множество анахронизмов. Например, флаги с двуглавыми орлами, принадлежавшие, по мнению

- автора, «Византии/Великим Комниам – Трапезундской империи», продолжают появляться на картах с 1320 до 1550 г. (с. 385, таблица флагов), хотя Константинополь был завоеван османами в 1453 г., а Трапезунд в 1461 г.
- ¹³⁸ Сам исследователь отдает себе отчет в том, что к такому же выводу ранее пришел А. В. Соловьев (*Soloviev A. V. Les emblems heraldiques de Byzance et les Slavs. P. 137–145*) и данная точка зрения нашла отражение в работах других ученых (*Miljković-Pepek P. L'art byzantin en Macédoine // L'Art byzantin du XIIIe siècle / Symposium de Sopocani 1965, ed. V. J. Djurić. Beograd, 1967. P. 191*).
- ¹³⁹ *Furlas A. Adler und Doppeladler // Φιλοξενία / hrsg. An. Kallis. Münster, 1980. S. 97–120; Koder J. Der Adlerschatten // Hellenika : Jahrbuch für die Freunde Griechenlands. 1990. S. 27–41.*
- ¹⁴⁰ *Chotzakoglou Ch. Die Palaiologen und das früheste Auftreten des byzantinischen Doppeladlers. S. 66, 68.*
- ¹⁴¹ *Ibid. S. 68.*
- ¹⁴² *Mandić S. Les portraits sur les fresques. Belgrad, 1966. Fig. 21; Radojčić S. Lesnovo. Belgrad, 1971. Fig. 48; Grozdanov C. Охридското сивно сликарство од XIV век. Ohrida, 1980. P. 63. Fig. 9; Pignet-Panayotova D. Recherches sur la peinture en Bulgarie du Bas Moyen Age. Paris, 1987. P. 233. N 15 (монастырь Святой Софии в Охриде, часовня Святого Иоанна Крестителя, одежда деспота Оливье и его супруги – Анны-Марии); Djurić V. Српска династија в Византија на фрескама у манастиру Милешевци // Зограф. 1992. Т. 22. С. 14–19. Рис. 4, 5 (монастырь в Милешевци, одяние Стефана Неманья, сына святого Симона); Vojvodić D. Портрети владара, црквених достојанственика и племића у наоси припрати // Зидно сликарство манастира Дечана. Грађа и студије / уредник Vojislav J. Djurić. Belgrad, 1995. P. 268, 269. Pl. 1, 15, см. табл. на с. XVI (одежда мальчика, возможно, Симеона Сангича, в росписи монастыря Декань); Todić B. Манастир Ресава. Belgrad, 1995. P. 101. Pl. 82 (верхняя одежда деспота Стефана Лазаревича в монастыре Ресава); Grozdanov C., Cornacov D. Историјски портрети у Полошком I // Зограф. 1983. Т. 14. P. 60–67; *Idem. Историјски портрети у Полошком II // Зограф. 1984. Т. 15. P. 85–93; Idem. Историјски портрети у Полошком III // Зограф. 1987. Т. 18. P. 37–43 (одежда Йована Драгутина в церкви Святого Георгия из Полошко, Македония); Gabelić S. Прилог познавања живописа цркве Св. Николае код Станиченца // Зограф. 1987. Т. 18. P. 22–36. Fig. 4 (одяние некоего Константина в церкви Святого Николая); Бурб В. Ј. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. С. 88, рис. 82 (Малый Град на Преспии, пясарь Новак, 1368/69 г.); с. 140, рис. 63 (Лесново, царица Елена, 1347/48 г.).**
- ¹⁴³ *Šzekely M. M. Unmanifest deputere la manastirea Probota? // Omagiu Virgil Candea la 75 deani / Coordonator P. H. Stahl. Vol. 2. Bucuresti, 2002. P. 297–312.*
- ¹⁴⁴ *Velmans T. Une illustration inedite de l'Acathiste et l'iconographie des hymnes liturgiques a Byzance // Cahiers Archeologiques. 1972. Vol. 22. P. 154. Fig. 28; Grabar A. Une source d'inspiration de l'iconographie byzantine tardive: les ceremonies du culte de la Vierge // Cahiers Archeologiques. 1976. Vol. 25. P. 145. Fig. 1 (церковь монастыря Марков, нижняя часть иконы Богоматери с Младенцем, иллюстрация гимна Акафиста, кондак 23).*
- ¹⁴⁵ *Lamberz E. The Library of Vatopaidi and Its Manuscripts // The Holy and Great Monastery of Vatopaidi. Tradition, History, Art. T. 2. Muntele Athos, 1998. P. 568. Fig. 514; Hutter I. Corpus der byzantinischen Miniaturen handschriften. Bd. 5.1. Stuttgart, 1997. S. 34; *Ibid.* Bd. 5.2. S. 44. Pl. 102, 103.*
- ¹⁴⁶ *Velmans T. Le portrait dans l'art des Paleologues // Art et societe a Byzance sous les Paleologues. Actes du colloque organise par l'Association Internationale des Etudes Byzantines a Venise en septembre 1968. Venetia, 1971. Pl. LX. Fig. 54.*
- ¹⁴⁷ *Economidis N. Greek Documents // Treasures of Mount Athos. Salonica, 1997. P. 518. N 13, 19 (одежда супруги Алексея III Великого Комнина на императорском хрисовуле 1374 г.).*
- ¹⁴⁸ *Bakirtzis Ch. Byzantine Glazed Pottery in the Benaki Museum. Atena, 1999. P. 126, 134. N 274.*
- ¹⁴⁹ *Traquair R. The Churches of Western Mani // The Annual of the British School of Athens. 1908–1909. Vol. 15. Pl. (над окном церкви в Кардамиле); Millet G. Monuments byzantins*

- de Mistra. *Materiaux pour l'étude de l'architecture et de la peinture en Grèce aux XIVe et XVe siècles.* Paris, 1910. Pl. 20. Fig. 4 (Мистра, плита с колодца вблизи Метрополи); *Giannopoulos N. J.* Les constructions byzantines de la région de Demetrias // *Bulletin de Correspondance Hellenique.* 1920. T. 44. P. 187–191 (фрагмент каменной плиты, вмурованной в северный фасад одной из церквей Фессалии); *Corovic-Ljubinkovic M.* Средњевековни дуборез у источним областима Југославије. Belgrad, 1965. P. 25, 26. Tabl. II, g, d, IV, a, b (архитрав XIV в. церкви Святого Димитрия в Песе); p. 66–70. Pl. XIV; p. 70. Tabl. XV (царские врата XV–XVI вв. церкви монастыря Трескавец, возле Прилепа); p. 71. Tabl. XVII (царские врата XVI–XVII вв. церкви в Ранковиче); *Mango C.* The Monument and Its History // *Belting H., Mango C., Mouriki D.* The Mosaics and Frescoes of St. Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul / ed. by C. Mango. Washington D. C., 1978. P. 33. N 158; P. 41 (могила Феодоры Трапезундской); *Tresors mediev aux de la Republique de Macedoine.* Paris, Musee National du Moyen Age, Thermes de Cluny, 9 fevrier – 3 mai 1999. Paris, 1999. P. 100, 101. N 38 (царские врата церкви Святого Николая в Вароше, область Прилеп).
- ¹⁵⁰ *Millet G.* L'ancien arts erbe. Leseglises. Paris, 1919. P. 26. Fig. 11; *Vasiliev A. A.* The Historical Significance of the Mosaic of Saint Demetrios at Sassoferrato // *DOP.* 1950. Vol. 5. P. 33, 34; *Vollbach W. F.* Jacqueline Lafontaine-Dosogne // *Byzanz und der christliche Osten.* Berlin, 1968. S. 275. N 255; *Grabar A.* Les revetements en or et en argent des icons byzantines du Mouen Age. Venetia, 1975. P. 41. N 15, pl. 38 (на нимбе Богоматери, в круглых медальонах евангельские символы, но вместо обычного орла – двуглавый); *Todorović D.* Полијелеј у Марковом манастиру // *Зограф.* 1978. T. 9. С. 28–36. Рис. 10–12 (бронзовый канделябр в церкви Маркова манастира возле Скопье).
- ¹⁵¹ *Mouchmov N.* Unemonnaeie byzantine en argent avec l'aigle bicephale // *Actes du IVe Congres International des Etudes Byzantines* (Sofia, Septembre 1934). Sofia, 1936. P. 298–301; *Мишмов Н. А.* Срацимирови монети съ двуглавъ орелъ // *Byzantonoslavica.* Praha, 1935–1936. S. 213–220; *Retowski O.* Die Munzen der Komnenen von Trapezunt. Braunschweig, 1974. P. 177, 178. N 29; *Bertele T.* Numismatique byzantine / édition française mise à jour et augmentée de planches par C. Morisson. Wetteren, 1978. Pl. XI. N 172; *Lunardi G.* Le monete del le colonie genovesi. Genova, 1980. P. 264, 265; *Donald P. J., Bendall S.* The Later Palaeologan Coins // *Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection* / ed. by A. R. Bellinger, Ph. Grierson. Vol. 5 : Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453, by Ph. Grierson. Part 1 : Introduction, Appendices and Bibliography. Washington, D. C., 1999. P. 85, 86; *Гуралева В. В.* Монеты Палеологов с изображениями двуглавых орлов в собрании Государственного Эрмитажа // *Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция.* Москва, 17–21 апреля 2000 г. : тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 40–42; *Аманасов Г.* Добруджанското деспотство. Към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV век. Велико Търново, 2009. С. 135. Рис. 38, 45; и др.
- ¹⁵² *Hutter I.* Corpus der byzantinischen Miniaturen hands chriften. Bd. 1 : Oxford Bodleian Library. Stuttgart, 1977. S. 72, 208. Pl. 287; S. 97, 238. Pl. 366; S. 99, 243. Pl. 381; *Buchta H., Belting H.* Patronage in Thirteenth-Century Constantinople. An Atelier of Late Byzantine Book Illumination and Calligraphy // *Durbanton Oaks.* 1978. P. 6, 7, 112, 113. N 8, fig. C.
- ¹⁵³ *Johnstone P.* The Byzantine Tradition in Church Embroidery. London, 1967. P. 100; *Theocharis M.* Church Gold Embroideries // *Patmos. Treasures of the Monastery* / gen. ed. A. D. Kominis. Athens, 1988. P. 192, 193, 206. Fig. 9; *Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections* / ed. by D. Bucton. London, 1994. P. 211 (эпиграхиль из Патмоса).
- ¹⁵⁴ *Оболенский А.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 2012. С. 390.
- ¹⁵⁵ Данный тезис, например, сформулирован в работе И. Дуйчева «Византийское наследие у славян» (*Dujčev I.* L'heritage byzantinche z les slaves // *Etudes historiques.* 1965. T. 2. P. 142, 143).

- ¹⁵⁶ Источники свидетельствуют о том, что Андроник II являлся ревностным приверженцем православия и противником унии с латинянами. Причем борьба со сторонниками унии не ослабла с отстранением патриарха Иоанна XI Векка (1275–1283). За годы правления Андроника на кафедре Константинопольского патриархата сменилось 8 персон архиереев. Кажется, что хронологически ближе всего к этим важным событийным переменам стоят фигуры патриархов Григория II (Георгий Кипрский) (1283–1289), Афанасия I (первое правление – 1289–1293) и Иоанна XII (Косьма) (1294–1303) (*Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г. // Византийская библиотека / науч. ред., библиография и именной указатель М. А. Морозова. СПб., 1998. С. 176–202).
- ¹⁵⁷ *Capizzi C. S.* Concilio di Lione e l'unione del 1274. Saggio bibliografico // OCP. Roma, 1985. Vol. 51. P. 87–122; *Власов А. В.* Византийская церковь в XIII в. и Лионская уния (1274 г.) // Мир Православия. Вып. 6. Волгоград, 2006. С. 131–166.
- ¹⁵⁸ Г. А. Острогорский по этому поводу писал: «Андроник II торжественно отрекся от унии, чтобы придерживаться подчеркнуто православного курса» (*Острогорский Г. А.* История Византийского государства / пер. с нем. М. В. Грацианский; ред. В. П. Кузенков. М., 2011. С. 588).
- ¹⁵⁹ Обсуждение этого вопроса породило обильную историографию, поэтому ограничусь ссылками на некоторые работы: *Андреева А. А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С. 133–179; *Дазрон Ж.* Император и священник: этюд о византийском «царепапизме» / пер. и науч. ред. А. Е. Мусина; под общ. ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 2010. С. 334–347; *Поляковская М. А.* Василевс как подражание Христу (по материалам обрядника XIV в.) // *Sacrum et Profanum*: сб. научных трудов. Вып. 3: Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 163–165; *Ульянов О. Г.* О времени возникновения инаугурационного миропомазания в Византии, на Западе и в Древней Руси // Византия и Русь: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада: тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2008. С. 133–140; и др.
- ¹⁶⁰ *Острогорский Г. А.* Эволюция византийского обряда коронации // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 33–42. Последний этап в формировании византийского чина коронации исследователи относят к эпохе Палеологов (конец XIII – середина XV в.). Важнейшей новацией данного периода является «помазание, расположение императорского трона на специальном возвышении, а также – после паузы в семь столетий – поднятие василевса на пьесте» (*Поляковская М. А.* Трансформация византийской традиции в чине венчания русских царей (отдельные сюжеты) // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада: тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2008. С. 104).
- ¹⁶¹ Поздневизантийский церемониал возведения на престол (с соответствующей заменой инсигний и одежда) был заимствован болгарями (*Goschen I.* Zur Frage der Kronungszereimonien und die zeremonielle Gewandung der byzantinischen und der bulgarischen Herrschermittelalter // *Byzantinobulgarica*. Bd. 2. Sofia, 1966. S. 145–168), и прежний хитон получает название *саккос* (*Ibid.* S. 160, 161).
- ¹⁶² «Когда совершается утренняя, император облачается и выходит из своего покоя. <...> ... имеет на главе корону и облачен в саккос, имея в правой руке крест, а в левой сверток с аккакией, как обычно, и светильник. <...> Открывает шествие священносец со светильником, воспевая весь тропарь <...> За ним идут деспоты, затем архидиакон с Евангелием, Патриарх или Патриархи, если они находятся в столице, облаченные в свои одежды, а за ними священники, числом пять или шесть, неся св. иконы. Когда все в таком порядке пройдут по приготовленному пути до церкви, там оканчивается утренняя. Потом император возвращается так, как было описано, в предшествии священносца» (цит. по:

- Савва В. II. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи церковной власти московских государей. Харьков, 1901. С. 163, 164).
- ¹⁶³ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 393, 394.
- ¹⁶⁴ Вилимбахов Г. В. История Российского герба и флага. С. 11. По-видимому, во время правления Андроника II (Старшего) вырабатываются основной набор и иконография символов (эмблем) православного Братства Святого Гроба Господня. Двуглавых орлов с малыми трехчастными коронами и «Крест Константина» («просфоров» или «процветший») крест с тетраграммой IC.XC.NIKA) можно встретить как на монетах, так и на официальных надписях XIV–XV вв. (Дочев К. Монетите от манастира «Великата Лавра» «Св. 40 мъченици» във Велико Търново // Средновековно Търново: Юбелеен сборник по случай тридесет години от създаването на филиал на археологическия Институт с музей при Българската академия на науките Велико Търново 1974–2004. Велико Търново, 2004. Табл. IX, 1, 5, 8 – монеты Ивана Александра (1331–1371); Мыц В. А. Каффа и Феодоро в XV веке. С. 394. Рис. 263).
- ¹⁶⁵ Сам Вильгельм фон Болдензель в дальнейшем называет себя «рыцарем Божественного Иерусалима» (*Milesin Coeesti Hierusalem*). Он также рассказывает, как осуществлял тайное посвящение в братство двух своих товарищей, соблюдая «ритуалы военных орденов» (Иерусалимский орден Святого Гроба Господня : сайт. Акунов В. Иерусалимский орден Святого Гроба Господня. URL: http://www.bratstvo_kresta.ru/groba.html; дата обращения: 9.09.2011).
- ¹⁶⁶ Уже в XIV в. в Западной Европе в форме братств стали формироваться объединения рыцарей Святого Гроба. Целью братств являлось оказание помощи рыцарям Гроба Господня в выполнении принесенных ими в Иерусалиме религиозных обетов, а также в сборе средств на поддержание Храма Гроба Господня. Возрастающая популярность рыцарей Святого Гроба вызвала сопротивление со стороны папской курии. Так, в 1489 г. папа Иннокентий VIII (1484–1492) 28 марта своей буллой объединил орден рыцарей Гроба Господня с орденом рыцарей-госпитаьеров Святого Иоанна Иерусалимского, что в дальнейшем всячески препятствовало межэтнической и межгосударственной консолидации рыцарей Гроба Господня. К тому же в 1496 г. папа Александр VI (1492–1503) (под благоприятным предлогом оживления паломничества в Святую землю) подчинил понтификату (он сам его и возглавил) светский орден рыцарей Святого Гроба (*Kington T. L. History of Frederick the Second, Emperor of the Romans. Vol. 2 : From Chronicles and Documents Published Within the Last ten Years. 1862; Barber M. The New Knighthood: A History of the Order of the Temple. Cambridge, 1994; Noonan Jr. The Church Visible: The Ceremonial Life and Protocol of the Roman Catholic Church. James-Charles, 1996. P. 196; Order of the Holy Sepulchre. World Orders of Knighthood & Merit / ed. by G. S. Sainty, R. Heydel-Mankoo. Vol. 2. 2006*).
- ¹⁶⁷ В нашем распоряжении имеется один оригинальный письменный источник – сочинение 1347–1368 (или 1347–1354) гг. «О должностных лицах Константинопольского двора и о должностях Великой Церкви», написанное неизвестным византийским автором, получившим условное наименование Псевдо-Кодина. Описывая церемонии императорского двора XIV в. и принимавших в них участие чиновников, автор отмечает, что деспотам полагались желтые орлы, помещавшиеся на пурпурно-белую обувь и конское седло, красные орлы на белую попону и шатер; севастократорам – золотые орлы в красных кругах на голубую обувь, красные – на голубую попону и красные в голубых кругах – на белый шатер (*Ps.-Kodinos. Traitedes offices / ed. by J. Verpeaux. Paris, 1966. P. 142. N 3; P. 144. N 2, 10; P. 145. N 11; P. 148. N 4, 11; P. 149. N 11; P. 162. N 31; P. 171. N 14; P. 320. N 9; P. 333. N 22/7*). Вместе с тем следует отметить, что Кодин ни разу не упоминает, что у орлов две головы (*дикефалос аетос*): он всегда лаконично констатирует – «орел» (*аетос*). Обративший на это внимание А. В. Соловьев дал свое объяснение данному казусу: «имея в виду то, что восточные ткани с XII в. нам представляют только двуглавых орлов и никогда орлов

- с одной головой, мы вполне можем это предположить» (*Соловьев А. В. Геральдические эмблемы Византии и славяне. С. 133*).
- ¹⁶⁸ Априорно можно говорить о том, что практически никто из представителей правящей элиты православных государств (Византийской империи, Эпирского деспотата, Трапезундской империи, Феодоро, Сербии, Черногории, Болгарии, княжеств Северо-Восточной Руси и др.), некоторые представители которой являлись членами Братства Святого Гроба Господня, сами никогда не бывали в Иерусалиме, т. к. путешествие в Святую землю для них явно было сопряжено с реальной опасностью. Поэтому они всегда вынуждены были направлять в Палестину к Гробу Господнему официальные или тайные (?) посольства. Видимо, поэтому в источниках можно встретить редкие упоминания о путешествиях в Святую землю различных миссий из православных государств, но нет известий об участии в них представителей правящих элит.
- ¹⁶⁹ Несмотря на многочисленность публикаций (как зарубежных, так и отечественных авторов), до настоящего времени исчерпывающая характеристика посвященных данной теме работ никем не представлена. Даже в относительно недавно изданных монографиях обнаруживаются существенные лакуны (*Лебедев В. А. Державный орел России. М., 1995; Кучкин В. А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999; Васюкин В. В. Двуглавый орел в истории государства Российского. Саратов, 2001; Дуров В. А., Дуров А. В. Российская государственная символика. М., 2003; Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. М., 2003; Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005; и др.*), или они содержат обилие мифологических версий (*Раскадин С. Е. Гнездо двуглавого орла. Минск, 2008*).
- ¹⁷⁰ *Вилимбахов Г. В. История Российского герба и флага. С. 13*.
- ¹⁷¹ Полностью данный пассаж из полемиического сочинения Юрия Крижанича «Политика» (1663–1666), помещенный в разделе 32 «Законы против народного недовольства и для иных нужд и привилегии всем сословиям», выглядит следующим образом: «49. Царь Иван поступил нехорошо и неправильно, когда пренебрег славянским именем „король“, подобиающим высшему после Бога правителю, и принял чужое, неподходящее, негодное и несвойственное высшей власти римское имя „Царь“. А знаковиной своей сделал орла двуглавого – римский или, скорее, немецкий герб. Этот титул и герб не принесли царю Ивану никакого достоинства, большего, чем королевское, но зато доставили ему и нам, его преемникам, много трудностей, и пакостей, и бесчестия, причиняемого нашему величеству другими народами из-за этого злосчастного и давно уничтоженного римского титула и герба...» (*Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича / открыл и издал П. А. Безсонов. Ч. 2. М., 1860. С. 184, 185*).
- ¹⁷² *Соболева Н. А. Печать 1497 г. – историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. Вып. 3. М., 2002. С. 31*. Вполне определенно и лаконично данную концепцию сформулировал в начале XIX в. Н. М. Карамзин: «...Иоанн, по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, пошпирающий дракона, с надписью: „Великий Князь, Божию милостию Господарь всея Руси“» (*Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2002. С. 473*).
- ¹⁷³ *Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. I, 43*. Вслед за Н. П. Лихачевым появление формы «печати 1497 г.» Ивана III в связи с установлением дипломатических контактов Московской Руси с императорами Священной Римской империи связывал американский исследователь Г. Алеф (*Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropischen Geschichte. Bd. 39. Berlin, 1986*). Данную точку зрения отстаивает Н. А. Соболева (*Соболева Н. А. Печать 1497 г. – историко-художественный памятник Московской Руси. С. 44*).

- ¹⁷⁴ *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III. P. 89.
- ¹⁷⁵ *Агоштон М.* Указ. соч. С. 393–412, 456.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 456.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 457, 458.
- ¹⁷⁸ Хотя известно, что брат Софьи – Андрей неоднократно продавал свой титул «императора Константинополя». Причиной этого являлась вечная потребность в средствах и явно не сложившиеся отношения с Иваном III: «Андрей же два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в Москву и выдал дочь свою, Марию, за князя Василия Михайловича Верейского; однакож возвратился в Рим (где лежат кости его подле отцовских в храме св. Петра). Кажется, что он был не доволен великим князем: ибо в духовном завещании отказал свои права на Восточную империю не ему, а иноверным государям Кастилии Фердинанду и Елизавете...» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. С. 473). Но при этом ничего не известно (источники об этом умалчивают) о передаче им вместе с титулом и «герба» в виде двуглавого орла.
- ¹⁷⁹ *Соловьев С. М.* История России. Русь при Иване Великом. М., 2013. С. 41–57.
- ¹⁸⁰ *Лихачева В. А.* Произведения шитья Софьи Палеолог из Кирилло-Белозерского монастыря // Труды Отдела древнерусской литературы РАН. Т. 50. СПб., 1996. С. 723–729.
- ¹⁸¹ *Струков А.* Благоверный князь Константин Магнуский, в иночестве Кассиан. СПб., 1874. С. 1–12; *Васильевский П. В.* Преподобный Касиан Грек, угличский чудотворец и основанная им Учемская обитель. Мышкин, 1997. С. 10–42; *Голейзовский Н. К.* Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (10). М., 2002. С. 20–27.
- ¹⁸² *Струков А.* Благоверный князь Константин Магнуский, в иночестве Кассиан. С. 12.
- ¹⁸³ Переговоры с Исааком Никиты Беклешева (вернулся в Москву 15 ноября 1474 г.) прошли успешно, так как следующий посол – Стариков, едущий в Крым, «имел приказание вручить дары мангупскому князю Исайку (из благодарности за дружелюбное принятие Никиты Беклешева) и разведать через Хозяю Кокоса, сколько тысяч золотых готовит сей владетель в приданое за своею дочерью, которую он предлагал в невесты сыну великого князя Иоанну Иоанновичу» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. С. 476).
- ¹⁸⁴ *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 43; *Vasiliev A. A.* The Gotchs in the Crimee. P. 242–244; *Мыц В. А.* Каффа и Феодоров XV века. С. 403.
- ¹⁸⁵ *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV – XVI вв. М., 1993. С. 193, 203, 209, 211.
- ¹⁸⁶ *Агоштон М.* Указ. соч. С. 391, 392.
- ¹⁸⁷ *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года. М., 1896. С. 321. Табл. IV, 181, 182.
- ¹⁸⁸ *Зайцев В. В.* Материалы по русской нумизматике XV века. Киев, 2004.
- ¹⁸⁹ *Шевченко П. А.* О возможности чеканки монет в пользу Иерусалимского Святогробского Православного братства при Иване III // Родная старина. 2010. № 1. С. 28–34.
- ¹⁹⁰ После освобождения Константинополя от латинян в 1261 г. (*Talbot A. M.* The Restoration on Constantinople under Michael VIII // DOP. 1993. Vol. 47. P. 243–261) в титуле Михаила VIII Палеолога появилось определение «Новый Константин» (*Gregorio Ciprii.* Oratio Laudatoria in imperatoris dominus Michaellem Palaeologum novum Constantinum // PG. 1998. Vol. 142. P. 346–386).
- ¹⁹¹ Митрополит Зосима в «Изложении пасхалии» заключает, что Москва стала новым Константинополем благодаря тому, что Русь соблюла верность Богу. Поэтому сам Бог и поставил великого князя Ивана Васильевича «государя и самодержца всея Руси, нового Константина новому граду Константину – Москве и всей русской земли и иным многим землям государя» (*Тихонюк П. А.* «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследование по истории СССР XIII–XVIII вв. М., 1986. С. 58–61). Исследователи неоднократно отмечали, что сравнительные параллели между некоторыми русскими князьями и византийским императором встречались в древнерусской литературе и раньше, но в «Изложении пасхалии» впервые наименование Ивана III «новым Константином», а Москвы и всей русской земли «новым градом Константина» делалось не в смысле уподобления и сравнения, а в смысле противопоставления

- и вытеснения «новым градом Константина» старого» (*Аурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XIV – начала XVI века. М. ; Л., 1960. С. 378; *Гольдберг А.* К предыстории идеи «Москва – третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 111–116).
- ¹⁹² *Шахматов А. А.* Путешествие М. Г. Мисюря-Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. // Известия отдела русского языка и словесности Академии наук. 1899 г. Т. 4. Кн. 1. СПб., 1899. С. 200–222.
- ¹⁹³ На эту новацию обратил особое внимание Е. Е. Голубинский: «<...> здесь уже и не одна обрядность царская, а весьма важная новость существенная – показание и заявление царских прав государя по отношению к митрополиту» (*Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 1. М., 1997–1998. С. 612).
- ¹⁹⁴ В. А. Золотовский, изучая внешнюю политику балканских государств (Сербии и Болгарии) второй половины XIII – первой четверти XIV в., пришел к заключению, что они «не воспринимали ромеев и Византию как дружественное или союзническое государство». В связи с этим, по его мнению, «существование „содружества“ как наднациональной общности христианских государств, объединенной политическими, религиозными и любыми иными связями, представляется ...крайне сомнительным» (*Золотовский В. А.* Военные аспекты внешней политики Византии при первых Палеологах: К уяснению специфики «Византийского содружества наций» // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада : тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2008. С. 56–62). Однако, на мой взгляд, вывод автора поспешен и не историчен, т. к. исследователь односторонне подошел к попытке решить данный вопрос (отброшены культурная общность в сфере книжности, искусства, религии, родственных связей и проч.). Следуя логике исследователя, не только межгосударственные, но и гражданские войны лишали страны и народы исторической перспективы. Иной взгляд, с использованием независимых источников, предложен, например, Д. А. Коробейниковым (*Коробейников Д. А.* «Владыка столиц руссов и алан»: «Византийское содружество государств» в переписке между мамлюкским Египтом и Византией в XIV в. // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада : тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2008. С. 75, 76).
- ¹⁹⁵ Цит. по: *Вилинбахов Г. В.* История Российского герба и флага. С. 24. Впервые полное собрание библейских книг в славянском переводе осуществлено при Иване III в конце XV в. На основании данного собрания в 1581 г. появилось первое печатное издание – «Острожская Библия» (названа по имени инициатора публикации князя Константина Константиновича Острожского). В 1663 г. она была перепечатана с незначительными исправлениями, касавшимися в основном правописания. Московское издание (получило название «Первопечатной Библии»), с существенно исправленным текстом, вышло в 1671 г. (см.: Православная богословская энциклопедия : электронная версия: *Елеонский Ф. Г.* Библия в России. Т. 2. Приложение к духовному журналу «Странник» за 1901 г. СПб., 1901. URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnajabogoslovskaja-jenciklopedij/tom-2/biblija-v-rossii.html>; дата обращения: 31.03.2015).
- ¹⁹⁶ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872; Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984; *Majeska G.* Russian Pilgrims in Constantinople // DOP. 2003. Vol. 56. P. 93–108.
- ¹⁹⁷ *Рождественская М. В.* Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 12; *Она же.* Образ рая: от мифа к утопии // Symposium. Вып. 31. СПб., 2003. С. 31–46.
- ¹⁹⁸ Е. М. Саенкова, например, по данному поводу замечала: «Почитание императора (Константина Великого. – В. М.) как святого и восприятие его личности как некой знаковой фигуры идеального правителя обусловило особое место его изображения в программах росписей храмов» (*Саенкова Е. М.*

Изображение «древнего града Византия» на иконе XVII в. «Крестовоздвижение с историей обретения Креста» из Вологодского музея // *Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада.* М., 2008. С. 110).

¹⁹⁹ Примером такого рода может служить рукопись Евангелия XII в. (греч. № 118) из Государственной публичной библиотеки Санкт-Петербурга. Принято считать, что она во второй половине XV в. принадлежала деспоту Морей Дмитрию Палеологу. В. Н. Малицкий, рассматривая эпиграфические памятники Мангуна, отмечал очевидную сюжетную и исполнительную близость некоторых миниатюр данной рукописи (№ 118) Синайской рукописи № 2123. Исследователь готовил об этой

рукописи «особое исследование» (*Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 21. Примеч. 3), но оно, по-видимому, так и не было завершено. Позднее работу над Евангелием (греч. № 118) продолжила В. Д. Лихачева (*Лихачева В. Д.* Судьба одной византийской книги (Рукопись Государственной Публичной библиотеки, греч. № 118) // *Византия и Русь: Памяти Веры Дмитриевны Лихачевой.* 1937–1981 гг. / сост. Т. Б. Князевская. М., 1989. С. 256–263).

²⁰⁰ *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра: памятники византийской миниатюры IX–XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 22. Листы 56–59, 62; *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. С. 251, 252.

А. Ю. Виноградов
(Москва)

«ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ» НАДПИСИ ВИЗАНТИЙСКОГО КРЫМА*

Гербы и подобные им геральдические эмблемы появляются в византийском мире только в поздний период, под влиянием латинского Запада и, в частности, крестоносцев. Однако и тогда они используются преимущественно как символы идентичности государственной и в меньшей мере – частной или родовой¹. Этот феномен трудно объяснить «служилым» происхождением византийской аристократии или сравнительно поздним происхождением фамильных имен в империи². В комниновскую и палеологовскую эпоху знатные византийцы охотно использовали другой родовой атрибут – фамильное имя, причем зачастую сразу по нескольку, в своей титулатуре и иной репрезентации.

В ранне- и средневизантийский период основной эмблемой византийца, претендовавшего на сколько-либо высокое общественное положение, была монограмма, содержащая его имя, то есть бывшая исключительно индивидуальной эмблемой, не передававшейся по наследству³ (подобно вензелям Нового времени). Такие монограммы, составленные из букв имени и, иногда, титула, использовались как для обозначения собственности (на ценных предметах), подлинности (на печатях, весах и в пробах) или того и другого одновременно (на перстнях), так и в монументальной репрезентации, заменяя собой в определенном смысле лапидарные надписи: строительные посвященные, владельческие и иные.

Известны такие лапидарные монограммы и в Крыму. Например, к VI в. относятся монограммы ΘΕ на капителях колонн базилики 1935 г., относящиеся ко второму этапу ее строительства. Ранневизантийским временем (судя по альфе с ломаной перекладной и форме памятника) датируется еще одна лапидарная монограмма, находящаяся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» (инв. № 61/36508) и найденная в завале апсиды церквушки около «храма с ковчегом» на месте античного театра Херсонеса (ил. 1)⁴. Она размещена в нижней, грушевидной части креста, вырезанного, в свою очередь, на каменном кресте с расширяющимися концами (сохранился фрагментарно). Монограмма не имеет прямых аналогов, но расшифровывается совершенно ясно – ΣΤΕΦΑΝ. Альфа над ней⁵ скорее всего является типичным сокращением для слова ἁγίος «святой», и следовательно, мы имеем дело с нанесением на крест имени святого (здесь – святого Стефана), типичным для Византии как в лапидарной эпиграфике, так и в надписях на предметах личного благочестия. Имя святого на кресте заставляет

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Символическое поведение в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

Ил. 1. Камень с монограммой Стефана.
Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»

Ил. 2. Камень с монограммой: ПАПАФНД.
Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»

интерпретировать его скорее не как надгробный (по предположению Э. И. Соломоник), а как votivный памятник.

В фондах того же музея (инв. № 29/36504) хранится другая лапидарная монограмма на обломанной со всех сторон плите (?), найденная в насыпи херсонесского некрополя у Карантинной бухты⁶ и относящаяся скорее всего к средневизантийскому периоду (ср. форму альфы с заостренной петлей и титул; ил. 2). Данная монограмма выглядит также необычно, однако читается ясно – ПАПАФНД. И. Э. Соломоник совершенно обоснованно вычленила в ней первый элемент *παπᾶ*(ς) «поп, священник» и второй элемент, представляющий собой начало личного имени, которое она была склонна восстанавливать вероятней всего как *Φήδιμος*⁷. Следует, однако, отметить, что в византийское время, даже с учетом итацизма, засвидетельствованы только имена *Φίδωνος* (PmbZ # 6123; Умм-ар-Расас в Аравии, 785 г.?), *Φεῖδος* (SEG 28, 1357; Мапада в Палестине, VI в.) и *Φιδήλιος* (IK Smyrna 560, 562; Смирна, 534 и 541 г.). Географически в нашем случае предпочтителен последний вариант.

Но геральдические символы в узком смысле этого слова появляются в крымской эпиграфике только в поздневизантийское время, причем в самом его конце – в XV в., в горнокрымском государстве Феодоро и, видимо, обязаны своим появлением новой династии, утверждающейся здесь в это время. Эти символы всегда сочетаются с маньериризованным «палеологовским» рельефным прифтом надписей, хотя и сопровождают его только на надписях правителей: так, на надгробии частного лица (IOSPE³ V 189⁸) и даже на строительной надписи митрополита Готии (IOSPE³ V 241) они отсутствуют. Неизвестно также, были ли они на первой надписи такого типа, датированной 1403 г. и поставленной, вероятно, от лица правителя (IOSPE³ V 178).

Феодоритские надписи с геральдическими символами делятся на две группы, различающиеся как по хронологии, так и по типологии. К первой относятся две строительные надписи правителя Алексея 1425 и 1427 гг. (IOSPE³ V 179 и 180⁹; ил. 3, 4), происходящие

Ил. 3. Надпись князя Алексея. Мангуп, 1425. Бахчисарайский музей-заповедник

Ил. 4. Надпись князя Алексея. Мангуп, 1427. Бахчисарайский музей-заповедник

из Феодоро-Мангупа (или, во втором случае, возможно, из Каламиты). Обе они имеют весьма схожий облик: вытянутая по горизонтали плита покрыта пяти- или шестистрочной рельефной надписью, в которую вписаны во всю высоту плиты три заостренных снизу щита, расположенных у левого и правого края и по центру. Разница между двумя плитами незначительная: на камне 1427 г. щиты вписаны в прямоугольники, в углах

Ил. 5. Фрагмент плиты князя Алексея с Мангуна. Ок. 1425–1427. Публ. по: Малицкий Н. В. *Заметки по эпиграфике Мангуна* // ИСАИМК. 1933. Вып. 71. С. 35. Рис. 11

давно как, соответственно, герб Генуи, символ Палеологов (или Великих Комнинов) и монограмма самого феодоритского князя Алексея¹¹. Последняя размещена на центральном, самом почетном месте; смысл появления двух остальных гербов не до конца ясен: скорее всего, речь идет не о зависимости Феодоро от Генуи и Константинополя или Трапезунта в 1425–1427 гг., а о союзе с этими державами. Союз с генуэзцами был заключен после поражения Алексея в войне с ними, имевшим место незадолго до этого, в декабре 1423 г.¹² А вот двуглавый орел на плите указывает скорее не на Палеологов, а на Великих Комнинов, с которыми Алексей как раз в это время заключил двойной матримониальный союз, выдав в 1426 г. свою дочь Марию за сына трапезунтского императора Давида, а своего сына Иоанна – за его родственницу Марию Асену Палеологину¹³. В пользу такой атрибуции говорит и необычный двойной завиток на шее орла, аналог которого встречается как раз на трапезунтских монетах Алексея III и Мануила III. В монограмме Алексея, помимо букв ΑΛΕΞΙ (порядок букв: слева – справа – по центру), читается также центральная часть в виде букв «ΤΟ», чье значение неясно: это скорее не сокращение фамильного имени, а артикль τοῦ (верхняя часть лигатуры омикрон-пси-силон может совпадать с верхушкой тау)¹⁴, указывающий на принадлежность монограммы (τοῦ Ἀλεξίου).

К плитам 1425–1427 гг. примыкают еще два фрагмента плит с монограммами Алексея, незаслуженно забытые современными исследователями. Один происходит из раскопок Мангунского дворца и содержит идентичный щит с точно такой же монограммой Алексея¹⁵ (ил. 5), который здесь, однако, видимо был размещен у левого края надписи; неожиданно и появление справа от него рельефной плетенки вместо надписи.

Второй фрагмент был найден в Каламите в 1926 г. (ил. 6)¹⁶. По указанию Малицкого, найденная в кладке Каламиты турецкого времени плита с монограммой была обломана только справа, где должен был размещаться орнамент (как на вышеуказанной плите) или надпись. Действительно, Бертье-Делагард нашел в Инкермане фрагмент

которых помещены стилизованные победы или кресты в круге (над центральным щитом), а на плите 1425 г. (обломана левая половина) надпись «обтекает» щиты, так что аналогичные завитки сокращены и помещены только под крайним щитом; кроме того, у этого камня есть орнаментальное продолжение под крайним щитом, так как он был притолокой двери, очевидно, в упомянутой в надписи замковой башне. Композиции внутри всех щитов (на второй надписи левый не сохранился) совершенно идентичны на обеих плитах: в левом помещен латинский крест, в правом – коронованный двуглавый орел (отличается только форма голов и стилистика исполнения крыльев), а в центральном – маньеризованная монограмма¹⁰. Все эти изображения были отождествлены уже

Ил. 6. Фрагменты плиты князя Алексея из Каламиты. 1427–1446.

Публ. по: Малицкий Н. В. *Заметки по эпиграфике Мангуна* // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 32. Рис. 9; <http://iospe.kcl.ac.uk/5.148-ru.html>

феодоритской надписи XV в., выполненной рельефным шрифтом, в главном храме Георгиевского монастыря, куда тот был принесен «неизвестно откуда» (IOSPE³ V 148). Если это действительно два фрагмента одного камня, то плита первоначально имела высоту 40 см и толщину 16 см, и ее конструкция была сходна с плитой 1425 г. По шрифту (буквы хотя и маньеризованные, но не удлиненные) надпись стоит ближе всего к строительной надписи митрополита Дамиана из Партенита 1427 г. (IOSPE³ V 241), тогда как в феодоритских надписях 1450-х гг. формы букв уже вытягиваются по вертикали (ср. IOSPE³ V 189 и 238). С последней ее, впрочем, сближает круглый картуш монограммы (см. ниже), однако закругленный элемент в символе «ГО» имеет здесь не круглую форму, а миндалевидную, как и в остальных монограммах; то же самое касается и остальных букв и украшений в монограмме. Таким образом, инкерманская монограмма может представлять собой переходный этап между феодоритскими монограммами 1425–1427 гг. и 1459 г. и относиться, следовательно, ко второй половине правления Алексея Мангунского (между 1427 и 1446 гг.). Необычна и форма плиты с монограммой Алексея (причем именно Алексея старшего, ср. ниже) слева, но поскольку плита сохранилась фрагментарно, то мы воздержимся от каких-либо гипотез по этому поводу – отметим лишь, что предложенная нами датировка плиты исключает возможность отнесения ее к раннему периоду, когда Алексей еще был наследником престола (см. ниже).

Несколько отличную форму букв, гербов и монограмм демонстрирует плита 1459 г. из Фуны (Лучистого) со стихотворной строительной надписью, размещенная изначально на донжоне замка (IOSPE³ V 238; ил. 7, 8). Буквы здесь значительно сильнее вытянуты по вертикали; щиты круглые, вписанные в горизонтальные прямоугольники с пышными побегими. Но самое разительное отличие от плит 1425–1427 гг. заключается здесь в том, что герб Генуи, имеющий форму креста, остроумно заменен на обычный для Византии греческий крест с надписью: $\Gamma(\eta\sigma\omicron\upsilon)\zeta \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\omicron)\zeta \nu\kappa\tilde{\alpha}$.

Ил. 7. Надпись 1459 г. из Фуны. *Центральный музей Тавриды, Симферополь*

Ил. 8. Надпись 1459 г. из Фуны.
Фрагменты с монограммами.
Центральный музей Тавриды, Симферополь

Этот факт указывает, вероятней всего, на ухудшение отношений между Феодоро и Генуей (в отличие от Константинополя) после конфликтов 1430–1450-х гг.¹⁷, в том числе и после недавнего конфликта 1458 г., когда феодориты заняли генуэзские владения в Готии¹⁸. Замена генуэзского герба на символ Христа должна, очевидно, означать, что феодоритский правитель считает только Его своим сюзереном. Напротив, двуглавый орел, представляющий, скорее всего, Трапезундскую империю (см. выше), на фунской плите остался, что вполне соответствует сохранению феодоритского союза с ней, по крайней мере, еще в 1446 г.¹⁹

Монограмм на фунской плите стало три (все они размещены по центру), и форма их основы также изменилась: омикрон стал круглым и почти концентричным ободу щита. Ясно читается (с тем же порядком букв, что и выше) только правая монограмма: ΑΛΕΞΑΝΔΡ. Левая, если следовать тому же порядку чтения, содержит буквы ΑΛΕΟ, т. е. ΑΛΕΞΙΟ, причем она отличается от монограмм Алексея 1425–1427 гг., что закономерно, так как тот Алексей умер к 1446 г.²⁰, и потому эта монограмма принадлежит другому Алексею. Наконец, в центральной монограмме можно прочесть имя ΙΣΑΑΧ, т. е. Исаак.

Судя по появлению на плите трех монограмм вместо одной, после смерти Алексея около 1446 г. три его наследника управляли феодоритским государством коллективно. Впрочем, встает вопрос, какая из монограмм занимает здесь главное место и кем три этих правителя приходится друг другу. В генуэзских документах 1446–1456 гг. титул «господина Феодоро» носит всегда Олобо/Олобей²¹, который, хотя и не был старшим сыном Алексея, уже к 1436 г. стал его наследником²². В 1455 г. упоминаются враждующие с Генуей сын правителя Феодоро (т. е. Олобо) Алексей и его брат²³. Однако в 1458 г. в генуэзском документе как враги республики упомянуты уже «господин Готии и его братья», что не подходит к Олобо и его сыновьям, – следовательно, вероятней всего, между 1456 и 1458 гг. Олобо умер, и власть перешла к его сыновьям, что и отражено в трех монограммах фунской плиты. По плитам 1425–1427 гг. мы видели, что главная позиция среди символов – центральная. В таком случае главной среди трех фунских монограмм оказывается монограмма Исаака, который упоминается как αὐθεντής Феодоро и на поливном блюде с Мангупа²⁴, и генуэзцами – как «господин Готии» с 1465 г.²⁵ Тогда второе место занимает Алексей, а третье – Александр. В 1460 г. генуэзцы называют господином Готии Кейхиби (Кейхибей), а выданного им на казнь брата – Бердибеком: поскольку ни на одной феодоритской монограмме нет нехристианских имен, остается предположить, что это были нехристианские имена Исаака и Алексея, так как Александр, который, судя по его монограмме на примерно 20 (!) поливных чашах из Фуны, и был владельцем фунской крепости²⁶, дожил до 1475 г.²⁷

В этой связи особый интерес приобретают самые загадочные феодоритские монограммы – на плите из Херсона, известные только по рисунку Ф. Дюбуа де Монпере (IOSPE³ V 13; ил. 9). Форма щитов здесь необычна и имеет промежуточную форму между щитами на плитах 1425–1427 гг. (с заострением снизу) и 1459 г. (круглыми), а вот округлый элемент в лигатуре «ГО» миндалевидный, как и на ранних плитах. С другой стороны, монограмм здесь не одна, а три. Таким образом, как и инкерманская плита (см. выше), херсонская должна датироваться временем между 1427 и 1459 г., однако отсутствие имени Алексея заставляет датировать ее позже инкерманской, т. е. временем

ΒΑΛΛΟΜΕ ΥΟΥ:ΕΤΟΚΑΣΤΡΟ:ΤΙΣΧΕΡΣΟΝΙΑΣ

Ил. 9. Монограммы с феодритской надписью из Херсона. 1427 – после 1446.
 Публ. по: *Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 20*

после 1446 г. Ясно читается только левая монограмма – ΙΣΑΚ, принадлежащая, очевидно, Исааку, правителю Феодоро с 1458 г. Здесь он помещен, однако, не на центральном месте, что позволяет сузить датировку плиты до 1446–1458 гг. В эти годы старшим правителем Феодоро был Олобо/Олобей (см. выше) – следовательно, в центральном щитке должна быть помещена монограмма его христианского имени (ср. выше). Она читается как ΜΑΝ, что, скорее всего, является началом имени Мануил, популярного в среде средне- и поздневизантийской аристократии. Наконец, следуя тому же порядку чтения, в правой монограмме мы получим ΜΑΚΕΔ, что может быть только началом христианского имени Македоний (чему соответствуют и две засечки на левой части миндалевидного элемента, обозначающие «ню»). Таким образом, мы имеем здесь дело, видимо, либо еще с одним сыном Олобо, не упомянутым на фунской плите, либо, что вероятней, с наследником Исаака.

Подводя итог анализу феодритских «геральдических» плит, можно предложить следующую реконструкцию данной эпиграфической традиции. Она впервые фиксируется в 1425 г., хотя нельзя исключать и ее присутствия уже в 1403 г. На ранних плитах Алексея его монограмма единственная и занимает центральную позицию между гербом Генуи и символом Великих Комнинов, указывающими, видимо, на союзников феодритского правителя. Однако параллельно и позднее он, видимо, применял и другую схему: с одной своей монограммой слева. Его сын и наследник Олобо (1446–1458) носил, вероятно, христианское имя Мануил и поместил его монограмму между монограммами своих сыновей-соправителей, носивших христианские имена Исаак и Македоний. Наконец, этот Исаак, очевидно, вступивший на престол в 1458 г. и носивший также тюркское имя Кейхибей, сохраняет в 1459 г. ту же схему с тремя монограммами, где его собственная монограмма занимает центральную позицию, между монограммами Алексея Младшего (возможно, идентичного Бердибеку) и Александра, а герб Генуи заменен символом Христа. Наличие трех монограмм в двух поколениях правителей Феодоро должно было, вероятно, знаменовать собой согласие между соправителями, которые в реальности нередко враждовали между собой.

Ил. 10. Надпись на гербе из Инкермана. Публ. по: *Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. Табл. IV*

Впрочем, в Крыму есть еще один загадочный случай «геральдической» надписи, связанный, опять же, с генуэзским гербом. Н. Н. Мурзакевич обратил внимание на публикацию в книге генуэзского историка Дж. Одерико рисунка с двумя гербами (генуэзского и с идущим вправо львом со звездой в правой лапе): на первом гербе в четырех углах размещена греческая надпись ΤΑ ΣΙΜΑΔΙΑ ΤΙΣ ΓΕΝΟΥΒΕΖΟΥΣ ΠΑΥΣ ΤΟ ΚΑΣΤΡΟ ΙΝΚΙΡΜΑΝΣ (Τὰ σιμάδια <τοῦς> Γενουβέζους, <τὰ> ὕς τὸ κάστρο Ἰνκιρμάν[η?]; см. IOSPE³ V 13), а под гербами не до конца понятная дата ΜССССLXVV (ил. 10). Одерико предположил, что генуэзские гербы были взяты греками в качестве трофея и надписаны. Другой возможностью была бы греческая подпись к западным гербам: такие известны в поздневизантийской эпиграфике (Патры, 1426 г.²⁸; Эльбасан, 1358–1388 гг.²⁹), причем последняя с тем же словом σιμάδια. Однако поздняя турецкая форма Инкерман (вместо греческой Каламиты) заставляет предположить, что на щит кем-то была перенесена греческая подпись под рисунком («Генуэзские гербы в крепости Инкерман»). В пользу неаккуратности рисунка говорит и странная дата под ним, и необычное расположение надписи на гербе Генуи, и лев со звездой в лапе, неизвестный в генуэзской геральдике. Судя по историческому контексту, генуэзская надпись в Инкермане могла появиться только во время генуэзского захвата феодоритской Каламиты флотом Карло Ломеллино в 1434 г. – в таком случае дату под гербами надо исправлять на ΜССССXXXIV.

¹ См.: *Ousterhout R. Symbole der Macht. Mittelalterliche Heraldik zwischen Ost und West // Lateinisch-griechisch-arabische Begegnungen. Kulturelle Diversität im Mittelmeerraum des Spätmittelalters / Hrsg. von M. Mersch u.a. Berlin, 2009. S. 91–109.*

² *Kountoura-Galake E. Iconoclast Officials and the Formation of Surnames during the Reign of Constantine V // Revue des Etudes Byzantines. 2004. Vol. 62. P. 247–253.*

³ *Feind R. Byzantinische Monogramme und Eigennamen. Б. м., 2010.*

⁴ *Соломоник Э. II. Некоторые новые греческие надписи Средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 212. Рис. 3.*

⁵ Вопреки мнению Э. И. Соломоник, у буквы есть перекладина (также ломаная), так что предложенное автором как вариант чтение λ(αμπρότατος) приходится отвергнуть.

- ⁶ Отчет Императорской археологической комиссии за 1901 г. СПб., 1902. С. 48. Рис. 96 (прорисовка дана вверх ногами); *Соломоник Э. II*. Указ. соч. С. 212. Рис. 4. В настоящее время камень расколот натрое и пропал его правый нижний угол.
- ⁷ Вариант с альфой вместо дельты, рассматриваемый Соломоник, исключен, так как альфа в этой монограмме дважды изображена с петлей, а не с прямой перекладиной.
- ⁸ Здесь и далее ссылки на крымские надписи даются по нашему новому изданию, доступному по адресу: <http://iospre.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>.
- ⁹ На Мангупе была еще одна плита с тремя заостренными снизу щитами, вероятно, также времен Алексея (см.: *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 35, 36).
- ¹⁰ Историю расшифровки феодоритских монограмм см. в: *Мыц В. А.* Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 359–361. Рис. 224; *Чореф М. М.* «Lapis offensionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13. Вып. 19. С. 46–57; последний игнорирует нашу статью (*Виноградов А. Ю., Мыц В. А.* Фунская надпись 1459 г. // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 273–281) и дает порой достаточно фантастические расшифровки монограмм.
- ¹¹ *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 30–32. Вопреки Малицкому, двуглавый орел встречается на монетах Великих Комнинов уже в XIV в. (см.: *Карнов С. П.* История Трапезунтской империи. СПб., 2007. С. 158, 159).
- ¹² О ней см.: *Мыц В. А.* Указ. соч. С. 71–86.
- ¹³ См.: *Карнов С. П.* Указ. соч. С. 416.
- ¹⁴ В пользу этого говорит и отдельное изображение этого элемента с «усиками» под тау (см.: *Мыц В. А.* Указ. соч. Рис. 224. 12, 13).
- ¹⁵ *Малицкий Н. В.* Указ. соч. С. 35. Рис. 11.
- ¹⁶ Там же. С. 32. Рис. 9.
- ¹⁷ О них см.: *Мыц В. А.* Указ. соч. С. 156–216, 353–358.
- ¹⁸ Там же. С. 355.
- ¹⁹ Там же. С. 212–216.
- ²⁰ Там же. С. 212.
- ²¹ Там же. С. 212.
- ²² Там же. С. 153–177.
- ²³ Там же. С. 357, 358. Нет необходимости усложнять понятный текст генуэзского донесения и предполагать сложные генеалогические связи между Олобо и Алексеем. Наименование сына в честь деда по отцу – обычная византийская практика (см.: *Виноградов А. Ю.* Стратегия имянаречения у восточнохристианских правителей VII–XIII вв. в сравнительной перспективе (Багратиды, Комнины, Рюриковичи): an approach // Средневековая Европа: Восток и Запад / отв. ред. М. А. Бойцов. М., 2015. С. 122–172).
- ²⁴ *Мыц В. А.* Указ. соч. Рис. 224. 11.
- ²⁵ Там же. С. 402.
- ²⁶ Там же. С. 409. Примеч. 35.
- ²⁷ Там же. С. 401.
- ²⁸ *Feissel D., Philippidis-Braat A.* Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance. III. Inscriptions du Péloponnèse (à l'exception de Mistra) // Travaux et mémoires. 1985. Vol. 9. P. 347–349. N 86.
- ²⁹ CIG IV 8774.

ИСТОРИЯ НАУКИ

И. П. Медведев
(Санкт-Петербург)

«ОДИН ТОЛСТЕННЫЙ МЕШОК С ДРЕВНИМИ МЕДАЛЯМИ ИЗ ОЛЬВИИ» (еще несколько свидетельств о крымских находках)

Автору этих строк уже неоднократно приходилось писать о том, что с именем знаменитого ревнителя российских древностей русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) были связаны открытие, обретение и систематизация как крупных нумизматических коллекций, так и отдельных сенсационных нумизматических шедевров, в том числе и приобретенных во время его путешествия по «сказочным странам» (его собственное выражение!) Кавказу и Крыму, предпринятого им с целью именно «нумизматических приобретений» в июне-августе 1823 г.¹

Пользуясь случаем, я хотел бы дополнить эту картину еще несколькими, пусть даже отрывочными, сведениями о крымских древностях, встретившимися мне в процессе моей работы над неопубликованной перепиской Н. П. Румянцева (все упоминаемые здесь письма – на французском языке, цитируются в моем переводе на русский). Так, 9 ноября 1820 г. он пишет из Гомеля, где проживал в это время в своем имении, действительному члену Петербургской академии наук академику Филиппу Ивановичу Кругу большое письмо об их совместных научных планах, в котором, между прочим, упоминает о следующем: «Я видел графа Безбородко во время его проезда через Гомель². Он показал мне один толстенный мешок, набитый древними медалями, найденными в его присутствии в Ольвиополе (*il m'a montré un très gros sac, rempli de médailles anciennes, trouvées en sa présence à Olbiopol*). Он передает их на рассмотрение Кёлера³. Помимо мешка, у него еще была серебряная медаль, которая входила в коллекцию, недавно найденную на берегах Днепра, около древнего Любеча. Ему ее дали как старинную русскую монету, но мне кажется, что это куфическая монета. Постарайтесь, прошу вас, заставить посмотреть ее г-на Френа⁴, и дайте мне знать его мнение. Все монеты были найдены скрытыми в горшок и закопанными в землю (*toutes les monnaies ont été trouvées renfermées dans un pot et enfouis sous terre*)»⁵.

Ясно, что в первом случае (в случае с мешком медалей из Ольвии) имеется в виду клад, обнаруженный в селе Ильинском (бывшем Парутино, переименованном в честь хозяина, графа Ильи Андреевича Безбородко), о чем сообщает посетивший в 1820 г. Тавриду И. М. Муравьев-Апостол. По его словам, управляющий селом Ильинским (Д. Д. Юргенс), «открыв урну с медалями, поступил с нею (и спасибо ему за это) так, как Эзопов петух с жемчужиною, отправил ее к помещику своему»⁶, то есть, стало быть, графу Александру Григорьевичу Кущелеву-Безбородко. К сожалению, мне нечего сказать

о реакции академика Кёлера на находку, с которой он наверняка ознакомился, но о которой даже не вспоминает в своих дневниковых записях о путешествии в Крым в 1821 г.⁷ (как, впрочем, и академик Круг, подробно отвечая на другие затронутые в письме Румянцева вопросы, почему-то совсем не касается этой темы)⁸.

Далее – опять же из Гомеля 19 мая 1825 г. Н. П. Румянцев обращается к Ф. И. Кругу со следующей просьбой: «Будьте любезны, попросите г-на Кёлера от моего имени рассмотреть новую посылку медалей (un nouvel envoi de médailles), которую я только что получил из Крыма. Это подарок, но именно поэтому я хочу знать его цену, ибо было бы несправедливо, чтобы я получил подарок, не возместив его (sans l'acquitter)»⁹. Что за медали, рассматривал ли их Е. Е. Кёлер, – сказать опять-таки не можем, скорее это дело сотрудников Эрмитажа, в архиве которого и хранятся бумаги академика.

Любопытны также сведения о крымских нумизматических древностях, содержащиеся в адресованных Н. П. Румянцеву письмах Ф. И. Круга. Так, в письме от 15 августа 1823 г. сообщается об одной «небольшой, но гораздо более изысканной» (beaucoup plus choisie), чем коллекция Галлеры¹⁰, коллекции крымских монет, находившейся в Севастополе «во владении асессора колледжей Псомаса, который, как мне сказано, желает от нее избавиться» (en possession de l'Assesseur des Collèges Psomas qui, comme on me dit, veut s'en défaire)¹¹, а в письме от 3 сентября 1823 г. Круг уже дает более развернутые сведения об этом персонаже (имеется в виду один из двух братьев Псомасов, севастопольских нумизматов-коллекционеров, скорее всего, И. П. Псомас, «дворянин ионической республики», который в 1806 г. уже преподнес Александру I 118 древнегреческих монет, поступивших в Эрмитаж)¹². «Я осведомился у него, – пишет Круг Румянцеву, имея в виду академика Кёлера, кстати, близко знакомого с братьями Псомасами, – относительно коллекции Псомаса и о самом этом человеке. Он сказал мне, что это один из самых образованных греков в Крыму, что некогда он в течение 8 или 10 лет был профессором в гимназии Санкт-Петербурга, и что его коллекция, хотя и немногочисленная, содержит весьма замечательные экземпляры (très beaux exemplaires) монет, найденных в Севастополе – месте его резиденции. По мнению Кёлера, он был бы вполне пригоден для того, чтобы организовать (de faire faire) небольшие раскопки в окрестностях этого города для Вашего Сиятельства (однако, без упоминания Вашего имени), если, конечно, Вы выделите для этой цели 300 или 400 рублей на первый год, а затем будет видно, стоит ли результат того, чтобы продолжить это»¹³.

Не менее любопытно и другое свидетельство академика Круга о раскопках в Крыму, высказанное им, со ссылкой на беседу с Кёлером, в адресованной Румянцеву записке во время одного из знаменитых «интеллектуальных обедов» в особняке графа на Английской набережной (почти полностью оглохший граф общался со своими собеседниками с помощью записок с их стороны). Отвечая на какой-то вопрос или высказывание Румянцева, Круг пишет ему на клочке бумаги (естественно, на французском и не датируя свою записку) следующее: «Вот, монсеньер, результат беседы с Кёлером о раскопках в Крыму. Ему известно более 40 курганов. Для работы с ними нужно разрешение князя Кочубея¹⁴. По мнению Кёлера, самым подходящим человеком для раскопок является полковник Патиньёти (Patignotti), находящийся в Керчи под начальством адмирала Грейга (Greig): у него команда матросов, он честен и никогда не поступит так, как это делает Брюс, который взял себе или продал то, что нашел благодаря Вашим, монсеньер, деньгам. Но Кёлер не уверен, согласится ли Патиньёти на это. В любом случае, Кёлер готов

выступать в роли инструктора. Он считает, что около Севастополя можно найти немало замечательных вещей. Золотой обруч и статуйку, которыми Вы располагаете (*le cercle d'or et la petite statue que vous possédez*), мецье Кёлер оценивает в 6 тысяч рублей»¹⁵.

Согласитесь, весьма ценное свидетельство. И хотя об этих событиях, персонажах и даже о названных артефактах мы можем прочесть со всеми подробностями в литературе, прежде всего в капитальном труде И. В. Тункиной «Русская наука о классических древностях юга России»¹⁶, некоторые нюансы, содержащиеся в вышеприведенном отрывке, весьма любопытны. И еще одна записка Круга Румянцеву во время одного из «обедов» у последнего: «Это та самая золотая медаль, которой располагает Эрмитаж. Полагаю, что она – от болгарского царя (*je crois qu'elle est d'un roi Bulgare*). А это – медали из Византии (*du Bas-Empire*), от императора Иоанна и от императора Исаака Комнина»¹⁷. Что за монеты имеются в виду, решать не мне.

Разумеется, доскональное изучение переписки графа Н. П. Румянцева с ученым миром сообщит еще немало сведений о его крымских находках, но сейчас мне хотелось бы вновь вернуться к итогам его знаменитого «нумизматического путешествия» по Крыму в 1823 г., о котором уже говорилось в начале статьи. Дело в том, что именно в последнее время мне удалось ознакомиться с двумя письмами академика Ф. И. Круга, адресованными Румянцеву, в которых как раз и рассматриваются результаты этого путешествия. Так, в письме от 9 октября 1823 г. он сообщает Румянцеву следующее: «Кёлер умоляет меня посоветовать Вашему Сиятельству (в случае, если Вы захотите, возможно, уступить кому-нибудь медаль царя Спартака) делать это не менее, чем за 1200 рублей. Она не просто уникальна, но и бесценна как исторический памятник. Г-н Кёлер испытывает величайшее желание написать об этой монете небольшую диссертацию, где он считает возможным сказать нечто совершенно новое, и он настойчиво просит меня сделать так, чтобы Ваше Сиятельство дало на это свое согласие. За его труд Вы ничего не будете ему должны, ибо он считал бы себя более чем вознагражденным честью стать первым, кто вводит этого царя в ученый мир»¹⁸. Но еще более содержательным для подведения итогов путешествия Румянцева является письмо Круга от 15 ноября 1823 г., переводом которого я и завершу свою заметку.

«Получив недавно коллекцию и Ваше письмо, – пишет Ф. И. Круг, – я пригласил г-на Кёлера провести у меня утро, с тем чтобы вместе со мной рассмотреть состав коллекции, одну монету за другой, делая, если будет нужно, поправки в этикетках, и отметить то, что там находилось замечательного, от обычных монет. Так как число их было весьма значительным, а рассмотрение – достаточно пунктуальным, мы потратили на это весь день, в течение которого у меня была полная возможность получить осведомленность, как оказалось, именно в том, о чем я должен был знать, чтобы иметь возможность со знанием дела ответить на различные вопросы, затронутые в Вашем письме. Долгий опыт научил меня, что я должен был действовать именно таким образом и никак иначе. Так что, монсьеёр, вот он – результат: г-н Кёлер обнаружил в числе медалей шесть исключительно редких, еще неизданных, а именно – две медали императора Августа, отчеканенные в Херсоне, с разными реверсами; одна (херсонская) – с квадригой; одна – Савроматиса II с Викторией; одна – Реметалкиса; шестая – Савроматиса V с *sella curulis* (курульное кресло. – *II. M.*), и хотя она уже известна, не перестает быть просто замечательной. Помимо этого, он [Кёлер] нашел среди общего числа еще 11 достаточно редких медалей, и я доверил ему эти 17 единиц, сохранив у себя их указатель. С тех пор

он неоднократно говорил мне о необходимости осуществить гравировку, помимо медали Спартока (уникальной в своем роде), еще 11 или 12 других, на трех пластинах, и опубликовать их опись вместе с первой (т. е. медалью Спартока. – *И. М.*). Он старался доказать мне, что мир нумизматов (*le monde numismatique*) в высшей степени был бы признателен Вашему Сиятельству, если бы Вы совершили это жертвоприношение, и что даже можно было бы снять часть расходов на гравировку этих медалей, на бумагу и на печатание его записки, если будет желание продать часть экземпляров, ибо ни один знаток не сможет обойтись без этого небольшого труда, который будет содержать столько новых открытий. Я, правда, ему заметил, что хотя я и сам убедился в этом, тем не менее этого не могло произойти без моего предварительного согласования с Вашим Сиятельством. Он, должно быть, почувствовал такую необходимость, хотя и сказал, что гравировка, исполнение которой он хочет заказать лишь лучшему у нас здесь граверу, из-за этого задержится, а он горел желанием как можно быстрее ознакомить ученую публику с этими драгоценными открытиями. Наконец, мне пришлось пообещать ему взять на себя обязанности уладить это дело сразу же по получении Вашего ответа на мое первое письмо, в котором речь шла о Спартоке. Как только оно пришло, я устроил совещание (*j'ai tenu conseil*) обо всем этом с г-ном Крузенштерном, так что принятое мною следующее решение – это и его мнение.

Итак, поскольку Ваше Сиятельство одобряете первое предложение в отношении медали Спартока и Вы желали бы видеть приведенными в порядок (*rangées méthodiquement*) все Ваши медали и располагать их каталогом, для чего Вы готовы выделить от 600 до 800 рублей, я счел, что если бы Вы пожелали ассигновать 1000 рублей, мы бы смогли заказать гравировку в лучшем варианте (*du mieux*) 12 или 13 медалей на трех пластинах, с них отпечатать 200 экземпляров, а также текст диссертации, причем на прекрасной бумаге, как и полагается его небольшому труду такого рода, изящно сброшюровать его, и т. д., с тем чтобы он был достоин Вас. Вы бы сделали подарок г-ну Кёлеру в виде половины экземпляров, а он бы Вам указал человек 50 из наиболее знаменитых нумизматов Европы, которым эта диссертация могла бы быть предложена от Вашего имени. За это он [Кёлер] с величайшим удовольствием взялся бы за составление точного каталога всех греческих и римских монет, которыми Вы располагаете, но для этого было бы необходимо, чтобы Вы распорядились выдать мне также и те, что хранятся в Вашем особняке (*dans Votre hôtel*). Среди них ведь находится и бронзовая монета Левкона, которую г-н Кёлер видел среди крымских древностей, присланных Вам графом Ланжероном; и он [Кёлер] хотел бы заказать ее гравировку наряду с медалью Спартока, на которую она прольет свет (*sur laquelle elle jette de la lumière*), поскольку Ваш экземпляр гораздо более замечателен, нежели тот, которым располагает он сам. Но для этого желательно, чтобы Вы, монсеньер, отдали распоряжение, с тем чтобы мне ее выдали. Я постараюсь разузнать об этом через г-на Шёгрена, когда увижу его (у него хранится ключ от этих древностей), и если это возможно, возьму на себя смелость завладеть монетой и сам передам ее г-ну Кёлеру, но боюсь, что могу встретить на этом пути препятствия. Должен также добавить, что, по мнению Кёлера, этот каталог вряд ли сможет быть опубликован (*ce catalogue ne pourroit guères être imprimé*), ибо при том, что, как Вы видите, есть несколько весьма ценных монет в Вашей коллекции, в ней, однако, содержится столь большое количество весьма обычных или даже поддельных монет (*il s'y trouve pourtant une si grande quantité de monnoies très communes ou même fausses*), что они не заслуживают опубликования.

Вот, монсеньер, таковы дела. Но так как по справедливости Вы ничем не обязаны, не подтвердив этого прежде, то я прошу Вас лишь дать мне знать по возможности быстрее Ваше решение об этом. Если Вы одобряете это, труд может появиться в свет к марту...»¹⁹.

- ¹ См., например: *Медведев И. П.* Нумизматическое путешествие графа Н. П. Румянцева по Кавказу и Крыму (1823 г.) // Кумуляция и трансляция византийской культуры : материалы XI научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 62–65; *Он же.* К истории открытия дидрахмы Боспорского царя Спартока // *Нурерборгус* : сб. статей к 70-летию А. К. Гаврилова. СПб., 2011. С. 539–544.
- ² Речь идет, скорее всего, об известном государственном деятеле, графе Александре Григорьевиче Купшелеве-Безбородко (1800–1855), владевшем городищем древней Ольвии и именем Ильинское, унаследованным от его предка, генерал-майора графа Безбородко (1756–1815).
- ³ Об основополагающей роли академика Е. Е. Кёлера (1765–1838) в экспертизе и каталогизации постулавших из Причерноморья нумизматических коллекций см.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России XVIII – середины XIX в. СПб., 2002. С. 357 и след.
- ⁴ Академик-востоковед Христиан Данилович Френ (1782–1851) был основным советником Н. П. Румянцева по части восточных древностей, включая и нумизматические.
- ⁵ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 95.
- ⁶ *Муравьев-Апостол П. М.* Ольвия: отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, с приобщением перевода отрывка из Вористенской речи Диона Хрисостома. СПб., 1821. С. 21. Ср.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России XVIII – середины XIX в. С. 426.
- ⁷ Неопубликованный текст (в переводе с нем. И. М. Дунаевского) прислан на мой электронный адрес И. В. Тункиной, за что я приношу ей мою искреннюю благодарность.
- ⁸ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 63–63 об.
- ⁹ Там же. Оп. 2. Д. 115. Л. 215.
- ¹⁰ Речь идет об итальянском по происхождению крымском помещике и негоцианте, археологе-любителе, коллекционере Анже-ло Галлера, о котором см.: Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. В 2 т. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина; подготовка текстов: И. В. Тункина, Н. А. Сухачев; пер. с фр.: Н. А. Сухачев. СПб., 2010. Т. 1. С. 640.
- ¹¹ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 95 об.
- ¹² АГЭ. Ф. 1. Оп. I–1806. Д. 2. Л. 1. См. об этом: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России XVIII – середины XIX в. С. 504.
- ¹³ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 97.
- ¹⁴ Наверное, имеется в виду государственный канцлер, председатель Государственного совета князь В. П. Кочубей, курировавший раскопки на юге России.
- ¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 255. Карг. 8. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об.
- ¹⁶ См. например: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России XVIII – середины XIX в. С. 547 (о Н. Ю. Пантиньёти), 530 и др. (об А. С. Грейге), 25 и др. (о генерале-фельдмаршале графе Я. В. Брюсе), рис. 147 на с. 548 (снимки упомянутых артефактов).
- ¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 255. Карг. 8. Ед. хр. 19. Л. 33.
- ¹⁸ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 99 об.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 17. Д. 58 доп. Л. 19–22; черновик: ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 101–102. Как известно, предложение Кёлера и Круга было принято Румянцевым с большим удовлетворением и вскоре осуществилось. См.: *Koehler H. K. E.* Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore Cimmérien du cabinet de Mr. le chancelier de l'Empire Comte de Romanzoff. Avec un supplément, contenant la description de plusieurs médailles grecques, rares et inédites, qui se trouvent dans le même cabinet // *Serapis*. 1824. Т. 2. P. 45–70 (переиздано: *Idem.* Gesammelte Schriften. Bd. 2. Spb., 1850. S. 45–70).

И. Г. Добровольский

КУФИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ КЛАДА Ф. В. ГОРОХОВА

Предисловие

Публикуемая здесь работа И. Г. Добровольского (1930–2005) представляет собою текст одноименного доклада на научном заседании Отдела нумизматики 20 февраля 1985 г., сохранившийся в его бумагах (машинописный беловик объемом пять листов с незначительной правкой). К этому докладу прилагается «Сводный список монет клада Ф. В. Горохова» (машинописный беловик объемом шесть листов) – результат кропотливой работы А. А. Быкова и самого И. Г. Добровольского по определению *de visu* и по карандашным протиркам монет из различных партий этого клада, разошедшихся и «обращавшихся» среди советских коллекционеров 1960–1980-х гг., и критического сопоставления и перепроверки получаемых таким образом данных о типологическом составе монет комплекса.

Клад Ф. В. Горохова являлся крупнейшим из когда-либо открытых монетных кладов славянского пограничья большой Хазарии VIII–IX вв. Результаты работы И. Г. Добровольского, имеющей основополагающее значение для восстановления «Гороховского клада», позволяют в какой-то мере приглушить тяжесть утраты этого нумизматического памятника для науки и вполне обоснованно судить о его композиции по представительной выборке (около 10% от общего числа монет). Этот материал нуждается во введении в научный оборот, а сам клад Горохова – в осмыслении как один из ключевых источников для изучения монетного обращения Хазарии раннесалтовской (досаркельской) эпохи и как ближайший и важнейший аналог кладов куфических монет хазарского Крыма и Подонья.

Вяч. С. Кулешов

Летом 1960 г. Алексей Андреевич Быков, придя раздраженным в кабинет, попросил меня выйти в нашу библиотеку, где находится гражданин, который хотел бы со мной поговорить. Этим гражданином оказался артист Ленинградского театра им. А. С. Пушкина на пенсии Ф. В. Горохов. Работая на своем дачном участке, который находился на р. Псел (более точное местонахождение дачи мне неизвестно), Горохов нашел клад восточных монет, которые и принес в Эрмитаж для показа. Клад насчитывал более 2 тысяч монет и состоял из сасанидских, арабо-сасанидских и куфических монет. Предложение Горохова было следующим: если сотрудники Эрмитажа определят клад, подготовят его к изданию и он будет издан в соавторстве, где в любом случае фамилия Горохова

будет первой, то тогда он передаст клад в Эрмитаж. Не сомневаясь в отрицательной реакции Алексея Андреевича, я также отказался от столь «лестного» предложения, тем более что без активной помощи со стороны А. А. я не смог бы справиться с этой работой. Такова была моя первая и единственная встреча с Ф. В. Гороховым и первое знакомство с так называемым Гороховским кладом, как называл его А. А.

В 1961 или 1962 г. Ф. В. Горохов умер и кладом активно заинтересовались коллекционеры. Осенью 1962 г. А. А. имел встречу со многим из нас известным А. Д. Быковым, который в то время по разрешению А. А. имел возможность заниматься в нашей библиотеке. А. Д. Быков предложил полностью приобрести клад и передать его в Эрмитаж, если Отдел разрешит ему выбрать из клада образцы интересующих его монет, а также выделит из дублетного фонда для его коллекции ряд русских и западноевропейских монет. А. А. категорически отверг это предложение, после чего монеты клада появились среди коллекционеров на нумизматическом рынке. В архиве А. А. мною были обнаружены имена следующих коллекционеров, которые в большей или меньшей степени предоставляли ему информацию о монетах (сами монеты, протирки, сообщения): это проф. В. А. Чесноков, Генрих Михайлович Судник, Геннадий Березин, Куперман и военный врач Марченков. Наиболее важна была для А. А. помощь Г. М. Судника, которому А. А. давал консультации не только в Эрмитаже, но и дома. Я позволю себе процитировать относящуюся к интересующему нас вопросу запись, сделанную А. А. 26 декабря 1962 г.:

«15 декабря Г. М. Судник позвонил мне домой около 9 часов вечера, прося разрешения зайти по срочному делу. Поздно вернувшись, я в это время обедал и предложил ему прийти ко мне минут через 40. Он пришел в начале 11-го. Целью его было получить совет, какие 5 куфических дирхамов ему взять из присланных ему 24 экз. из Петрозаводска от коллекционера – военного врача Марченкова. Все 24 монеты оказались довольно плохого вида, почти на всех было стерто либо обозначение места чеканки, либо важнейшая часть года (единицы, десятки). Однако беглый взгляд позволил заключить, что это довольно ранний клад (клад I периода по Фасмеру, 800–825 гг.), или, вернее, часть клада, так как все монеты были африканского происхождения, чем объясняется отчасти их плохой вид, характерный для африканских монетных дворов плохой и примитивной техники чеканки. Отказавшись сперва от регистрации клада, помог ему выбрать 5 дирхамов, из которых было 2 битых от имени Халафа, губернатора Тудги 175 и 176 гг. х. Но утром попросил его по телефону принести монеты в Эрмитаж для определения. Работа была трудная из-за сохранности и, отрываемый многими так называемыми текущими делами, за два дня определил монеты...»

Далее А. А. пишет:

«Когда Г. Судник узнал, что Эрмитаж заинтересован в кладах и, может быть, захочет приобрести эти монеты, он благородно отказался от покупки 5 монет. По моей просьбе Г. М. Судник написал доктору Марченкову, прося сообщить, не известны ли какие-нибудь данные о находке. Через несколько дней, 24 декабря 1962 г., Судник сообщил мне по телефону, что получил ответ от Марченкова. Тот купил эти монеты для обмена на русские рубли (предмет его собирания) от проживающего в Петрозаводске

родственника артиста Ленинградского театра им. Пушкина Горохова, у которого оказались два клада – один якобы содержал аббасидские монеты, другой более ранние. Сразу все стало ясным, т. е. что эти два клада составляют один, найденный на территории дачи Горохова, который совершенно не знал восточных монет и языков, однако собирался сам издавать клад и поэтому не давал его в руки специалистов. Этот клад по тем нескольким экземплярам, которые Горохов показывал О. И. Смирновой, М. А. Добрынину (тут у А. А. опшибка: М. А. Добрынин не мог видеть этот клад, так как уже много лет к этому времени не работал в Эрмитаже. – *И. Д.*), И. Г. Добровольскому и мне, именно состоял из сасанидских, испахбадских и куфических монет. К кладу, как нам известно, „приложил руку“ А. Д. Быков и очевидно отобрал себе то, что считал лучшим. По сведению Г. М. Судника, к кладу еще относились штук 10 куфических и около 30 сасанидских или испахбадских монет. Оттиски этих монет сохранились у Судника, который приобрел из них 2 сасанидских и 5 испахбадских драхм. Остальные как будто были проданы разным лицам, оттиски же Судник обещал передать для изучения. По его сведениям, в Петрозаводске у родственников Горохова остается еще 80 дирхамов. Просил у Судника попытаться узнать, нельзя ли получить протирки для изучения».

Кроме упомянутого списка в архиве А. А. имеется ряд списков монет клада, находившихся постоянно или временно у Чеснокова, Березина и Купермана.

Прошло более 20 лет, и в 1984 г. Эрмитаж стал обладателем 10 монет «Гороховского клада». Эти монеты были приобретены у А. Д. Быкова, который из-за крайне тяжелого состояния здоровья ликвидировал свою коллекцию. Приобретенные монеты следующие:

1. Наместники Табаристана, Мухаммад, 134 г. таб. э. (о ней я буду говорить особо), г. х. (?);
- 2–7. ‘Аббасиды, ал-Махди, ал-‘Аббасийа, 163, 166 (3 экз.), 167, 168 г. х.;
8. ‘Аббасиды, ал-Махди, ал-Мухаммадийа, 162 г. х.;
9. ‘Аббасиды, ар-Рашид, Ифрикийа, 178 г. х.;
10. ‘Аббасиды, ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 189 г. х.

Имея в руках вышеупомянутые списки, составленные А. А., а также монеты, приобретенные Эрмитажем у А. Д. Быкова, я попытался составить единый список известных монет клада Горохова. Я не могу полностью гарантировать того, что некоторые монеты клада не вошли в список дважды. Это объясняется тем, что описание монет, сделанное А. А., очень краткое, без размеров и веса, а монеты в ряде случаев переходили от одного коллекционера к другому и оказывались дважды в разных списках. Примером тому может служить дирхам Харуна ар-Рашида 178 г. х., чеканенный в Ифрикии. В списке А. А. воспроизведено, хотя и достаточно неопределенного начертания, граффито, сделанное на оборотной стороне этого дирхама. Дирхам с таким же граффито, с той же датой и с тем же местом чеканки был приобретен у А. Д. Быкова. Само собой разумеется, что мною были внимательно изучены все списки, составленные А. А., и сделано все, чтобы не допустить дублирования. В результате работы мной составлен единый список монет клада, которые, если так можно выразиться, в натуре или в протирках были определены А. А. или мною.

Список состоит из 234 монет, из них 37 обломков и 2 – круглые вырезки из дирхамов. Общая характеристика монет клада следующая:

Сасаниды, Хосров II – 7 экз. (1 целая драхма, 6 обломков);

Арабо-сасаниды – 2 экз. (1 целая драхма, 1 обломок):

Умар ибн Убайдаллах, Истахр, 70 г. х.;

Зийад ибн Аби Суфйан, Дарабджирд, 30 г. х.;

Умаййады – 5 экз. (3 целых дирхама, 1 обломок, 1 круглая вырезка), чекан Сабура и Васита;

Аббасиды – 181 экз. (154 целых дирхама, 26 обломков, 1 круглая вырезка), из них:

ал-Мансур – 3 экз. (чекан ал-Басры и Мадинат ас-Салама);

ал-Махди – 83 экз. (в том числе 12 обломков;

чекан Ифрикии, Тудги, Мадинат Джаййа, ал-Аббасии и ал-Мухаммадии), среди этих монет особый интерес представляет дирхам с местом чеканки, поврежденным двойным ударом, 16[×] г. х., перечеканенный из дамасского дирхама, битого при Умаййадах;

ал-Хади – 8 экз. (чекан Ифрикии, ал-Аббасии и Мадинат ас-Салама);

ар-Рашид – 85 экз. (в том числе 14 обломков и 1 вырезка;

чекан Арминии, Ифрикии, Мадинат Балха, Мадинат Заранджа, Сиджистана, ал-Аббасии, ал-Мухаммадии, Мадинат ас-Салама, ал-Мубараки, Ма'дин Балжунайса);

ал-Амин – 2 экз. (чекан Аррана и Ма'дин Балжунайса);

Наместники Табаристана – 21 экз. (18 целых и 3 обломка):

Умар – 10 экз.,

Са'ид – 4 экз.,

Мухаммад – 1 экз.,

Хани – 1 экз.,

анонимные – 5 экз.;

Дабвайхиды – 1 экз.: Хуршид.;

Губернаторы Тудги – 11 экз.: Халаф;

Идрисиды – 6 экз.:

Идрис I – 3 экз.,

чекан Тудги;

Идрис II – 2 экз.,

чекан Тудги и Фаса;

неопределенная – 1 экз.;

Аглабиды – 3 экз.: Ибрахим I, чекан Ифрикии.

Таковы известные нам по описаниям монеты клада. Однако даже это небольшое количество монет (напомню, что клад насчитывает более 2 тыс. экз.) позволяет судить о кладе в целом. Как уже было сказано словами А. А., наличие сасанидских и табаристанских драхм, а также обилие дирхамов африканского чекана (Ифрикийя, Тудга, ал-Аббасийя и Фас) дают все основания отнести клад к I периоду по периодизации Р. Р. Фасмера, т. е. к 800–825 гг.

Из 10 экз. приобретенных Эрмитажем монет одна представляет особый интерес и, возможно, достойна специального изучения и публикации*. Это – табаристанская драхма

* Этой монете посвящена отдельная (хотя и краткая) публикация: Добровольский П. Г. Редкая полудрахма сасанидского типа в собрании Эрмитажа // Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В. Г. Луконина (21.I.1932–10.IX.1984) / науч. ред. А. Б. Никитин. СПб., 2002. С. 159–161. (Примеч. Вяч. К.).

с именем Мухаммада. Учитывая то обстоятельство, что монеты клада прошли через руки многих коллекционеров, можно считать счастливой случайностью, что обе половинки этой монеты не потерялись в «процессе обращения», а находятся в музее.

Л. с. Бюст царя в крылатой короне вправо. Слева – надпись на пахлави: «Сияние да возгорится!», справа – арабская легенда: «Мухаммад сын...», по краю монеты продолжение арабской легенды: «...амира верующих», т. е. полностью легенда гласит: «Мухаммад, сын амира верующих».

О. с. Обычный жертвенник со стражами огня. Справа на пахлави: «Гапуристан», слева дата: «134».

Если взять лицевую сторону, с учетом даты, помещенной на оборотной стороне, то имя Мухаммад из 'аббасидских халифов данного времени носил только ал-Махди, полное имя которого – Абу 'Абдаллах Мухаммад ал-Махди. Следовательно, монета датируется периодом правления отца ал-Махди – ал-Мансура, правившего с 136 по 158 г. х. (754–775). Именно в этот период Мухаммад был провозглашен наследником престола и его имя появилось на монете. Известно также, что ал-Махди, будучи наследником престола, имел непосредственное отношение к Табаристану, где чеканена наша монета. Когда восстал наместник Хорасана 'Абд ал-Джаббар ибн 'Абд ар-Рахман, Мухаммад был послан отцом своим ал-Мансуром с войсками для подавления его. Непосредственным командующим был Хузайма ибн Хазим. После пленения 'Абд ал-Джаббара Мухаммад по приказу отца совершил экспедицию против Табаристана, который он должен был подчинить. В 144 г. х. Мухаммад возвратился в Ирак.

Оборотная сторона дает нам дату «134 год». Если это табаристанская эра, то 134 г. соответствует 785 г., т. е. последнему году правления Мухаммада ал-Махди, а поэтому невозможно упоминание о нем как о сыне халифа. Табаристанские драхмы допускают в ряде случаев (а в данном случае она чеканена от имени сына халифа) датировку по хиджре. Тогда монета датируется 134 г. х. = 752/753 г., т. е. дата монеты на два года раньше вступления на престол отца Мухаммада ал-Махди, ал-Мансура. Единственным возможным предположением остается признать то, что оборотная сторона монеты чеканена старым штемпелем, относящимся ко времени правления халифа ас-Саффаха (132–136 г. х. = 750–754).

Необходимо также отметить, что написание даты на монете необычное: обычным написанием было бы *šahr-u sib-u sat* '4 и 30 и 100', на монете же мы читаем: *sat šahr sib*, т. е. '100, 4, 30', однако нарушения в правописании дат на табаристанских драхмах – явление встречающееся.

Табаристанские драхмы с именем ал-Махди как наследника престола, насколько мне известно, встречаются впервые и в доступной мне литературе не упоминаются. Мною было написано письмо Г. Зимону с просьбой сообщить, есть ли такие монеты в берлинском собрании и не встречал ли он подобные монеты в литературе. Г. Зимон согласился с моими соображениями относительно этой монеты и сообщил, что подобные монеты отсутствуют в собрании Берлина и в литературе ему никогда не встречались. Г. Зимон по собственной инициативе отослал фото эрмитажной монеты в Национальную библиотеку в Париже доктору Раулю Кюриелю, который специально занимается монетами испахбадов и наместников Табаристана. В ответе д-р Кюриель отметил большую научную ценность данной монеты, тип которой ему также не известен, и полностью согласился с атрибуцией этой пока, видимо, уникальной драхмы.

Сводный список монет клада Ф. В. Горохова (выборка)

Сасаниды

1. Хосров II, 16 г. пр., АУ, обломок
2. Хосров II, 30 г. пр., NAL, обломок
3. Хосров II, 33 г. пр. ВУŠ
4. Хосров II, 35 г. пр., МУ, обломок
5. Хосров II, год? место чеканки? обломок
6. Хосров II, год? место чеканки? обломок
7. Хосров II, год? место чеканки? обломок

**Арабские наместники Ирана
(арабо-сасанидские драхмы)**

8. Умар ибн Убайдаллах, Истахр (ST), 70 г. х., обломок
9. Зийад ибн Аби Суфйан, Дарабджирд (DA), 30 г. х., обломок

Умаййады

10. Сабур, 94 г. х., вырезка
11. Васит, 92 г. х.
12. Васит, 93 г. х.
13. Васит, 96 г. х.
14. Место чеканки? 9[×] г. х., обломок

‘Аббасиды

15. ал-Мансур, ал-Басра, 146 г. х.
16. ал-Мансур, Мадинат ас-Салам, 156 г. х.
17. ал-Мансур, место чеканки? 155 г. х.
18. ал-Махди, Ифрикийя, 166 г. х.
19. ал-Махди, Ифрикийя, 167 г. х.
20. ал-Махди, Ифрикийя, 167 г. х.
21. ал-Махди, Ифрикийя, 168 г. х.
22. ал-Махди, Тудга, 163 г. х.
23. ал-Махди, Тудга, 163 г. х.
24. ал-Махди, Тудга, 163 г. х.
25. ал-Махди, Тудга, 166 г. х.
26. ал-Махди, Тудга (?), год?
27. ал-Махди, Мадинат Джайй, 162 г. х.
28. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 159 г. х.
29. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 159 г. х.
30. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 160 г. х.
31. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 160 г. х.
32. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 160 г. х.
33. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 161 г. х.
34. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 161 г. х.
35. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 161 г. х.
36. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 16(1) г. х.
37. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 1(6)1 г. х., обломок

38. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 162 г. х.
39. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 162 г. х.
40. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 1(6)2 г. х., обломок
41. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 162 г. х.
42. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 162 г. х.
43. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 163 г. х.
44. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 163 г. х.
45. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 163 г. х.
46. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 163 г. х.
47. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 г. х.
48. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 г. х.
49. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 г. х.
50. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 г. х.
51. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 г. х., граффито
52. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 г. х.
53. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 1(6)4 г. х.
54. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 1(6)4 г. х., обломок
55. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 г. х.
56. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 164 (?) г. х.
57. ал-Махди, ал-‘Аббасийя (?), 1(6)4 г. х., обломок
58. ал-Махди, ал-‘Аббасийя (?), 164 г. х.
59. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 165 г. х.
60. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 165 г. х.
61. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 165 г. х.
62. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
63. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
64. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
65. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
66. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
67. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
68. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
69. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
70. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
71. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
72. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
73. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
74. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х.
75. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 166 г. х., обломок
76. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 1(6)6 г. х.
77. ал-Махди, ал-‘Аббасийя (?), 166 г. х.
78. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 167 (?) г. х.
79. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 168 г. х.
80. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 168 г. х.
81. ал-Махди, ал-‘Аббасийя, 168 г. х., обломок

82. ал-Махди, ал-‘Аббасийа, 169 г. х.
83. ал-Махди, ал-‘Аббасийа (?), 16(4,7,9) г. х.
84. ал-Махди, ал-‘Аббасийа, 16[×] г. х.
85. ал-Махди, ал-‘Аббасийа (?), 16[×] г. х.,
обломок
86. ал-Махди, ал-‘Аббасийа, 16[×] г. х.
87. ал-Махди, ал-‘Аббасийа, год?
88. ал-Махди, ал-‘Аббасийа (?), год?
89. ал-Махди, ал-‘Аббасийа (?), 16[×] г. х.
90. ал-Махди, ал-‘Аббасийа (?), 1(6,7)4 г. х.
91. ал-Махди, Ифрикийя или ал-‘Аббасийа,
169 (?) г. х.
92. ал-Махди, ал-‘Аббасийа (?), 16[×] г. х.
93. ал-Махди, ал-Мухаммадийа, 162 (?) г. х.
94. ал-Махди, место чеканки? 166 г. х.
95. ал-Махди, место чеканки? год?
96. ал-Махди? место чеканки? год? обломок
97. ал-Махди, место чеканки? 16[×] г. х.,
перечеканка умаййадского дирхама
Димашка
98. ал-Хади, Ифрикийя, 170 г. х., обломок
99. ал-Хади, ал-‘Аббасийа, 170 г. х.
100. ал-Хади, ал-‘Аббасийа, 170 г. х.
101. ал-Хади, ал-‘Аббасийа, 170 г. х.
102. ал-Хади, ал-‘Аббасийа, 170 г. х.
103. ал-Хади, ал-‘Аббасийа, год?
104. ал-Хади, ал-‘Аббасийа (?), год?
105. ал-Хади, Мадинат ас-Салам, 169 г. х.
106. ар-Рашид, Арминийа, 188 г. х., обломок
107. ар-Рашид, Ифрикийя, 170 г. х.
108. ар-Рашид, Ифрикийя, 171 г. х.
109. ар-Рашид, Ифрикийя, 1(7)1 г. х.
110. ар-Рашид, Ифрикийя, 172 г. х.
111. ар-Рашид, Ифрикийя, 173 г. х.
112. ар-Рашид, Ифрикийя, 173 г. х.
113. ар-Рашид, Ифрикийя, 174 г. х.
114. ар-Рашид, Ифрикийя, 174 г. х.
115. ар-Рашид, Ифрикийя, 174 г. х.
116. ар-Рашид, Ифрикийя, 174 г. х.
117. ар-Рашид, Ифрикийя (?), 17(4) г. х.
118. ар-Рашид, Ифрикийя, 175 г. х.
119. ар-Рашид, Ифрикийя, 1(7)5 г. х.
120. ар-Рашид, Ифрикийя, 1(7)5 г. х.
121. ар-Рашид, Ифрикийя, 17(5,6) г. х.
122. ар-Рашид, Ифрикийя, 176 г. х.
123. ар-Рашид, Ифрикийя, 17(5,6,7) г. х.
124. ар-Рашид, Ифрикийя (?), 17(5,6,7) г. х.
125. ар-Рашид, Ифрикийя, 177 г. х.
126. ар-Рашид, Ифрикийя, 177 г. х.
127. ар-Рашид, Ифрикийя, 178 г. х.
128. ар-Рашид, Ифрикийя, 178 г. х., граффито
129. ар-Рашид, Ифрикийя (?), 18(0,3) г. х.
130. ар-Рашид, Ифрикийя, 181 г. х.
131. ар-Рашид, Ифрикийя, 182 г. х.
132. ар-Рашид, Мадинат Балх, 188 г. х.
133. ар-Рашид, Мадинат Зарандж, 187 г. х.
134. ар-Рашид, Сиджистан, 172 г. х.
135. ар-Рашид, Сиджистан, 173 г. х.
136. ар-Рашид, Сиджистан, 174 г. х.
137. ар-Рашид, Сиджистан, 175 г. х.
138. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 170 г. х.
139. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 170 г. х.
140. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 170 г. х.
141. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 171 г. х.
142. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 171 г. х.
143. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 171 г. х.
144. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 171 г. х.
145. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 171 г. х.
146. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа (?), 171 г. х.
147. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 172 г. х.
148. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 172 г. х.
149. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 172 г. х.
150. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 173 г. х.
151. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 173 г. х.
152. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 173 г. х.
153. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 173 г. х.
154. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 173 г. х.
155. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 174 г. х.
156. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 174 г. х.
157. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 174 г. х.
158. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 176 г. х.
159. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 176 г. х.
160. ар-Рашид, ал-‘Аббасийа, 17[×] г. х.
161. ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 178 г. х.
162. ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 181 г. х.
163. ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 182 г. х.
164. ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 182 г. х.
165. ар-Рашид, ал-Мухаммадийа (?), 182 г. х.,
обломок
166. ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 189 г. х.
167. ар-Рашид, ал-Мухаммадийа, 189 г. х.
168. ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 180 г. х.
169. ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 180 г. х.
170. ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 183 г. х.
171. ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 187 г. х.
172. ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 187 г. х.
173. ар-Рашид, Мадинат ас-Салам, 192 г. х.
174. ар-Рашид, ал-Мубарака, 179 г. х., обломок

175. ар-Рашид, ал-Мубарака, 1(7)9 г. х.
 176. ар-Рашид, Ма'дин Баджунайс, 191 г. х.,
 обломок
 177. ар-Рашид, место чеканки? 170 г. х.,
 обломок
 178. ар-Рашид, место чеканки? 173 г. х.,
 обломок
 179. ар-Рашид, место чеканки? 177 г. х.
 180. ар-Рашид, место чеканки? 179 (?) г. х.
 181. ар-Рашид, место чеканки? 17[×] г. х.,
 обломок
 182. ар-Рашид, место чеканки? год? обломок
 183. Правитель? ал-Мухаммадийа, год?
 обломок
 184. Правитель? место чеканки? 16[×] г. х.,
 обломок
 185. Правитель? место чеканки? год? обломок
 186. Правитель? место чеканки? год? обломок
 187. Правитель? место чеканки? год? вырезка
 188. Правитель? место чеканки? год? обломок
 189. Правитель? место чеканки? год? обломок
 190. Правитель? место чеканки? год?
 191. ал-Амин, Арран, 196 г. х.
 192. ал-Амин, Ма'дин Баджунайс, 194 г. х.

‘Аббасидские наместники Табаристана

193. ‘Умар, Тапуристан, 121 г. п.-й. э.
 194. ‘Умар, Тапуристан, 122 г. п.-й. э.
 195. ‘Умар, Тапуристан, 123 г. п.-й. э.
 196. ‘Умар, Тапуристан, 124 г. п.-й. э.
 197. ‘Умар, Тапуристан, 124 г. п.-й. э.
 198. ‘Умар, Тапуристан, 124 г. п.-й. э., обломок
 199. ‘Умар, Тапуристан, 127 г. п.-й. э.
 200. ‘Умар, Тапуристан, 128 г. п.-й. э.
 201. ‘Умар, Тапуристан, 128 г. п.-й. э.
 202. ‘Умар, Тапуристан, 128 г. п.-й. э.
 203. Са‘ид, Тапуристан, 125 г. п.-й. э.
 204. Са‘ид, Тапуристан, 126 г. п.-й. э.
 205. Са‘ид, Тапуристан, 126 г. п.-й. э., обломок

206. Са‘ид, Тапуристан, 126 г. п.-й. э.
 207. Мухаммад, Тапуристан, 134 г. х. (?),
 в двух частях
 208. Хани, Тапуристан, 137 г. п.-й. э.
 209. Анонимная, Тапуристан, 132 г. п.-й. э.
 210. Анонимная, Тапуристан, 132 г. п.-й. э.
 211. Анонимная, Тапуристан, 136 г. п.-й. э.
 212. Правитель? Тапуристан, год? обломок
 213. Правитель? Тапуристан, год? обломок

Дабвайхиды

214. Хуршид, Тапуристан, 115 г. п.-й. э.

Губернаторы Тудги

215. Халаф, Тудга, 175 г. х.
 216. Халаф, Тудга, 175 г. х.
 217. Халаф, Тудга, 175 г. х.
 218. Халаф, Тудга, 176 г. х.
 219. Халаф, Тудга, 176 г. х.
 220. Халаф, Тудга, 176 г. х.
 221. Халаф, Тудга, 176 г. х.
 222. Халаф, Тудга, 176 г. х.
 223. Халаф, Тудга, 176 г. х.
 224. Халаф, Тудга, 176 г. х.
 225. Халаф, Тудга, 176 г. х.

Идрисиды

226. Идрис I, Тудга, 174 г. х.
 227. Идрис I, Тудга, 174 г. х.
 228. Идрис I или Идрис II, Тудга, год?
 229. Идрис II, Фас, 194 г. х.
 230. ‘Аббасиды или Идрисиды, Тудга, 1(6,7)6 г. х.
 231. ‘Аббасиды или Идрисиды, Тудга, год?
 обломок

Аглабиды

232. Ибрахим I, [Ифрикийя], 18(4,7,9) г. х.
 233. Ибрахим I, Ифрикийя (?), 190 г. х.
 234. Ибрахим I, Ифрикийя, 192 г. х.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

AMV	Acta Musei Varnaensis
ASLSP	Atti della Societa Ligure di Storia Patria
BSI	Byzantinoslavica
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CFHB	Corpus Fontium Historiae Byzantinae
DOP	Dumbarton Oaks Papers
EO	Échos d'Orient
IFEB	Institute France Etudes des Byzance
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
OCP	Orientalia Christiana Periodica
PG	Patrologiae cursus completus
REB	Revue des Études Byzantines
RN	Revue Numismatique
SBS	Studies in Byzantine Sigillography
TM	Travaux et Mémoires
АДСВ	Античная древность и Средние века
АН	Академия наук
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ЗРВИ	Зборник радова Византолошког институт
ИАК	Императорская археологическая комиссия
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИК	Известия Русского археологического института в Константинополе
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
л. с.	лицевая сторона

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НАНУ	Национальная академия наук Украины
НЗХТ	Национальный музей-заповедник «Херсонес Таврический»
НИОР РГБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НФ	Нумизматика і фалеристика
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
о. с.	оборотная сторона
ООИД	Одесское общество истории и древностей
ПВА	Повесть временных лет
ПИФК	Проблемы истории, филологии и культуры
ПС	Палестинский сборник
ПСЛР	Полное собрание русских летописей
ПФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива российской академии наук
РАИК	Русский археологический институт в Константинополе
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ТГУ	Тюменский государственный университет
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
УССР	Украинская Советская Социалистическая Республика
ХСБ	Херсонесский сборник

SUMMARIES

Sphragistics

Elena Stepanova
(*St Petersburg*)

BYZANTINE SPHRAGISTICS IN THE CRIMEA

The article is a historiographic summary of the study of Byzantine seals in the Crimea. The study of sphragistic evidence can be crucial for the understanding of the peninsula's medieval history. The information provided by the seals often fills in the existing lacunae, corrects initial theories or poses new questions, so few contemporary studies of the medieval Crimea can afford to ignore the sphragistic materials. The article analyses the seals without a definitely localised finding place but containing toponymic data in their legends that connects them to the Crimea (mostly Cherson), which are currently in different collections all over the world. Another important constituent part of the corpus of Crimean seals are the molybdobullae which do not contain any Crimean geographic names in their legends but were found there. This group includes the finds made in Cherson, Sudak, Kerch, Partenit, Mangup, etc.

Translated by Maria Artamonova

Valentina Šhandrovskaya

(*St Petersburg*)

A RARE IMAGE OF THE VIRGIN WITH SELECTED SAINTS ON SEALS IN THE HERMITAGE COLLECTION

The article analyses a rare image showing the Virgin with Selected Saints which occurs on Hermitage seals. Molybdobullae usually tend to depict the Virgin alone, but multifigured scenes are found as well. The image from the Hermitage collection portrays the Virgin with SS Nicholas, Andrew, Demetrios and Marcianos. The article discusses the seals of John Hagiophlorites (between 1166 and 1177), Theodore, metropolitan of Patras (twelfth century); Michael Kutziniadites, proedros (eleventh century); John, archbishop of Thessalonica (tenth century) and others.

Translated by Maria Artamonova

Nikolay Alekseenko
(*Sevastopol*)

REPRESENTATIVES OF THE 'ΕΠΙ ΤΩΝ ΟΙΚΙΑΚΩΝ BUREAU IN THE CHERSON ADMINISTRATION: A NEW LATE-NINTH-CENTURY SEAL OF KYROS OF CHERSON

The molybdobullae of the imperial spatharios Michael provide us with a wonderful opportunity to follow the meandering career path of a Cherson official and clarify certain details relating to the organisation of the administration in Cherson at the early stage of the Byzantine theme in Taurica.

The seals make it possible to understand that the title of kyros did not disappear when archontia of Cherson was terminated but was preserved as part of administration of strategos of Cherson until at least the last third of the ninth century. With time, Michael relinquished his position of kyros and became ‘the first one’, a proteuon of Cherson. The fact that in both cases, the seals contain the term ἐπὶ τῶν οἰκιακῶν prompts us to see our owner as a representative of the corresponding metropolitan office who managed the property of the fiscus and the imperial domain in the provinces. This, in turn, is a clear evidence of the inclusion of Taurica in the range of imperial domains.

Translated by Maria Artamonova

Viktor Chkhaidze
(*Moscow*)

BYZANTINE SEALS FROM TAMAN
(NEW FINDS)

The study considers eleven new Byzantine molybdobullae discovered in 2014–2015 in the sea under the Taman site. The seals belong to representatives of the imperial bureaucracy, Theme administration and private individuals of the ninth – eleventh centuries. Alongside Cherson and Sudak, these finds are an additional demonstration of the importance of Matarkha as a trade and military-administrative hub of the Crimean / Taman region.

Translated by Maria Artamonova

Valery Stepanenko
(*Yekaterinburg*)

THE THEME OF SUGDAIA IN THE ELEVENTH CENTURY

All that was known about the theme of Sugdaia until recently was that it existed in 1059 and was united with the theme of Cherson under command of patrikios and strategos Leo Aliates (an inscription on a cornice from Cherson). Sigillographic evidence discovered under water in the Sugdaia port has prompted certain adjustments to the existing ideas about the city’s history. Among them are seals of hitherto unknown stragetoι of Sugdaia: protospatharios and strategos Georgios Mousele, patrikios and strategos John, dated to the mid-eleventh century. This means that the theme was not eliminated in 1059 by becoming a part of the united theme of Cherson, since such cases were extraordinary events which meant simply that military functions (military commandment) of the themes were consolidated in the hands of a single commander. It is worth noting that John, strategos of Sugdaia, and Leo Aliates, stratigos of the united theme, had equal rank of patrikios. The existence of the theme in the second half of the eleventh century is also confirmed by the find made in Sugdaia of four out of seven known seals of Oleg-Michael, the ruler of Tmutarakan, figuring as the archon of Matarkha, Zichia and all Khazaria (1083–1094) and the seal of his predecessor David Igorevich who was archon of Russia and ruled Tmutarakan in 1081–1083. It tells that although the Cherson archives are rich, not a single Old Russian seal from this period, including any seals of Tmutarakan Princes, has been found in it so far. The Princes were in correspondence with the Byzantine administration of Sugdaia but not Cherson. As a result, we may assume that the theme of Sugdaia continued to exist until at least the 1090s.

Translated by Maria Artamonova

Numismatics

Vera Guruleva
(*St Petersburg*)

THE KEY PROBLEMS OF CRIMEAN NUMISMATICS IN THE BYZANTINE PERIOD

The article draws the conclusion of many years of recording of new coin finds and clarifying the attribution of those published earlier. The monitoring of monetary circulation in the Crimea has made it possible to identify key problems which ought to attract the attention over the course of further work aimed at the interpretation of the role and place of Byzantine coins and their imitations over different historical periods and in different regions of the peninsula.

Translated by Maria Artamonova

Mikhail Butyrsky, Yaroslav Studitsky
(*Moscow*)

THE CHERSON COINS UNDER JUSTIN I (THE VICTOR / VICTORIA AVGGGE TYPE):
A DIE-BASED ANALYSIS AND PICTORIAL STYLISTICS

The article states the beginning of the minting of pentanummii in Cherson during the reign of Justin I, identifies the total number of coin dies, establishes the sequence of their operation and reconstructs the chain of interrelations between the dies leading on to the reign of Justinian I. It also suggests a dating for the issue of pentanummii of Justin I and Justinian I with the legend reading on the reverse: VICTORIA AVGGGE. The stylistic analysis of the dies has made it possible to identify professional contacts between Cherson and Nicomedia in the early sixth century.

Translated by Maria Artamonova

Vera Zalesskaya
(*St Petersburg*)

A COIN-TYPE MEDALLION WITH APOTROPAION FUNCTIONS

The article focuses on a gold double-sided medallion of the coin type. On the obverse it contains an image of the head of a bearded man in profile, on the reverse, a pattern imitating the Arabic script, and the Greek letter 'delta', a letter which supposedly possessed magical functions which symbolised an indivisible obstacle, and more specifically, a door. Both sides of the medallion, as well as the cylindrical perimeter, feature four-end crosses of various configurations: straight and slanted. The comparison to variously dated Byzantine artefacts owned by both Orthodox Christians and members of other denominations of the Christian Church, serves as the foundation for the supposition that we are faced with a coin-type medallion with functions of an amulet, which may have been widespread in the eleventh – twelfth centuries among the non-Orthodox Christian communities of Asia Minor.

Translated by Maria Artamonova

Alexander Korshenko
(*Moscow*)

THE CHERSON FOLLES AND HALF FOLLES OF SERIES ONE ('M' + 'K')

Rare and unusual Byzantine folles with denomination 'M' and half folles with 'K' minted in Chersonesos under Justin II (565–578) have been investigated. Those coins differ from the traditional current imperial issues mainly by two standing figures on the obverse and additional to the denomination

mark one standing figure on the reverse. Altogether twenty-eight folles and twenty half folles were collected from museums, private collections and internet resources. Dies analysis of plaster copies and photos allowed to recognise seven obverse dies and thirteen reverse dies among folles. For each obverse from one to four reverses were determined and probably only one case (R3) of simultaneous usage of one reverse by two obverses. Less abundant half folles showed four obverse and nine reverse dies among twenty studied coins. The usage of one reverse die (R2) by two obverses has to be proved by discovering new qualitative specimens. In general, many half folles have a rather weak condition while folles look much better. Typological and metrological analysis allowed to support the dominant among investigators opinion on the primary appearance of this series among Chersonese-Byzantine folles. It could be noted between others accurate preparation of blank coins, high quality of images on obverse and reverse with a lot of details of clothing and precise legend. The coins have a large size and are rather heavy in comparison with other series of the Chersonesos issue. It is important to underline the big variety of discovered obverse and reverse dies in contrast with a low number of known specimens making up this series of extreme rarity. It was suggested, the rarity of this certain issue of Chersonesos folles with 'M' and half folles with 'K' was determined by artificial extraction of the coins from the city market probably into the favour of the last and most abundant series of this type.

Translated by Alexander Korshenko

Vyacheslav Kuleshov
(*St Petersburg*)

THE CHERSONESOS HOARD OF KUFIC DIRHAMS FOUND
IN THE EARLY 1820s

The paper deals with a hoard of Kufic dirhams from the Crimea found in the early nineteenth century. Drawing on the data from two of C. M. Fraehn's publications, the author reconstructs the list of coins. The composition of the hoard is as follows: Umayyad (two dirhams), Aghlabid (one dirham from Ifriqiya, 187 AH), Early 'Abbasid (seven dirhams), Middle 'Abbasid (nine dirhams). T. p. q. is 256 AH.

Translated by Vyacheslav Kuleshov

Tatiana Slepova
(*St Petersburg*)

THE ITALIAN WORLD OF THE NORTH BLACK SEA COAST
IN THE THIRTEENTH – FIFTEENTH CENTURIES IN THE LIGHT
OF NUMISMATIC EVIDENCE

In uncovering the numismatic aspect of the ties between Italy and the North Black Sea Coast in the thirteenth – fifteenth centuries, the author was guided by the conclusions reached by the scholar A. L. Ponomarev, namely that the evolution of medieval coinage was the consequence of the establishment of the worldwide economic system and the result of operation of public financial flows.

The study of archaeological finds of Venetian and Genoese coins and their imitations along the North Black Sea Coast and the numismatic artefacts currently held in the museums of Kiev, Odessa, Sevastopol, as well as the records made by Genoese notaries in Pera, Kaffa, Kilya and Lycostomo helps the author to trace the dynamics of evolution and trade mechanisms in this region.

Translated by Maria Artamonova

Andrey Ponomarev

(Moscow)

THE COINAGE OF GENOESE KAFFA, 1420–1475

The author was prompted to pay special attention to the Tatar-Genoese coins by the conference organised by the Hermitage in September 2011 which he was unable to attend. But because of his obligations before his colleagues from the Hermitage, work on this topic became his main occupation over the last two years. The eventual scope went far beyond the boundaries set in the undelivered conference paper, while its volume was far beyond the limits set in the conference proceedings. Accordingly, the main arguments presented here are not an introduction to this matter but effectively a summary of the research undertaken over these years and a prospectus of the monograph which is currently being finalised. The material was provided both by publications and new finds of Kaffa coins and by the vast corpus of documents, the *Massaria Caffae*, which turned out to be essential for solving the problems related to Genoese minting.

The scholars who dedicated their lives to the study of the history of the Golden Horde and the Genoese colonies, numismatists and collectors, are still relying on O.F. Retovsky's work *The Genoese Tatar Coins*. Despite the fact that it is over a hundred years old, the solid foundations of the seminal work by the Hermitage curator could not have been challenged in the past by individual corrections to coin type descriptions. However, Retovsky's compendium has one conceptual flaw. It is related to the notions current in the historiography of the time. Historians of the nineteenth – first half of the twentieth century interpreted the trade colonisation of the Levant in the thirteenth – fifteenth centuries as analogous to a modern-age colonisation: Western Europeans settling foreign lands by force, so the Genoese were treated as oppressors of the local population. Retovsky's typology became a numismatic expression of a concept that was then dominant but is now obsolete. In accordance with it, the numismatist adopted the Latin name *aspri* for the minted silver, calling the Kaffa coins 'Genoese-Tatar' rather than 'Tatar-Genoese'. By doing this, he was obliged to treat as the 'obverse' the side of the coin featuring the Genoese symbol, the 'Genoese castle' and the Latin legends. The typology based on this concept and the organisation of the catalogue based on the typology of the reverse side which was in fact the dependant side, became a hallmark for future generations and at the same time an obstacle preventing proper understanding of the Kaffa minting. In addition, it was excessively complicated because Retovsky interpreted as typological characteristics both the sigils corresponding to the commissioners of the coins, and the differences of the reverse (fleurons, stars, dots) and distribution of the legends. The numismatist interpreted intermittent combinations of the types actually used (obverse and reverse types) as separate types, which also led to the multiplication of sections in his system.

The political relations between Kaffa and the Tatar lords were based on the acknowledgement of the Khans' suzerainty by the Europeans. After each new change of power of the Horde or the Crimea, Genoa represented by the Consul of Kaffa entered into agreements with each new Khan, which were designated in Latin as *pax et pactus*. The 'peace and pact' between the Khan and the Consul were equivalent to the patents issued or confirmed by the Jochids, upon enthronement, to their own Beys or the Russian Princes. Using the terminology familiar to the historiography of Russia or the Horde, the *pax et pactus* was a *yarlyk* issued to the Genoese vassals. Having retained the various taxes, banalities and duties to himself (they were collected by the Khan's *Darughachi* and the Kaffa *Tamoqi*), the Tatar overlord yielded to the Genoese administration the right to levy trade taxes and only some industrial ones on the area forming part of the Consulate. The right to mint coins could have been specially recorded in such a *yarlyk*.

The clarification of the chronology of power in the Crimean Khanate, the nature of the Genoese-Tatar symbiosis, the volume of issued coinage and the analysis of find statistics were necessary prerequisites for reconstructing the history of Kaffa minting. This information has allowed us to construct a chronology

for the diverse coinage types which had been known for a long time. Along with die connections, this chronology reveals the logic behind typological changes and provides datings for the types of bilingual coins as precise as months. The comparison to other quantitative and metrological characteristics of the coinage makes it clear that from the beginning of minting and to the end of Genoese Kaffa, the Khanate and the Consulate had a consolidated monetary policy, and that the Western Europeans were no less successful in providing themselves and the Tatars with coinage than the House of Giray in Qırq Yer and Orda Bazar, or Davlat Berdi and Ulu Muhammed outside the Crimea.

Translated by Maria Artamonova

Heraldics

Elena Yarovaya
(*St Petersburg*)

THE HERALDRY OF THE GENOESE CRIMEA: CONCLUSIONS

The article is a slightly reworked text of the paper presented by the author at the All-Russian Academic Conference on ‘Sphragistics, Numismatics, Heraldry of the Genoese Crimea’ held in September 2011 in the State Hermitage. The paper summarised the conclusions of many years dedicated to the study of heraldic evidence from the areas in the Black Sea basin which for two centuries (fourteenth and fifteenth) were factories of the Genoese Republic. The construction and foundation blocks bearing the coats of arms of Genoese civil servants were the subject of studies by Russian and Italian medievalists. The potential for the study of this generous historical material has also been considered.

Translated by Maria Artamonova

Alexander Yurchenko
(*St Petersburg*)

THE MONGOLIAN TAMGA AND CRESCENT MOON ON KAFFA HERALDIC DEVICES

The subject of the study are the Genoese foundation and construction blocks from Kaffa decorated with coats of arms, including one featuring a Jochid tamga and crescent moon. This device has been the subject of a debate which has lasted for over a hundred and fifty years. The article demonstrates that the emblem of the Golden Horde (the tamga with a crescent moon) on the Kaffa construction blocks was made by the Genoese, who adopted the image of the tamga from Jochid coins and the crescent moon from the paiza of the Khans and placed them on the heraldic device. In the political mythology of the Mongol Empire, the crescent moon symbolised the shining charisma of Genghis Khan. The crescent moon was a symbol of Khan power so it was depicted on the palaces, paizas and banners of the Khans. The tamga was a property mark, which ruled out a combination of a tamga and a crescent moon. The Khans had no coats of arms. In this case, the device with a tamga and a crescent moon should be considered as an imaginary coat of arms of Uzbek Khan. At least, this is how it is designated in the fourteenth-century Spanish geographical treatise which contains images of devices from all kingdoms and dominions of the world. ‘Uzbek’s coat of arms’ was created in the Crimea within a contact zone with a purpose of symbolically representing the figure of Uzbek Khan who approved the signing of the Genoese-Mongol treaty of 1313–1316. Without a doubt, it is a unique medieval artefact which demonstrates how imaginary heraldic devices could be designed and received.

Translated by Maria Artamonova

Victor Myts
(*St Petersburg*)

THE DOUBLE-HEADED EAGLE IN THE FIFTEENTH-CENTURY 'HERALDRY'
OF THE PRINCES OF THEODORO

Artefacts from the Crimean Gothia (mostly represented by whole or fragmented construction inscriptions and a baptismal font), where the Principality of Theodoro existed for a relatively short time in the fifteenth century (1411–1475), make it possible to suggest that the emblems shaped like crowned double-headed eagles did not in fact reflect the relation to Late Byzantine aristocratic houses (the Palaeologoi, the Grand Komnenoi and the Kantakouzenoi) but the affinity of the ruling Prince ('the Authentēs') with the Orthodox Brotherhood of the Holy Sepulchre. This is indicated by the fact that owner monograms with the names of the Authentēs (Alexios I, Alexios III, Isaac, Manuel and Alexander) are based on the monogram 'ΤΦ' (*Taphos*).

Two inscriptions dating back to Alexios I, ruler of Theodoro (1425 and 1427), indicate that by using the *Taphos* monogram and the double-headed eagle emblem, he positioned himself as a champion of Orthodox Christianity. It looks likely that Alexios I was able to obtain a bull confirming his membership of the Brotherhood of the Holy Sepulchre from Patriarchs Theophilos II (1424) or Theophanes I (1424–1425) of Jerusalem.

These radical changes in the status of Alexios I (the Elder), ruler of Theodoro, manifest themselves in the first quarter of the fifteenth century in his construction campaign in which he was assisted by Damian, the Metropolitan of Gothia: 1) they rebuilt the Great Basilica in the capital of the Principality; 2) in October 1425, Alexios had a new palace erected next to the Basilica; 3) two years later (in 1427), Alexei completed the construction of a votive octagonal church in the city's citadel dedicated to the SS Constantine and Helena, Equal-to-the-Apostles; 4) on 10 September 1427, Damian, the Metropolitan of the City of Theodoro and the entire Gothia, rebuilt the church of the Holy Apostles Peter and Paul in Partenit, which housed an arcosolium and a shrine with the relics of St John of Gothia.

The existing data indicate that the introduction of double-headed eagles in Byzantium dates back to the early period of the independent reign of Emperor Andronikos II Palaiologos (1282–1328) and can be narrowed down to 1285–1301. However, there are no known sources which would directly point out that Andronikos II was the initiator of the secular Orthodox Brotherhood of the Holy Sepulchre. It is not clear which reasons prompted him (or an Orthodox hierarchs of Jerusalem and Constantinople) to do this.

When Andronikos II came to power, his ecclesiastical policies underwent some substantial transformations: 1) by 1285, he managed to put an end to the Union of Lyon which Michael VIII Palaeologos had accepted in 1274; 2) by 1301, an agreement was signed with the Sultan of Egypt which established a patronage of the Emperor of Byzantium over the Orthodox sacred sites of Palestine, primarily over the Church of the Holy Sepulchre (this state of affairs continued until 1453); 3) in 1313, Andronikos renounced the possessory title to the monasteries of Mount Athos, which were transferred under the jurisdiction of the Patriarchy of Constantinople.

All of these events were underscored by the urge to sacralise imperial power, which was also reflected in the introduction of the practice of the anointing ritual in the thirteenth century. Thus, the Emperor became a *Basileus* or priest. Now it was he who handed the pastoral staff to the Patriarch of Constantinople, and on the eve of the Palm Sunday, the Basileus imitated the entrance of Jesus Christ to Jerusalem by participating in a ceremonial procession.

Once it had come into use during the reign of Andronikos II, the emblem of the double-headed eagle became widespread in the fourteenth century in other Orthodox satellite states of Byzantium: Serbia, Bulgaria, the Despotate of Dobruja, the Empire of Trebizond. In the fifteenth century, crowned double-headed eagles could be seen in Montenegro, the Principality of Moldavia, Theodoro and North-Eastern

Russia. This phenomenon indicates that representatives of the political élité of Orthodox states were becoming involved in the cause of providing all kinds of help to the Christian sacred sites in the Holy Land, and first and foremost, to the preservation of the Holy Sepulchre.

Translated by Maria Artamonova

Andrey Vinogradov
(Moscow)

THE 'HERALDIC' INSCRIPTIONS FROM THE BYZANTINE CRIMEA

The article focuses on the 'heraldic' emblems in Byzantine inscriptions from the Crimea. The first part looks at Early and Middle Byzantine monograms. The main part of the study is dedicated to the analysis of various aspects of Theodorite emblems: the coats of arms of Genoa and Trebizond, monograms of the Princes of Theodoro and other symbols.

Translated by Maria Artamonova

History of the Discipline

Igor Medvedev
(St Petersburg)

'ONE THICK SACK WITH ANCIENT MEDALS FROM OLBIA' (SOME MORE EVIDENCE OF CRIMEAN FINDS)

The article studies unique information on Crimean numismatic antiquities mentioned in the correspondence between Count Nikolay Rumyantsev and the academic world. This concerns both major numismatic collections and individual sensational artefacts and the circumstances of their discovery, acquisition, expert analysis and cataloguing. Special attention is paid to the outcome of Rumyantsev's famous 'numismatic trip' around the Crimea in 1823.

Translated by Maria Artamonova

Igor Dobrovolsky
(St Petersburg)

KUFIC COINS FROM THE GOROKHOV HOARD

The study by Igor Dobrovolsky (1930–2005) published here is in fact a paper of the same name presented at the academic session of the Numismatics Department on 20 February 1985, which has been preserved in his archive. Enclosed in the paper is the 'Consolidated list of coins from F.B. Gorokhov's hoard', the outcome of painstaking work on coin attribution by Aleksey Bykov and Igor Dobrovolsky himself.

The Gorokhov Hoard was the largest of coin hoards ever discovered along the Slavic border of the 'Greater Khazaria' of the eighth – ninth centuries. The results of Igor Dobrovolsky's work are of considerable importance for reconstructing the composition of the Gorokhov Hoard, which has been dispersed to many owners. This material ought to be introduced into academic circulation, and the Gorokhov Hoard itself needs to be interpreted as one of the key sources for the study of the monetary circulation in Khazaria during the Early Saltov (pre-Sarkel) period and as the nearest and most important analogue of Kufic coins from the Khazar Crimea.

Translated by Maria Artamonova

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Гурулева, Е. А. Яровая</i> Введение	5
---	---

Сфрагистика

<i>Е. В. Степанова</i> Византийская сфрагистика в Крыму	9
<u><i>В. С. Шандровская</i></u> Редкая композиция «Богоматерь и избранные святые» на печатях эрмитажной коллекции	21
<i>Н. А. Алексеенко</i> Представители бюро ἐπι τῶν οἰκιστικῶν в херсонской администрации: новая печать кира Херсона конца IX в.	29
<i>В. Н. Чхаидзе</i> Византийские печати из Тамани (новые находки).	46
<i>В. П. Степаненко</i> Фема Сугдея в XI в.	56

Нумизматика

<i>В. В. Гурулева</i> Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи	61
<i>М. Н. Бутырский, Я. В. Студитский</i> Монеты Херсона при Юстине I (тип «VICTOR / VICTORIA AVGGGE»): поштемпельный анализ и изобразительная стилистика	83
<i>В. Н. Залеская</i> Медальон монетного типа с функциями апотропейона	94
<i>А. Н. Кошечко</i> Фоллисы и полуфоллисы Херсонеса первой серии («М» + «К»)	99
<i>Вяч. С. Кулешов</i> Херсонесский клад куфических дирхамов начала 1820-х гг.	113
<i>Т. П. Слепова</i> Итальянский мир Северного Причерноморья в XIII–XV вв. в свете нумизматических памятников	117
<u><i>А. А. Пономарев</i></u> Монета генуэзской Каффы, 1420–1475	123

Геральдика

<i>Е. А. Яровая</i> «Геральдика генуэзского Крыма»: подводня итоги	135
---	-----

CONTENTS

<i>Vera Guruleva, Elena Yarovaya</i>	
Introduction	5

Sphragistics

<i>Elena Stepanova</i>	
Byzantine Sphragistics in the Crimea	9
<i>Valentina Shandrovskaya</i>	
A Rare Image of the Virgin with Selected Saints on Seals in the Hermitage Collection	21
<i>Nikolay Alekseenko</i>	
Representatives of the ἐπι των οικιακων Bureau in the Cherson Administration: A New Late-Ninth-Century Seal of Kyros of Cherson	29
<i>Viktor Chkhaidze</i>	
Byzantine Seals from Taman (New Finds)	46
<i>Valery Stepanenko</i>	
The Theme of Sugdaia in the Eleventh Century	56

Numismatics

<i>Vera Guruleva</i>	
The Key Problems of Crimean Numismatics in the Byzantine Period	61
<i>Mikhail Butyrsky, Yaroslav Studitsky</i>	
The Cherson Coins under Justin I (the VICTOR / VICTORIA AVGGGE Type): A Die-Based Analysis and Pictorial Stylistics	83
<i>Vera Zalesskaya</i>	
A Coin-Type Medallion with Apotropaion Functions	94
<i>Alexander Korshenko</i>	
The Cherson Folles and Half folles of Series One ('M' + 'K')	99
<i>Vyacheslav Kuleshov</i>	
The Chersonesos Hoard of Kufic Dirhams Found in the Early 1820s	113
<i>Tatiana Slepova</i>	
The Italian World of the North Black Sea Coast in the Thirteenth – Fifteenth Centuries in the Light of Numismatic Evidence	117
<i>Andrey Ponomarev</i>	
The Coinage of Genoese Kaffa, 1420–1475	123

Heraldics

<i>Elena Yarovaya</i>	
The Heraldry of the Genoese Crimea: Conclusions	135

<i>А. Г. Юрченко</i>	
Монгольская тамга и полумесяц на геральдических щитах Каффы	139
<i>В. А. Мыц</i>	
Двуглавый орел в «геральдике» князей Феодоро XV в.	162
<i>А. Ю. Виноградов</i>	
«Геральдические» надписи византийского Крыма	223

История науки

<i>И. П. Медведев</i>	
«Один толстенный мешок с древними медалями из Ольвии» (еще несколько свидетельств о крымских находках)	233
<i>И. Г. Добровольский</i>	
Куфические монеты клада Ф. В. Горохова	238
Принятые сокращения	246
Summaries	248

<i>Alexander Yurchenko</i>	
The Mongolian Tamga and Crescent Moon on Kaffa Heraldic Devices	139
<i>Victor Myts</i>	
The Double-Headed Eagle in the Fifteenth-Century ‘Heraldry’ of the Princes of Theodoro	162
<i>Andrey Vinogradov</i>	
The ‘Heraldic’ Inscriptions from the Byzantine Crimea	223

History of the Discipline

<i>Igor Medvedev</i>	
‘One Thick Sack with Ancient Medals from Olbia’ (Some More Evidence of Crimean Finds)	233
<i>Igor Dobrovolsky</i>	
Kufic Coins from the Gorokhov Hoard	238
Abbreviations	246
Summaries	248

Научное издание
Труды Государственного Эрмитажа
XCIV

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ОТДЕЛА НУМИЗМАТИКИ

По материалам конференции
«Сфрагистика, нумизматика, геральдика
средневекового Крыма»

Редактор *В. Ю. Щербина*

Перевод на английский язык: *М. А. Артамонова и авторы*

Редактор английского текста *Ю. Р. Редькина*

Корректор *А. Н. Образцова*

Обработка иллюстраций: *И. В. Бондарь, В. В. Демяшев*

Компьютерная верстка: *Н. К. Соколова*

Подписано в печать 19.03.2018. Формат 60 × 84¹/₈.

Усл. печ. л. 30,23. Тираж 500 экз. Заказ 14

Издательство Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34

Отпечатано в типографии Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34